

МИЭТ

НАЦИОНАЛЬНЫЙ
ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ

Экономические и социально-гуманитарные исследования *Научный журнал*

Свидетельство о регистрации
средства массовой информации:
ПИ № ФС77-69191 от 24 марта 2017 г.
Распространяется по подписке
Подписной индекс
в ООО Агентство «Книга-Сервис»:
80114

№ 4(44)

Октябрь — декабрь 2024 г.

ISSN 2409-1073

Издается с июня 2014 г. Выходит 4 раза в год

Включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.

Включен в Российский индекс научного цитирования.

MIET

NATIONAL RESEARCH
UNIVERSITY OF ELECTRONIC
TECHNOLOGY

Economic and Social Research *Scientific Journal*

Certificate of the journal registration
PI No. FS77-69191 was issued on 24 March 2017
The journal is distributed by subscription
Subscription index of LLC Agency "Book-Service":
80114

No. 4(44)

2024 October — December

ISSN 2409-1073

Published since 2014. Quarterly (4 issues per year)

ESGI journal is included into the List of periodicals recommended for publishing doctoral research results by the Higher Attestation Commission.

ESGI journal is included in Russian Science Citation Index.

© «Экономические и социально-гуманитарные исследования», 2024
© МИЭТ, 2024

© "Economic and Social Research", 2024
© MIET, 2024

Главный редактор
Растимешина Т. В., доктор политических наук, доцент

Редакционный совет

Председатель редсовета

Анискин Ю. П., доктор экономических наук,
профессор, профессор НИУ МИЭТ

Сопредседатель редсовета

Чумаков А. Н., доктор философских наук, профессор,
ведущий научный сотрудник ИФ РАН

Агапов В. С., д. психол. н., проф., РосНОУ

Андрюченко Е. В., д. филос. н., проф., СПбГУП

Бертош Е. В., к. э. н., доц., зав. кафедрой, БНТУ
(Республика Беларусь)

Бондарева Я. В., д. филос. н., проф., ГУП

Гагарин А. В., д. пед. н., проф., РАНХиГС

Гладков И. С., д. э. н., проф., гл. науч. сотр., ИДВ РАН

Данильченко А. В., д. э. н., проф., декан, БНТУ
(Республика Беларусь)

Зазыкин В. Г., д. психол. н., проф., ст. науч. сотр.,
ПИ РАО

Захлебный А. Н., д. пед. н., проф., академик РАО,
Ин-т стратегии развития образования РАО

Инфанте Д., Dr. Sci. (Polit. Econ.), проф.,
Университет Калабрии (Италия)

Князев В. Н., д. филос. н., проф., МПГУ

Лаце Н., Dr. Sci. (Econ.), проф.,
Рижский университет (Латвия)

Лобастов Г. В., д. филос. н., проф.,
РФО «Диалектика и культура»

Михалкин Н. В., д. филос. н., проф., зав. кафедрой,
МГППУ

Моисеева Н. К., д. э. н., проф., проф.-конс., НИУ МИЭТ

Мрочко Л. В., д. филос. н., проф., МосГУ

Пирогов А. И., д. филос. н., проф., НИУ МИЭТ

Пылаева Т., Dr. Sci. (Econ.), проф., Евроакадемия
(Эстония)

Смирнова Ж. Вяч., PhD (Econ.), доц.,
Университет Калабрии (Италия)

Редакционная коллегия

Заместитель главного редактора

Пирогов А. И., доктор философских наук, профессор,
профессор НИУ МИЭТ

Алексеев С. В., д. пед. н., проф., СПб АППО

Алексеева И. Ю., д. филос. н., проф., вед. науч. сотр.,
ИФ РАН

Гуськова Н. Д., д. э. н., проф., МГУ им. Н. П. Огарева

Даниелян Н. В., д. филос. н., доц., проф., НИУ МИЭТ

Евдокимова М. Г., д. пед. н., доц.,
директор Ин-та ЛПО, НИУ МИЭТ

Еленева Ю. Я., д. э. н., проф., зав. кафедрой,
МГТУ «СТАНКИН»

Емец В. С., д. полит. н., проф., РЭУ им. Г. В. Плеханова

Иванова Г. П., д. пед. н., проф., ГУП

Ильин В. В., д. филос. н., проф.,

КФ МГТУ им. Н. Э. Баумана

Кальней В. А., д. пед. н., проф., РМАТ

Лукичева Л. И., д. э. н., проф., НИУ МИЭТ

Мамедов Н. М., д. филос. н., проф., РАНХиГС

Мушта А. А., к. филос. н., доц., вед. спец., Акад. управ-
ления при Президенте РБ (Республика Беларусь)

Панов А. И., д. полит. н., проф., ГУП

Прокофьев А. А., д. пед. н., к. ф.-м. н., доц.,
зав. кафедрой, НИУ МИЭТ

Родин В. Ф., д. пед. н., проф., Моск. ун-т МВД РФ
им. В. Я. Кикотя

Салимова Т. А., д. э. н., проф.,
декан, МГУ им. Н. П. Огарева

Смирнова Ж. Вен., к. пед. н., доц., зам. зав. кафедрой,
НГПУ им. Козьмы Прутков

Степанов С. А., д. пед. н., проф., проф., МНЭПУ

Стуканова С. С., д. э. н., доц., НИУ МИЭТ

Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) 24 мая 2017 года.

Учредитель и издатель: федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Национальный исследовательский университет «Московский институт электронной техники» (НИУ МИЭТ), 124498, Москва, Зеленоград, пл. Шокина, д. 1.

Заведующий редакцией — **А. И. Пирогов**

Научный редактор — **Т. В. Растимешина**

Выпускающий редактор — **Ю. В. Лункина**

Компьютерная верстка — **С. О. Брылев**

Ведущий редактор — **Т. В. Растимешина**

Редакторы — **Е. В. Малинкина, А. В. Лобанова**

Дизайнер обложки — **С. Ю. Рыжков**

Адрес редакции: 124498, Москва, Зеленоград, пл. Шокина, д. 1, МИЭТ.

Тел.: 8-499-729-76-02

E-mail: esgi.miet@yandex.ru **Сайт:** <http://esgi-miet.ru>

Подписано в печать 20.12.2024. Формат бумаги 60×84 1/8. Цифровая печать.

Объем 25,11 усл. печ. л., 15,25 уч.-изд. л. Заказ № 24.

Отпечатано в типографии ИПК МИЭТ: 124498, Москва, Зеленоград, пл. Шокина, д. 1, МИЭТ.

Editor-in-Chief
Rastimeshina T. V., *Dr. Sci. (Polit.), Assoc. Prof.*

Editorial Board

Chairman

Aniskin Yu. P., *Dr. Sci. (Econ.), Prof., MIET*

Vice Chairperson

Chumakov A. N., *Dr. Sci. (Philos.), Prof., Acad. of REA,
Lead. Res., Institute of Philosophy of RAS*

Agapov V. S., *Dr. Sci. (Psy.), Prof., Russian New University*

Andriyenko E. V., *Dr. Sci. (Philos.), Prof., SPBUHSS*

Bertosh E. V., *Cand. Sci. (Econ.), Assoc. Prof., BNTU
(Republic of Belarus)*

Bondareva Ya. V., *Dr. Sci. (Philos.), Prof., SUE*

Gagarin A. V., *Dr. Sci. (Ped.), Prof., RANEPa*

Gladkov I. S., *Dr. Sci. (Econ.), Prof.,
Institute of Far Eastern Studies of RAS*

Danilchenko A. V., *Dr. Sci. (Econ.), Prof., BNTU
(Republic of Belarus)*

Zazykin V. G., *Dr. Sci. (Psy.), Prof.,
Senior Fellow, PI RAE*

Zakhlebny A. N., *Dr. Sci. (Ped.), Prof., Acad. of RAE,
Institute of Education Development Strategy of RAE*

Infante D., *Dr. Sci. (Polit. Econ.), Prof.,
University of Calabria (Italy)*

Knyazev V. N., *Dr. Sci. (Philos.), Prof., MGPU*

Lace N., *Dr. Sci. (Econ.), Prof., Riga Technical University
(Latvia)*

Lobastov G. V., *Dr. Sci. (Philos.), Prof., Rus. Philos.
Soc. "Dialectics and Culture"*

Mikhalkin N. V., *Dr. Sci. (Philos.), Prof., MSPPU*

Moiseeva N. K., *Dr. Sci. (Econ.), Prof., Visit. Prof., MIET*

Mrochko L. V., *Dr. Sci. (Philos.), Prof., MosUH*

Pirogov A. I., *Dr. Sci. (Philos.), Prof., MIET*

Põlajeva T., *Dr. Sci. (Econ.), Prof., Euroacademy
(Estonia)*

Smirnova J. V., *PhD (Econ.), Prof., University of Calabria
(Italy)*

Publishing Board

Deputy Editor-in-Chief

Pirogov A. I., *Dr. Sci. (Philos.), Prof., MIET*

Alekseev S. V., *Dr. Sci. (Ped.), Prof., SPb APPO*

Alekseeva I. Yu., *Dr. Sci. (Philos.), Prof.,
Institute of Philosophy of RAS*

Guskova N. D., *Dr. Sci. (Econ.), Prof.,
Ogarev Mordovia State University*

Danielyan N. V., *Dr. Sci. (Philos.), Assoc. Prof., MIET*

Evdokimova M. G., *Dr. Sci. (Ped.), Assoc. Prof., Director
of Institute of Linguistic and Pedagogical Education,
MIET*

Eleneva J. Ya., *Dr. Sci. (Econ.), Prof., STANKIN*

Emets V. S., *Dr. Sci. (Polit.), Prof., PRUE*

Ivanova G. P., *Dr. Sci. (Ped.), Prof., SUE*

Ilyin V. V., *Dr. Sci. (Philos.), Prof.,
Kaluga Branch of BMSTU*

Kalney V. A., *Dr. Sci. (Ped.), Prof., RIAT*

Lukicheva L. I., *Dr. Sci. (Econ.), Prof., MIET*

Mamedov N. M., *Dr. Sci. (Philos.), Prof., RANEPa*

Mushta A. A., *Cand. Sci. (Philos.), Assoc. Prof.,
Lead. Analyst, APA RB (Republic of Belarus)*

Panov A. I., *Dr. Sci. (Polit.), Prof., SUE*

Prokofyev A. A., *Dr. Sci. (Ped.), Cand. Sci. (Phys.-Math.),
Assoc. Prof., MIET*

Rodin V. F., *Dr. Sci. (Ped.), Prof., Kikot Moscow University
of the Ministry of the Interior of Russia*

Salimova T. A., *Dr. Sci. (Econ.), Prof.,
Ogarev Mordovia State University*

Smirnova Zh. V., *Cand. Sci. (Ped.), Assoc. Prof.,
Minin University*

Stepanov S. A., *Dr. Sci. (Ped.), Prof., IIUEPS/MNEPU*

Stukanova S. S., *Dr. Sci. (Econ.), Assoc. Prof., MIET*

ESGI is a peer-reviewed scholarly journal registered by the Federal Agency on Press and Mass Communications of the Russian Federation on March 24, 2017.

Founder and publisher: National Research University of Electronic Technology (MIET), 124498, Moscow, Zelenograd, Shokin square, Bld. 1.

Managing editor — **A. I. Pirogov**

Science editor — **T. V. Rastimeshina**

Executive editor — **Yu. V. Lunkina**

Digital page makeup — **S. O. Brylev**

Senior editor — **T. V. Rastimeshina**

Editors — **E. V. Malinkina, A. V. Lobanova**

Cover designer — **S. Yu. Ryzhkov**

Address: Russia, 124498, Moscow, Zelenograd, Shokin square, Bld. 1, MIET.

Tel.: +7-499-729-76-02

E-mail: esgi.miet@yandex.ru **Web:** <http://esgi-miet.ru>

Signed to print 20.12.2024. Sheet size 60×84 1/8. Digital printing.

Conventional printed sheets: 25.11. Published sheets: 15.25. Order No. 24.

Printed at MIET printing workshop: 124498, Moscow, Zelenograd, Shokin square, Bld. 1, MIET.

СОДЕРЖАНИЕ

Экономика инновационного развития: теория и практика

<i>Большаков С. Н., Большакова Ю. М.</i> О направлениях экономической интеграции стран Евразийского экономического союза (ЕАЭС)	6
<i>Бударов А. Ю.</i> Управление самоорганизацией интегрированных бизнес-структур	19
<i>Квашнева А. Е.</i> Управление знаниями: теория, методология, технология и оценка корпоративных практик	28
<i>Нечаев А. В.</i> Современные транспортные коридоры России: проблемы и перспективы развития	39
<i>Полухина С. А., Свириденков К. А.</i> Новации законодательства в бухгалтерском учете нематериальных активов	49
<i>Седова О. В.</i> Управление рисками высокотехнологичного проекта	55
<i>Тихомирова И. И., Андреева А. А.</i> Трансформация моделей управления потребительским поведением в условиях цифровой экономики	62
<i>У Хуэйсинь, Чжоу Тун.</i> Теоретические и практические этические основы социализма в контексте углубления реформ	72

Философия: мир в человеке и человек в мире

<i>Драгун Е. В.</i> Модель гибридной личности «человек-машина»: наделенный душой механизм в философии Рене Декарта	86
<i>Лебедев В. Ю., Удалова Л. В.</i> Кризис современности как причина суицида	97
<i>Листратенко Н. В.</i> Проблема субъектности в работах Э. В. Ильенкова	109
<i>Морозов М. Ю.</i> Прощание с Загорским экспериментом	117
<i>Наумов А. В.</i> Искусственный интеллект и проблемы этики	133
<i>Плужникова Н. Н.</i> Инженерное, социальное и антропологическое измерения техники: тринитарное единство	142
<i>Равочкин Н. Н.</i> Трансформация инструментария этики в эпоху цифровизации: философский анализ (часть 2)	146
<i>Растимешина Т. В., Лункина Ю. В.</i> Необъяснимое и непознанное в зеркале общественного сознания: к дискуссии о качестве советского образования. Часть 2. Советский «коллективизм» как путь к социальной атомизации	158
<i>Чибисов О. Н.</i> Проблема сильного искусственного интеллекта в философии Э. В. Ильенкова	167

Педагогическая система координат: образование, воспитание, развитие человека

<i>Байдикова Н. Л., Давиденко Е. С., Бирюков М. С., Николаев В. С., Широков С. С.</i> Лингводидактические функции учителя иностранного языка, использующего инструменты на базе искусственного интеллекта	176
<i>Костенко С. В., Мыскин С. В.</i> Проблемы применения и методы мнемотехники в обучении иностранному языку	186
<i>Попова Е. А., Малинка А. Н., Черных И. И.</i> Духовные основы профессиональной деятельности педагога высшей школы	194

Информация

Памятные и знаменательные даты	204
Книжные новинки	205
Указатель содержания журнала «Экономические и социально-гуманитарные исследования» за 2024 г.	207
К сведению авторов	215

CONTENTS

Economics of Innovation-Driven Growth: Theory and Practice

<i>Bolshakov S. N., Bolshakova Yu. M.</i> On the directions of economic integration of the Eurasian Economic Union (EAEU) countries	6
<i>Budarov A. Yu.</i> Self-organization management of integrated business structures	19
<i>Kvashneva A. E.</i> Knowledge management: Theory, methodology, technology and assessment of corporate practices	28
<i>Nechaev A. V.</i> Modern transport corridors of Russia: Problems and prospects of development	39
<i>Polukhina S. A., Sviridenkov K. A.</i> Legislative innovations in accounting of intangible assets	49
<i>Sedova O. V.</i> High-tech project risk management	55
<i>Tikhomirova I. I., Andreeva A. A.</i> Transformation of consumer behavior management models in the digital economy	62
<i>Wu Huixin, Zhou Tong.</i> Theoretical and practical ethical foundations of socialism in the context of deepening reforms	72

Philosophy: Universe in Human and Human in Universe

<i>Dragun E. V.</i> Hybrid model of the “man-machine”: A soul-endowed mechanism in the philosophy of René Descartes	86
<i>Lebedev V. Yu., Udalova L. V.</i> Crisis of modern life as a cause of suicide	97
<i>Listratenko N. V.</i> The problem of agency in the works of Evald Ilyenkov	109
<i>Morozov M. Yu.</i> Farewell to the Zagorsk experiment	117
<i>Naumov A. V.</i> Artificial intelligence and ethical issues	133
<i>Pluzhnikova N. N.</i> Engineering, social and anthropological dimensions of technology: Trinitarian unity	142
<i>Ravochkin N. N.</i> Transformation of ethical instruments in the digitalization age: Philosophical analysis (part 2)	146
<i>Rastimeshina T. V., Lunkina Yu. V.</i> The unexplainable and the unknown in the mirror of public conscience: Towards discussion about quality of Soviet education. Part 2. Soviet “collectivism” as way to social atomization	158
<i>Chibisov O. N.</i> The problem of artificial general intelligence in the philosophy of E. V. Ilyenkov	167

Pedagogical Coordinate System: Education, Upbringing, Human Development

<i>Baydikova N. L., Davidenko E. S., Biryukov M. S., Nikolaev V. S., Shirokov S. S.</i> Linguodidactic functions of a foreign language teacher using artificial intelligence-based tools	176
<i>Kostenko S. V., Myskin S. V.</i> Application problems and methods of mnemotechnics in a foreign language teaching	186
<i>Popova E. A., Malinka A. N., Chernykh I. I.</i> Spiritual foundations of professional activity of a higher education teacher	194

Information

Memorable and remarkable dates	204
New books	205
2024 Year-End Index	211
For the authors	215

ЭКОНОМИКА ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ECONOMICS OF INNOVATION-DRIVEN GROWTH: THEORY AND PRACTICE

Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2024. № 4 (44). С. 6—18.

Economic and Social Research. 2024. No. 4 (44). P. 6—18.

Научная статья

УДК 339.92

doi: 10.24151/2409-1073-2024-4-6-18

<https://elibrary.ru/lpjuol>

О направлениях экономической интеграции стран Евразийского экономического союза (ЕАЭС)

С. Н. Большаков¹, Ю. М. Большакова²

¹ Российский государственный социальный университет, Москва, Россия

² Коми республиканская академия государственной службы и управления,
г. Сыктывкар, Россия

¹ snbolshakov@mail.ru

Аннотация. Рассматриваются проблемы экономической интеграции стран — участниц Евразийского экономического союза (ЕАЭС), анализируются показатели промышленного развития и инвестиционного взаимодействия их рынков в условиях внешних вызовов. Отмечается переход экономик стран объединения на траекторию устойчивого развития, фиксируется высокий уровень адаптируемости национальных экономик к внешним вызовам, шокам и геополитической нестабильности. По итогам исследования констатируется, что набранный активный темп интеграции экономик ЕАЭС позволил относительно безболезненно обозначить ее институциональные рамки, сформировать условия активного правительственного регулирования интеграционных процессов. Сделан вывод, что ряд ведущих отраслей, таких как строительство, добыча полезных ископаемых, транспорт, явились драйверами процессов взаимовыгодного многостороннего партнерства. Подчеркивается важность дальнейшей поддержки и развития процессов экономической интеграции в интересах всех союзнических сторон.

Ключевые слова: экономическая интеграция, промышленное производство, экономика объединения, устойчивое развитие, инвестиции

Для цитирования: Большаков С. Н., Большакова Ю. М. О направлениях экономической интеграции стран Евразийского экономического союза (ЕАЭС) // Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2024. № 4 (44). С. 6—18. <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2024-4-6-18> EDN: LPJUOL.

On the directions of economic integration of the Eurasian Economic Union (EAEU) countries

S. N. Bolshakov¹, Yu. M. Bolshakova²

¹ Russian State Social University, Moscow, Russia

² The Komi Republican Academy of State Service and Administration, Syktyvkar, Russia

¹ snbolshakov@mail.ru

Abstract. In this work, the authors consider the problems of economic integration of the Eurasian Economic Union (EAEU) member countries and investment interaction of their markets, and analyze the indicators of industrial development in the context of external challenges. The transition of the economies of the member countries to a trajectory of sustainable development is noted, and high level of adaptability of national economies to external challenges, shocks and geopolitical instability is recorded. Based on the results of the study, it is stated that the active pace of the EAEU economies integration has made it possible to relatively painlessly define its institutional framework and to form conditions for the active government regulation of integration processes. The authors have concluded that a number of leading industries, such as construction, mining, and transport, have become drivers of mutually beneficial multilateral partnership processes. The importance of further support and development of economic integration processes in the interests of all allied parties has been stressed out.

Keywords: economic integration, industrial production, union economy, sustainable development, investment

For citation: Bolshakov S. N., Bolshakova Yu. M. “On the Directions of Economic Integration of the Eurasian Economic Union (EAEU) Countries”. *Economic and Social Research* 4 (44) (2024): 6—18. (In Russian). <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2024-4-6-18> EDN: LPJUOL.

Введение

Актуальность исследования процессов евразийской экономической интеграции обусловлена особым интересом к партнерству, который проявляет предпринимательское сообщество Евразии. В условиях возрастания внутреннего спроса и формирования новых интеграционных операционных связей, отмечает И. Н. Жук, приходит время разработки новой стратегии интеграции стран ЕАЭС и выработки адекватной поставленными целям политики [3]. Исследования ведущих российских специалистов в сфере мировой и региональной экономики, таких как С. Ю. Глазьев, А. Забоев, А. А. Малахов,

Е. Т. Серик и др. [2; 4], подчеркивают важность проведения комплексного анализа процессов экономической интеграции стран Евразийского континента.

На наш взгляд, к важным вехам на пути институционализации процессов экономической интеграции и выработки единой внешнеторговой политики стран ЕАЭС относятся единство таможенно-тарифного регулирования, создание взаимовыгодных преференциальных торговых режимов, разработка антидемпинговых и компенсационных мер защиты производителей в странах сообщества.

Процессы интеграции стран ЕАЭС характеризуются не только политическим

взаимодействием стран-участниц, но и ориентированностью на достижение экономических показателей взаимодействия вовлеченных государств.

Экономическая интеграция стран ЕАЭС как субъектов международных отношений преследует цель повысить уровень экономического взаимодействия. Субъектами международного процесса интеграции выступают государства, объединенные целью наращивания потенциала социального и экономического взаимодействия.

Высокий уровень активности региональной экономической интеграции отражает понимание политических задач, стоящих перед государствами — участниками объединения. Интеграционные процессы отражают взаимную заинтересованность участников этих процессов и их партнеров.

Евразийский экономический союз демонстрирует яркий пример активного регионального экономического взаимодействия входящих в него государств. Процессы экономической интеграции отражают нацеленность стран-участниц на достижение совместных успехов в экономической, промышленной, инновационной и технологической сферах.

На международном уровне процессы экономической интеграции испытывают активное внешнеполитическое воздействие и давление на отдельные страны — участницы ЕАЭС. В последнее время евразийские интеграционные объединения подвергаются проверке на прочность и ряд стран демонстрирует снижение приверженности союзу.

На уровне стран ЕАЭС интеграционная лояльность отражает внешнеполитические мотивы всех интегрирующихся государств с учетом национальных интересов и позиции руководства при принятии стратегических политических решений.

На уровень интеграционной лояльности стран — участниц объединения существенно влияют не только конъюнктура рыночных механизмов, но и сложные внешнеполитические

мотивы государств — интегрирующихся субъектов. В данном контексте анализ динамики ЕАЭС представляется весьма информативным.

Методы и материалы

В исследовании применены методы обобщения, а также экономического анализа мирохозяйственных связей и процессов регионального взаимодействия. Методология структурно-функционального анализа позволила выделить процессы, сближающие экономики стран ЕАЭС.

Результаты и обсуждение

Евразийский экономический союз представляет собой уникальную площадку для реализации потенциала всех стран сообщества. Взаимная выгодность евразийского экономического партнерства подчеркивается не только экономическими преимуществами, но и активной политической позицией сторон в выработке мер, форм и инструментов отстаивания интересов каждой из стран, входящих в евразийское экономическое партнерство [2]. Согласно выводам И. С. Моги с соавторами, несмотря на глобальные вызовы и мировые кризисные явления последних лет, ЕАЭС демонстрирует положительную динамику [6]. Представленные в табл. 1 и на рис. 1 данные позволяют говорить о возрастании в целом по ЕАЭС значения всех рассматриваемых показателей, за исключением производства продукции сельского, рыбного и лесного хозяйства.

Промышленное производство. Суммарный объем промышленного производства всех стран ЕАЭС в 2022 г. составил более 1,5 трлн долл. США. Наибольшая доля промышленного производства в 2022 г. приходилась на Россию (89 %). Увеличили свою долю с 8 до 10 % Кыргызстан и Армения.

Характеризуя промышленный рост в странах ЕАЭС, отметим положительную динамику обрабатывающей промышленности Армении (+15 %), Казахстана (+4,2 %)

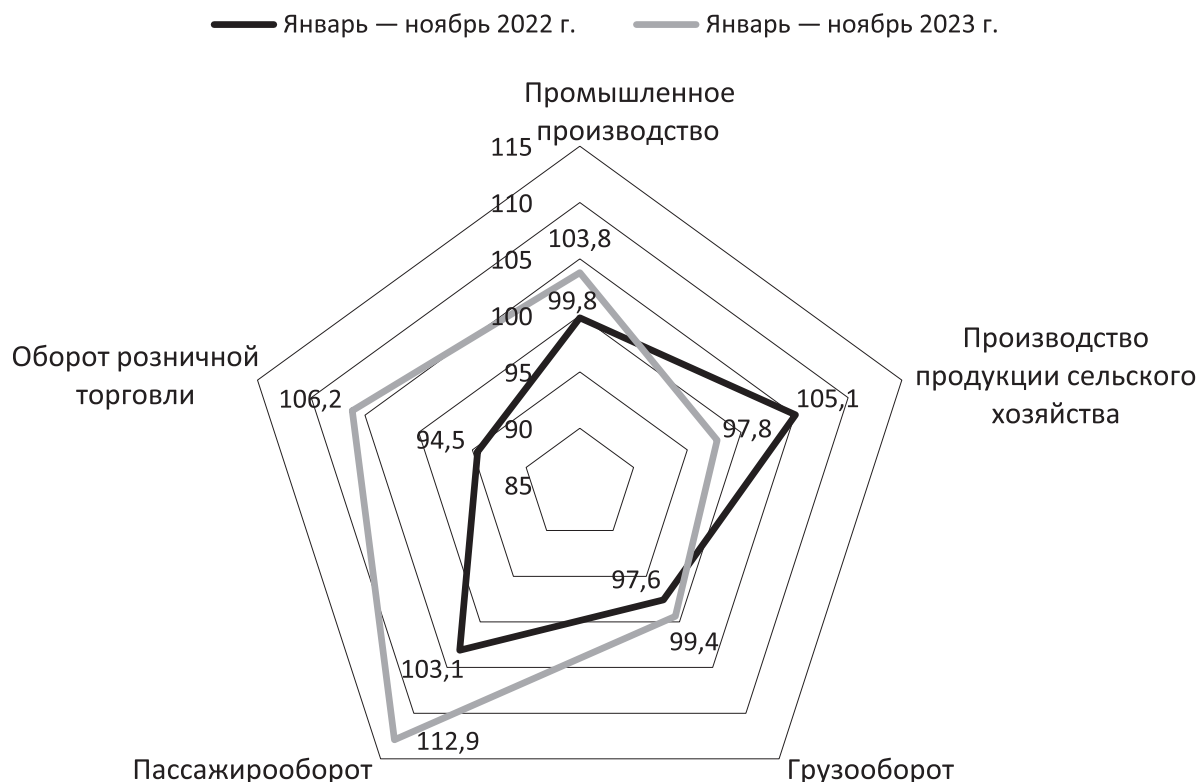

Рис. 1. Основные экономические показатели ЕАЭС, январь 2022 г. — ноябрь 2023 г., % к соответствующему периоду предыдущего года [6]

Источник: Об основных социально-экономических показателях Евразийского экономического союза [Электронный ресурс]. Январь — ноябрь 2022 г. // Евразийская экономическая комиссия: [сайт]. 2023. URL: https://eec.eaeunion.org/upload/iblock/0f2/indicators2022_11.pdf (дата обращения: 29.11.2024).

и Кыргызстана (+20,5 %). Удельный вес обрабатывающей промышленности в структуре промышленного производства ЕАЭС в 2022 г. достиг 64 %.

Наибольший вклад в рост промышленного производства в 2022 г. внесли горнодобывающая промышленность и разработки карьеров¹. Так, их удельный вес увеличился на 2,2 % и составил 28,1 %.

В 2023 г. наибольший рост промышленного производства зафиксирован в Белоруссии (+7,9 %), Казахстане (+4,3 %) и России (+3,6 %).

¹ Об основных социально-экономических показателях Евразийского экономического союза [Электронный ресурс]. Январь — ноябрь 2022 г. // Евразийская экономическая комиссия: [сайт]. 2023. URL: https://eec.eaeunion.org/upload/iblock/0f2/indicators2022_11.pdf (дата обращения: 29.11.2024).

В целом по итогам 2023 г. промышленность ЕАЭС улучшила свои показатели на 3,8 %, в первую очередь за счет обрабатывающей промышленности. В 2023 г. доля России в общем объеме промышленного производства стран союза несколько снизилась: если в 2022 г. она равнялась 89 %, то в 2023 г. составила 87,6 %.

Добыча отдельных видов полезных ископаемых в целом по странам ЕАЭС характеризуется тенденцией к возрастанию. Совокупное увеличение добычи нефти составило 7,9 %, в Кыргызстане и России добыча нефти выросла на 4,3 %, в то же время добыча природного газа в Казахстане выросла на 11,4 %, а в России сократилась на 6,4 п. п.

Следует выделить положительные тенденции роста обрабатывающей

Таблица 1

Основные социально-экономические показатели ЕАЭС за январь — ноябрь 2022 и 2023 гг.,
% к соответствующему периоду предыдущего года

Показатель	ЕАЭС в целом		Армения		Беларусь		Казахстан		Кыргызстан		Россия	
	2022	2023	2022	2023	2022	2023	2022	2023	2022	2023	2022	2023
Валовой внутренний продукт	98,8	103,3	112,6	109,3	95,3	103,6	103,0	104,7	107,2	104,2	98,4	103,0
Промышлен- ное производ- ство	99,8	103,8	108,4	102,1	94,4	107,9	101,4	104,3	114,0	101,8	99,9	103,6
Производство продукции сельского, рыбного, лесного хозяйства	105,1	97,8	100,5	101,6	103,5	100,9	108,5	91,6	106,4	100,3	104,7	98,4
Инвестиции в основной капитал	105,3	110,3	114,3	117,0	81,9	111,9	107,0	112,1	100,5	116,7	105,9	110,0
Объем выполненных строительных работ	105,5	108,4	113,3	138,1	88,7	111,2	104,3	112,6	111,1	122,8	106,1	107,8
Грузооборот	97,6	99,4	104,8	90,4	74,7	81,7	101,8	103,1	104,0	108,6	97,6	99,4
Пассажиро- оборот	103,1	112,9	в 2,0 раза	в 1,7 раза	103,1	108,4	109,9	111,2	115,6	108,6	100,8	113,0
Оборот розничной торговли	94,5	106,2	103,8	113,3	96,6	108,2	102,0	107,7	109,9	109,4	93,8	105,9
Индекс цен производителе- й промышлен- ной продукции	98,9	121,0	96,2	98,6	112,9	104,6	109,2	104,6	102,1	114,0	97,5	123,0

промышленности: в целом по странам ЕАЭС ее объем в 2023 г. увеличился на 7,4 %. Анализ производства по отдельным видам продукции обрабатывающей промышленности стран союза показал высокий рост производства мяса и пищевых субпродуктов в Казах-

стане (+12,2 %), Кыргызстане (+8,3 %) и России (+5,4 %). Высокий рост производства пищевых субпродуктов и мяса домашней птицы в Казахстане (+15,6 %) наблюдался на фоне незначительного его снижения в России (–0,2 %). Прирост

производства растительного масла в России составил 17 %, в Кыргызстане 19,5 %.

Производство продукции сельского, рыбного, лесного хозяйства. В 2022 г. сельское хозяйство в целом по странам ЕАЭС демонстрировало высокие темпы роста (+10,4 %). В Казахстане показатели сельского хозяйства возросли на 8,5 %, в Кыргызстане, России и Белоруссии наблюдался рост от 3,5 до 6,5 %.

Несмотря на данную положительную динамику, в 2023 г. производство сельскохозяйственной продукции в целом по странам ЕАЭС снизилось на 2,2 %.

Строительная отрасль. Нельзя не отметить положительную тенденцию прироста объема выполненных строительных работ¹: в 2022 г. +4,4 %, в 2023 г. +8,4 %. Наибольший вклад в прирост данного показателя внесла Армения (+38,1 %). В Белоруссии он составил +11,2 %, в Кыргызстане +22,8 % и России +7,8 %.

Соответственно улучшился в 2023 г. показатель ввода в эксплуатацию жилья: в целом по странам ЕАЭС прирост составил 1,9 % по сравнению с 2022 г.

В 2022 г. в целом по странам ЕАЭС было введено в эксплуатацию 110 997 тыс. кв. м жилья, а в 2023 г. 123 127,9 тыс. кв. м. В 2023 г. Россия лидировала среди стран союза по показателю «динамика ввода жилья в эксплуатацию»: на ее долю пришлось 82,4 %.

Негативные тенденции видятся в замедлении ввода в эксплуатацию жилья: если ранее, в 2021 г., данный показатель продемонстрировал прирост 21,9 %, а в 2022 г. 11,5 %, то в 2023 г. данный показатель равен всего 1,9 %.

Транспорт и логистика. Важнейшим показателем интеграции экономического пространства служит развитие транспорта и логистики: это демонстрирует определенную связность экономического пространства и активность торгово-экономических взаимосвязей стран союза.

Наибольший рост *пассажирооборота* среди стран ЕАЭС показали Армения (+72 %) и Россия (+13 %).

Необходимо отметить активную вовлеченность стран ЕАЭС в процесс мировой торговли: на их долю приходится 2,3 % мирового *товарооборота*. Наблюдается рост экспорта не только сырьевых и несырьевых товаров, минеральных продуктов, но и сельскохозяйственных групп товаров.

Анализ импорта в страны ЕАЭС выявил прирост ввоза технологического оборудования, доля которого составляет более 35 % от общего объема импорта промышленных товаров.

Торговля и финансы. Основным торговым партнером государств — членов ЕАЭС является Китай, который занимает лидирующие позиции во внешнеторговом обороте четырех из пяти стран союза: России, Кыргызстана, Армении и Казахстана.

Статистические данные свидетельствуют, что экономика Китая в III квартале 2023 г. росла быстрее, чем ожидалось. Однако рынок недвижимости КНР отличается высокими рисками². Темп роста реального ВВП Китая в III квартале 2023 г. по сравнению с соответствующим периодом 2022 г. составил 4,9 %, благодаря вкладу сферы услуг и промышленности. Усиливается спад в секторе недвижимости: инвестиции в нее за 2023 г. составили 9,1 %, а строительство нового жилья сократилось более чем на 20 %.

Внешняя торговля долгое время была основным драйвером экономического роста Китая, что отмечали многие аналитики, в частности И. С. Гладков: «Так, имевший в начале XXI в. скромные показатели товарного производства Китай смог менее чем за десятилетие нарастить стоимостные его

² Статистический ежегодник Евразийского экономического союза. 2023 [Электронный ресурс] // Евразийская экономическая комиссия: [сайт]. 2023. URL: https://eec.eaeunion.org/comission/department/dep_stat/union_stat/publications/newsletters_collections_booklets/statistical_yearbook.php (дата обращения: 29.11.2024).

объемы, войти в “тройку лидеров” наряду с традиционными США и Германией, а с 2009 г. возглавить и сохранить мировое первенство... <...> при этом наращивая отрыв от преследователей» [2, с. 22]. Однако с конца 2022 г. и на протяжении 2023 г. ее развитие замедляется. В сентябре 2023 г. показатели и экспорта, и импорта снизились на 6,2 % в годовом выражении. Уровень инфляции в Китае в указанный период вернулся к нулевым показателям, при этом дефляция в III квартале составила 0,1 %, что было вызвано понижением цен на продукты питания на 2,2 %. Однако в сфере услуг инфляция ускорилась (+1,3 % в июле — сентябре 2023 г.)², в частности, в сфере туризма рост цен за отчетный период составил 13,4 %.

Введение санкций существенно сократило многие и оборвало часть торговых связей со странами США и Европейского союза. Переориентация торговых потоков постепенно расширяет возможности экономического потенциала стран сообщества. Такая ситуация складывается в отношении как промышленных товаров, так и высокотехнологичного оборудования. Коллективные усилия стран ЕАЭС направлены не просто на создание общего пространства, основанного на доверии, но на стабилизацию развития регионов и рынков благодаря объединению усилий стран, входящих в союз.

Сложная политическая конъюнктура, агрессивные ограничения в системе внешнеэкономических отношений побудили государства ЕАЭС пересмотреть географические направления реализации внешнеторговой активности³. Высвобождение ресурсов позволило странам ЕАЭС сблизиться

с ключевыми участниками мировой торговли — Китаем и Индией, а также с Ираном, Египтом, Вьетнамом и другими странами Евразийского континента и Юго-Восточной Азии.

На заседаниях Межправительственного совета Евразийского союза в последнее время широко обсуждается проблема развития торговли и цифровой интеграции в странах-участницах. Регламентация и защита экономик стран ЕАЭС создали благоприятные условия для обеспечения единой синергетической защиты внешнеэкономической деятельности стран — участниц ЕАЭС. Валовой внутренний продукт ЕАЭС увеличился на 13 %, ВВП на душу населения — на 12 %, инвестиции в основной капитал — на 19 %, тогда как уровень безработицы снизился на 12 %.

Развитие стабильных экономических отношений с иностранными партнерами — значимый вектор экономического развития стран — участниц ЕАЭС в современных условиях. Эксперты из Казахстана, самого крупного торгового партнера России, отмечают, что в этом контексте открываются широкие возможности и перспективные направления для роста экспортного потенциала, а это отражается на уровне внутреннего благосостояния⁴. Каждая страна имеет свои приоритеты, основанные на интеграции. Для Казахстана важным становится содействие экспорту на основе единых таможенных норм, торговля и интеграция в глобальные транспортные сети с выходом в другие макроэкономические регионы мира.

Соглашения, подписанные в рамках ЕАЭС, способствуют улучшению экономических отношений Казахстана со странами других регионов. Так, в 2016 г. страны ЕАЭС подписали первое соглашение о зоне

³ О макроэкономической ситуации в государствах — членах Евразийского экономического союза и предложениях по обеспечению устойчивого экономического развития [Электронный ресурс]: доклад ЕЭК // Правовой портал ЕАЭС: [сайт]. 2024. URL: https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/01543491/err_13022024_2 (дата обращения: 29.11.2024).

⁴ Отчет о денежно-кредитной политике [Электронный ресурс]. III квартал 2023 года // Национальный банк Кыргызской Республики: [сайт]. 06.12.2023. <https://www.nbk.kg/DOC/06122023/0000000000061587.pdf> (дата обращения: 29.11.2024).

свободной торговли с Вьетнамом. После этого в период с 2018 по 2020 г. ежегодные темпы роста торговли Казахстана с Вьетнамом составляли около 13 %. В 2019 г. товарооборот Казахстана с Вьетнамом превысил 246 млн долл. США, что на 2 % больше показателей аналогичного периода 2018 г.

Благодаря соглашению о зоне свободной торговли с Сингапуром⁵, крупнейшим торговым узлом Юго-Восточной Азии, в 2018 г. товарооборот Казахстана с Сингапуром превысил 522 млн долл. США и увеличился почти в 6 раз по сравнению с 2016 г. Доля торговли Казахстана с Сингапуром в 2018 г. составила 37,4 % от общего объема торговли стран — членов АСЕАН.

Об эффективности взаимной торговли могут свидетельствовать результаты анализа динамики показателей и взаимовыгодного роста товарооборота. Со времени создания ЕАЭС товарооборот Казахстана с другими странами союза увеличился на 23,4 %, экспорт — на 18,1 %, импорт — на 25,8 %.

Формирование общего рынка финансовых услуг ЕАЭС проходит в русле запланированной деятельности. В 2018 г. принята концепция формирования общего финансового рынка Евразийского экономического союза, на основе которой станет возможным создание к 2025 г. и общего финансового рынка, и межгосударственного финансового органа. В современных условиях нарастающих вызовов единый орган регулирования финансового рынка ЕАЭС стратегически важен. Создание такого органа предусмотрено в п. 2 ст. 103 Договора о создании ЕАЭС: «Государства-члены после завершения гармонизации законодательства в сфере финансовых рынков примут решение о пол-

номочиях и функциях наднационального органа»⁶ ЕАЭС.

Значимость создания единого регулирующего органа для финансового рынка ЕАЭС в условиях санкций, наложенных на РФ, не вызывает сомнений. Создание данного органа предусмотрено плановой основой формирования процесса единого финансового рынка ЕАЭС⁷. Сегодня функции органа уточняются в рамках комплексного анализа соответствия законодательства стран ЕАЭС международным стандартам. Среди функций — не только выработка рекомендаций по имплементации и реализации норм международного финансового законодательства, но и создание атмосферы доверия и сотрудничества с международными организациями и регуляторами.

Казахские исследователи (в частности, [5]) отмечают определенные недостатки, характерные для экспорта страны: во-первых, Казахстан является страной-экспортером, а не импортером, доля сырья в экспорте превышает 85 % общего объема⁸. При этом 10 % казахского экспорта направляется в страны ЕАЭС, из этой доли 40,5 % составляют минеральные продукты и сырье, 26,4 % — металлы и изделия из них. Основной поток экспорта направлен в Россию, в нем увеличивается доля переработанного сырья, продукции растение- и животноводства, готовой пищевой продукции (10 %), оборудования и транспортных устройств (7 %). Во-вторых, рынок ЕАЭС стратегически важен для Казахстана с позиций увеличения доли

⁵ Евразийский экономический союз на пути к Большому Евразийскому партнерству [Электронный ресурс]: выгоды для международного бизнеса // Евразийская экономическая комиссия: [сайт]. 2020. URL: https://eec.eaeunion.org/upload/medialibrary/7c1/Brochure_Verona.pdf (дата обращения: 29.11.2024).

⁶ Договор о Евразийском экономическом союзе [Электронный ресурс]: (Подписан в г. Астане 29.05.2014) (ред. от 25.05.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 24.06.2024) // КонсультантПлюс: справочная правовая система: [интернет-версия]. https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_163855/3d11804ff7610959bdfa0d9aacb699d642c4227e/ (дата обращения: 29.11.2024).

⁷ О макроэкономической ситуации...

⁸ Кагалтынов Э. Казахстан за год увеличил экспорт товаров в Россию на 45 % в денежном выражении [Электронный ресурс] // Коммерсантъ: [интернет-медиа]. 14.07.2023. URL: <https://kommersant.ru/doc/6108878> (дата обращения: 11.02.2024).

ненефтяного экспорта, прироста поставки товаров с высокой долей добавленной стоимости, товаров производственного назначения. Доля ЕАЭС в экспорте машин и оборудования составила 42,2 %, продукции химической промышленности — 30,5 %, строительных материалов — 44,3 %.

Инвестиции. Для всех стран, входящих в ЕАЭС, инвестиционное сотрудничество и производственная кооперация — более приоритетное направление, нежели торговля [4].

Оценка состояния экспорта товаров и услуг Казахстана в Россию в 2023 г. позволяет сделать вывод о существенном приросте экспорта: в 1-м полугодии 2023 г. он составил 4,04 млрд долл. США, что на 45 % больше, чем в 1-м полугодии 2022 г. Товарооборот России и Казахстана в 1-м полугодии 2023 г. равнялся 10,5 млрд долл. США, рост товарооборота составил 9,1 % по сравнению с 1-м полугодием 2022 г. (9,59 млрд долл. США). Доля России в товарообороте Казахстана в 2023 г. увеличилась⁸ и составила

18,8 %, в аналогичном периоде 2022 г. данный показатель составлял 18,6 %.

За 1-е полугодие 2023 г. общий товарооборот стран ЕАЭС с Казахстаном составил 11,43 млрд долл. США и вырос на 10,5 % по сравнению с аналогичным периодом 2022 г.

Улучшение инвестиционного климата в странах ЕАЭС обусловлено повышением инвестиционной привлекательности экономик развивающихся стран. Так, в 2018 г. инвестиции ЕАЭС в основной капитал увеличились на 5,6 % по сравнению с 2017 г. Рост инвестиций в основной капитал наблюдался во всех странах ЕАЭС. Общий объем прямых иностранных инвестиций (ПИИ) в январе — сентябре 2023 г. увеличился на 11,9 % по сравнению с предыдущим периодом и составил 28,1 млрд долл. США.

По данным мониторинга Евразийского банка развития, к концу 1-го полугодия 2023 г. объем накопленных взаимных иностранных инвестиций составил 48,8 млрд долл. США (рис. 2), прирост показателя составил +5,4 %

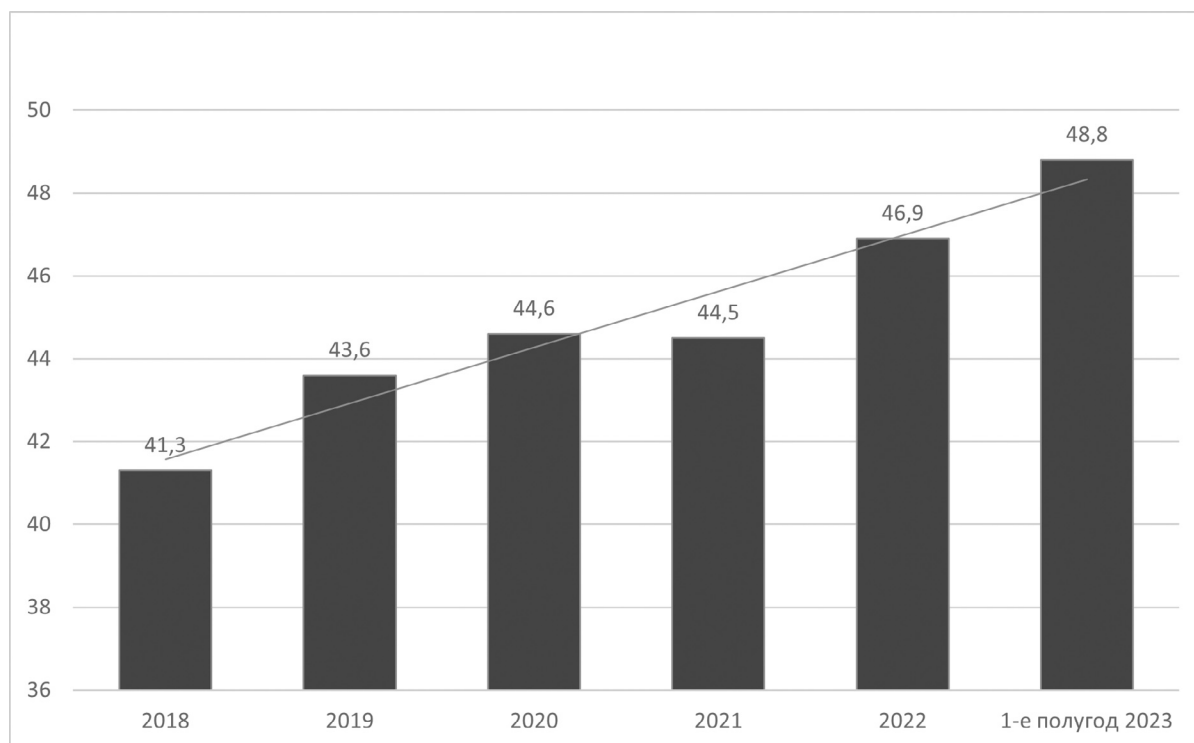

Рис. 2. Объем и структура взаимных накопленных ПИИ в Евразийском регионе, млрд долл. США, по данным Евразийского банка развития за 2023 г.

Источник: [4].

Таблица 2

Инвестиционное сотрудничество в рамках ЕАЭС

Покупатель (инвестор)	Предмет сделки (вложения)	Сумма
Корпорация «Росатом» в Казахстане	Степногорский горно-химический комбинат (Казахстан)	1,6 млрд долл. США
Компания KazMinerals (Казахстан)	Развитие Баимского проекта в Чукотском автономном округе (Россия)	577 млн долл. США
Компания АО «ЕвроХим» (Россия)	Строительство завода по производству химических удобрений в Жамбылской области (Казахстан)	~160 млн долл. США

по сравнению с аналогичным периодом 2022 г. Позитивная динамика обусловлена результатами заключенных крупных сделок (табл. 2) и реализацией ряда других масштабных инвестиционных проектов.

Российские инвесторы в 2023 г. приняли участие в 12 новых инвестиционных проектах из 20, вложив 1,1 млрд долл. США.

Проведенный анализ позволяет отметить, что Россия сохраняет за собой статус основного инвестора на пространстве стран ЕАЭС, что подтверждается статистикой: по данным за 1-е полугодие 2023 г., 78,9 % капиталовложений в ЕАЭС осуществляет Россия, второе место по инвестиционной активности занимает Казахстан с долей в 9,5 % от общего объема капиталовложений, на третьем месте расположился Азербайджан с показателем 7,3 % капиталовложений от общего объема ЕАЭС.

Результаты обобщения данных позволяют сделать вывод: взаимные инвестиции России и Казахстана являются крупнейшими в странах ЕАЭС. Всего за последние годы реализовано более 119 инвестиционных проектов на общую сумму более 16,1 млрд долл. США, что составляет 57,3 % прямых иностранных инвестиций в ЕАЭС. Казахстан выступает наиболее крупным импортером российских инвестиций в Евразийском регионе. На рис. 3 представлены

данные по взаимным инвестициям в ведущие отрасли региона.

Наиболее крупные инвестиции реализуются в сырьевые отрасли: 36,5 % инвестиций региона по состоянию на 1-е полугодие 2023 г.; на втором месте обрабатывающая промышленность (18 % инвестиций). Взаимные капиталовложения в сырьевые отрасли экономик стран ЕАЭС становятся значимыми для всех стран-участниц. Наблюдается рост привлекательности транспортной и складской отрасли (12 %, по данным на 2023 г.), что объясняется сменой направлений товарных потоков и развитием дистрибуторских сетей, складской инфраструктуры в странах ЕАЭС: «Транспортный сектор и развитие транспортной инфраструктуры традиционно занимает ключевое положение в проектах евразийской интеграции... <...> Ведется работа по модернизации и дальнейшему развитию основных евразийских транспортных коридоров (автомобильных и железнодорожных)» [2, с. 11].

Нельзя не отметить влияние сложной геополитической ситуации, которая находится под воздействием совокупности санкций, наложенных на Россию: на рис. 3 отражено сокращение доли инвестиций в сектор финансовых услуг с 9,1 % в 2020 г. до 7,6 % в 2023 г. На наш взгляд, взаимное открытие дочерних банков в России и странах ЕАЭС

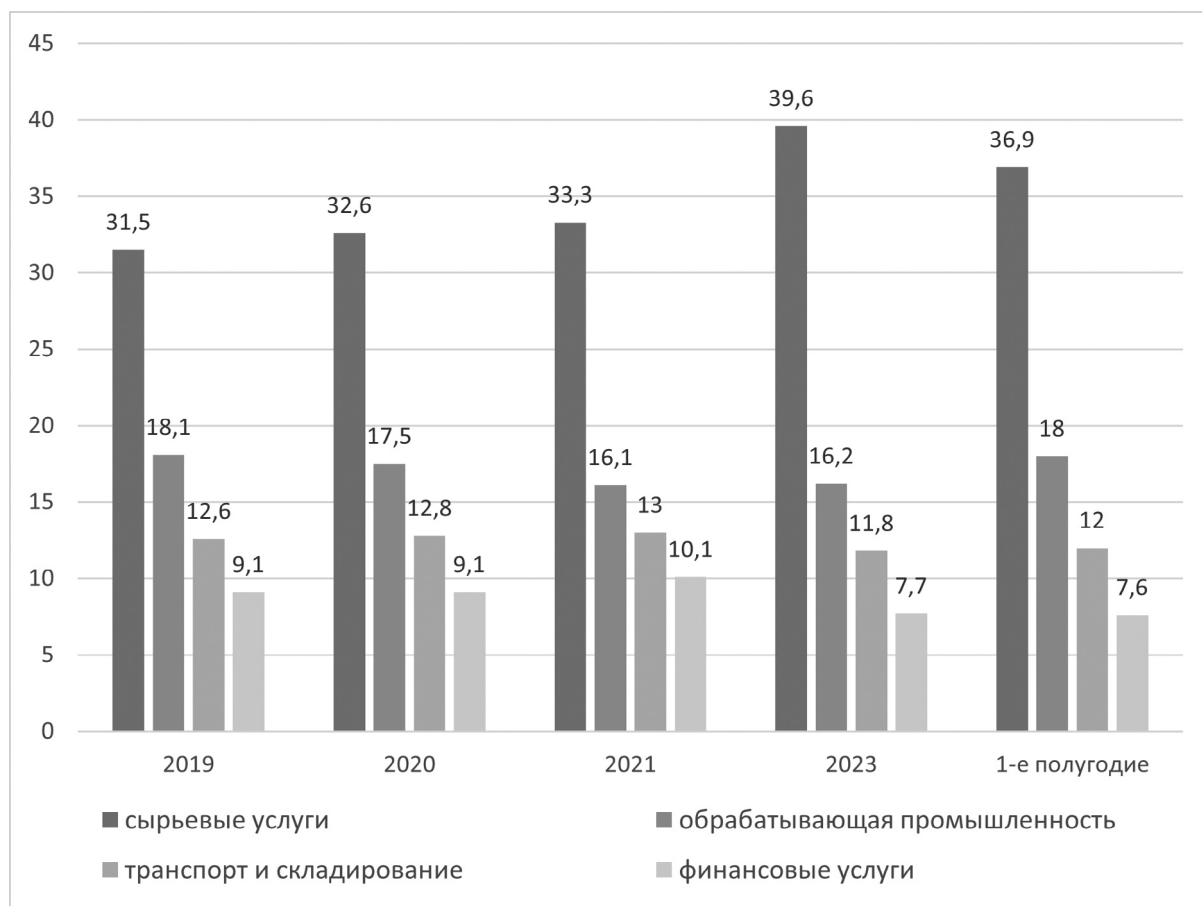

Рис. 3. Структура накопленных взаимных инвестиций в Евразийском регионе, %, по данным Евразийского банка развития за 2023 г.

Источник: [4].

стало бы положительным фактором стимулирования процесса прямых инвестиций в регион.

Выводы

Рост прямых инвестиций в странах ЕАЭС обеспечивают процессы усиления производства и кооперации. Результаты анализа показывают рост объема ПИИ во всех государствах — членах ЕАЭС.

Положительной тенденцией является также рост объемов импорта товаров и услуг, служащий показателем экономической активности в странах региона. Однако в России и Казахстане экспорт значительно сократился вследствие снижения мировых цен на товары экспорта данных стран. Положительное сальдо баланса торговли товарами снизилось в России, Казахстане и Белоруссии.

Интенсивность экономических шоков в 2023 г. сказалась на социально-экономической активности стран ЕАЭС, торговле и финансовых рынках. Для мировой экономики сохраняются риски высоких процентных ставок. В странах ЕАЭС экономический эффект, основанный на расширении взаимных потоков товаров и инвестиций, а также миграции трудовых ресурсов, может быть ослаблен в ближайшей перспективе.

В условиях санкционного давления и внешних вызовов, влияющих на социально-экономическое развитие стран ЕАЭС, можно констатировать успешную адаптацию экономики региона к новым условиям функционирования: в 2023 г. наблюдались восстановление деловой активности и стабилизация прироста взаимной торговли в пределах от 2 до 2,4 %. Это будет

способствовать восстановительному экономическому росту России и Белоруссии.

Исследование состояния процессов экономического развития государств — членов ЕАЭС позволяет говорить о положительных тенденциях, сформировавшихся в 2022 и 2023 гг. Завершилась структурная адаптация к изменившимся вызовам и условиям, восстановились внутренний спрос и инвестиционная активность, что способствовало росту экономики и укреплению производственной кооперации в странах ЕАЭС.

Основными факторами, способствовавшими росту большинства макроэкономических показателей, в том числе промышленного производства, стали активная поддержка национальных правительств, инвестиции и перемещение предприятий. Приросту показателей промышленного производства способствовала положительная динамика строительной отрасли, где рост ускорился с 4,4 % в 2022 г. до 8,4 % в 2023 г. Строительная отрасль — один из основных драйверов экономического подъема стран региона. В Белоруссии и Казахстане наблюдается прирост показателей в большинстве отраслей обрабатывающей промышленности.

В заключение следует отметить, что в государствах — членах ЕАЭС сформировалась устойчивая платформа проактивного развития экономики и промышленности для вывода всех вовлеченных стран на устойчивую траекторию развития. Перспективность интеграции участников ЕАЭС обусловлена согласованной политикой мер государственной и надгосударственной поддержки синхронизации социальных и экономических процессов. Выбранная стратегия социально-экономического развития стран ЕАЭС демонстрирует правильность расстановки приоритетов и приложения совместных усилий правительств стран ЕАЭС в части развития интеграционных процессов, единого таможенного и технического регулирования и единой внешнеторговой политики.

Список литературы и источников

1. **Гладков И. С.** Международная торговля 2021: на подъеме // Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2022. № 2 (34). С. 17—25. <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2022-2-17-25> EDN: DZNIIA.
2. **Глазьев С. Ю.** Концептуальные предложения по практической реализации идеи Большого евразийского партнерства // Экономические стратегии. 2019. Т. 21. № 1 (159). С. 6—17. EDN: VVFDRM.
3. **Жук И. Н.** Оценка выполнения мер по устранению изъятий и ограничений на внутреннем рынке Евразийского экономического союза // Корпоративное управление и инновационное развитие экономики Севера: Вестник Научно-исследовательского центра корпоративного права, управления и венчурного инвестирования Сыктывкарского государственного университета. 2020. № 3. С. 85—92. <https://doi.org/10.34130/2070-4992-2020-3-85> EDN: SLSYRE.
4. **Малахов А., Серик Е., Забоев А.** Мониторинг взаимных инвестиций ЕАБР — 2023. Алматы: Евразийский банк развития, 2023. 64 с. (Доклады и рабочие документы; 23/5).
5. **Нуртазина Г. С.** Қазақстанның агроөнеркәсіптік кешенінің экспорттық әлеуеті // Problems of AgriMarket. 2019. № 3. С. 174—180. EDN: IFPLDT.
6. Сдерживающие и подталкивающие факторы интеграции Евразийского экономического союза в условиях новейших вызовов глобальной экономики / И. С. Мога, Л. П. Горбунова, А. В. Денисова и др. // Вестник евразийской науки. 2023. Т. 15. № 2. Ст. 37. <https://doi.org/10.15862/41ECVN223> EDN: VWSYQR.

References

1. Gladkov I. S. "International Trade 2021: On the Rise". *Ekonomicheskoye i sotsial'no-gumanitarnyye issledovaniya* = *Economic and Social Research*

- 2 (34) (2022): 17—25. (In Russian). <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2022-2-17-25> EDN: DZNIIA.
2. Glazyev Sergei Yu. “Conceptual Proposals for Practical Implementation of the Great Eurasian Partnership Idea”. *Ekonomicheskiye strategii = Economic Strategies* 21.1 (159) (2019): 6—17. (In Russian). EDN: VVFDRM.
3. Zhuk I. N. “The Assessment of Implementation of the Measures of Eliminating Exceptions and Restrictions Existing on the Eurasian Economic Union Internal Market”. *Korporativnoye upravleniye i innovatsionnoye razvitiye ekonomiki Severa: Vestnik Nauchno-issledovatel'skogo tsentra korporativnogo prava, upravleniya i venchurnogo investirovaniya Syktyvkarского gosudarstvennogo universiteta = Corporate Governance and Innovative Economic Development of the North: Bulletin of Research Center of Corporate Law, Management and Venture Investment of Syktyvkar State University* 3 (2020): 85—92. (In Russian). <https://doi.org/10.34130/2070-4992-2020-3-85> EDN: SLSYRE.
4. Malakhov A., Serik E., Zaboev A. *EDB Monitoring of Mutual Investments — 2023*. Almaty: Eurasian Development Bank, 2023. 62 p. Reports and Working Papers 23/5.
5. Nurtazina G. S. “The Export Potential of Agricultural Sector of Kazakhstan”. *Problems of Agri-Market* 3 (2019): 174—180. (In Kazakh). EDN: IFPLDT.
6. Moga I. S., Gorbunova L. P., Denisova A. V., Pizhurina E. N., Presnova I. S. “Constraining and Pushing Factors of Integration of the Eurasian Economic Union in the Context of the Latest Challenges of the Global Economy”. *Vestnik evraziyskoy nauki = The Eurasian Scientific Journal* 15 (2) (2023): 41ECVN223. (In Russian). <https://doi.org/10.15862/41ECVN223> EDN: VWSYQR.

Информация об авторах

Большаков Сергей Николаевич — доктор экономических наук, доктор политических наук, профессор, профессор кафедры политологии и прикладной политической работы факультета политических и социальных наук Российского государственного социального университета (Россия, 129226, Москва, ул. Вильгельма Пика, 4, стр. 1).

Большакова Юлия Михайловна — кандидат политических наук, доктор философии (PhD), профессор кафедры государственного и муниципального управления Коми республиканской академии государственной службы и управления (Россия, 167000, Республика Коми, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, д. 11).

Information about the authors

Sergey N. Bolshakov — Dr. Sci. (Econ.), Dr. Sci. (Polit.), Prof., Professor at the Department of Political Science and Applied Political Work of the Faculty of Political and Social Sciences, Russian State Social University (Russia, 129226, Moscow, Wilhelm Pieck st., 4/1).

Yulia M. Bolshakova — Cand. Sci. (Polit.), Dr. of Philosophy (PhD), Professor at the Department of State and Municipal Management, The Komi Republican Academy of State Service and Administration (Russia, 167000, Komi Republic, Syktyvkar, Kommunisticheskaya st., 11).

Статья поступила в редакцию 29.10.2024.

The article was submitted 29.10.2024.

Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2024. № 4 (44). С. 19—27.
Economic and Social Research. 2024. No. 4 (44). P. 19—27.
Научная статья

УДК 334.012
doi: 10.24151/2409-1073-2024-4-19-27
<https://elibrary.ru/apeddc>

Управление самоорганизацией интегрированных бизнес-структур

А. Ю. Бударов

Национальный исследовательский университет «МИЭТ», Москва, Россия

fmn@miee.ru

Аннотация. Раскрыты основные теоретические положения подхода к управлению процессами самоорганизации и саморазвития интегрированных бизнес-структур, которые составляют предприятия наукоемких секторов экономики. Определена методологическая база управления самоорганизацией интегрированной бизнес-структуры, дано диалектическое объяснение процессов самоорганизации. Рассмотрены структурные и функциональные особенности, признаки устойчивости функционирования, мотивационные основы взаимодействия бизнес-единиц в условиях развития.

Ключевые слова: управление самоорганизацией, интегрированная бизнес-структура, саморазвитие бизнес-структуры, наукоемкий сектор, диалектика, устойчивость бизнес-структуры, взаимодействие бизнес-единиц

Для цитирования: Бударов А. Ю. Управление самоорганизацией интегрированных бизнес-структур // Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2024. № 4 (44). С. 19—27. <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2024-4-19-27> EDN: APEDDC.

Original article

Self-organization management of integrated business structures

A. Yu. Budarov

National Research University of Electronic Technology, Moscow, Russia

fmn@miee.ru

Abstract. The basic theoretical provisions of the approach to managing the processes of self-organization and self-development of integrated business structures, which constitute the enterprises of knowledge-intensive sectors of the economy, are disclosed. The methodological basis for managing the self-organization of an integrated business structure has been defined and the dialectical explanation of self-organization processes is given. The structural and functional features, attributes of operational stability, motivational bases of interaction of business units in the conditions of development are considered.

© Бударов А. Ю.

Keywords: self-organization management, integrated business structure, self-development of business structure, knowledge-intensive sector, dialectics, business structure sustainability, business units interaction

For citation: Budarov A. Yu. "Self-Organization Management of Integrated Business Structures". *Economic and Social Research* 4 (44) (2024): 19—27. (In Russian). <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2024-4-19-27> EDN: APEDDC.

Введение

Популярными организационными формами интегрированных структур в современной экономике являются территориальные и отраслевые кластеры, экосистемы, стратегические альянсы, корпоративные сети и другие объединения хозяйствующих субъектов. Ассоциация кластеров, технопарков и особых экономических зон (ОЭЗ) России функционирует более десяти лет, в ее составе более 120 членов из 56 субъектов Российской Федерации¹. «В соответствии с 488-ФЗ постановлением Правительства Российской Федерации от 31.07.2015 года № 779 были утверждены требования к промышленным кластерам, — сообщается на сайте Ассоциации. — В настоящее время в реестр промышленных кластеров Минпромторга России, соответствующих данным требованиям, включены 64 промышленных кластера из 50 регионов России»². Наиболее развитые экосистемы на российском рынке — Яндекс, Сбер, VK, МТС и Тинькофф (с 2022 г. — экосистему Т-Банка)³ — по мнению специалистов аналитического агентства Spektr, «отличает фокус на развитие интеграционных элементов, таких как подписки, единые ID и цифровые ассистенты»⁴. На многих

потребительских рынках доминируют торговые сетевые структуры. Взаимодействие между субъектами интегрированных структур строится в значительной степени децентрализованно. Бизнес-единицы в изменившихся внешних условиях и конъюнктуры соответствующего сегмента рынка формируют материальные, финансовые, информационные связи друг с другом, чтобы использовать возникающую при этом возможность получения дополнительной выгоды. При соблюдении партнерства в рамках определенного множества бизнес-единиц осуществляется процесс самоорганизации экономических систем различного масштаба. Государство заинтересовано в стимулировании этого процесса в сегментах наукоемкой экономики. От успешного развития комплексов высокотехнологичных предприятий зависит конкурентоспособность всей национальной экономики. Реализация крупных инновационных проектов и инновационных программ позволяет осуществить качественный скачок в этом развитии. Структурной основой реализации этих проектов и программ в условиях современной экономики выступают системные объединения предприятий-подрядчиков. От эффективности процессов формирования, трансформации, совершенствования, адаптации этих объединений к меняющимся внешним условиям зависит

¹ Лабудин М. Общая информация [Электронный ресурс] // Ассоциация кластеров, технопарков и ОЭЗ России: [сайт]. URL: https://akitrf.ru/about_association/description/ (дата обращения: 28.11.2024).

² О кластерах [Электронный ресурс] // Ассоциация кластеров, технопарков и ОЭЗ России: [сайт]. URL: <https://www.akitrf.ru/clusters/about/> (дата обращения: 28.11.2024).

³ Теперь «Т» — это не просто буква [Электронный ресурс] // Т-Банк: [сайт]. 05.06.2024. URL: <https://s.tinkoff.ru/story/nxgGD9Zy0NL2lz4r> (дата обращения: 28.11.2024).

⁴ Крупнейшие российские экосистемы 2023—2024 [Электронный ресурс]: ноябрь 2023 / Spektr // TenChat: [соцсеть в рамках направления деятельности «Стратегические компьютерные технологии и программное обеспечение»]. URL: <https://cdn1.tenchat.ru/static/vbc-gostinder/2024-04-18/df10d848-8f6c-40bc-ab4b-08861a9fb50b.pdf> (дата обращения: 28.11.2024).

в конечном итоге успех развития наукоемких секторов экономики.

Методологическая база управления самоорганизацией интегрированной бизнес-структуры

В работе по методологическому обеспечению функционирования научно-производственных комплексов (НПК) сформулированы особенности управления самоорганизацией интегрированных бизнес-структур [1]. Актуальной сегодня остается проблема разработки концептуальных подходов к управлению формированием и развитием этих структур [4; 5; 6]. В силу определенной субъектности, т. е. хозяйственной самостоятельности в выборе стратегий и относительной свободы в коммуникациях и договорных отношениях, они требуют специфических методов управления. Специфика заключается в самом подходе, когда непосредственное управление каждым элементом формирующейся структуры заменяется регулирующими воздействиями на объективно возникающие процессы самоорганизации и саморазвития. В результате меняются связи между бизнес-единицами, происходит морфогенез интегрированной структуры. В долгосрочном периоде это процесс эволюционного саморазвития, отвечающий законам диалектики: закону диалектического синтеза (закону отрицания отрицания), закону единства и борьбы противоположностей и закону перехода количественных изменений в качественные, — и объясняется через противоречия — между внешней средой и состоянием развивающейся системы (благоприятная конъюнктура целевых рынков обуславливает необходимость увеличения производственной мощности бизнеса), между совокупным потенциалом системы и параметрами ее текущего функционирования (сформированный инновационный и промышленный потенциал бизнеса обуславливает расширение его деятельности), — что инициирует

процесс развития и разрешения этих противоречий.

Экономической системе свойственна тенденция к повышению устойчивости режима функционирования за счет динамики внутренних и внешних экономических отношений. Объективным свойством внешней бизнес-среды являются ее постоянные изменения под воздействием множества факторов: влияние общественного развития, научно-технические достижения, изменения конъюнктуры рынков, изменения потребительских предпочтений и др. По мере накопления изменений постепенно усиливается различие между установившимися характеристиками элементов экономической системы. В результате возникают противоречия, которые разрешаются в процессе очередного этапа адаптации системы к изменившимся внешним условиям. Одной из основных форм адаптации является структурная, или элементная, трансформация. Необратимость и направленность трансформаций, сохранение основных свойств системы и изменение, отрицание тех свойств, которые противоречат вновь установившемуся воздействию внешней бизнес-среды, — все эти факторы соответствуют закону диалектического синтеза. Экономическая система качественно остается прежней благодаря сохранению ее региональной и отраслевой направленности, целей, базовых технологических процессов, эффективности использования интеллектуального капитала и др. Меняются такие количественные характеристики, как число бизнес-единиц в ее составе, финансово-экономические параметры их функционирования, ассортимент выпускаемой продукции и др. При этом трансформации могут иметь как прогрессивный, так и регрессивный характер: деградация финансово-экономических параметров, уменьшение состава элементов системы, снижение совокупного дохода.

Законченность серии трансформаций экономической системы означает ее переход

на новый качественный уровень развития в результате накопления количественных изменений, каждое из которых не меняет качественной определенности системы. Качественный уровень развития интегрированной бизнес-структуры определяется достижением более высоких финансово-экономических результатов деятельности, т. е. способностью создавать наукоемкую продукцию определенного качества, иметь определенный научно-технический и технологический потенциал, ключевые компетенции в своей сфере деятельности.

Системное представление об интегрированной бизнес-структуре возможно, если рассматривать ее материальную, имущественную основу. Имущественный комплекс бизнес-структуры включает в себя несколько уровней. Основной уровень — бизнес-единицы НПК, связанные партнерскими, договорными отношениями. Дополнительный уровень — компании, формально находящиеся вне ее, — поставщики ресурсов или услуг, потребители ее продукции. Дополнительные уровни системы могут составлять и бизнес-единицы, которые не вступают в какие-либо договорные отношения с элементами интегрированной бизнес-структуры, но оказывают значимое влияние на ее деятельность. Таким образом, построение интегрированной бизнес-структуры основано на сетевом принципе.

Если рассматривать функционирование интегрированной бизнес-структуры, то здесь систему составляют повторяющиеся и взаимосвязанные виды деятельности — бизнес-процессы. Характер этих бизнес-процессов, их взаимосвязанность в рамках цепочек создания стоимости определяют динамический профиль интегрированной бизнес-структуры.

Особенности функционирования интегрированных бизнес-структур

Системность материальной и функциональной составляющих бизнес-структуры

реализуется на каждом этапе самоорганизации: в части имущественного комплекса бизнес-структуры формируется определенный состав бизнес-единиц на договорной основе; в части функционирования реализуется соответствующая новому составу взаимосвязь бизнес-процессов. Другими словами, изменение состава бизнес-единиц обуславливает изменение бизнес-процессов. Процессы производства продукции или оказания услуг имеют свои особенности на каждом предприятии отрасли. Изменение бизнес-процессов позволит постепенно, опираясь на эволюционный подход, сформировать оптимальный технологический процесс (например, в мультипространственной системе НПК [2]). В качестве примера такого НПК можно привести научно-производственный комплекс зеленоградских предприятий электронной промышленности, в который входят более 55 компаний, среди них — научно-исследовательские институты, заводы, научно-производственные малые и средние компании. К НПК Зеленограда относится учебно-научно-инновационный комплекс МИЭТ, в его состав входят: завод «Протон», ГНЦ НПК «Технологический центр», Зеленоградский инновационно-технологический центр, Зеленоградский нанотехнологический центр и другие бизнес-единицы научно-исследовательского, инновационно-внедренческого и производственного характера. Такой состав бизнес-единиц может стать эффективной основой для формирования интегрированной бизнес-структуры, реализующей масштабные инвестиционные проекты, и центром «притяжения» партнерских бизнес-единиц из других НПК. Самоорганизация и эволюционное саморазвитие в оптимальном технологическом процессе на базе НПК рассматриваются как трансформация экономической системы в трех ее экономических элементах — во взаимодействии бизнес-единиц, единстве бизнес-процессов, распределении ресурсов.

В ходе функционирования интегрированной бизнес-структуры под воздействием различных внутренних факторов (например, реализация успешных инноваций определенной бизнес-единицы) и факторов внешней среды (например, изменения в конъюнктуре соответствующих сегментов рынка, воздействие инструментов государственного регулирования) изменяются показатели ключевых экономических параметров (например, растет эффективность (текущая рентабельность) на уровне отдельных бизнес-процессов и отдельных бизнес-единиц). Эти изменения постепенно накапливаются во всех элементах экономической системы, и по мере накопления «критической массы» изменений формируется мотивационная основа для новых трансформаций. Иначе говоря, нарастают различия в существующей форме организации интегрированной бизнес-структуры и форме оптимальной, потенциально возможной. Постепенно степень различия увеличивается и нарастает противоречие, разрешаемое очередными актами самоорганизации и эволюционного саморазвития. Данный процесс протекает непрерывно, так как масштабы интегрированной бизнес-структуры требуют одновременной реализации множества бизнес-процессов. Например, в результате изменений конъюнктуры целевых рынков сбыта постепенно повышается рентабельность отдельных видов выпускаемой продукции. Нарращивание соответствующей производственной мощности осуществляется за счет структурной трансформации, в интегрированную бизнес-структуру привлекаются новые партнеры.

Рассмотрим механизмы мотивирования бизнес-единиц к взаимодействию при выполнении бизнес-процессов.

1. Как уже отмечалось, бизнес-единица обладает хозяйственной самостоятельностью, принимает самостоятельные решения, действуя в своих интересах. Бизнес-единица заинтересована во взаимодействии

в рамках бизнес-структуры в том случае, если это положительно повлияет на ее ключевые экономические параметры, позволит максимизировать рентабельность, даст синергетический эффект. Для сетевых структур с множеством субподрядчиков, в частности для интегрированных структур НПК, характерны коалиционные взаимодействия бизнес-единиц, когда целевые ориентиры соисполнителей близки друг другу и при достижении требуемой степени взаимообусловленности их совместной деятельности величина синергетического эффекта значительная. То есть показатель прибыли каждого из соисполнителей в результате совместной деятельности превышает показатель прибыли в результате его самостоятельной хозяйственной деятельности.

2. Управление интегрированной бизнес-структурой подразумевает целенаправленное повышение уровня упорядоченности ее элементов с помощью организационно-экономических механизмов. В рамках системно-синергетического подхода это есть стимулирование негэнтропии, снижение энтропии в экономической системе. В результате целенаправленного повышения уровня упорядоченности и достижения коалиционного взаимодействия бизнес-единиц интегрированная бизнес-структура получает синергетический эффект: дополнительные прибыли, увеличение объемов выпуска продукции, конкурентоспособность.

Результаты применения мотивационных механизмов в экономической системе на микроуровне — это разделение труда и специализации в рамках выполнения бизнес-процессов; на макроуровне — это разнообразие экономических элементов и бизнес-процессов. То есть должно быть обеспечено целенаправленное накопление изменений на уровне отдельных бизнес-единиц и бизнес-процессов, которое на макроуровне всей структуры создает стимул к очередному акту самоорганизации и эволюционного саморазвития. Бизнес-единица, имеющая

значительную специализацию на определенном бизнес-процессе, достигает более высоких экономических параметров своей деятельности (например, затраты ниже среднего рыночного уровня позволяют обеспечивать дополнительную прибыль). Если такой эффект специализации будет использован сразу на нескольких бизнес-процессах интегрированной бизнес-структуры, то это положительно повлияет на уровень синергии.

Системно-синергетический подход определяет самоорганизацию интегрированной бизнес-системы как бифуркацию (или гетеробифуркацию): неравновесное состояние системы, альтернативность вариантов ее трансформации, неопределенность результатов этого процесса. В момент бифуркации небольшие по масштабам всей системы управляющие воздействия способны обеспечить должный результат по выбору траектории дальнейшего функционирования и развития. На практике относительно небольшие инвестиции государства обеспечивают качественный скачок в развитии интегрированных структур бизнеса. После бифуркации устойчивость и предсказуемость дальнейшего функционирования и развития восстанавливаются. Процесс самоорганизации интегрированной бизнес-структуры в момент бифуркации предполагает возникновение качественно новых свойств, трансформацию форм организации деятельности и нелинейный характер ключевых экономических параметров деятельности. Процессы упорядочения и увеличения уровня организованности экономической системы обусловлены функциональной необходимостью ее существования как целостности. Адаптируясь к факторам влияния, бизнес-структура меняет свою форму и состав бизнес-элементов, в рамках ее деятельности формируются новые бизнес-процессы и при успешной реализации такого качественного перехода повышаются экономические показатели деятельности. Такая трансформация, аналогично бизнес-проектам отдельных предприятий, требует пла-

нирования и организации с опорой на методологию проектного управления. То есть в задачи методического обеспечения управления самоорганизацией интегрированных бизнес-структур входит выбор конкретных методов и инструментов планирования и разработки комплексов организационных мероприятий.

Выполняется следующая схема процесса самоорганизации: неравновесность экономической системы растет — стимулируются процессы самоорганизации и эволюционного саморазвития — стратегия управления активной фазой развития системы нацелена на сохранение устойчивости. Поэтому первоочередная задача на этом этапе — обеспечить предсказуемость результатов, их соответствие планам. Устойчивость функционирования интегрированной бизнес-структуры обеспечивается способностью экономической системы стремиться к возврату в равновесное состояние после вывода ее в зону неравновесности посредством управляющих воздействий. Это целенаправленное, спланированное, организованное и контролируемое движение между равновесными состояниями неравновесной системы. Управление сводится к стимулированию неравновесности в активных фазах развития и обеспечению возврата в равновесное состояние после завершения этих фаз.

Равновесное состояние рассматриваемой экономической системы определяется режимом функционирования ее элементов, каждый из которых является хозяйствующим субъектом. В соответствии с принципами микроэкономики, любой бизнес стремится обеспечить оптимальный режим функционирования, т. е. минимизировать затраты и максимизировать прибыль. Для интегрированной бизнес-структуры такой режим достижим при условии устойчивого взаимодействия ее элементов. В досистемной среде до момента самоорганизации каждая бизнес-единица самостоятельно обеспечивала свое равновесное состояние в фазе оптимума — функционировала

самостоятельно в условиях максимизации прибыли, без объединения в бизнес-структуру. В результате самоорганизации интегрированной бизнес-структуры после бифуркации все бизнес-единицы находят новые параметры оптимума при совместной деятельности и стремятся к их обеспечению. Каждая бизнес-единица выбирает такой режим функционирования, при котором максимум прибыли (в том числе дополнительная прибыль от объединения) достигается в условиях интеграции. Этот процесс можно ускорять с помощью управляющих воздействий. При этом наличие синергетического эффекта от объединения в интегрированную бизнес-структуру (например, дополнительных прибылей) создает стимулы устойчивости всей структуры.

Длительность нахождения рассматриваемой экономической системы в равновесном состоянии определяется временными параметрами проектов, для реализации которых создается бизнес-структура. Ее потенциал постепенно исчерпывается по мере реализации системообразующего проекта и изменения влияния внешней бизнес-среды, возникают противоречия между существующим состоянием хозяйственной деятельности и новыми параметрами внешней бизнес-среды, создаются предпосылки для следующего этапа самоорганизации и саморазвития, требующего новых проектов. Допустим, мотивационная основа в виде дополнительной прибыли от объединения целенаправленно поддерживается субъектом управления (например, с помощью инвестиций государства) в течение реализации инвестиционного проекта. Целесообразность дальнейшего поддержания мотивационной основы оценивается в стадии зрелости проекта.

В связи с этим проектное управление, нацеленное на обеспечение устойчивости деятельности и развития бизнес-структуры, включает: прогнозирование динамики реализации проектов, планирование переходных процессов и внедрение новых проектов, опре-

деление требуемых ресурсов. Также возможно использовать инструменты мониторинга, основанные на факторных моделях [3]. Прогнозирование динамики проектов и планирование переходных процессов целесообразно осуществлять, сочетая методы математического прогнозирования и экспертные методы, так как эти процессы характеризуются значительной степенью стохастичности, непредсказуемости. Очевидно, что подсистему управления ресурсами должны составлять методы и инструменты инвестиционного анализа и финансового планирования. Данная методология позволит сохранить не только управляемость динамической системы, т. е. целенаправленный перевод системы из одного состояния в другое, но и параметры динамического состояния в условиях неравновесности.

В условиях устойчивого развития целесообразно использовать методы и инструменты управления деловой активностью (например, оценку сбалансированности развития). Прежде всего практические методы решают задачу сохранения рентабельности текущей деятельности в пределах создания достаточной мотивационной основы для интеграции бизнес-единиц в структуру (размер дополнительной прибыли и соответствующий прирост рентабельности должен быть сопоставимым со среднерыночной доходностью на соответствующих отраслевых рынках), а также задачу обеспечения деловой активности (должны быть соблюдены темпы развития и сбалансированность). Решение этих задач необходимо для перехода на новые качественные уровни развития.

Значимым аспектом динамической устойчивости интегрированной бизнес-структуры является запас прочности к воздействию неблагоприятных дестабилизирующих факторов и рисков. Такой запас устойчивого функционирования и развития достигается за счет тех ресурсов, с помощью которых возможно оперативно компенсировать затраты на восстановление сбалансированности

и устойчивости функционирования (например, резервные фонды из дополнительной прибыли в результате интеграции).

Методы, инструменты и стратегии управления самоорганизацией и саморазвитием должны учитывать такое свойство интегрированной бизнес-структуры, как цикличность. В динамике функционирования экономической системы периодически снижаются либо растут ключевые показатели по мере реализации целенаправленной и спланированной деятельности. Эти изменения уподобляются циклам деловой активности. Их учет предполагает дополнительное ресурсное воздействие, специальный комплекс управляющих мероприятий в момент спада направлен на сохранение положительной траектории устойчивого эволюционного саморазвития бизнес-структуры.

Управление самоорганизацией и эволюционным саморазвитием интегрированной бизнес-структуры в рамках рассмотренной методологии имеет две взаимосвязанные цели — обеспечить устойчивость текущей деятельности в условиях дестабилизирующих факторов внешней среды и, вместе с этим, обеспечить неравновесность данной системы в активной фазе развития. При этом устойчивость текущей деятельности достигается за счет планирования и мероприятий по достижению оптимальных финансово-экономических показателей деятельности. В частности, достаточный объем дополнительной прибыли является основным стимулом взаимодействия бизнес-единиц. По мере роста неравновесности интегрированной бизнес-структуры стимулируются процессы активизации ее развития — определяются новые направления деятельности и финансово-экономические условия для интеграции в структуру новых бизнес-единиц, для формирования новых цепочек создания стоимости.

К теории стратегии самоорганизации относится: создание «точек роста» бизнес-структур в досистемной среде (финансово-экономических условий, привлекательных

для интеграции); стимулирование формирования новых коммуникационных связей и устойчивых партнерских договорных отношений между элементами формирующейся или трансформирующейся структуры; достижение определенного уровня целостности интегрированной бизнес-структуры. Индикатором целостности выступает синергетический эффект. В ходе реализации стратегии постепенно выстраивается цепочка бизнес-процессов в рамках каждого проекта, множество связей соисполнителей проекта, выделяются активы, необходимые для их деятельности. На практике это выражается в формировании договорных отношений с новыми субподрядчиками, которые специализируются на актуальных для нового проекта бизнес-процессах, имеют соответствующие активы.

Заключение

Подведем итог. Концептуальный подход к управлению процессами самоорганизации и эволюционного саморазвития интегрированной бизнес-структуры строится на объединении методов управления проектами, деловой активностью, инновационным развитием, методов контроллинга и применения инструментов реинжиниринга бизнес-процессов. Объединяющим ключевое положение звеном является теория систем и системно-синергетический подход.

В дальнейшем планируется рассмотреть принцип «естественного отбора» (применяемого в теории эволюции) при формировании связей между бизнес-единицами и взаимодействиями на уровне отдельных бизнес-единиц, чтобы определить его эффективность в использовании потенциала процессов самоорганизации и саморазвития в интегрированных бизнес-структурах.

Список литературы и источников

1. Бударов А. Ю. Особенности управления самоорганизацией интегрированных бизнес-структур // Экономические и социально-

- гуманитарные исследования. 2023. № 4 (40). С. 16—22. <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2023-4-16-22> EDN: OTGCDJ.
2. Бударов А. Ю., Вендина И. А. Подход к управлению развитием научно-производственных комплексов // Управление и инновационное развитие предприятия: новые подходы и актуальные исследования (УИРП — 2024): сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф. (Москва, МГТУ «СТАНКИН», 21 мая 2024). М.: Янус—К, 2024. С. 232—238.
 3. Вендина И. А. Мониторинг эффективности использования интеллектуального капитала в инвестиционных программах развития научно-производственных комплексов // Контроллинг. 2024. № 3 (93). С. 14—21. EDN: FBIFCE.
 4. Высочина М. В. Синергетический эффект функционирования интегрированных бизнес-структур как фактор их устойчивого развития // Актуальные проблемы и перспективы развития экономики: тр. XVIII Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием (Симферополь — Гурзуф, 24—26 окт. 2019) / под ред. Н. В. Апатовой. Симферополь: ИП Зуева Т. В., 2019. С. 263—264. EDN: QTYNNN.
 5. Высочина М. В., Сулыма А. И. Развитие методического подхода к оценке устойчивого развития интегрированных бизнес-структур // Научный вестник: финансы, банки, инвестиции. 2020. № 1 (50). С. 150—157. EDN: VDITLD.
 6. Прокопенкова В. В. Комплексная оценка стратегической устойчивости ресурсного обеспечения интегрированных бизнес-структур // Недвижимость: экономика, управление, 2018. № 2. С. 74—80. EDN: XZDQMH.
 7. Бударов А. Ю. Особенности саморганизации управления для интегрированных бизнес-структур. Москва: Янус—К, 2024. 232—238. (In Russian).
 8. Vendina I. A. “Monitoring the Effectiveness of the Use of Intellectual Capital in Investment Programs for the Development of Scientific and Industrial Complexes”. *Kontrolling = Controlling* 3 (93) (2024): 14—21. (In Russian). EDN: FBIFCE.
 9. Vysochina M. V. “Synergetic Effect of Integrated Business Structures’ Functioning as Factor of Their Sustainable Development”. *Aktual’nyye problemy i perspektivy razvitiya ekonomiki: tr. XVIII Vseros. nauch.-prakt. konf. s mezhdunar. uchastiyem* (Simferopol’ — Gurzuf, 24—26 okt. 2019). Ed. N. V. Apatova. Simferopol’: IP Zuyeva T. V., 2019. 263—264. (In Russian). EDN: QTYNNN.
 10. Vysochina Marina, Sulyma Aleksandra. “Development of a Methodological Approach to Assessing the Sustainable Development of Integrated Business Structures”. *Nauchnyy vestnik: finansy, banki, investitsii = Scientific Bulletin: Finance, Banking, Investment* 1 (50) (2020): 150—157. (In Russian). EDN: VDITLD.
 11. Prokopenkova V. V. “Integrated Assessment of Strategic Stability of the Resource Provision of Integrated Business Structures”. *Nedvizhimost’: ekonomika, upravleniye = Real Estate: Economics, Management* 2 (2018): 74—80. (In Russian). EDN: XZDQMH.

References

1. Budarov A. Yu. “Features of Self-Organization Management for Integrated Business Structures”. *Ekonomicheskiye i sotsial’no-gumani-tarnyye issledovaniya = Economic and Social Research* 4 (40) (2023): 16—22. (In Russian). <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2023-4-16-22> EDN: OTGCDJ.
2. Budarov A. Yu., Vendina I. A. “Approach to Managing the Development of Research and Production Complexes”. *Upravleniye i innovatsionnoye razvitiye predpriyatiya: novyye podkhody i aktual’nyye issledovaniya (UIRP — 2024) = Management and innovative development of the enterprise: new approaches and topical research (UIRP-2024): sb. materialov Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (Moscow, MSUT “STANKIN”, 21 maya 2024).*

Информация об авторе

Бударов Андрей Юрьевич — доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры экономики, менеджмента и финансов Национального исследовательского университета «МИЭТ» (Россия, 124498, Москва, Зеленоград, пл. Шокина, 1).

Information about the author

Andrei Yu. Budarov — Dr. Sci. (Econ.), Assoc. Prof., Professor at the Economics, Management and Finances Department, National Research University of Electronic Technology (Russia, 124498, Moscow, Zelenograd, Shokin sq., 1).

Статья поступила в редакцию 05.11.2024.

The article was submitted 05.11.2024.

Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2024. № 4 (44). С. 28—38.

Economic and Social Research. 2024. No. 4 (44). P. 28—38.

Научная статья

УДК 658 + 005.94

doi: 10.24151/2409-1073-2024-4-28-38

<https://elibrary.ru/fsrbva>

Управление знаниями: теория, методология, технология и оценка корпоративных практик

А. Е. Квашнева

*Коми республиканская академия государственной службы и управления,
г. Сыктывкар, Россия*

project.edu.2024@gmail.com

Аннотация. Выполнен анализ современных интерпретаций данных, составляющих теорию и технологию управления знаниями, обозначена роль явного и неявного знания в бизнес-процессах организации. Методом социологического исследования выявлены результирующие факторы внедрения менеджмента знаний в управление бизнес-процессами: мотивация, наличие барьеров, факторы успеха. Выделен фактор роста конкурентоспособности организаций, внедряющих менеджмент знаний и систему организационного обучения сотрудников. Сделан вывод о фундаментальном значении капитализации знаний в обосновании успешной стратегии развития бизнеса и создании модели организационного обучения.

Ключевые слова: управление знаниями, организационная стратегия, структура управления, общество знаний, малое предпринимательство, бизнес-процесс, конкурентоспособность, капитализация знаний

Для цитирования: Квашнева А. Е. Управление знаниями: теория, методология, технология и оценка корпоративных практик // Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2024. № 4 (44). С. 28—38. <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2024-4-28-38> EDN: FSRBVA.

Original article

Knowledge management: Theory, methodology, technology and assessment of corporate practices

A. E. Kvashneva

The Komi Republican Academy of State Service and Administration, Syktvykar, Russia

project.edu.2024@gmail.com

© Квашнева А. Е.

Abstract. The author performed the analysis of modern interpretations of the data that make up the theory and technology of knowledge management, outlining the role of explicit and tacit knowledge in the business processes of an organization. Using the method of sociological research the author revealed the resulting factors of knowledge management implementation in business process management: motivation, presence of barriers, success factors. The factor of growth of competitiveness of organizations implementing knowledge management and organizational training system for employees has been highlighted. The conclusion is made about fundamental significance of knowledge capitalization in justifying a successful business strategy and creating an organizational learning model.

Keywords: knowledge management, organizational strategy, management structure, knowledge society, small business, business process, competitiveness, knowledge capitalization

For citation: Kvashneva A. E. “Knowledge Management: Theory, Methodology, Technology and Assessment of Corporate Practices”. *Economic and Social Research* 4 (44) (2024): 28—38. (In Russian). <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2024-4-28-38> EDN: FSRBVA.

Введение

В последние годы дискуссия о структурных изменениях в системе и практиках корпоративного менеджмента и планирования становится всё более важной. Это особенно верно в контексте внедрения новых информационных и коммуникационных технологий, которые ставят под сомнение результативность предыдущих форм организации труда. В спектре деятельности общества знаний и развития коммуникаций консалтинговые услуги, связанные с бизнесом, по-прежнему считаются расширяющейся областью. Растет спрос на услуги управленческого консультирования со стороны компаний частного сектора, а также органов государственного управления и некоммерческих организаций [15]. Учитывая постоянный запрос со стороны малого предпринимательства на повышение эффективности бизнеса и снижение затрат посредством внедрения инноваций, ожидается, что новые методы менеджмента и цифровые технологии помогут решить проблемы реструктуризации и модернизации бизнеса в части организации труда [1]. Переход на иной управленческий уровень консалтинга вынужденно отодвигает практический оперативный уровень на задний план, в результате создается

новый тип трудовой деятельности во временно стабильных, объективно общих, социально согласованных и оперативно-технологических формах [18, с. 7]. Управление знаниями в компаниях, предоставляющих консалтинговые услуги, связанные с бизнесом, находится в центре внимания, поскольку есть надежда, что опыт, полученный в консалтинговом бизнесе, можно формализовать.

С социологической точки зрения, современный научный дискурс об управлении знаниями ограничивается теоретико-системным взглядом на предмет исследования [16]. Однако тезис о «жизненном мире систем», сформулированный на основе концепции Ю. Хабермаса, становится всё более актуальным в контексте управленческого консультирования как вида профессиональной деятельности, основанной на знаниях, поскольку квалифицированные консультанты являются основной рабочей силой, добавляющей ценность — увеличивающей интеллектуальный капитал компании [11]. Чтобы выявить факторы управления знаниями, влияющие на стратегию организационного развития и менеджмента фирмы, целесообразно использовать социологические методы синтеза и анализа систем

управления, структурно-функционального анализа организационных систем управления [2].

Результаты и обсуждение

Организация социальных отношений становится всё более важной, всё более опирается на знания и коммуникации. Изменение требований к квалифицированной работе, особенно в результате активизации новых процессов цифровизации и организационной децентрализации в производстве и сфере услуг, заставляет академических исследователей и политических деятелей говорить о новом значении знаний и новом типе работников умственного труда [13].

«Экономика, основанная на знаниях (GSL)», согласно данным Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), есть «экономика, которая непосредственно основана на производстве, распределении и использовании знаний и информации» [17, с. 7]. Она развивается в тенденции (в странах ОЭСР) к росту инвестиций в высокие технологии, высокотехнологичные отрасли, более высококвалифицированную рабочую силу. С точки зрения роста производительности, наиболее продуктивны инвестиции в научные исследования и разработки, образование и обучение, а также в новые структуры управленческой работы (цит. по: [16, с. 141]). Структуры и процессы материального и символического воспроизводства пронизаны зависящими от знаний операциями, поэтому обработка информации, символический анализ, экспертные системы и интеллектуальные продукты имеют приоритет над другими факторами социального воспроизводства [8].

Будущее сферы труда — это общество знаний и коммуникаций, в нем основное внимание уделяется уже не машинному производству стандартных продуктов, а ориентированному на клиента предоставлению инновационных, высококачественных продуктов и услуг. Это меняет требования

к социальному регулированию труда. В результате диверсификации «выигрывают» высокопроизводительные трудовые ресурсы, трудовой потенциал которых используется комплексно. Организация труда этих работников характеризуется гибким рабочим графиком, системой оплаты труда по результатам. Профессиональная мобильность способствует снижению статусных барьеров и участию в новых формах труда.

Главными принципами управления знаниями являются: «инновации и предпринимательство», «демократия и свободы», «равные возможности и солидарность». Следование этим принципам требует развития сервисной экономики: «лучшее обслуживание граждан и экономики со стороны администрации», стремление к «более высокому качеству жизни, особенно за счет ИТ-приложений в секторе здравоохранения, социального обеспечения, охраны окружающей среды и транспорта» и «ускорение экономического роста» за счет новых компаний, новых звеньев в цепочке создания стоимости в управлении бизнесом, повышения производительности и конкурентоспособности [16].

Еще в начале 1970-х гг. американский социолог Д. Белл (Daniel Bell) указывал на тенденцию к увеличению роли технократического мышления как источника инноваций. Он диагностировал переход от «тейлористского индустриального общества» к постиндустриальному обществу услуг и предсказал центральную роль профессий и видов деятельности, связанных с обработкой знаний [11]. Переход к обществу знаний был обусловлен и усилен развитием информационных и коммуникационных технологий, а также технологий, предполагающих интеграцию разных наук (например, биотехнология). Последствия такого развития глубоки и разнообразны, характеризуются общественным разделением труда (углублением специализации и обособлением), появляются новые профессии «работников

умственного труда» и новые отрасли, основанные на знаниях [4]. Сегодня на управление знаниями ориентируются все отрасли материального производства и сферы услуг.

В обществе знаний символическая экономика занимает место денежной экономики, которой, в свою очередь, предшествовало индустриальное общество [15]. На фоне теоретико-системных предположений Х. Вильке (H. Willke) [18] рассуждает о смене режимов контроля над развитием капиталистического общества, с помощью которых должны решаться проблемы, возникающие на разных этапах его исторического развития, такие как национальный суверенитет, социальное страхование, технический контроль и надзор, стандартизация процессов.

С одной стороны, сегодня можно наблюдать колоссальное расширение знаний, определяемых как культурный ресурс. В различных системах символов — языковых, печатных, электронных — в средствах хранения данных представлено содержание знаний, они являются «социально значимыми механизмами» накопления и использования знаний [8]. Наличие достоверных знаний (полученных посредством усвоения научной информации) всё чаще является условием для формирования способности к совершению социальных действий. С другой стороны, с начала индустриализации наука всё более превращается в непосредственную производительную силу и, таким образом, берет на себя дополнительную общественную задачу, помимо интерпретации исследовательских данных [12]. Однако эта функция науки как непосредственной производительной силы меняется с изменением формы общественного производства.

Знание становится центральным средством контроля наряду с властью и капиталом как фактором производства. Формируются такие условия цифровой среды, которые увеличивают значимость не только производства научных знаний, но и, прежде всего, применения знаний в различных

формах трудовой деятельности. Общество знаний способно решать проблемы социального взаимодействия, эта способность необходима в ходе глобализации, поскольку возникают новые типы взаимодействия — сетевые, взаимозависимые общества, развитие которых требует преодоления «когнитивных диссонансов между различными видами социальных систем». Эти диссонансы становятся видимыми в системных различиях индивидов и групп — в восприятии, операционной логике, образе социума как представлении о реальности и облике внешнего окружения, формировании рефлексии относительно вызовов внешней среды, — а также в различных функциональных системах сетевого взаимодействия; они могут быть обработаны с помощью операций, зависящих от знаний [18, с. 12].

В повышении конкурентоспособности компаний всё большее значение приобретает организационный интеллект, который не был предметом стратегий управления в традиционных бизнес-компаниях, но требуется в нестандартных формах бизнеса как источник управления организационными знаниями. Знания сегодня есть средство производства, наряду с финансовым капиталом, природными ресурсами и рабочей силой знания участвуют в создании конечного продукта. Таким образом экономика становится поливалентной.

Социальная трансформация XXI в. по существу определяется изменением социальной организации труда вследствие глобализации рынков, технологических инноваций, организационной реструктуризации и изменения требований к труду [3]. Не может быть никаких сомнений в том, что эти тенденции параллельны тенденции создания и применения знаний в новых технологиях. Квалификационные знания становятся конкурентными факторами. Однако в современном образовании акцент всё чаще делается не на накоплении знаний, а на «понимании, формировании смыслов-ценностей»

(цит. по: [4, с. 190]), например, в рефлексивном обучении, где развивается критическое мышление, умение анализировать свои результаты и осмысливать качества личности. Знания, умения и навыки профессионала подразумевают адаптацию личности к новым требованиям и условиям работы в целях создания новых продуктов, услуг и процессов, а также применения современных инфраструктур информационных технологий.

Управление знаниями в бизнес-организациях ставит задачу выявить весь соответствующий потенциал знаний и систематически использовать его путем оптимизации потоков знаний в основных процессах. Это требует дальнейшего развития прагматических теорий и перспектив организационного обучения в бизнес-среде, разработки технологий, направленных на выявление, приобретение, развитие, распространение, использование и сохранение знаний.

Опыт и эмпирические данные, доступные сегодня, показывают, что управление знаниями в промышленности и сфере услуг понимается как часть корпоративной культуры и представляет собой сумму процессов, которые определяют создание, распространение и использование знаний для достижения организационных целей [14].

Однако отсутствие корпоративной культуры на малых предприятиях Республики Коми сегодня в основном не является барьером на пути эффективного управления знаниями. Этот факт доказан в ходе социологического исследования, проведенного на предприятиях малого бизнеса Республики Коми. Выборку составили 70 субъектов малого и среднего предпринимательства, получателей господдержки. В результате опроса в 2023 г. был зафиксирован 121 ответ. На основании анализа ответов составлена диаграмма, которая показывает наличие барьеров, препятствующих управлению знаниями. Согласно рис. 1, основным препятствием является дефицит времени (для 70 % респондентов), а также отсутствие знания,

или неосведомленность о передаче знаний (68 % респондентов). Лишь около 29 % респондентов считают барьером отсутствие поддерживающей обмен знаниями корпоративной культуры и организационной системы.

Вместе с тем среди факторов успеха в управлении знаниями элементы корпоративной культуры преобладают в мнении респондентов, так как при ответе на вопрос о трех наиболее важных факторах успеха они упоминались чаще всего (44 %) (см. рис. 2). На втором месте (28 %), согласно мнению респондентов, — элементы управления человеческими ресурсами, такие как мотивация и квалификация сотрудников (18 %), их обучение при условии непрерывного образования (6 %) и вознаграждение (4 %). На третьем месте (25 %) — поддержка высшего руководства (18 %), в том числе задача четкого определения целей (7 %). Организационное проектирование в компаниях является одним из центральных факторов успеха управления знаниями. Информационные технологии уступают корпоративной культуре и по важности стоят наравне с организационным проектированием (23 %).

Опрос представителей малого промышленного бизнеса региона показывает, что управление знаниями является наиболее важным для «понимания рынков и клиентов» (94 %), «разработки продуктов и услуг» (90 %), а также «управления улучшениями и изменениями» (88 %) и «управления информацией» (85 %). Организационные знания обеспечивают конкурентоспособность компании в условиях ориентации на клиента и усиления конкуренции.

Прочная связь бизнес-процесса «разработка продуктов и услуг» с такими видами деятельности, как «применение знаний» и «создание новых знаний», обуславливает его значимость в управлении бизнесом. Выявление и распространение внутренних и внешних активов знаний — от лучших практик (лучших методов и процедур исследования рынка) до идей и предложений

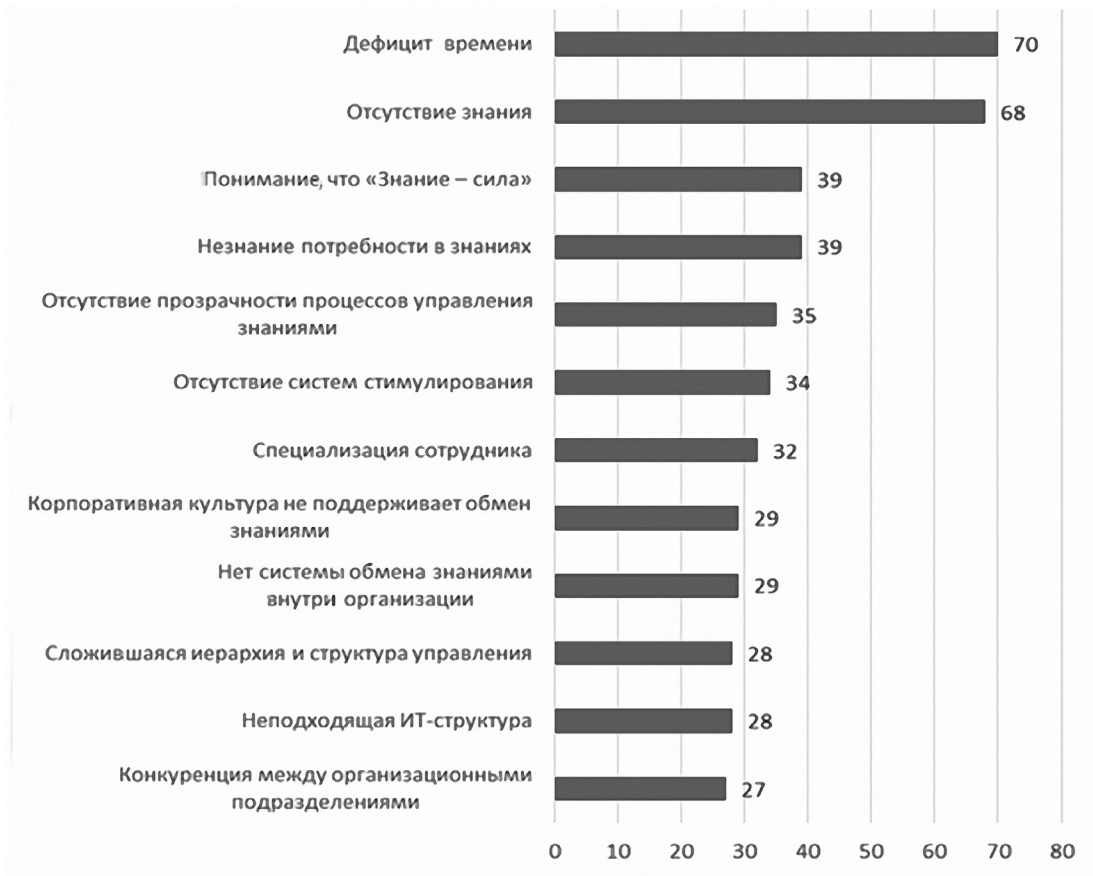

Рис. 1. Барьеры, препятствующие управлению знаниями в деятельности малых промышленных предприятий Республики Коми

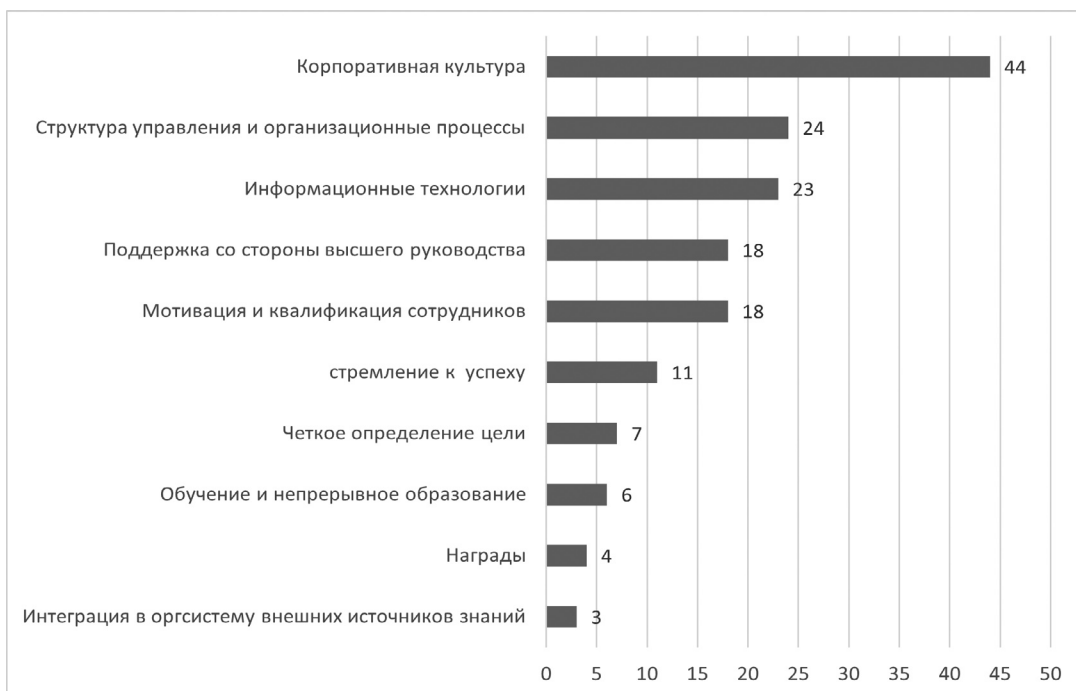

Рис. 2. Факторы, способствующие эффективности управления знаниями в деятельности малых промышленных предприятий Республики Коми

совершенствования бизнес-процессов по всей организации — деятельность, важность которой возрастает сегодня, что отражается в оценке поддерживающего бизнес процесса «управление совершенствованием и изменениями». Бизнес-процесс «управление информацией» в конечном итоге представляет собой техническую инфраструктуру для хранения и транспортировки данных и информации. Почти каждое второе малое предприятие, участвующее в опросе, в сфере услуг использует управление знаниями. Оценка уровня развития малых предприятий показывает тенденцию к активизации всех бизнес-процессов за счет систематического управления ресурсом знаний.

В контексте применения знаний, полученных в ходе просветительской деятельности, большинство сотрудников положительно оценивают мастерство самоуправляемых междисциплинарных команд и обучение команд опытными экспертами [5].

Факторы управления человеческими ресурсами, дающие потенциал управлению знаниями, такие как «мотивация и квалифика-

ция сотрудников», «обучение и непрерывное образование» и «вознаграждение», в совокупности составили 29 % мнений респондентов. Это делает управление человеческими ресурсами второй по значимости областью проектирования после внутриорганизационной корпоративной культуры. Проблема внутриорганизационного лидерства, согласно опросу, представлена мнением 25 % респондентов, которые указали на такие факторы, обеспечивающие управление знаниями, как «поддержка со стороны высшего руководства» и «четкое определение целей».

Попытки мотивировать своих сотрудников к эффективному управлению знаниями очевидны: 19 % малых предприятий пытаются повысить заинтересованность сотрудников посредством финансового вознаграждения, 18 % полагаются на «визуализацию» успеха благодаря наградам и общественному признанию достижений малого промышленного предприятия в регионе.

Косвенно управление знаниями требует следования принципам обучающейся организации, что должно вызвать долгосрочные

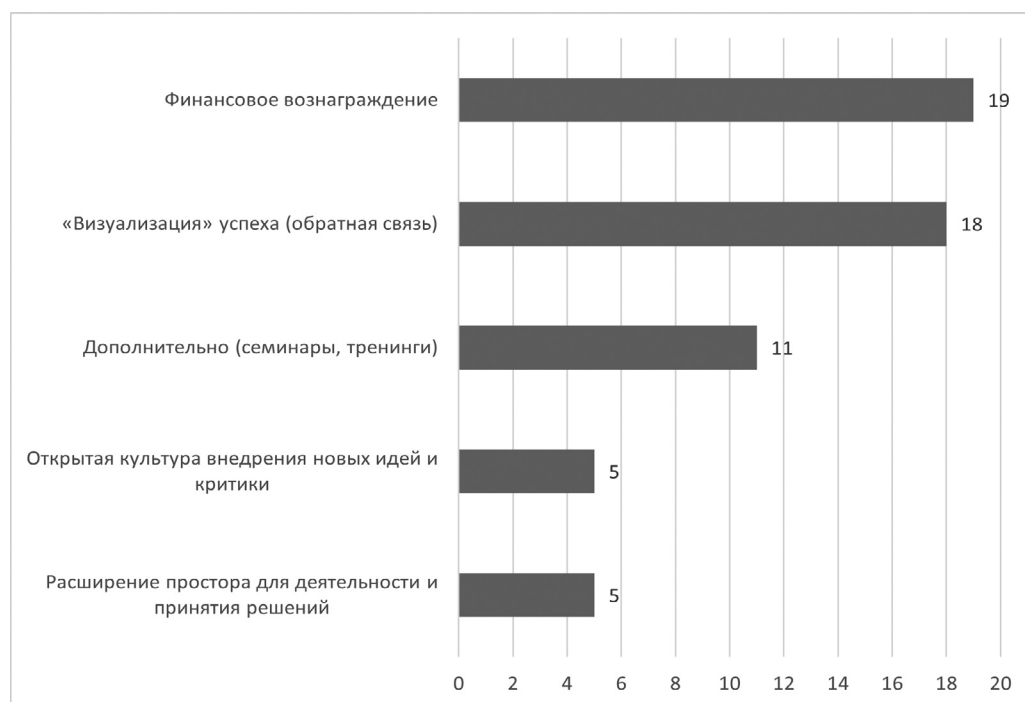

Рис. 3. Мотивация управления знаниями в деятельности малых промышленных предприятий Республики Коми

изменения. Процессы организационного обучения также являются целенаправленными.

Различие между типами знаний основано на предпосылке, что знание прежде всего не является личным знанием. Речь идет не о том, что человек знает или не знает. Речь здесь идет о социальном знании, знании, которое присуще обстоятельствам и которое неизбежно одновременно известно и неизвестно нам в той мере, в какой мы в него погружены.

Операции отбора и предоставления экспертных знаний обычно специализированные, т. е. зарезервированы для определенных отделов, должностей или даже внешних консультантов. Это знание обязательно является явным, его создание и обработка зависит от импортируемых бизнес-знаний о принципиальном различии производства и сбыта, организации и контроля, стратегии и персонала. Согласно нашему исследованию, генерация новых знаний активизируется в проектных группах, в том числе с участием партнеров индустриальных парков. Помимо этого, респонденты указывают, что поддержка внутренних экспертов (68 %) встречается чаще, чем помощь внешних консультантов (55 %).

Знание о продукте носит явный характер, так как определяется вопросом, решению какой проблемы способствует продукт, в какой форме и какие технологии подходят для производства максимально безошибочной и экономически эффективной продукции. Оно также включает порядок выполнения этапов производства, — такой, чтобы обеспечить достаточную стандартизацию, сохраняя при этом возможность вариаций. Наконец, знание о продукте опосредовано предпринимательской способностью оценить, в какой момент вклад продукта в решение проблемы перестает быть достаточным и, следовательно, продажи продукта больше не гарантируются.

Соответственно, социальные знания кажутся самоочевидными, и редко осознается, как они влияют на процессы принятия

организационных решений [6]. Эти знания определяют общую структуру того, что представляет собой организация, чего можно ожидать от нее в составе ассоциации, какие юридические правомочия закрепляют соглашения ее членов (например, трудовые договоры, корпоративные формы договора), какие стандарты поведения применяются внутри и за пределами организации, какие бизнес-модели используются для обучения сотрудников.

Психология управления знаниями направлена на преодоление когнитивных диссонансов между сотрудниками. Имитация успешного поведения на образцах для подражания (обучение на моделях), безусловно, является наиболее распространенной и обычно единственной формой обучения в традиционных бизнес-моделях. Обучение формирует поведенческие изменения методом диалога: диалог внутри человека в процессах интрапсихического обучения, диалог между учащимся и ситуацией в ходе интерактивного обучения, при этом ситуация может состоять из материального или социального контекста [7].

Выводы

В исследованиях прослеживаются и оцениваются шесть взаимодополняющих точек зрения, которые в совокупности можно рассматривать в качестве тематических составляющих модели целостного управления знаниями:

- организационное обучение как адаптация;
- организационное обучение как создание общей реальности;
- организационное обучение как развитие общей базы знаний;
- организационное обучение как генерация новых знаний;
- организационное обучение как системное управление знаниями;
- организационное обучение как успешная инновационная игра.

В процессе организационного обучения выявляются изменения окружающей среды и соответствующие организационные контексты, чтобы затем иметь возможность эффективно реагировать на соответствующие (новые) обстоятельства. Адаптированное содержание обучения включает цели и правила, управляющие вниманием и поиском новой, актуальной для бизнеса информации. К. Аргирис (C. Argyris) и Д. Шён (D. Schön) выделяют две формы обучения: одноконтурное и двухконтурное [8; 9; 10]. При двухконтурном обучении повседневные теории подвергаются сомнению, изменяются, коллективные правила реструктуризируются согласно новым стратегиям. Эта форма обучения представляет собой обучение на более высоком уровне, поскольку ее модули не содержат адаптации и не оптимизируются в рамках заданной системы предположений, приоритетов и правил, а, скорее, формируются за пределами существующей системы и фундаментально меняют ее. Обучение здесь основано на изменении окружающей среды.

Явное знание выражается и передается на формализованном языке — эту форму данных обычно можно легко отобразить в цифровой среде. В свою очередь, неявное знание имеет более личный характер: оно формируется под влиянием богатого опыта и навыков решения проблем. Это контекстно-зависимые аналоговые эмпирические знания, которые нелегко формализовать и точно передать [9]. Неявные знания имеют техническое измерение в виде навыков (ноу-хау), которые трудно описать. Вместе с тем процесс организационного обучения описывается как движение по спирали, соединяющее неявные и явные знания на индивидуальном, групповом и корпоративном уровнях.

Бизнес-организации не занимаются исключительно инновациями, их диффузией, но направляют количественно существенную часть ресурсов на производство продук-

тов и услуг, их продвижение на рынке. Поэтому информация должна быть включена в контекст опыта — как индивидуального, так и организационного, который важен для системы, чтобы воспроизводились знания. Для этого требуется богатая бизнес-практика. Актуальной задачей управления знаниями является рекомбинация индивидуальных и организационных компонентов знаний, обучения и инноваций. Организациям нужны свои собственные правила для капитализации явного и неявного знания на всех трех составляющих процесса получения знаний «информация — знание — данные»: правила должны включать инструменты наблюдения, с помощью которых бизнес может получать данные (например, годовые финансовые и бухгалтерские отчеты, бизнес-аналитику). Целесообразно установить критерии релевантности для построения эффективной информационной системы, поскольку представители малых промышленных предприятий уделяют существенное внимание в управлении знаниями информационным технологиям (23 % респондентов) и ориентации этого управления на бизнес-процессы (24 %) (см. рис. 2).

Кроме того, первоочередная задача бизнеса сегодня — создать «сообщество практиков» и экспертов с целью аккумулировать информацию и трансформировать ее в знания. В отличие от капитала, к знанию как производственному ресурсу применим закон возрастающей предельной полезности: ценность дополнительной единицы знания увеличивается, если компания совершенствует бизнес-процессы, повышая эффективность единицы знания на основе накопления знаний.

Список литературы и источников

1. *Богущ А. И.* Управление знаниями как основа развития бизнес-процессов в рыночной среде // Тенденции экономического развития в XXI веке: материалы IV Междунар. науч.-практ. конф. (01 марта 2022). Минск:

- Белорусский гос. ун-т, 2022. С. 342—345. EDN: BNOCDX.
2. **Житяев А. А.** Теоретические основы формирования системы управления знаниями // Государственное управление и развитие России: вызовы и перспективы: сб. статей VI Всерос. науч.-практ. конф. (25—26 нояб. 2022) / под науч. ред. А. В. Яшина, А. А. Грачева. Пенза: Пензенский гос. аграрн. ун-т, 2022. С. 111—117. EDN: JJSGHN.
 3. **Кизилов А. Н.** Бизнес-консалтинг в системе управления организациями малого бизнеса // Учет и статистика. 2024. Т. 21. № 1. С. 40—49. <https://doi.org/10.54220/1994-0874.2024.40.60.005> EDN: GHHRON.
 4. **Кучмезов Р. А., Местоева Е. А., Закраилова Б. Р.** Понятие рефлексивного обучения студентов вуза и его особенности // Проблемы современного педагогического образования. 2022. № 76-4. С. 190—192. EDN: GGNXUN.
 5. **Лыскова И. Е.** Концептуальные основы формирования системы качества человеческих ресурсов современной организации // Вестник Коми республиканской академии государственной службы и управления. Серия: Теория и практика управления. 2022. № 1 (35). С. 87—95. EDN: IWWKAY.
 6. **Новикова О. С., Тинякова В. И.** Гармонизация организационной структуры управления и бизнес-модели предприятия в условиях цифровизации экономики // Евразийский юридический журнал. 2022. № 9 (172). С. 499—501. EDN: NMMTPЕ.
 7. **Плигин А. А.** Психотехнологии управления знаниями в компании, обеспечивающие согласование компетентности специалистов и эффективной реализации бизнес-процессов // Современные психотехнологии в управлении, политике, бизнесе, образовании: материалы Второй и Третьей Междунар. науч.-практ. конф. (01 июня 2021 — 30 июня 2022). М.: Русайнс, 2023. С. 108—114. EDN: JXGWUI.
 8. **Argyris C.** Reasoning, Learning and Action: Individual and Organizational. San Francisco, CA: Jossey-Bass, 1982. 500 p.
 9. **Argyris C.** Strategy, Change and Defensive Routines. Marshfield, MA: Pitman, 1985. 368 p.
 10. **Argyris C., Schön D.** Organizational Learning: A Theory of Action Perspective. New York: Addison-Wesley, 1978. XII, 344 p. (Addison-Wesley Series on Organization Development).
 11. **Castells M.** The Information Age: Economy, Society and Culture. Vol. 1: The Rise of the Network Society. Cambridge, MA: Blackwell Publ., 1996. 556 p.
 12. **Dick R.** Learning to Communicate: Activities, Skills, Techniques, Models. St. Lucia: Interchange and Univ. of Queensland Bookshop, 1986. 308 p.
 13. **Grinder M.** Righting the Educational Conveyor Belt / ed. L. Stephens. Portland, OR: Metamorphous Press, 1991. 248 p. (Red Seal Educational Series).
 14. **Hudson R.** The learning economy, the learning firm and the learning region: A sympathetic critique of the limits to learning // European Urban and Regional Studies. 1999. Vol. 6. Iss. 1. P. 59—72. <https://doi.org/10.1177/096977649900600105>
 15. Regionale Innovationspotentiale und innovative Netzwerke / M. Fritsch, K. Koschatzky, L. Schätzl, R. Sternberg // Raumforschung und Raumordnung. 1998. Bd. 56 (4). S. 243—250. <https://doi.org/10.1007/BF03184335>
 16. **Schmidt S.** Wissensspillover in der Wissensökonomie: Kanäle, Effekte und räumliche Ausprägungen. Münster: LIT, 2012. 376 S. (Stadt- und Regionalwissenschaften = Urban and Regional Sciences).
 17. The Knowledge-Based Economy. Paris: OECD, 1996. 45 p.
 18. **Willke H.** Systemisches Wissensmanagement. 2., neubearb. Aufl. Stuttgart: Lucius & Lucius UTB, 2001. 381 S.

References

1. Bogush A. I. “Knowledge Management as a Basis for the Development of Business Processes in a Market Environment”. *Tendentsii ekonomicheskogo razvitiya v XXI veke: materialy IV Mezhdunar. nauch.-prakt. konf.* (01 marta 2022). Minsk: Belarusian State Univ., 2022. 342—345. (In Russian). EDN: BNOCDX.
2. Zhityaev A. A. “Theoretical Foundations for the Formation of a Knowledge Management System”. *Gosudarstvennoye upravleniye i razvitiye Rossii: vyzovy i perspektivy: sb. statey VI Vseros. nauch.-prakt. konf.* (25—26 noyab. 2022). Sci. eds A. V. Yashin, A. A. Grachev. Penza: Penza State Agrarian Univ., 2022. 111—117. (In Russian). EDN: JJSGHN.
3. Kizilov A. N. “Business Consulting in the Management System of Small Business Organizations”. *Uchet i statistika* 21.1 (2024): 40—49.

- (In Russian). <https://doi.org/10.54220/1994-0874.2024.40.60.005> EDN: GHHROH.
4. Kuchmezov R. A., Mestoeva E. A., Zakrailova B. R. "The Concept of Reflective Learning of University Students and Its Features". *Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya* 76-4 (2022): 190—192. (In Russian). EDN: GGNXUN.
 5. Lyskova I. E. "Conceptual Basis of the Formation of the Human Resources Quality System in a Modern Organization". *Vestnik Komi respublikanskoy akademii gosudarstvennoy sluzhby i upravleniya. Teoriya i praktika upravleniya* 1 (35) (2022): 87—95. (In Russian). EDN: IWWKAY.
 6. Novikova O. S., Tinyakova V. I. "Harmonization of the Organizational Structure of Management and the Business Model of the Enterprise in the Context of Digitalization of the Economy". *Evraziyskiy yuridicheskiy zhurnal = Eurasian Law Journal* 9 (172) (2022): 499—501. (In Russian). EDN: NMMTPE.
 7. Pligin A. A. "Psychotechnology of Knowledge Management in the Company, Ensuring the Coordination of the Competence of Specialists and the Effective Implementation of Business Processes". *Sovremennyye psikhotehnologii v upravlenii, politike, biznese, obrazovanii: materialy Vtoroy i Tret'yey Mezhdunar. nauch.-prakt. konf.* (01 iyunya 2021 — 30 iyunya 2022). Moscow: Rusayns, 2023. 108—114. (In Russian). EDN: JXGWUI.
 8. Argyris Chris. *Reasoning, Learning and Action: Individual and Organizational*. San Francisco, CA: Jossey-Bass, 1982. 500 p.
 9. Argyris Chris. *Strategy, Change and Defensive Routines*. Marshfield, MA: Pitman, 1985. 368 p.
 10. Argyris Chris, Schön Donald A. *Organizational Learning: A Theory of Action Perspective*. New York: Addison-Wesley Publishing Company, 1978. xii, 344 p. Addison-Wesley Series on Organization Development.
 11. Castells Manuel. *The Rise of the Network Society*. Cambridge, MA: Blackwell Publ., 1996. 556 p. Vol. 1 of *The Information Age: Economy, Society and Culture*.
 12. Dick Robert. *Learning to Communicate: Activities, Skills, Techniques, Models*. St. Lucia: Interchange and Univ. of Queensland Bookshop, 1986. 308 p.
 13. Grinder Michael. *Righting the Educational Conveyor Belt*. Ed. Lori Stephens. Portland, OR: Metamorphous Press, 1991. 248 p. Red Seal Educational Series
 14. Hudson Ray. "The Learning Economy, the Learning Firm and the Learning Region: A Sympathetic Critique of the Limits to Learning". *European Urban and Regional Studies* 6.1 (1999): 59—72. <https://doi.org/10.1177/096977649900600105>
 15. Fritsch M., Koschatzky K., Schätzl L., Sternberg R. "Regionale Innovationspotentiale und innovative Netzwerke". *Raumforschung und Raumordnung* 56.4 (1998): 243—250. (In German). <https://doi.org/10.1007/BF03184335>
 16. Schmidt Suntje. *Wissensspillover in der Wissensökonomie: Kanäle, Effekte und räumliche Ausprägungen*. Münster: LIT, 2012. 376 S. (In German). Stadt- und Regionalwissenschaften [Urban and Regional Sciences].
 17. *The Knowledge-Based Economy*. Paris: OECD, 1996. 45 p.
 18. Willke Helmut. *Systemisches Wissensmanagement*. 2., neubearb. Aufl. Stuttgart: Lucius & Lucius UTB, 2001. 381 S. (In German).

Информация об авторе

Квашнева Алена Егоровна — проректор Коми республиканской академии государственной службы и управления (Россия, 167000, Республика Коми, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, д. 11).

Information about the author

Alyona E. Kvashneva — Vice-Rector of The Komi Republican Academy of State Service and Administration (Russia, 167000, Komi Republic, Syktyvkar, Kommunisticheskaya st., 11).

Статья поступила в редакцию 19.08.2024.

The article was submitted 19.08.2024.

Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2024. № 4 (44). С. 39—48.

Economic and Social Research. 2024. No. 4 (44). P. 39—48.

Научная статья

УДК 338.47 + 339.9

doi: 10.24151/2409-1073-2024-4-39-48

<https://elibrary.ru/ecfkww>

Современные транспортные коридоры России: проблемы и перспективы развития

А. В. Нечаев

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

nech-a-v@yandex.ru

Аннотация. Проводится обзор проблем и перспектив развития основных международных транспортных коридоров (МТК) России: МТК «Восток — Запад», МТК «Север — Юг» и Северный морской путь — с учетом смещения геополитических и экономических интересов страны с Запада на Восток. Анализ основных текущих маршрутов и объемов грузоперевозок, а также соответствующих мер государственной политики завершается построением перспектив развития основных транспортных коридоров России и обоснованием целесообразности создания новых транспортных маршрутов с целью укрепить международные торгово-экономические связи.

Ключевые слова: международный транспортный коридор, грузоперевозки, государственная политика, торговые связи, модернизация инфраструктуры, МТК «Восток — Запад», МТК «Север — Юг», Северный морской путь, Восточный полигон, Транскаспийский транспортный маршрут, ЕАЭС, Большая Евразия

Для цитирования: Нечаев А. В. Современные транспортные коридоры России: проблемы и перспективы развития // Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2024. № 4 (44). С. 39—48. <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2024-4-39-48> EDN: ECFKWW.

Original article

Modern transport corridors of Russia: Problems and prospects of development

A. V. Nechaev

Saint-Petersburg State University, St. Petersburg, Russia

nech-a-v@yandex.ru

© Нечаев А. В.

Abstract. The author reviews the problems and prospects of development of Russia's main international transport corridors: ITC "East — West", ITC "North — South" and the Northern Sea Route, with consideration for the shift of the country's geopolitical and economic interests from the West to the East. The analysis of the main current cargo traffic routes and volumes, as well as relevant public policy, has been completed with the construction of prospects for the development of Russia's main transportation corridors and the substantiation of feasibility of creating new cargo traffic routes to strengthen international trade and economic relations.

Keywords: international transport corridor, cargo traffic, public policy, trade relations, infrastructure upgrade, ITC "East — West", ITC "North — South", Northern Sea Route, Eastern polygon, Trans-Caspian International Transport Route, EAEU, Greater Eurasia

For citation: Nechaev A. V. "Modern Transport Corridors of Russia: Problems and Prospects of Development". *Economic and Social Research* 4 (44) (2024): 39—48. (In Russian). <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2024-4-39-48> EDN: ECFKWW.

Введение

Развитая транспортная инфраструктура государства и возможность построения на ее основе транспортных коридоров являются ключевыми факторами укрепления территориальной связанности страны и внешних торгово-экономических связей, что вносит значительный вклад в экономический рост.

Выгодное географическое положение России, чьи территории простираются через континент из Европы в Азию с запада на восток и с севера на юг, способствует активному участию в международной экономической деятельности, позволяет осуществлять внутрироссийские и транзитные перевозки. В таком контексте национальные транспортные маршруты России в полной мере соответствуют сети международных транспортных коридоров (МТК)¹, обеспечивающей грузопотоки с Западом.

Вместе с тем смещение геополитических и экономических интересов России, в том числе из-за сокращения связей со странами Запада, потребовало пересмотреть возмож-

ность создания транспортных маршрутов по иным направлениям — на юг и восток, а также обострило проблемы отечественной транспортной инфраструктуры, обусловленные износом оборудования и нехваткой мощностей.

С учетом долгосрочных планов развития, заложенных в документах стратегического государственного планирования^{2, 3}, приоритетными для России на ближайшие десятилетия стали следующие МТК: мультимодальные коридоры «Восток — Запад», «Север — Юг» и морской коридор «Северный морской путь».

¹ В транспортной стратегии России до 2030 г. МТК определен как совокупность маршрутов, проходящих по территории (в акватории) нескольких стран, используемых для перевозок грузов и пассажиров в международном сообщении с учетом технологических и организационно-правовых условий осуществления перевозок.

² Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года [Электронный ресурс]: утв. Распоряжением Правительства Российской Федерации № 207-р от 13 февр. 2019 г. // Правительство России: [официальный сайт]. URL: <http://static.government.ru/media/files/UVAqUfT08o60RktoOXl22JjAe7irNxc.pdf> (дата обращения: 27.08.2024).

³ Транспортная стратегия Российской Федерации до 2030 года с прогнозом на период до 2035 года [Электронный ресурс]: утв. Распоряжением Правительства Российской Федерации № 3363-р от 27 нояб. 2021 г. // Правительство России: [официальный сайт]. URL: <http://static.government.ru/media/files/7enYF2uL5kFZlOOpQhLl0nUT91RjCbeR.pdf> (дата обращения: 27.08.2024).

Основные транспортные коридоры России

МТК «Восток — Запад» — трансконтинентальный транспортный коридор из Европы в Азию — составляют два основных маршрута:

1. *Северный коридор*, его основой являются Транссибирская (Транссиб) и Байкало-Амурская (БАМ)⁴ железнодорожные магистрали с различными выходами-ответвлениями: 1) в Монголию через пункт пропуска Наушки, далее в Китай через пункт пропуска Эрен-Хото; 2) в Китай через пункт пропуска Забайкальск; 3) в Китай и страны Азиатско-Тихоокеанского региона через порт Владивосток.

Протяженность Северного коридора от Москвы до Владивостока составляет почти 9,3 тыс. км, а время доставки грузов — около 7 суток [4]. Протяженность Северного коридора от порта Усть-Луга (Россия) до порта Ляньюньган (Китай) — 11,5 тыс. км, время в пути — 14 суток [3].

По оценкам Евразийского банка развития, в 2023 г. перевезено 177,7 млн т по грузопотокам Северного коридора, включая железнодорожные пункты пропуска — 173,9 млн т, автомобильные пункты пропуска — 3,8 млн т [1]. Оценка суммарного грузопотока, приведенная в отчете ООН, несколько ниже — 172,6 млн т за 2023 г. Однако доля транзитных перевозок по Северному коридору в направлениях с востока на запад и обратно составляет 4 % от общего грузопотока⁵. Объем грузоперевозок за тот же год

только лишь по Восточному полигону (основное направление Северного коридора) — 150,5 млн т (выше значения 2022 г. на 1,7 млн т, или на 1,14 %), остальная часть грузопотока (3—4 %) проходит через автомобильные пункты пропуска. При этом мощности Восточного полигона используются не в полной мере из-за ограничений в инфраструктуре: пропускная способность в 2022 г. составила 158 млн т, в 2023 г. — 173 млн т, что выше фактического объема перевозок⁶.

2. *Центральный евразийский коридор*, его маршруты пролегают по европейской части Транссиба (Москва — Екатеринбург — Курган, Челябинск) по железной дороге в Казахстан (пропускной пункт Карталы, Челябинская область), далее в Китай (через пропускные пункты Достык и Алтынколь, Алма-Атинское отделение Казахской железной дороги) и по его территории далее в КДНР, Вьетнам и к китайским портам на побережье Тихого океана. Протяженность Центрального коридора от порта Усть-Луга (Россия) до порта Ляньюньган (Китай) составляет почти 8,5 тыс. км, время в пути — 10 суток [3].

Объемы транзитных перевозок грузов по Центральному евразийскому коридору «Китай — Европа — Китай» (без учета экспорта и импорта Казахстана) в 2023 г. через основные пункты пропуска Достык и Алтынколь составили 8,8 млн т (прирост к 2022 г. на 1,1 млн т, или 14,3 %). При этом оба пункта пропуска обеспечивают 96 % общего объема транзитного грузопотока [1].

МТК «Север — Юг» — единственный транспортный коридор для России, имеющий международную правовую и институциональную основу. Официальное межправительственное соглашение между Россией, Ираном и Индией об учреждении МТК

⁴ Часть Транссиба и БАМ, пролегающие по территории Восточной Сибири и Дальнего Востока, вместе образуют модернизируемый сегодня Восточный полигон железных дорог (сокр. «Восточный полигон»).

⁵ Создание Координационного Комитета в рамках Рабочей группы по тенденциям и экономике транспорта по маршруту Евро-азиатских транспортных связей № 1 [Электронный ресурс]: Тридцать седьмая сессия КВТ Европейской экономической комиссии ЕЭК ООН (25—27 сентября 2024 г., Женева) // ЕЭК ООН: [сайт]. URL: <https://unece.org/sites/default/files/2024-08/ECE-TRANS-WP5-2024-03r.pdf> (дата обращения: 26.08.2024).

⁶ *Скорлыгина Н.* БАМ обнаружил в себе пустоту [Электронный ресурс] // Коммерсантъ: [сетевое изд.]. 28.02.2024. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6534442> (дата обращения: 27.08.2024).

«Север — Юг» было подписано в 2000 г., спустя два года утвержден устав руководящего органа — Координационного совета МТК. Позднее к соглашению присоединились Беларусь, Азербайджан, Оман, Казахстан, Таджикистан, Армения и Сирия. Болгария и Туркменистан проявляют интерес к международной организации, но стоят на позиции наблюдателей.

Перевозки по МТК «Север — Юг» выполняются по трем маршрутам:

1) *Восточный маршрут*: железнодорожная ветвь Россия (порт Усть-Луга, Санкт-Петербург — Москва — Казань — Оренбург) — Казахстан (Кызылорда — Шымкент) — Узбекистан (Ташкент — Самарканд) — Туркменистан (Ашхабад — Теджен — Серахс) — Иран (Мешхед) и новая ветвь, введена в эксплуатацию в 2014 г. (минуя Узбекистан): Москва — Астрахань — Казахстан (Атырау — Актау — Узень) — Туркменистан (Кызылкая — Берекет — Акяйла — Инче-Бурун) — Иран (Горган — по сети железных дорог, в том числе с выходом в порт Бендер-Аббас).

2) *Транскаспийский маршрут*: позволяет перевозить грузы судами смешанного плавания «река-море» через порты стран Каспийского моря, по направлению из России (порты Астрахань, Оля, Махачкала) в Азербайджан (порт Баку) и Иран (порты Бендер-Энзели, Амирабад), с выходом в иранские порты Бендер-Аббас и Чабахар.

3) *Западный маршрут*: преимущественно железная дорога в направлении Россия (Астрахань — Махачкала — Самур) — Азербайджан (Баку — Астара) — Иран (Решт — Казвин), с выходом в иранские порты Бендер-Аббас и Чабахар.

На азербайджано-иранском участке железной дороги Астара — Решт, а также на других участках узких мест (однопутная дорога, отсутствие электрификации пути) перевозки осуществляются автомобильным транспортом. Строительство новой двухпутной электрифицированной железной дороги

Астара — Решт планируется закончить в 2028 г.⁷, она позволит снизить издержки и сроки доставки грузов.

Для каждого из трех указанных маршрутов имеются возможности для вариации перевозки по ветвям транспортного коридора, а также для выхода морским путем из портов Ирана (Бендер-Аббас, Чабахар) в Индию (Мумбаи, порт Джавахарлала Неру).

Протяженность МТК «Север — Юг» от Санкт-Петербурга до портов Индии составляет порядка 7,2 тыс. км, срок доставки грузов — 18...30 дней. В то время как альтернативный морской маршрут через Суэцкий канал (Южный морской путь) от той же отправной до той же конечной точки составляет почти 16 тыс. км, а срок доставки по нему — 30...45 дней [1], что делает МТК «Север — Юг» более привлекательным маршрутом по сравнению с указанным морским маршрутом.

Согласно данным Правительства России, объемы грузоперевозок по МТК «Север — Юг» растут: в 2023 г. объем перевозок всех грузов по всем маршрутам составил 17,13 млн т, что на 3,35 млн т (или на 24 %) больше показателя 2022 г. В том числе морским транспортом перевезено 5,54 млн т (прирост объема перевозок на 55 % к 2022 г.), железнодорожным — 11,59 млн т (прирост объема на 14 % к 2022 г.)⁸.

Северный морской путь имеет протяженность 5,6 тыс. км — от пролива Карские Ворота до бухты Провидения (Берингово море) — и является частью крупнейшего российского Северного морского транзитного коридора (СМТК). Российская часть СМТК имеет протяженность 10,5 тыс. км — от порта Мурманск до порта Владивосток.

⁷ Завершение строительства ж/д участка «Решт — Астара» ожидают к 2028 году [Электронный ресурс] // ТАСС: [интернет-медиа]. 26.07.2023. URL: <https://tass.ru/ekonomika/18364371> (дата обращения: 29.08.2024).

⁸ Андрей Белоусов провел заседание штаба по транспортно-логистическим коридорам [Электронный ресурс] // Правительство России: [официальный сайт]. 09.02.2024. URL: <http://government.ru/news/50842/> (дата обращения: 30.08.2024).

Вся протяженность СМТК — от северных портов Европы (например, порт Роттердам) до китайского порта Шанхай — составляет 13,6 тыс. км, что делает его более конкурентным в сравнении с маршрутом от Роттердама до Шанхая через Суэцкий канал (20—21 тыс. км) [4].

Разветвленная структура расположения северных портов России по маршруту СМТК (Мурманск, Архангельск, Нарьян-Мар, Варандей, Сабетта, Диксон, Хатанга, Тикси, Певек, Эгвекинот, Анадырь, Петропавловск-Камчатский, Советская гавань, Холмск, Владивосток, Находка и Восточный) позволяет формировать ответвления транспортных коридоров в регионах и подключать региональные перевалочные пункты.

Основную часть грузов, транспортируемых по Северному морскому пути, сегодня составляют: сжиженный природный газ (СПГ), газоконденсат, нефть и нефтепродукты (доля СПГ — более 50 %). По итогам 2023 г., морским транспортом перевезено 36,254 млн т грузов, что превышает на 0,254 млн т запланированный объем и на 1,914 млн т (на 5,6 %) — объем 2022 г. При этом более половины всего объема грузоперевозок обеспечила компания ПАО «Новатэк» (за счет СПГ), а также крупные поставщики ПАО «Лукойл», «ГМК «Норникель», ПАО «Газпромнефть». Примечательно, что транзитные перевозки грузов по Северному морскому пути обновили максимум 2023 г. и составили 2,129 млн т,⁹ что свидетельствует о повышении востребованности транзита по маршруту.

Проблемы и перспективы развития МТК «Восток — Запад»

Основную преграду увеличению грузопотока по Северному коридору МТК «Восток — Запад» создает ограничение пропускной спо-

собности Восточного полигона. Проблема распространяется на железнодорожные сети, логистические терминалы на маршруте, пункты пропуска, инфраструктуру портов Дальнего Востока. Эксперты Евразийского банка развития указывают на тенденцию (последних лет) к увеличению доли перевозок по автомобильным маршрутам (через автомобильные пункты пропуска), что, по их мнению, также связано с ограниченной пропускной способностью [1]. В отчете ООН отмечено, что узкие места Северного транспортного коридора отличаются не только техническими и технологическими характеристиками, но также экономическими: более высокой стоимостью затрат на перевозку в сравнении с морскими маршрутами¹⁰.

На расширение возможностей МТК «Восток — Запад» направлен ряд целевых мер, в том числе проект модернизации Восточного полигона, разработанный Правительством России совместно с ОАО «РЖД». Реализация первого этапа модернизации завершена в 2021 г. В настоящее время реализуется проект второго этапа: до конца 2025 г. запланировано выполнить 280 мероприятий, включая создание вторых главных путей, электрификацию путей, строительство терминалов, модернизацию пунктов пропуска, приведение их к единой системе работы таможенных пунктов в странах Евразийского экономического союза (ЕАЭС).

Согласно прогнозу проекта, расчетная пропускная способность Восточного полигона с 173 млн т в 2023 г. вырастет до 180 млн т в 2024 г. Суммарная провозная способность контейнеров составит 1,656 млн шт. в год, а доля использования отечественного оборудования при модернизации полигона должна составить 94 %.

Инвестиции в реализацию второго этапа модернизации (1,082 трлн руб.) планируется

⁹ Перевозки грузов по Севморпути в 2023 году составили 36,254 млн тонн [Электронный ресурс] // Интерфакс: [интернет-медиа]. 10.01.2024. URL: <https://www.interfax.ru/russia/939623> (дата обращения: 30.08.2024).

¹⁰ Создание Координационного Комитета...

покрыть из ресурсов ОАО «РЖД»¹¹ и Фонда национального благосостояния.

В рамках третьего этапа модернизации Восточного полигона до 2035 г. рассчитано увеличить пропускную способность к 2030 г. до 270 млн т в год, объем запланированных инвестиций — до 3,7 трлн руб.¹² Планируется модернизировать 12 участков Транссибирской магистрали и 10 участков Байкало-Амурской, а также построить ветви транспортного коридора, соединяющие две линии между собой, в их составе: вторые тоннели Северомуйский, Кузнецовский, Кодарский, мост через реку Амур, обход Хабаровского транспортного узла, вторые главные пути ряда участков.

В целях развития мощностей портов Дальнего Востока реализуется федеральный проект «Развитие морских портов», в рамках которого пропускные мощности портов к 2030 г. планируется увеличить с 290 млн т в год до 390 млн т в год¹³. Таких показателей планируется достичь за счет новых угольных терминалов, терминала по перегрузке и хранению СПГ и газового конденсата и др.

Чтобы повысить уровень участия России в перевозках по Центральному евразийскому коридору, построена новая трасса М-12 Москва — Казань с выходом по автомобильной дороге в Казахстан.

Проблемы и перспективы развития МТК «Север — Юг»

Инфраструктурные и технологические проблемы МТК «Север — Юг»:

- не достроен участок железной дороги Астара — Решт;
- железнодорожные пути на некоторых участках дорог в ряде стран разноколейные;
- электрификация ряда путей частичная;
- мощности портов Каспийского моря и внутренних водных путей ограничены;
- требуются современные суда фидерного класса и накатные суда ро-ро (ролкер);
- однопутные железные дороги в Азербайджане и Иране снижают пропускную способность транспортного коридора, более того, отсутствуют автомобильные обходы для загруженных дорог в населенных пунктах этих стран [4].

Стоит также добавить: несогласованность в технологических процедурах пересечения границ, в оформлении транспортно-сопроводительных документов; необходимость оптимизации тарифной политики, страхования грузов и транспорта, а также санкции США в отношении Ирана, ограничивающие его экономические возможности.

По оценкам Евразийского банка развития, на модернизацию МТК «Север — Юг» до 2030 г. потребуется 38 млрд долл. США, из них порядка 70 % инвестиций — на Западный маршрут, еще 19 % — на Транскаспийский, остальное — на Восточный. Доля государственных инвестиций составит 75–80 %, остальное — средства государственно-частного партнерства [7].

Сегодня меры по развитию МТК «Север — Юг», предпринимаемые странами-участниками, включают: совместное кредитование и строительство участка Астара — Решт (сумма межгосударственного кредита — 1,3 млрд евро, доля России — 85 %). Крупнейший логистический оператор России FESCO, привлекая бизнес-партнеров, приступил к созданию собственного флота,

¹¹ Скорлыгина Н. Третий пошел. ОАО РЖД готовится к третьему этапу модернизации БАМа и Транссиба [Электронный ресурс] // Коммерсантъ: [сетевое изд.]. 11.09.2023. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6197185> (дата обращения: 30.08.2024).

¹² Правительство одобрило запуск третьего этапа инвестиционного проекта по модернизации железнодорожной инфраструктуры БАМа и Транссиба [Электронный ресурс] // Правительство России: [официальный сайт]. 02.05.2024. URL: <http://government.ru/docs/51492/> (дата обращения: 30.08.2024).

¹³ Мощность морских портов Дальнего Востока к 2030 году увеличится на треть [Электронный ресурс] // Минтранс РФ: [официальный сайт]. 06.02.2022. URL: <https://mintrans.gov.ru/press-center/news/10363> (дата обращения: 30.08.2024).

строительству контейнерного терминала для перевозок по МТК «Север — Юг». Правительство России выдвинуло инициативу учредить единую логистическую компанию-оператора для управления МТК «Север — Юг», по аналогии с управлением логистическими сервисами на МТК «Запад — Восток» Евразийским железнодорожным альянсом АО «ОТЛК ЕРА» [6]. Модернизация МТК «Север — Юг» призвана открыть для России перспективы расширения сотрудничества с Азербайджаном, Ираном, Индией, Пакистаном, Объединенными Арабскими Эмиратами, а также выход в Азиатско-Тихоокеанский регион через Мумбаи.

Проблемы и перспективы развития Северного морского пути

Наиболее острые инфраструктурные проблемы морского транспортного коридора обусловлены отсутствием собственных судов ледового класса, портовой и таможенной инфраструктуры, логистических центров, пунктов пропуска. Ряд мер, направленных на решение этих проблем, имеют протекционистский характер. Так, в 2019 г. введен запрет на использование судов иностранного производства на маршрутах Северного морского пути [4]. В 2023 г. логистический оператор FESCO запустил регулярный морской маршрут между российским портом Владивосток и портами Вьетнама (Хошимин, Хайфон) со сроком доставки грузов 9—12 суток, включая перевозки транзитных грузов из стран Юго-Восточной Азии. Выполняются перевозки контейнерных, рефрижераторных, генеральных и опасных грузов [2].

В плане развития Северного морского пути до 2035 г. (разработан Правительством России в 2022 г.) предусмотрены более 150 мероприятий по развитию этого транспортного коридора, общий объем инвестиций составил 1,8 трлн руб., включая 406 млрд руб. (или

23 %) внебюджетных средств¹⁴. Планируется построить:

- терминал СПГ «Утренний», нефтеналивной терминал «Бухта-Север», угольный терминал «Енисей», перегрузочные комплексы СПГ на Камчатке, в Мурманской области, транзитный терминал в порту Владивосток, логистический терминал на Сахалине, базы бункеровки в портах Тикси, Диксон;
- суда ледового класса, включая ледокол «Лидер», 46 судов аварийно-спасательного флота, площадки МЧС с оснащением авиацией, а также судостроительные и судоремонтные мощности;
- арктическую спутниковую группировку в целях обеспечения навигации.

В числе запланированных мероприятий — модернизация таможенной инфраструктуры морских пунктов пропуска Владивосток, Находка, Восточный, Ванино, Посьет, Зарубино, Корсаков, а также подготовка кадров в соответствии с потребностями Северного морского пути.

Проект реализуется правительством России совместно с региональными министерствами, государственными корпорациями, публичными акционерными обществами. Ожидается увеличение мощности Северного морского пути к 2030 г. до 80 млн т в год (по сравнению с 2023 г. — в 2 раза) [4].

Не способствуют развитию российских МТК «Восток — Запад» и «Север — Юг» альтернативные потенциальные проекты транспортных коридоров и МТК, действующие в обход территории и акватории России. Здесь следует упомянуть Транскаспийский международный транспортный маршрут (ТМТМ), так как объем его грузопотока в 2023 г. составил 2,76 млн т,

¹⁴ Михаил Мишустин утвердил план развития Северного морского пути до 2035 года [Электронный ресурс] // Правительство России: [официальный сайт]. 04.08.2022. URL: <http://government.ru/docs/46171/> (дата обращения: 01.09.2024).

а железнодорожная транспортная линия направлена в обход России: Казахстан — Азербайджан — Грузия — Турция. Страны — участницы ТМТМ предлагают модернизацию железных дорог, каспийских портов, а также прокладку подводного трубопровода в акватории Каспийского моря для транспортировки газа из месторождений Казахстана и Азербайджана через Азербайджан и Турцию в страны ЕС [5]. Обратим также внимание на автомобильный коридор TRACECA (Европа — Кавказ — Азия): его активно поддерживают власти ЕС и США, объем грузопотока в 2023 г. составил около 52 млн т, наибольшая доля принадлежит контейнерным перевозкам. Перевозки между Турцией, Ираном и Пакистаном, с возможностью выхода в Индию и страны Азиатско-Тихоокеанского региона, обеспечивает Южный евразийский коридор, где наибольшая доля приходится на железнодорожные и автомобильные перевозки [1]. Чтобы соединить Азербайджан с территорией Нахичеванской АР (через провинцию Зангезур на юге Армении) [5], создан проект «Зангезурский коридор». Следовательно, очевиден факт активизации перевозок в обход России — из Ирана и Индии через Азербайджан в Турцию и далее в страны ЕС.

Предложения по совершенствованию транспортных коридоров России

В части мероприятий по устранению узких мест МТК «Восток — Запад» наиболее актуально расширение пропускной способности Восточного полигона, терминалов, портовой инфраструктуры Дальнего Востока. Снижение стоимости перевозки по данному коридору в перспективе сделает его экономически более выгодным альтернативному морскому маршруту по Суэцкому каналу.

Целесообразной представляется постановка следующих задач модернизации МТК «Север — Юг»:

- ввести в эксплуатацию участок Астара — Решт;
- построить вторые главные пути;

- электрифицировать железные дороги в Азербайджане, Иране, Казахстане, Туркменистане;
- создать обходы автомобильных дорог в загруженных населенных пунктах;
- углубить и расширить водные внутренние пути;
- создать контейнерные терминалы в портах Каспийского моря;
- модернизировать пункты пропуска;
- скоординировать процедуры оформления, тарификации и страхования грузов и пересечения пунктов пропуска.

Обратим внимание на необходимость укрепления системы евразийских транспортных коридоров и создание с этой целью меридианных коридоров, связывающих Северный и Центральный маршруты МТК «Восток — Запад» в направлении север — юг: Россия — Китай, Россия — Монголия — Китай, соединение их с Трансмонгольской и строящейся Трансманчжурской магистралями. Решению этой задачи также способствует развитие коридоров Приморье 1 и Приморье 2, связывающих восточные провинции Китая с портами Владивосток и Зарубино. Возможен вариант меридианного транспортного коридора, соединяющего Китай и Монголию с Западной Сибирью и выходящего на Север к Ямбургу, Сабетте. Это вариант сокращения маршрута экспорта СПГ в Китай [7]. Перспективными в данном аспекте являются для МТК «Север — Юг» широтные транспортные ответвления из Ирана в Пакистан с выходом в Индию и южные провинции Китая, а также строительство широтной ветви от Восточного коридора «Север — Юг» через Туркменистан, Узбекистан, Казахстан в Западный Китай (Урумчи). Если создать меридианные коридоры, замыкающиеся на Монголию и Северный Китай, то эти регионы станут центром системы евроазиатских коридоров, что защитит Россию от экспансии ЕС и США в Центральной Азии и Китае.

Для укрепления международных торгово-экономических связей немаловажное

значение имеет увеличение мощностей и обновление инфраструктуры портов Азово-Черноморского бассейна, открывающих выходы в Турцию и страны Ближнего Востока.

Интеграция ЕАЭС со странами-партнерами, заключение соглашений о зоне свободной торговли с Ираном, Индией, Объединенными Арабскими Эмиратами и другими странами Персидского залива будут способствовать укреплению связанности МТК «Север — Юг» с транспортными коридорами Азиатско-Тихоокеанского региона и странами Восточной Африки.

Заключение

Меры по модернизации и развитию МТК «Восток — Запад», МТК «Север — Юг» и Северного морского пути уже сегодня дают положительные результаты: это увеличение пропускной способности транспортных коридоров, в том числе в части транзита грузов, за счет модернизации портовой инфраструктуры, терминалов, снижения сроков доставки грузов, включения новых стран в цепочки перевозок и торговли с Россией.

Вместе с тем чтобы переориентировать торговые потоки с запада на юг в условиях конкуренции с Западом на пространстве Большой Евразии и наладить торгово-экономические связи со странами Африки и Азиатско-Тихоокеанского региона, требуется стратегический подход к долгосрочному обновлению транспортной инфраструктуры на территории (в акватории) России, ЕАЭС. Укрепить систему евроазиатских транспортных коридоров позволят меридианные коридоры, связывающие МТК «Восток — Запад» в направлении север — юг: Россия — Китай, Россия — Монголия — Китай, и широтные ответвления Восточного коридора «Север — Юг» (Туркменистан — Узбекистан, Казахстан — Западный Китай (Урумчи), Иран — Пакистан — Индия — южные провинции Китая) с центром на территории «Монголия — Северный Китай» и выходом на транспортную инфраструктуру России. Это

позволит снизить влияние ЕС и США в Центральной Азии и Китае.

Обозначим торговые цели развития современных транспортных коридоров России:

- расширение торговли;
- увеличение и диверсификация поставок грузов и расширение географии поставок;
- увеличение доходов от транзитного грузопотока;
- сокращение финансовых и временных издержек;
- открытие новых рынков на южном (страны Персидского залива, Восточной Африки) и восточном (страны Азиатско-Тихоокеанского региона) направлениях.

Достижению этих целей способствуют взаимодополняющие факторы: институциональная интеграция внутри ЕАЭС, включение в Союз новых партнеров — Ирана, Индии, Объединенных Арабских Эмиратов и других стран, — и объединение транспортных коридоров.

Список литературы и источников

1. Евразийский транспортный каркас: Доклад 24/6 / Е. Винокуров (рук. авт. кол-ва), С. Амангельды, А. Ахунбаев, А. Забоев и др. Алматы: Евразийский банк развития, 2024. 151 с. // Евразийский банк развития: [сайт]. URL: <https://eabr.org/upload/iblock/6ce/Evraziyskiy-transportnyy-karkas.pdf> (дата обращения: 07.11.2024).
2. Информационно-аналитический материал о пунктах пропуска, расположенных на основных (перспективных) международных транспортных коридорах «Север-Юг» и «Восток-Запад», проходящих через Евразийский экономический союз [Электронный ресурс] / Департамент таможенной инфраструктуры Евразийской экономической комиссии; исп. И. Н. Банных // ЕЭК: [сайт]. 18.01.2023. URL: https://eec.eaeunion.org/upload/files/dep_tamoj_infr/0i191/InfoMat_EAEU_Transport_Corridors.pdf (дата обращения: 31.08.2024).
3. Контейнерные перевозки между Восточной Азией и Европой в экологическом аспекте /

- В. С. Коссов, В. А. Гапанович, А. Л. Редин, А. А. Оленцов // Транспорт Российской Федерации. 2018. № 3 (76). С. 24—28. EDN: XRLKLZ.
4. **Кузнецова С.** Путь на Восток [Электронный ресурс]: развитие евразийских транспортных коридоров: аналитический доклад (16 ноября 2023) / Ин-т проблем естественных монополий // РусИранЭкспо: [сайт группы компаний]. URL: <https://rusiranexpo.ru/?p=6190> (дата обращения: 25.08.2024).
5. **Мальшиева Д. Б.** Россия и транзитные коридоры Евразии // Россия и новые государства Евразии. 2023. № 2 (59). С. 91—102. <https://doi.org/10.20542/2073-4786-2023-2-91-102> EDN: INZQGE.
6. **Мартынова Е. С.** Международные транспортные коридоры как фактор формирования Большого евразийского партнерства // Россия и новые государства Евразии. 2023. № 3 (60). С. 68—77. <https://doi.org/10.20542/2073-4786-2023-3-68-77> EDN: ZAWISE.
7. Международный транспортный коридор «Север — Юг»: инвестиционные решения и мягкая инфраструктура: доклады и рабочие документы 22/2 / Е. Винокуров, А. Ахунбаев, А. Забоев, Н. Усманов. Алматы; М.: Евразийский банк развития, 2022. 86 с. // Евразийский банк развития: [сайт]. URL: https://eabr.org/upload/iblock/a2b/EDB_2022_Report-2_INSTC_rus.pdf (дата обращения: 31.08.2024).
3. Kossov V. S., Gapanovich V. A., Redin A. L., Olentsov A. A. “Environmental Aspects of Container Traffic between Eastern Asia and Europe”. *Transport Rossijskoj Federacii = Transport of the Russian Federation* 3 (76) (2018): 24—28. (In Russian). EDN: XRLKLZ.
4. Kuznetsova S., Institute for Natural Monopolies Research. “Way to the East: Development of Eurasian Transport Corridors: analytical report”. *Rus-IranEkspo*. 16 Nov. 2023. (In Russian). Web. 28 Aug. 2024. <<https://rusiranexpo.ru/?p=6190>>.
5. Malysheva D. B. “Russia and Transit Corridors of Eurasia”. *Rossiia i novyye gosudarstva Evrazii = Russia and New States of Eurasia* 2 (59) (2023): 91—102. (In Russian). <https://doi.org/10.20542/2073-4786-2023-2-91-102> EDN: INZQGE.
6. Martynova E. S. “International Transport Corridors as Factor of Greater Eurasian Partnership Formation”. *Rossiia i novyye gosudarstva Evrazii = Russia and New States of Eurasia* 3 (60) (2023): 68—77. (In Russian). <https://doi.org/10.20542/2073-4786-2023-3-68-77> EDN: ZAWISE.
7. “International North—South Transport Corridor: Investments and Soft Infrastructure: Reports and working papers 2/22”. *Euroasian Development Bank*. 26 Oct. 2022. Web. 31 Aug. 2024. <https://eabr.org/en/analytics/special-reports/international-north-south-transport-corridor-investments-and-soft-infrastructure/?sphrase_id=204340>.

References

1. Vinokurov E. (auth., ed.), Amangeldy S., Ahunbaev A., Zabojev A., Kuznetsov A., Malakhov A. “The Eurasian Transport Network: Reports 24/6”. Almaty: Eurasian Development Bank, 2024. 141 p. *Euroasian Development Bank*. 27 June 2024. Web. 07 Nov. 2024. <<https://eabr.org/en/analytics/special-reports/the-eurasian-transport-network/>>.
2. Bannykh I. N., comp., Customs Infrastructure Department of Eurasian Economic Commission. “Information and Analytical Material on Checkpoints Located on the Main (Prospective) International Transport Corridors ‘North — South’ and ‘East — West’ passing through the Eurasian Economic Union”. *EEC*. 18 Jan. 2023. (In Russian). Web. 31 Aug. 2024. <https://eec.eaeunion.org/upload/files/dep_tamoj_infr/0i191/InfoMat_EAEU_Transport_Corridors.pdf>.

Информация об авторе

Нечаев Александр Васильевич — кандидат экономических наук, научный сотрудник экономического факультета Санкт-Петербургского государственного университета (Россия, 191123, Санкт-Петербург, ул. Чайковского, 62).

Information about the author

Aleksandr V. Nechaev — Cand. Sci. (Econ.), Researcher at Faculty of Economics, Saint-Petersburg State University (Russia, 191123, St. Petersburg, Tchaikovsky st., 62).

Статья поступила в редакцию 05.09.2024.

The article was submitted 05.09.2024.

Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2024. № 4 (44). С. 49—54.

Economic and Social Research. 2024. No. 4 (44). P. 49—54.

Научная статья

УДК 657

doi: 10.24151/2409-1073-2024-4-49-54

<https://www.elibrary.ru/bmfdcz>

Новации законодательства в бухгалтерском учете нематериальных активов

С. А. Полухина¹, К. А. Свириденков²

^{1, 2} Санкт-Петербургский государственный морской технический университет,
Санкт-Петербург, Россия

¹ sofia-05@list.ru

² kirill-sviridenkov@hotmail.com

Аннотация. Авторы анализируют и оценивают последние изменения в законодательстве, касающиеся подходов к бухгалтерскому учету нематериальных активов. Федеральный стандарт бухгалтерского учета (ФСБУ) РФ 14/2022 «Нематериальные активы» вступил в действие с 2024 г. Нематериальные активы есть идентифицируемые немонетарные активы, не имеющие физической формы, контролируемые компанией в силу прошлых событий, используемые в ходе обычной деятельности и не предназначенные для продажи. Достоверное отражение нематериальных активов в финансовой отчетности чрезвычайно важно для пользователей. Новации законодательства в части учета нематериальных активов содержатся в новых стандартах ФСБУ 14/2022 и ФСБУ 26/2020 и включают в себе элементы гармонизации отечественного учета с международными стандартами финансовой отчетности. Авторы структурировали все нововведения и проанализировали с точки зрения тенденций сближения.

Ключевые слова: федеральные стандарты бухгалтерского учета, международные стандарты бухгалтерского учета, нематериальные активы, капитальные вложения

Для цитирования: Полухина С. А., Свириденков К. А. Новации законодательства в бухгалтерском учете нематериальных активов // Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2024. № 4 (44). С. 49—54. <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2024-4-49-54> EDN: BMFDCZ.

Original article

Legislative innovations in accounting of intangible assets

S. A. Polukhina¹, K. A. Sviridenkov²

^{1, 2} State Marine Technical University of St. Petersburg, St. Petersburg, Russia

¹ sofia-05@list.ru

² kirill-sviridenkov@hotmail.com

© Полухина С. А., Свириденков К. А.

Abstract. The authors analyze and evaluate the latest changes in legislation regarding approaches to accounting for intangible assets. The Federal Accounting Standard of the Russian Federation 14/2022 “Intangible Assets” entered into force in 2024. Intangible assets are identifiable non-monetary assets having no physical form, controlled by the company due to past events, used in the ordinary course of business and not intended for sale. The reliable reflection of intangible assets in the financial statements is extremely important for users. Legislative innovations in the field of accounting for intangible assets are contained in the new standards of Federal Accounting Standard of the Russian Federation 14/2022 and Federal Accounting Standard of the Russian Federation 26/2020 and conclude elements of harmonization of domestic accounting with international Financial Reporting Standards (IFRS). The authors have structured all innovations and have analyzed them in terms of convergence trends.

Keywords: federal accounting standards, international accounting standards, intangible assets, capital investments

For citation: Polukhina S. A., Sviridenkov K. A. “Legislative Innovations in Accounting of Intangible Assets”. *Economic and Social Research* 4 (44) (2024): 49—54. (In Russian). <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2024-4-49-54> EDN: BMFDCZ.

Введение

Новации в законодательстве, определяющем учет нематериальных активов (далее НМА), играют ключевую роль в современной бухгалтерской практике. Развитие экономики и изменения в технологическом и информационном секторах стимулируют введение в хозяйственный оборот результатов интеллектуальной деятельности (далее РИД) [2]. Введение новых норм, правил и стандартов направлено на обеспечение точности, прозрачности и соответствия учета НМА современным реалиям. Исследование новаций в этой области позволяет понять их влияние на практику бухгалтерского учета, а также выявить, как именно необходимо адаптировать учет для целей современной экономики.

Нематериальные активы не имеют физической формы, но наравне с основными средствами представляют собой важнейшую группу внеоборотных активов, напрямую влияющую на производство новейших продуктов и использование современных технологий¹.

Нематериальные активы представляют собой РИД и для целей хозяйственной деятельности хозяйствующих субъектов классифицируются на объекты, охраняемые правами на РИД:

- авторским правом;
- правами, смежными с авторским;
- патентным правом;
- правом на селекционные достижения;
- правом на топологии интегральных микросхем;
- правом на ноу-хау;
- правом на средства индивидуализации.

Материалы и методы

В исследовании использованы методы анализа и синтеза, индукции и дедукции, логического, сравнительного анализа, обобщения и сравнения и обозначены основные нововведения в учете НМА, введенные ФСБУ 14/2022 и ФСБУ 26/2020.²

¹ Белогорцева Ю. Новые правила учета НМА по ФСБУ 14/2022 [Электронный ресурс]: оценка нематериальных активов в деталях // Практическая помощь бухгалтеру — Клерк.ру: сайт. Режим доступа: авторизация. URL: <https://www.klerk.ru/buh/articles/578852/> (дата обращения: 02.12.2024).

² Тишин А. П. Знакомьтесь [Электронный ресурс]: новый ФСБУ 14/2022 «Нематериальные активы» // Бухгалтерский учет. Налоги. Аудит: сайт. URL: <https://www.audit-it.ru/articles/account/assets/a9/1063083.html> (дата обращения: 02.12.2024).

Результаты и обсуждение

Новые нормативные документы значительно сблизили отечественные подходы к учету и международный стандарт финансовой отчетности МСФО (IAS) 38 «Нематериальные активы». Важно также указать правило применения ретроспективных нововведений, сочетающихся с возможностью единовременного пересчета³.

Капитальные вложения (согласно ФСБУ 26/2020) есть затраты:

- на имущественные права на РИД, которые планируется использовать как НМА;
- на создание объектов НМА самостоятельно;
- на модификации и иные улучшения НМА;
- на покупку лицензии⁴.

Новые правила значительно изменили отечественные подходы к учету нематериальных активов, представим результаты анализа нововведений в учете НМА в таблице.

Анализ новаций в учете нематериальных активов в РФ

Подходы к учету	ПБУ 14/2007	ФСБУ 14/2022
Признание НМА		
Лимиты стоимости	Лимиты не предусмотрены. Признаются в соответствии с критериями	Хозяйствующие субъекты самостоятельно устанавливают лимиты с учетом принципа существенности (п. 7 ФСБУ 14/2022)
Возможность признать лицензии в составе НМА	Не предусмотрено	Лицензии на РИД, позволяющие контролировать экономические выгоды от их использования, признаются НМА
НМА для целей совместной деятельности	Не предусмотрено	П. 5 ФСБУ 14/2022 устанавливает правила для целей совместного использования НМА: • несколько компаний имеют право признать НМА; • если объектом НМА владеет компания и физическое лицо, то юридическое лицо признает НМА
Изменение первоначальной стоимости		
Проведение модернизации	Стоимость можно изменять только в случае переоценки и обесценения (п. 16 ПБУ 14/2007)	Первоначальная стоимость увеличивается в случае улучшений (повышения) первоначальных функциональных характеристик актива, на сумму капитальных вложений и в момент их завершения (п. 28 ФСБУ 14/2022)

³ Нематериальные активы [Электронный ресурс]: Международный стандарт финансовой отчетности (IAS) 38: введен в действие на территории Российской Федерации приказом Минфина России от 28 декабря 2015 № 217н // Министерство финансов Российской Федерации: сайт. URL: https://minfin.gov.ru/ru/document/?id_4=15329 (дата обращения: 03.12.2024).

⁴ Капитальные вложения [Электронный ресурс]: Федеральный стандарт бухгалтерского учета ФСБУ 26/2020: Приложение № 2 к приказу Министерства финансов Российской Федерации от 17 сентября 2020 № 204н // Гарант.ру — информационно-правовой портал: сайт. URL: <https://base.garant.ru/74765146/f7ee959fd36b5699076b35abf4f52c5c/> (дата обращения: 03.12.2024).

Таблица (Продолжение)

Подходы к учету	ПБУ 14/2007	ФСБУ 14/2022
Особенности формирования первоначальной стоимости		
Создание и приобретение	Стоимость НМА по правилам ПБУ 14/2007, стоимость НИОКР — по правилам ПБУ 17/02	Капвложения в НМА — по правилам ФСБУ 26/2020
НИОКР	Нет деления затрат	Введено деление затрат на НИОКР: - затраты на исследования — являются расходами периода и не капитализируются; - затраты на разработки — капитализируются (п. 17 ФСБУ 26/2020)
Перечень расходов для формирования первоначальной стоимости	Пп. 8—10 ПБУ 14/2007	П. 5 ФСБУ 26/2020
Учет материальных носителей	Стандарт не применяется к материальным носителям (подп. «в» п. 2 ПБУ 14/2007)	Компания имеет право выбрать (подп. «и» п. 8, п. 14 ФСБУ 14/2022): - учитывать матноситель — единый объект с НМА; - учитывать носитель отдельно от НМА
Разделение затрат на несколько НМА	Не предусмотрено	Компании вправе в учетной политике закрепить методику (п. 14.1 ФСБУ 26/20).
Последующая оценка НМА		
Переоценка, проверка на обесценение	Проверка на обесценение добровольно (п. 22 ПБУ 14/2007)	В учетной политике закрепляется один из способов: - по первоначальной стоимости; - по переоцененной (п. 15 ФСБУ 14/2022). Проверка на обесценение обязательна (пп. 43—44 ФСБУ 14/2022)

Нововведениями в части амортизации НМА стало определение элементов амортизации (среди которых срок полезного использования, ликвидационная стоимость, способ амортизации) в каждом отчетном периоде.

ФСБУ 14/2022 разрешает компании самостоятельно выбрать дату начала начисления амортизации:

- начисление автоматически начинается с даты признания НМА в бухучете (п. 38 ФСБУ 14/2022);
 - установить в учетной политике, если с первого числа месяца, следующего за месяцем признания НМА.
- Прекращение амортизации ФСБУ 14/2022 разрешает:
- с момента списания НМА;

- с первого числа месяца, следующего за месяцем списания НМА⁵.

Преимущества новых подходов к учету нематериальных активов позволяют сделать отчетность достоверной. При этом основные изменения заключаются в следующем:

- лимит стоимости НМА определяется предприятием с позиций существенности и особенностей бизнес-процессов;
- использование первоначальной и справедливой стоимости при признании;
- использование переоцененной стоимости НМА, которая должна быть равной или близкой к его справедливой стоимости;
- условие регулярного пересмотра элементов амортизации;
- условие регулярного тестирования актива на возможность приносить экономические выгоды;
- условие регулярного тестирования на обесценение [1].

Переход к применению новых стандартов позволяет применить один из вариантов:

- ретроспективный (пп. 52—53 ФСБУ 14/2022);
- перспективный (п. 55 ФСБУ 14/2022) — доступен только компаниям с упрощенным учетом.

Ретроспективно последствия изменений отражаются в учетной политике.

При перспективном способе все ранее отраженные операции не корректируются. Единовременная корректировка допускает несколько вариантов: для объектов, которые по ФСБУ 14/2022 считаются НМА, но ранее учитывались как НМА или как другие активы; для объектов, которые ранее учитывались как НМА, но по ФСБУ 14/2022 НМА не являются⁶.

⁵ С бухгалтерности за 2024 год учет нематериальных активов нужно вести по ФСБУ 14/2022 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс — законодательство РФ: сайт. URL: <https://www.consultant.ru/legalnews/19649/> (дата обращения: 03.12.2024).

⁶ Нематериальные активы [Электронный ресурс]: Федеральный стандарт бухгалтерского учета ФСБУ

Заключение

Таким образом, вводимые с 2024 г. нововведения в учете НМА позволяют более точно и прозрачно отражать активы в финансовой отчетности компаний. Значительно изменены процедуры признания и оценки таких активов, что сделало процесс их учета более понятным и эффективным. Кроме того, расширены возможности использования справедливой стоимости при оценке НМА, что позволило получить более репрезентативную информацию об их стоимости в отчетности [3].

Система бухгалтерского учета организации, сформированная в соответствии с новыми нормами законодательства, позволит достоверно представлять финансовую информацию для целей пользователей отчетности и значительно сблизит информацию о НМА с международным представлением в финансовой отчетности.

Список литературы и источников

1. **Батырмурзаева З. М.** Новый порядок бухгалтерского учета нематериальных активов // Индустриальная экономика. 2022. № 6. С. 124—129. https://doi.org/10.47576/2712-7559_2022_6_124 EDN: CNSRDP.
2. **Полухина С. А.** Формализация и аудит системы управления правами на результаты интеллектуальной деятельности на предприятии // Вестник Удмуртского университета. Серия Экономика и право. 2020. Т. 30. № 1. С. 51—57. <https://doi.org/10.35634/2412-9593-2020-30-1-51-57> EDN: COXUGF.
3. **Полухина С. А., Никифорова Е. А.** Актуальные подходы к оценке экономической

14/2022: утвержден приказом Министерства финансов Российской Федерации от 30 мая 2022 № 86н // Гарант.ру — информационно-правовой портал: сайт. URL: https://base.garant.ru/404902297/#block_1000 (дата обращения: 03.12.2024).

эффективности использования результатов интеллектуальной деятельности // Путеводитель предпринимателя. 2022. Т. 15. № 4. С. 35—39. <https://doi.org/10.24182/2073-9885-2022-15-4-35-39> EDN: CPNUMA.

References

1. Batyrmurzaeva Z. M. “New Accounting Procedure for Intangible Assets”. *Industrial'naya ekonomika = Industrial Economics* 6 (2022): 124—129. (In Russian). https://doi.org/10.47576/2712-7559_2022_6_124 EDN: CNSRDP.
2. Polukhina S. A. “Formalization and Audit of the System of Management of Rights to the Results of Intellectual Activity at an Enterprise”. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya Ekonomika i pravo = Bulletin of Udmurt University ser. Economics and Law* 30.1 (2020): 51—57. (In Russian). <https://doi.org/10.35634/2412-9593-2020-30-1-51-57> EDN: COXUGF.
3. Polukhina S. A., Nikiforova E. A. “Actual Approaches to Assessing the Economic Efficiency of Using the Intellectual Activity Results”. *Putevoditel' predprinimatelya = Entrepreneur's Guide* 15.4 (2022): 35—39. (In Russian). <https://doi.org/10.24182/2073-9885-2022-15-4-35-39> EDN: CPNUMA.

Информация об авторах

Полухина Софья Алексеевна — кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры бухгалтерского учета и аудита Санкт-Петербургского государственного морского технического университета (Россия, 190121, Санкт-Петербург, Лоцманская ул., д. 3).

Свириденков Кирилл Александрович — студент Санкт-Петербургского государственного морского технического университета (Россия, 190121, Санкт-Петербург, Лоцманская ул., д. 3).

Information about the authors

Sofya A. Polukhina — Cand. Sci. (Econ.), Assoc. Prof., Associate Professor at the Department of Accounting and Audit, State Marine Technical University of St. Petersburg (Russia, 190121, St. Petersburg, Lotsmanskaya st., 3).

Kirill A. Sviridenkov — student, State Marine Technical University of St. Petersburg (Russia, 190121, St. Petersburg, Lotsmanskaya st., 3).

Статья поступила в редакцию после доработки
30.10.2024.

The article was submitted after the updating **30.10.2024.**

Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2024. № 4 (44). С. 55—61.

Economic and Social Research. 2024. No. 4 (44). P. 55—61.

Научная статья

УДК 338.28

doi: 10.24151/2409-1073-2024-4-55-61

<https://elibrary.ru/lwlxzf>

Управление рисками высокотехнологичного проекта

О. В. Седова

Национальный исследовательский университет «МИЭТ», Москва, Россия

os9@mail.ru

Аннотация. Рассматриваются особенности высокотехнологичного проекта и их влияние на управление рисками. Выделены взаимодополняемые, взаимозаменяемые и независимые риски. Определено, что SWOT-анализ проекта может быть использован для выявления рисков проекта и выработки мер реагирования на них. Утверждается, что при выполнении цикла управления рисками высокотехнологичного проекта целесообразно учитывать их типы, источники возникновения, включая транзакционные издержки, и особенности мер реагирования. Предложены подходы к управлению рисками высокотехнологичного проекта с учетом транзакционных издержек и типов рисков.

Ключевые слова: высокотехнологичный проект, риск, управление, меры реагирования, транзакционные издержки

Финансирование: статья подготовлена в рамках проекта с АО «Завод ПРОТОН» (Договор № 218-21/МПСУ-1).

Для цитирования: Седова О. В. Управление рисками высокотехнологичного проекта // Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2024. № 4 (44). С. 55—61. <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2024-4-55-61> EDN: LWLXZF.

Original article

High-tech project risk management

O. V. Sedova

National Research University of Electronic Technology, Moscow, Russia

os9@mail.ru

© Седова О. В.

Abstract. In this work, the features of a high-tech project and their impact on risk management are considered. Complementary, interchangeable and independent risks were highlighted. It was determined that the SWOT analysis of the project can be used to identify project risks and work out response measures to them. It is argued that it is advisable to carry out the risk management cycle of a high-tech project with account for their types, sources of occurrence, including transaction costs, and special aspects of response measures. Approaches to risk management of a high-tech project have been proposed, considering transaction costs and types of risks.

Keywords: high-tech project, risk, management, response measures, transaction costs

Funding: the work was prepared within the framework of project with AO “PROTON Plant” (Agreement no. 218-21/MPSU-1).

For citation: Sedova O. V. “High-Tech Project Risk Management”. *Economic and Social Research* 4 (44) (2024): 55—61. (In Russian). <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2024-4-55-61> EDN: LWLXZF.

Введение

На современном этапе научно-технического развития, в условиях глобализации экономики и, как следствие, возрастания уровня конкуренции роль проектной деятельности в жизни общества актуализируется [1; 3; 4]. Вместе с тем изменчивость условий внешней среды бросает вызовы успешности проектов, что обуславливает возрастающий интерес к управлению проектными рисками. По утверждению В. М. Тумина с соавторами, «возможные риски, пути ослабления их влияния и требующиеся для этого резервы» целесообразно определять еще до начала реализации проекта [3, с. 56].

В качестве рисков проекта, согласно «Своду знаний об управлении проектами», можно рассматривать события, воздействующие на достижение критериев успешности проекта, к которым обычно относят сроки, бюджет, качество и содержание проекта [5, с. 389—446].

Анализ проектной деятельности показал, что ей свойственны характеристики сквозного процесса. Сквозным (end-to-end) является процесс, который сконструирован таким образом, чтобы синергия от взаимодействия элементов системы позволяла

добиваться оптимальных параметров результата деятельности [6, с. 12]. Сквозной процесс представляет собой процесс верхнего уровня, при этом промежуточные входы-выходы отдельных процессов нижележащих уровней становятся этапами достижения цели — получения конечного продукта, ценность которого превосходит ценность отдельных продуктов процессов нижнего уровня [6, с. 12]. Действительно, все задачи проекта взаимосвязаны. Даже если всего одна из них не выполнена в срок и не достигнуто надлежащее качество в рамках выделенного бюджета, это влияет на другие задачи проекта, что повышает риски его неуспешности.

Типы рисков и способы их идентификации зависят от разновидности проекта. *Внутренний* проект инициируется и выполняется внутри организации (компании, фирмы). Исполнение *внешнего* проекта делегируется отдельному юридическому лицу со стороны другой фирмы, выступающей заказчиком проекта и (или) спонсором по нему. Во внешних проектах типы рисков и способы их идентификации зависят от проектной роли (исполнитель, заказчик, спонсор). Однако поскольку в проектах такого

рода ответственность за их успешность несет исполнитель, он и берет на себя функцию управления проектными рисками.

Особенности проектной деятельности в высокотехнологичном секторе экономики

Прежде всего, проектную деятельность в рассматриваемом секторе отличает длительность цепочки создания продукта, начиная от идеи и проведения фундаментальных или поисковых научных исследований и заканчивая опытно-конструкторскими работами с получением опытного образца продукта, готового к коммерциализации. Следует учитывать, что проектные риски возрастают по мере усложнения создаваемых продуктов и повышения уровня их новизны (т. е. инновационности).

Возможные варианты инициации проектов в высокотехнологичном секторе экономики:

1. Обычно для ИТ-отрасли характерны внутренние проекты. Компания инициирует проект разработки продукта для дальнейшего его серийного распространения. В этом случае важно верно оценить объем инвестиций, вложенных предприятием в разработку, и период их окупаемости.

2. Во внешних проектах в роли заказчика, спонсора и исполнителя могут выступать как коммерческие организации, так и государственные оргструктуры. Внешние проекты, участники которых — коммерческие организации, обычно предполагают создание продукта с не очень высоким уровнем новизны — например, сайта. Для каждой компании сайт будет уникальным, но в целом процесс его создания предусматривает незначительную степень неопределенности.

Вторая ключевая особенность проектов в высокотехнологичном секторе экономики — это высокая стоимость разработки. Риски, связанные с получением прибыли от ее коммерциализации, также высокие, что обуславливает превалирование в данном

секторе экономики проектов с государственным участием. В этих условиях возрастает значение формализации отношений: требования к создаваемому научно-техническому продукту дополняются требованиями к отчетности и регламенту ее предоставления.

Итак, для высокотехнологичного сектора экономики характерны средне- или крупномасштабные научно-исследовательские, инновационные внешние сложные проекты, чаще всего с государственно-частным партнерством, в ходе которых выполняются научно-технические и (или) опытно-конструкторские работы [1].

Рассмотрим, какие риски могут возникать в проектах такого типа.

Проектные риски зависят от условий как внешней, так и внутренней среды компании-исполнителя, от требований к продукту и к задачам проекта. Кроме того, следует учитывать, что риски могут влиять друг на друга, усиливая или ослабляя воздействие на проект. Риски могут быть:

- негативными и позитивными;
- взаимодополняемыми, взаимозаменяемыми и независимыми;
- связанными с возникновением тех или иных транзакционных издержек.

Взаимодополняемые риски отличает то, что один риск усиливает влияние и (или) вероятность возникновения одного или нескольких других рисков.

В случае негативных взаимодополняемых рисков усиливается их отрицательное влияние на проект, тогда как сочетание позитивных взаимодополняемых рисков создает синергетический эффект, положительно влияющий на проект.

Так, при транзакционных издержках, связанных с неполнотой и несовершенством информации, может возникнуть риск превышения сроков проекта из-за некачественного планирования, в результате которого была не определена часть задач по проекту [2, с. 36]. Если при тех же транзакционных издержках возникает второй негативный

риск — превышения сроков проекта по вине недостаточно квалифицированных и (или) немотивированных членов команды, — он усиливает влияние риска увеличения сроков проекта из-за недочетов планирования.

Иной вид трансакционных издержек — связанных с затратами времени и ресурсов на проведение переговоров об условиях обмена, на заключение и оформление контрактов, — может повлечь за собой возникновение риска превышения сроков проекта из-за задержки подписания договора на изготовление или разработку части продукта проекта. Вместе с тем при трансакционных издержках, связанных с потерями из-за неудачно заключенных, плохо оформленных и ненадежно защищенных соглашений, могут быть сорваны сроки изготовления или разработки части продукта проекта в связи с отсутствием в договоре четких требований и описания штрафных санкций, что усилит риск превышения сроков проекта [2, с. 36].

Приобретение оборудования или комплектующих за границей сопряжено с рисками. Однако среди них есть позитивные — например, снижение курса валюты и получение скидок от производителя товаров производственного назначения. Сочетание таких позитивных рисков позволит на основе сэкономленных средств сформировать резерв по бюджету для воздействия на другие возможные риски проекта.

Невозможно полностью исключить риск увольнения сотрудников, задействованных в выполнении задач разработки продукта. Однако привлечение в проект более квалифицированного специалиста взамен ушедшего и возможность приобретения более качественных комплектующих могут значительно повысить вероятность достижения требуемого качества и успешного испытания опытных образцов.

В случае негативного и позитивного взаимодополняемых рисков последний минимизирует отрицательное влияние первого на успешность проекта. Известный метод

стратегического анализа SWOT-анализ может быть применен для выявления позитивных и негативных рисков, которым может быть подвержен проект. При этом следует заметить, что источниками негативных рисков могут быть угрозы внешней среды и слабые стороны проекта, а позитивных — возможности внешней среды и сильные стороны проекта [2, с. 34] (см. рисунок).

Согласно представленной схеме, возможны четыре варианта управления рисками:

1. Компенсация негативных рисков, связанных с угрозами внешней среды, за счет позитивных рисков, возникающих вследствие сильных сторон проекта. Так, риск превышения сроков проекта из-за задержки поставки комплектующих может быть компенсирован за счет возникновения резерва по времени благодаря более быстрому выполнению задач привлеченными в проект высококвалифицированными сотрудниками.

2. Компенсация негативных рисков, связанных со слабыми сторонами проекта, за счет позитивных рисков, возникающих вследствие сильных сторон проекта. При сдаче заказчику отчетности по этапу может возникнуть риск недостижения требуемого качества в связи с возникновением трансакционных издержек потерь, связанных с неполнотой и несовершенством информации, вследствие того что какие-то документы будут не соответствовать требованиям из-за недостаточного контроля, что может также спровоцировать возникновение риска по срокам. Вместе с тем наличие в команде проекта высококвалифицированных сотрудников может способствовать сокращению сроков выполнения задач по проекту и как следствие — досрочной сдаче документов по проекту. Это может способствовать появлению резерва по времени, в результате чего этап может быть сдан вовремя даже с учетом требуемой доработки ряда документов.

Цикл управления рисками на основе SWOT-анализа проекта

Источник: [2]

3. Компенсация негативных рисков, связанных с угрозами внешней среды, за счет позитивных рисков, возникающих вследствие ее возможностей. Например, увеличение бюджета проекта за счет роста цен на приобретаемые за границей комплектующие может быть частично или полностью компенсировано снижением курса соответствующей валюты.

4. Компенсация негативных рисков, связанных со слабыми сторонами проекта, за счет позитивных рисков, возникающих вследствие возможностей внешней среды. Так, получение скидки от производителя комплектующих может компенсировать риск превышения бюджета из-за транзакционных издержек, связанных с неполнотой и несовершенством информации, которые могли помешать корректно определить все задачи по проекту.

Взаимозаменяемые риски характеризуются тем, что два или более риска оказывают схожее влияние на проект. Степень их влияния предлагается определять по тому из рассматриваемых рисков событий, кото-

рое больше влияет на проект. Например, риск превышения сроков проекта из-за долгого отсутствия одного из ключевых членов его команды будет выше в случае увольнения этого человека, чем при его длительной болезни.

Риски изменения содержания проекта в связи с прекращением / запретом поставок комплектующих из-за границы или с отсутствием возможности производить оплату товара компаниям, находящимся в другой стране, также относятся к взаимозаменяемым. При приобретении оборудования или комплектующих за границей может возникнуть риск превышения бюджета, если рост курса той или иной альтернативной валюты будет выше ожидаемого.

Признак сходства влияния на проект позволяет отнести к взаимозаменяемым рискам и такие, одновременное возникновение которых невозможно. Так, при длительном выбытии из проекта одного из ключевых членов команды может возникнуть риск превышения сроков равно как вследствие его увольнения, так и взятия отпуска за свой

счет в связи с непредвиденными важными для него событиями.

Независимые риски отличает то, что вероятность возникновения и (или) степень влияния на проект одного из них никак не зависит от других рисков по проекту.

Предлагаемые меры реагирования

Как и риски высокотехнологичного проекта, меры реагирования на них могут быть взаимодополняемыми, взаимозаменяемыми и независимыми.

Признак *взаимозаменяемых* мер реагирования: мероприятие по одному риску может заменить мероприятие по одному или нескольким другим рискам и наоборот, т. е. меры реагирования альтернативны для совокупности двух и более рисков.

При транзакционных издержках, связанных с неполнотой и несовершенством информации, для снижения рисков превышения проектных сроков и (или) бюджета из-за включения в иерархическую структуру работ не всех задач, требуемых для создания продукта проекта, в качестве одной из мер реагирования может быть рекомендовано более тщательное планирование содержания и контрольных точек проекта. Для данного риска применимы и другие, альтернативные меры реагирования: создание резерва по времени и (или) бюджету. Вместе с тем оба варианта мер реагирования могут быть выбраны при транзакционных издержках, связанных с затратами времени и ресурсов на проведение переговоров об условиях обмена, на заключение и оформление контрактов, для снижения рисков превышения проектных сроков из-за задержки подписания договора на изготовление / разработку части продукта проекта.

Признак *взаимодополняемых* мер реагирования: мероприятие по одному риску может усилить степень воздействия мероприятия, предусмотренного для минимизации другого риска или уклонения от него.

Так, повышение квалификации членов команды в области управления проектами за счет их дополнительного обучения, выбранное в качестве мер реагирования для снижения риска превышения сроков выполнения задач, находящихся на критическом пути, может способствовать более тщательному планированию содержания и контрольных точек, что в большей степени может повлиять на снижение вероятности возникновения рисков по срокам.

Наличие альтернативности мер реагирования на риски повышает эффективность управления ими ввиду появления возможности выбирать варианты действий и с помощью одного мероприятия одновременно минимизировать два и более риска, снижая их влияние на проект и (или) вероятность их возникновения.

Признак *независимых* мер реагирования: мероприятие, предусмотренное для минимизации одного риска или уклонения от него, никак не влияет на другие риски.

Следует учитывать, что если риск связан с увеличением бюджета проекта, то сумма затрат на реализацию мер борьбы с ним должна быть меньше совокупности возможных потерь при его наступлении.

Заключение

Меры реагирования вносятся в план управления проектом, если относятся непосредственно к способам достижения цели проекта, в виде отдельных задач или путем переформулировки существующих. Если меры реагирования относятся к обеспечивающим функциям, в основном связанным с управлением персоналом, такие меры рекомендуется включить в операционную деятельность. Частое возникновение необходимости прибегать к таким мерам реагирования служит поводом для инициации внутреннего организационного или организационно-технологического проекта.

Список литературы и источников

1. Седова О. В. Особенности инициации и сопровождения проектов с коротким циклом // Устойчивое развитие России — 2023: сб. статей IV Всерос. науч.-практ. конф. Петрозаводск: МЦНП «Новая наука», 2023. С. 54—61. EDN: UXKMZH.
2. Седова О. В. Формирование подходов к управлению рисками проекта с учетом транзакционных издержек // Современные исследования: теория и практика: сб. статей V Междунар. науч.-практ. конф. Петрозаводск: МЦНП «Новая наука», 2023. С. 33—40. EDN: VLJTOY.
3. Тумин В. М., Костромин П. А., Тумин В. В. О проектах, проектной деятельности и их роли в экономике предприятий // Вестник РГГУ. Серия: Экономика. Управление. Право. 2021. № 2. С. 46—61. <https://doi.org/10.28995/2073-6304-2021-2-46-61> EDN: PRARRN.
4. Юр'ева Т. В. Проектно-целевой подход и его роль в современной экономике // Современные технологии управления. 2015. № 6 (54). С. 71—76. EDN: TYRWIT.
5. A Guide to the Project Management Body of Knowledge (PMBOK Guide). 6th ed. Newtown Square, PA: Project Management Institute, 2017. 711 p.
6. Sedova O. V., Alekseev A. G. Development of mathematical models to determine the balance of the system of platform interactions when scaling the end-to-end monitoring process for priority sectors of the economy // Journal of Theoretical and Applied Information Technology. 2023. Vol. 101. No. 1. P. 11—20.
- action Costs”. *Sovremennyye issledovaniya: teoriya i praktika*: proceedings of 5th International res.-to-pract. conf. Petrozavodsk: MTsNP “Novaya nauka”, 2023. 33—40. (In Russian).
3. Tumin V. M., Kostromin P. A., Tumin V. V. “About Projects, Project Activities and Their Role in the Economy of Enterprises”. *Vestnik RGGU. Seriya: Ekonomika. Upravleniye. Pravo = RGGU Bulletin ser. Economics. Management. Law* 2 (2021): 46—61. (In Russian). <https://doi.org/10.28995/2073-6304-2021-2-46-61>
4. Jur'eva T. V. “Project-Targeted Approach and its Role in the Modern Economy”. *Sovremennyye tekhnologii upravleniya = Modern Management Technology* 6 (54) (2015): 71—76. (In Russian).
5. PMI. *A Guide to the Project Management Body of Knowledge (PMBOK Guide)*. 6th ed. Newtown Square, PA: Project Management Institute, 2017. 711 p.
6. Sedova O. V., Alekseev A. G. “Development of Mathematical Models to Determine the Balance of the System of Platform Interactions When Scaling the End-to-End Monitoring Process for Priority Sectors of the Economy”. *Journal of Theoretical and Applied Information Technology* 101.1 (2023): 11—20.

Информация об авторе

Седова Ольга Валерьевна — кандидат экономических наук, доцент кафедры маркетинга и управления проектами Национального исследовательского университета «МИЭТ» (Россия, 124498, Москва, Зеленоград, пл. Шокина, 1).

Information about the author

Olga V. Sedova — Cand. Sci. (Econ.), Associate Professor at the Chair of Marketing and Project Management, National Research University of Electronic Technology (Russia, 124498, Moscow, Zelenograd, Shokin sq., 1).

Статья поступила в редакцию 14.11.2024.

The article was submitted 14.11.2024.

References

1. Sedova O. V. “Features of Initiation and Maintenance of Short-Cycle Projects”. *Ustoychivoye razvitiye Rossii — 2023*: proceedings of 4th Russia-wide res.-to-pract. conf. Petrozavodsk: MTsNP “Novaya nauka”, 2023. 54—61. (In Russian).
2. Sedova O. V. “Formation of Approaches to Project Risk Management Taking into Account Trans-

Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2024. № 4 (44). С. 62—71.

Economic and Social Research. 2024. No. 4 (44). P. 62—71.

Научная статья

УДК 339.133.017

doi: 10.24151/2409-1073-2024-4-62-71

<https://www.elibrary.ru/dycgkd>

Трансформация моделей управления потребительским поведением в условиях цифровой экономики

И. И. Тихомирова¹, А. А. Андреева²

^{1, 2} Национальный исследовательский университет «МИЭТ», Москва, Россия

¹ absi@yandex.ru

² andreeva.miet@yandex.ru

Аннотация. Авторы исследуют трансформацию моделей управления потребительским поведением в условиях цифровой экономики. Рассматривается эволюция теорий потребительского поведения, анализируются ключевые изменения в поведении потребителей под влиянием цифровизации. Выявлены и описаны основные модели управления потребительским поведением, актуальные в цифровую эпоху, включая омниканальный подход, управление на основе искусственного интеллекта и анализа больших данных, управление через социальные сети и лидеров мнений, а также модель, опирающуюся на концепцию осознанного и ответственного потребления. На основе проведенного анализа сформулированы рекомендации для компаний, которые позволят повысить эффективность взаимодействия с потребителями в условиях цифровой трансформации.

Ключевые слова: потребительское поведение, цифровая экономика, управление потребительским поведением, омниканальность

Для цитирования: Тихомирова И. И., Андреева А. А. Трансформация моделей управления потребительским поведением в условиях цифровой экономики // Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2024. № 4 (44). С. 62—71. <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2024-4-62-71> EDN: DYCGKD.

Original article

Transformation of consumer behavior management models in the digital economy

I. I. Tikhomirova¹, A. A. Andreeva²

^{1, 2} National Research University of Electronic Technology, Moscow, Russia

¹ absi@yandex.ru

² andreeva.miet@yandex.ru

© Тихомирова И. И., Андреева А. А.

Abstract. The authors study the transformation of consumer behavior management models in the digital economy. The evolution of consumer behavior theories is examined, and key changes in consumer behavior under the influence of digitalization are analyzed. The main models of consumer behavior management relevant in the digital age are identified and described, including the omnichannel approach, management based on artificial intelligence and big data analysis, management through social networks and opinion leaders, as well as a model based on the concept of conscious and responsible consumption. Based on the analysis, recommendations have been formulated for companies making efforts to improve the effectiveness of interaction with consumers in the context of digital transformation.

Keywords: consumer behavior, digital economy, consumer behavior management, omnichannel

For citation: Tikhomirova I. I., Andreeva A. A. "Transformation of Consumer Behavior Management Models in the Digital Economy". *Economic and Social Research* 4 (44) (2024): 62—71. (In Russian). <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2024-4-62-71> EDN: DYCGKD.

Введение

Цифровая трансформация экономики значительно влияет на все аспекты жизни общества, в том числе на поведение потребителей и способы взаимодействия компаний с ними. В условиях цифровой экономики традиционные модели управления потребительским поведением теряют эффективность, что обуславливает необходимость разработки и внедрения новых подходов, учитывающих особенности цифровой среды [8; 11].

Актуальность данного исследования обусловлена тем, что понимание потребительского поведения в цифровой среде и эффективное управление им становится для компаний ключевым фактором конкурентоспособности в современных условиях. Цифровизация меняет не только технологические, но и социальные аспекты потребительского поведения, формируя новый тип потребителя, для которого Интернет превращается в основную платформу для работы, общения и покупок.

Цель исследования — проанализировать трансформацию моделей управления потребительским поведением в условиях цифровой экономики и разработать для компаний рекомендации, которые помогли бы повысить эффективность взаимодействия с потребителями. Для достижения этой цели поставлены следующие задачи:

1) определить особенности поведения цифрового потребителя;

2) выявить основные подходы и методы, позволяющие эффективно адаптировать модели управления к требованиям цифровой экономики;

3) разработать рекомендации для бизнеса на основе анализа существующих научных концепций и кейсов ведущих цифровых компаний.

Методология исследования включает в себя анализ научной литературы, сравнительный анализ классических и современных подходов к изучению потребительского поведения, а также анализ кейсов успешного применения новых моделей управления потребительским поведением в цифровой среде.

Результаты данного исследования могут быть использованы компаниями для адаптации своих стратегий, бизнес-моделей и управленческих практик к новым реалиям цифровой экономики, что позволит повысить эффективность взаимодействия с потребителями и укрепить конкурентные позиции на рынке.

Теоретические предпосылки

Исследование потребительского поведения — ключевой аспект в понимании экономических процессов и разработке эффективных маркетинговых стратегий. На протяжении веков теории потребительского поведения эволюционировали, отражая изменения в экономической мысли и социальных науках. Рассмотрим основные этапы

развития теорий потребительского поведения, начиная с классических экономических концепций и заканчивая современными междисциплинарными подходами.

Классическая теория (XVIII — XIX вв.) предполагала, что потребители всегда действуют *рационально*, стремясь максимизировать свою выгоду при минимальных затратах. Ключевые представители этого направления — А. Смит, Дж.-С. Милль, Д. Рикардо.

Маржиналистская теория полезности (конец XIX в.) вводит понятие *предельной полезности*, объясняя, как потребители оценивают каждую дополнительную единицу товара. Ключевые представители — У.-С. Джевонс, К. Менгер, М. Э. Л. Вальрас.

Психологические теории (XX в.) расширили понимание потребительского поведения, включив в анализ *неэкономические факторы*, такие как эмоции и социальный статус. Ключевые представители — А. Маслоу, З. Фрейд.

Теория ограниченной рациональности Г. А. Саймона (1950-е гг.) предполагает, что потребители не всегда способны принимать оптимальные решения из-за *ограничений в знаниях и во времени*.

Теория планируемого поведения (1980-е гг.), разработанная М. Фишбейном и И. Айзенном, объясняет, как различные факторы влияют на *формирование намерений* и последующее поведение потребителей.

Поведенческая экономика (2000-е гг. — настоящее время) изучает систематические отклонения в поведении потребителей от рациональной модели, предлагая новые инструменты для прогнозирования потребительского выбора и влияния на него. Ключевые представители данного направления — Д. Канеман, Р. Талер.

Нейроэкономика (2000-е гг. — настоящее время) использует *методы нейробиологии* для изучения процессов принятия решений, предоставляя новые данные о механизмах потребительского выбора. Ключевые представители — П. Глимчер, Э. Фер.

Результаты

Эволюция теорий потребительского поведения отражает постепенное усложнение представлений о факторах, влияющих на выбор потребителей. Все исследователи, от создателей классических моделей рационального экономического человека до авторов современных концепций, учитывающих психологические, социальные и нейрофизиологические аспекты, стремились создать всё более точные и комплексные модели потребительского поведения.

Однако в последние десятилетия мы наблюдаем беспрецедентные изменения в экономической среде, связанные с *цифровой трансформацией*. Этот процесс затрагивает все аспекты взаимодействия между производителями, продавцами и потребителями, создавая новые каналы коммуникации, формы торговли и способы принятия решений. Цифровая трансформация экономики сотворила новую реальность, в которой традиционные модели потребительского поведения требуют существенной адаптации. В этом контексте необходимо рассмотреть, как цифровизация влияет на поведение потребителей и какие новые подходы к управлению потребительским поведением формируются в условиях цифровой экономики.

Цифровая трансформация представляет собой внедрение и интеграцию цифровых технологий в различные экономические процессы на всех уровнях. Этот процесс характеризуется следующими ключевыми особенностями [14]:

- формирование нового типа потребителя, для которого Интернет становится не только источником информации и развлечений, но и основной платформой для работы, общения, покупок и продаж;
- изменение подходов к анализу потребительского поведения с учетом демографических и возрастных параметров;
- переход от использования стационарных устройств для доступа в Интернет к мобильным;
- усиление конкуренции на рынке из-за избытка предложений товаров и услуг;
- появление и развитие платформ-агрегаторов как нового элемента рыночной инфраструктуры;

Трансформация потребительского поведения в эпоху цифровизации

Аспекты потребительского поведения	До цифровой трансформации	После цифровой трансформации
Источники информации	Газеты, журналы, реклама по телевизору	Социальные сети, сайты отзывов, интернет-реклама
Поиск информации о товарах	Ограниченный доступ к информации, в основном через рекламу и личные рекомендации	Широкий доступ к информации через Интернет, сравнение цен, чтение отзывов
Подход к покупке	Импульсивные покупки, физическое посещение магазинов	Предварительный анализ онлайн, возможность сравнения цен, покупки через Интернет
Потребительские предпочтения	Физические товары, низкий интерес к качеству обслуживания	Услуги, высокие требования к качеству и удобству
Факторы принятия решения	Рекомендации друзей и семьи	Отзывы онлайн, влияние социальных сетей
Персонализация	Ограниченная, основанная на сегментации потребителей	Высокоперсонализированные предложения на основе анализа данных
Взаимодействие с брендом	Низкое взаимодействие, в основном на уровне транзакций	Двусторонняя коммуникация, активное участие потребителей
Лояльность к брендам	Высокая брендовая лояльность	Частая смена предпочтений в зависимости от трендов и новинок
Влияние на продукт	Ограниченное влияние через фокус-группы	Активное участие в разработке продуктов через краудсорсинг и обратную связь

- повышение значимости нематериальных факторов при выборе товаров и услуг, таких как этичность потребления и соответствие принципам устойчивого развития;
- необходимость адаптации бизнес-моделей и стратегий управления потребительским поведением к новым экономическим реалиям.

По прогнозам, к 2025 г. ожидается, что около 50 % мировых потребителей можно будет классифицировать как «цифровых». Это обусловлено тем, что значительную часть своей покупательской активности они будут реализовывать в глобальной сети Интернет посредством разнообразных электронных устройств, включая современные высокотехнологичные гаджеты с продвинутыми функциональными возможностями [6].

Согласно данным, приведенным в исследовании рынка розничной интернет-торговли в России, в 2023 г. наблюдался значительный рост как в объеме продаж, так и в количестве

заказов. Объем рынка достиг 7,8 трлн руб., что на 44 % превышает показатели предыдущего года. Количество заказов увеличилось еще более впечатляюще, достигнув 5,03 млрд, что соответствует росту на 78 % по сравнению с 2022 г. Примечательно, что темпы роста интернет-торговли в 2023 г. сохранились на уровне 2022 г. и даже несколько превысили прогнозные значения, демонстрируя устойчивую тенденцию к расширению онлайн-сегмента розничной торговли в России¹.

Сравнительный анализ ключевых аспектов потребительского поведения до и после цифровой трансформации, который демонстрирует, насколько значительно изменились привычки и ожидания потребителей в цифровую эпоху [1; 3; 13], представлен в таблице.

¹ Интернет-торговля в России 2024 [Электронный ресурс] // Маркетинговые исследования рынка интернет-торговли: сайт. URL: https://datainsight.ru/sites/default/files/DI_eCommerce_in_Russia_2023.pdf (дата обращения: 08.11.2024).

Цифровизация не только способствует изменению привычек и предпочтений потребителей, но и создает новые потребности. Потребители становятся более требовательными к удобному, быстрому и доступному получению информации о продукте, а также к возможностям персонализации. Это формирует новый тип покупательского опыта, в котором технологии играют центральную роль (см., например: «...современный потребитель отличается повышенной требовательностью, поскольку имеет практически неограниченную возможность выбора из ассортимента продукции, производимой по всему миру. При этом его потребительский выбор, как правило, предопределяется отзывами и рекомендациями других пользователей — представителей различных наций и культур, а также всепроникающим воздействием рекламы» [2, с. 106]), что требует от компаний гибкости и инновационного подхода в управлении взаимодействием с клиентами: «Этот процесс [внедрение цифровых технологий. — Прим. ред.] затрагивает не только отдельные бизнес-процессы, но и всю корпоративную культуру, поскольку от компаний требуется глубоко переосмыслить свои подходы к управлению, стратегии и взаимодействию с клиентами» [7, с. 31].

Указанные изменения в потребительском поведении, возникшие в условиях цифровой трансформации, создают предпосылки для пересмотра традиционных моделей управления потребительским поведением. Формирование «потребителя нового поколения», отмеченное С. М. Крымовым и М. В. Кольган [9], требует от компаний адаптировать свои стратегии к новым реалиям цифровой среды. Смещение рыночной силы в сторону потребителей, на которое указывает И. В. Казанская [5], обуславливает необходимость переосмыслить подходы к построению лояльности и удержанию клиентов.

Концепция «общества дополненной реальности», которую предложила исследовательница В. И. Нога [11], подчеркивает

важность интеграции онлайн- и офлайн-каналов взаимодействия с потребителем. Это создает предпосылки для развития омниканальных моделей управления потребительским поведением.

Таким образом, трансформация потребительского поведения в цифровую эпоху создает объективные предпосылки для пересмотра существующих и разработки новых моделей управления потребительским поведением, учитывающих особенности цифровой среды и изменившиеся потребности современных потребителей.

Обсуждение результатов

В рамках исследования современных тенденций управления потребительским поведением в условиях цифровой экономики были выявлены ключевые модели, которые демонстрируют наибольшую эффективность и распространенность в российской бизнес-практике. Данные модели отражают трансформацию подходов к взаимодействию с потребителями под влиянием цифровизации и изменения социально-экономических условий.

1. **Омниканальный подход** представляет собой интеграцию всех каналов коммуникации с клиентом в единую систему, обеспечивающую бесшовный клиентский опыт [15]. Данная модель предполагает синхронизацию онлайн- и офлайн-каналов взаимодействия, что позволяет потребителю свободно переключаться между ними в процессе принятия решения о покупке. По данным исследования², более 70 % потребителей ожидают от компаний «непрерывной коммуникации».

Практическое применение данной модели можно наблюдать на примере X5 Retail

² **Кочетов А.** Без лишних слов [Электронный ресурс]: как компании оптимизируют коммуникацию // Партнерские приложения и тематические проекты РБК+ : [сайт]. URL: <https://plus.rbc.ru/news/65805a997a8aa93c973c072a> (дата обращения: 08.11.2024).

Group, которая успешно внедрила омниканальные решения в своих торговых сетях «Пятерочка» и «Перекресток»³. Компания объединила онлайн-заказы, офлайн-магазины, услуги click-and-collect и доставку, создав единую экосистему для потребителей.

Несмотря на очевидные *преимущества*, такие как улучшение клиентского опыта и повышение лояльности, омниканальный подход сопряжен с рядом *сложностей*. К ним относятся высокая стоимость внедрения, необходимость постоянной синхронизации данных между каналами и риск размывания бренда при неправильной реализации.

2. Управление на основе искусственного интеллекта и анализа больших данных. Данная модель базируется на использовании больших данных и технологий искусственного интеллекта для глубокого анализа поведения потребителей и последующей персонализации предложений. Применение этих технологий позволяет компаниям прогнозировать потребительское поведение с высокой точностью и автоматизировать маркетинговые процессы. Яндекс.Маркет — яркий пример успешного применения этой модели в российской *e-commerce*. Платформа использует алгоритмы машинного обучения для анализа поведения пользователей и предоставления персонализированных рекомендаций по товарам. Однако внедрение данной модели сопряжено с *высокими затратами* на разработку и обслуживание систем, а также с *рисками*, связанными с обеспечением *конфиденциальности* данных пользователей.

3. Управление через социальные сети и лидеров мнений. Эта модель основана на использовании социальных платформ и влиятельных личностей для формирования мнений и стимулирования покупательского

поведения. Она позволяет брендам достигать широкого охвата целевой аудитории и использовать высокий уровень доверия к лидерам мнений. Многие российские бренды активно применяют данную модель, сотрудничая с блогерами и инфлюенсерами в социальных сетях для продвижения своих продуктов. Основные недостатки модели включают *риск потери контроля* над сообщением бренда и *зависимость от репутации* лидеров мнений.

4. Управление на основе концепции осознанного и ответственного потребления. Данная модель ориентирована на экологичность, устойчивое развитие и социальную ответственность в маркетинговых стратегиях [4]. Она отвечает растущему запросу потребителей на этическое и ответственное ведение бизнеса. «ВкусВилл» — пример успешного применения этой модели в России: он активно продвигает концепцию ответственного потребления через предложение экологичных продуктов и поддержку социальных инициатив. Основные сложности при реализации данной модели связаны с возможным *увеличением себестоимости* продукции и *риском обвинений в «гринвошинге»* при неискреннем подходе. («Гринвошинг» — это маркетинговые уловки, при использовании которых продукты рекламируются как натуральные и безопасные для природы, что не соответствует действительности.)

Выбор конкретных моделей управления обусловлен их высокой релевантностью для цифровой среды. Например, омниканальный подход позволяет обеспечить единство клиентского опыта вне зависимости от того, в каком канале — онлайн или офлайн — взаимодействуют потребитель и производитель. Анализ данных и искусственный интеллект, в свою очередь, предлагают более глубокую персонализацию и прогнозирование поведения, тогда как социальные сети и лидеры мнений помогают компаниям напрямую взаимодействовать с целевой аудиторией,

³ *Gagarinova E.* Омниканальность в 2024 году [Электронный ресурс]: как российские компании создают бесшовный клиентский опыт // Блог о E-Commerce от STIK: блог. 18.04.2024. URL: <https://stik.pro/blog/omnikanalnost-v-2024-godu-kak-rossiiskie-kompanii-sozdayut-beshovniy-klientskiy-opyt/> (дата обращения: 08.11.2024).

повышая доверие аудитории и ее влияние на принятие решений.

Рассмотренные модели управления потребительским поведением отражают наиболее эффективные практики адаптации «к цифровым потребителям». Для компаний это означает, что необходимо инвестировать в технологии, обучающие программы и системы, которые помогут улучшить персонализацию, прогнозирование поведения и оптимизацию клиентского пути (см., например: «...компании должны иметь специалистов, которые обладают навыками анализа и систематизации информации посредством цифровых технологий» [10, с. 32]). Применение таких моделей способно повысить лояльность клиентов и создать устойчивое конкурентное преимущество на рынке.

Выводы и практические рекомендации

Теперь, когда проанализировано влияние цифровизации на поведение потребителей и экономические системы, можно сформулировать для компаний следующие рекомендации, которые помогут повысить эффективность их взаимодействия с потребителями в условиях цифровой трансформации:

1. Компаниям следует *интегрировать онлайн- и офлайн-каналы коммуникации* для создания бесшовного клиентского опыта. Это позволит обеспечить последовательное взаимодействие с потребителями независимо от выбранного ими канала коммуникации.

2. *Развитие персонализированного подхода.* Использование больших данных и искусственного интеллекта для анализа поведения потребителей позволит создавать *персонализированные предложения и контент*, которые повысят релевантность взаимодействия с клиентами.

3. Внедрение технологий *управления клиентским опытом (СЕМ)*. Компаниям рекомендуется внедрять системы управления клиентским опытом для мониторинга и оптимизации всех точек контакта с потребителем на

протяжении всего жизненного цикла взаимодействия.

4. Создание и развитие цифровых платформ [12] и экосистем. Это позволит компаниям *расширить спектр предоставляемых услуг и повысить их ценность для потребителей* за счет интеграции различных продуктов и сервисов.

5. Использование цифровых инструментов для создания *персонализированных программ лояльности* позволит повысить вовлеченность потребителей и укрепить их связь с брендом.

6. Развитие компетенций в области цифрового маркетинга. Компаниям необходимо *инвестировать в развитие цифровых компетенций сотрудников*, особенно в области цифрового маркетинга, анализа данных и управления клиентским опытом.

7. Внедрение инструментов предиктивной аналитики. Это позволит компаниям *прогнозировать поведение потребителей и предвосхищать их потребности*, что увеличит эффективность маркетинговых кампаний.

8. Обеспечение кибербезопасности и защиты данных потребителей. В условиях, когда потребители всё больше беспокоятся о конфиденциальности, компаниям необходимо уделять *особое внимание обеспечению безопасности персональных данных и прозрачности их использования*.

Цифровая экономика изменяет не только технологические, но и социальные аспекты потребительского поведения. Изучение поведенческих моделей потребителей позволяет сделать следующие выводы:

1. *Потребители становятся более осведомленными*, что требует от компаний прозрачности и обеспечения доступности информации.

2. *Импульсивное поведение*, стимулируемое цифровой рекламой, создает для компаний возможность использовать эмоциональные триггеры для увеличения продаж.

3. Экономика впечатлений и персонализация становятся важными стратегиями, позволяющими компаниям устанавливать более тесные и долгосрочные отношения с клиентами.

Для дальнейших исследований рекомендуется углубленно изучить влияние новых технологий (например, искусственного интеллекта, дополненной реальности) на поведенческие паттерны потребителей. Результаты такого анализа помогут разработать более эффективные стратегии маркетинга, направленные на устойчивое взаимодействие с потребителями.

В условиях цифровой экономики способность компаний адаптировать свои стратегии под изменения в поведении потребителей становится ключевым фактором успеха. Компании, которые оперативно внедряют омниканальные модели взаимодействия, используют анализ данных для персонализации и активно работают с цифровыми платформами, укрепляют свою позицию на рынке. Таким образом, гибкость и инновационность в управлении потребительским поведением становятся важными условиями устойчивого роста и долгосрочного конкурентного преимущества в цифровую эпоху.

Список литературы и источников

1. **Баринова Н. В., Баринов В. Р.** Трансформация экономического поведения потребителей в цифровом мире // Вестник Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова. 2020. Т. 17. № 5 (113). С. 169—181. <https://doi.org/10.21686/2413-2829-2020-5-169-181> EDN: DZKHDK.
2. **Гурьянова А. В., Тимофеев А. В.** Трансформация консьюмеризма в современном обществе потребления: от классического к цифровому консьюмеризму // Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2023. № 2 (38). С. 100—111. <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2023-2-100-111> EDN: BHGVFJ.
3. **Земскова Е. С.** Анализ поведения потребителей в цифровой экономике с позиции теории поколений // Вестник евразийской науки. 2019. Т. 11. № 5. Ст. 28. EDN: YTCZBJ.
4. Исследование причин и факторов изменения потребительского поведения населения / Л. В. Московцева, С. В. Языкова, И. В. Шапошникова, А. А. Орлова // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2024. Т. 9. № 3 (33). С. 433—442. <https://doi.org/10.21603/2500-3372-2024-9-3-433-442> EDN: JVXZCU.
5. **Казанская И. В., Ямщиков С. В., Ромашкина А. П.** Потребление и потребительское поведение в цифровую эпоху // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2022. № 1. С. 43—47. <https://doi.org/10.23672/t1024-0645-1658-b> EDN: NKNNPT.
6. **Карпова М. К.** Влияние рекламы на поведение потребителей в цифровой среде // Международный научно-исследовательский журнал. 2024. № 9 (147). Ст. 29. <https://doi.org/10.60797/IRJ.2024.147.87> EDN: TJXCMZ.
7. **Кознов А. Б.** Особенности цифровой трансформации бизнес-процессов организаций // Экономические и социально гуманитарные исследования. 2024. № 1 (41). С. 29—38. <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2024-1-29-38> EDN: ISXXEH.
8. **Котлер Ф., Картаджайя Х., Сетиаван А.** Маркетинг 4.0. Разворот от традиционного к цифровому: технологии продвижения в интернете / пер. с англ. М. Хорошиловой. М.: Эксмо: Бомбора, 2019. 224 с.
9. **Крымов С. М., Кольган М. В.** Структурные изменения в цепочке товародвижения под влиянием новых информационных возможностей // Интеллект. Инновации. Инвестиции. 2019. № 3. С. 36—42. <https://doi.org/10.25198/2077-7175-2019-3-36> EDN: TTRKVL.
10. **Кузина Д. О., Мрочко Л. В.** Перспективы развития рекламных бизнес-коммуникаций в цифровой среде // Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2022. № 4 (36). С. 29—36. <https://doi.org/>

- 10.24151/2409-1073-2022-4-29-36 EDN: PNKAIY.
11. **Нога В. И.** Особенности поведения «человека цифрового» в условиях новой реальности мировой экономики // *Human Progress*. 2021. Т. 7. № 2. Ст. 10. <https://doi.org/10.34709/IM.172.10> EDN: VVAQFK.
12. **Паркер Дж. [Дж.], Альстин М. [У.] ван, Чаудари С. [П.]** Революция платформ: как сетевые рынки меняют экономику — и как заставить их работать на вас / пер. с англ. Е. Пономаревой. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2017. 302 с.
13. **Сахбиева А. И.** Особенности поведения потребителей в условиях цифровой экономики // *Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки*. 2021. № 3. С. 238—240. <https://doi.org/10.23672/u5712-4804-4106-e> EDN: SGKKBZ.
14. Цифровая трансформация и ее влияние на потребителей / Е. И. Толстихина, С. К. Демченко, В. Г. Подопрigора, Ю. Л. Александров // *Инновации и инвестиции*. 2022. № 3. С. 11—15. EDN: CCNLYE.
15. **Ярцев М. М.** Применение омниканальной модели коммуникации для взаимодействия с клиентами сетевых торговых предприятий // *Финансовые рынки и банки*. 2023. № 11. С. 182—189. EDN: UFXKPZ.
16. <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2023-2-100-111> EDN: BHGVFJ.
3. Zemskova E. S. “Analysis of Consumer Behavior in the Digital Economy from the Perspective of Generation Theory”. *Vestnik evraziyskoy nauki = The Eurasian Scientific Journal* 11.5 (2019): 28. (In Russian). EDN: YTCZBJ.
4. Moskovtseva L. V., Yazykova S. V., Shaposhnikova I. V., Orlova A. A. “Causes and Factors of Changes in Consumer Behavior”. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Politicheskiye, sotsiologicheskiye i ekonomicheskkiye nauki = Bulletin of Kemerovo State University ser. Political, Sociological and Economic Sciences* 9.3 (33) (2024): 433—442. (In Russian). <https://doi.org/10.21603/2500-3372-2024-9-3-433-442> EDN: JVXZCU.
5. Kazanskaia I. V., Yamshchikov S. V., Romashkina A. P. “Consumption and Consumer Behavior in the Digital Age”. *Gumanitarnye, sotsial'no-ekonomicheskiye i obshchestvennyye nauki = Humanities, Social-Economic and Social Sciences* 1 (2022): 43—47. (In Russian). <https://doi.org/10.23672/t1024-0645-1658-b> EDN: NKNNPT.
6. Karpova M. K. “The Influence of Advertising on Customer Behaviour in the Digital Environment”. *Mezhdunarodnyy nauchno-issledovatel'skiy zhurnal = International Research Journal* 9 (147) (2024): 29. (In Russian). <https://doi.org/10.60797/IRJ.2024.147.87> EDN: TJXCMZ.
7. Koznov A. B. “Features of Digital Transformation of Business Processes of Organizations”. *Ekonomicheskiye i sotsial'no-gumanitarnyye issledovaniya = Economic and Social Research* 1 (41) (2024): 29—38. (In Russian). <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2024-1-29-38> EDN: ISXXEH.
8. Kotler Ph., Kartajaya H., Setiawan I. *Marketing 4.0. Moving from Traditional to Digital*. Hoboken, NJ: John Wiley & Sons, 2017. 208 p.
9. Krymov S. M., Kolgan M. V. “Structural Changes in the Chain of Production Movement under the Influence of New Information Capabilities”. *Intellekt. Innovatsii. Investitsii = Intellect. Innovations. Investments* 3 (2019): 36—42. (In Russian). <https://doi.org/10.25198/2077-7175-2019-3-36> EDN: TTRKVL.

References

1. Barinova N. V., Barinov V. R. “Transformation of Customer Economic Behavior in Digital World”. *Vestnik Rossiyskogo ekonomicheskogo universiteta imeni G. V. Plekhanova = Vestnik of the Plekhanov Russian University of Economics* 17.5 (113) (2020): 169—181. (In Russian). <https://doi.org/10.21686/2413-2829-2020-5-169-181> EDN: DZKHDK.
2. Guryanova A. V., Timofeev A. V. “Transformation of Consumerism in the Modern Consumer Society: From Classical to Digital Consumerism”. *Ekonomicheskiye i sotsial'no-gumanitarnyye issledovaniya = Economic and Social Research* 2 (38) (2023): 100—111. (In Russian).

10. Kuzina D. O., Mrochko L. V. "Development Prospects of Advertising Business Communications in a Digital Environment". *Ekonomicheskiiye i sotsial'no-gumanitarnyye issledovaniya = Economic and Social Research* 4 (36) (2022): 29—36. (In Russian). <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2022-4-29-36> EDN: PNKAIY.
11. Noha V. [I.] " 'Human Digital' Behavior Features in the World Economy New Reality". *Human Progress* 7.2 (2021): 10. (In Russian). <https://doi.org/10.34709/IM.172.10> EDN: VVAQFK.
12. Parker G. G., Van Alstyne M. W., Choudary S. P. *Platform Revolution. How Networked Markets Are Transforming the Economy — And How to Make Them Work for You*. New York: W. W. Norton & Co., 2016. 352 p.
13. Sakhibieva A. I. "Features of Consumer Behavior in the Digital Economy". *Gumanitarnyye, sotsial'no-ekonomicheskie i obshchestvennyye nauki = Humanities, Social-Economic and Social Sciences* 3 (2021): 238—240. (In Russian). <https://doi.org/10.23672/u5712-4804-4106-e> EDN: SGKKBZ.
14. Tolstikhina E. I., Demchenko S. K., Podo-prigora V. G., Alexandrov Yu. L. "Digital Transformation and Its Impact on Consumers". *Innovatsii i investitsii = Innovation & Investment* 3 (2022): 11—15. (In Russian). EDN: CCNLYE.
15. Yartsev M. M. "Application of an Omnichannel Communication Model for Interaction with Clients of Network Trading Enterprises". *Finansovyye rynki i banki = Financial Markets and Banks* 11 (2023): 182—189. (In Russian). EDN: UFXKPZ.

Информация об авторах

Тихомирова Ирина Игоревна — кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры экономики, менеджмента и финансов Национального исследовательского университета «МИЭТ» (Россия, 124498, Москва, Зеленоград, пл. Шокина, 1).

Андреева Александра Андреевна — кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры экономики, менеджмента и финансов Национального исследовательского университета «МИЭТ» (Россия, 124498, Москва, Зеленоград, пл. Шокина, 1).

Information about the authors

Irina I. Tikhomirova — Cand. Sci. (Econ.), Assoc. Prof., Associate Professor at the Department of Economics, Management and Finance, National Research University of Electronic Technology (Russia, 124498, Moscow, Zelenograd, Shokin sq., 1).

Alexandra A. Andreeva — Cand. Sci. (Econ.), Assoc. Prof., Associate Professor at the Department of Economics, Management and Finance, National Research University of Electronic Technology (Russia, 124498, Moscow, Zelenograd, Shokin sq., 1).

Статья поступила в редакцию 29.10.2024.

The article was submitted 29.10.2024.

Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2024. № 4 (44). С. 72—85.

Economic and Social Research. 2024. No. 4 (44). P. 72—85.

Научная статья

УДК 330 + 172

doi: 10.24151/2409-1073-2024-4-72-85

<https://www.elibrary.ru/fphurn>

Теоретические и практические этические основы социализма в контексте углубления реформ

У Хуэйсинь¹, Чжоу Тун²

^{1, 2} Северо-Восточный сельскохозяйственный университет, г. Харбин, Китай

¹ whxh2@126.com

² zt15204545882@163.com

Аннотация. С точки зрения марксистской этики, углубление реформ в теории и на практике имеет большое значение для глубокого понимания «Решения Центрального комитета Коммунистической партии Китая о дальнейшем углублении реформ и продвижении китайской модернизации» (далее — «Решение»). Оно имеет важное теоретическое и практическое значение и повышает ценностное восприятие процесса реформ. Составители «Решения» уважают и используют закон общественных противоречий, полностью проводя в жизнь экономический детерминизм во всех аспектах теории и практики дальнейшего углубления реформ (руководящие идеи, цели, конкретные меры). Экономический детерминизм также определяет общий методологический подход к сути реформ. Придерживаясь подхода, основанного на решении проблем, и принципа приоритета народа, составители «Решения» раскрывают коллективное «первоначальное намерение» партии — и таким образом «Решение» иллюстрирует сущность этики социализма. Моральные ценности реформ проявляются через демонстрацию превосходства социалистической системы с китайской спецификой, стремление к социальной справедливости и меры, направленные на ее реализацию. Придерживаясь экономического детерминизма, этических принципов социализма и моральных ценностей социалистической этики, составители «Решения» предоставляют теоретическую основу для понимания духа дальнейших реформ.

Финансирование: работа выполнена в рамках гранта крупного проекта Национального фонда общественных наук Китая «Исследование значения и ценности наследования китайской цивилизации в строительстве модернизации в китайском стиле» (№ 23ZDA017).

Ключевые слова: углубление реформ, экономический детерминизм, обязательная теория, теория ценностей

Для цитирования: У Хуэйсинь, Чжоу Тун. Теоретические и практические этические основы социализма в контексте углубления реформ // Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2024. № 4 (44). С. 72—85. <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2024-4-72-85> EDN: FPHURN.

Original article

Theoretical and practical ethical foundations of socialism in the context of deepening reforms

Wu Huixin¹, Zhou Tong²

^{1, 2} Northeast Agricultural University, Harbin, China

¹ whxh2@126.com

² zt15204545882@163.com

Abstract. From the perspective of Marxist ethics, the deepening of reforms in theory and practice is of great significance for understanding the “Resolution of the Central Committee of the Communist Party of China on Further Deepening Reforms and Promoting Chinese Modernization” (hereinafter “Resolution”). It is important from both theoretical and practical points of view and enhances the value perception of the reform process. The “Resolution” issues respect and leverage the law of social contradictions, fully implementing economic determinism in all aspects of the theory and practice of reforms further deepening (guiding ideas, goals, specific measures). Economic determinism also determines the overall methodological approach to the essence of reforms. Adhering to a problem-solving approach and the principle of prioritizing the people, the “Resolution” issuers unveil the collective “original intention” of the Party and thus the “Resolution” illustrates the essence of socialist ethics. The moral values of the reforms are manifested through the demonstration of the superiority of the socialist system with Chinese characteristics, the pursuit of social justice, and measures aimed at its realization. By adhering to economic determinism, the ethical principles of socialism, and the moral values of socialist ethics, the “Resolution” issuers provide a theoretical foundation for understanding the spirit of further reforms.

Keywords: reforms deepening, economic determinism, mandatory theory, value theory

Funding: the work was carried out within the framework of grant of major project of National Social Science Fund of China “Study of significance and value of Chinese civilization heritage in Chinese-style modernization buildup” (no. 23ZDA017).

For citation: Wu Huixin, Zhou Tong. “Theoretical and Practical Ethical Foundations of Socialism in the Context of Deepening Reforms”. *Economic and Social Research* 4 (44) (2024): 72–85. (In Russian). <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2024-4-72-85> EDN: FPHURN.

Решение Центрального комитета Коммунистической партии Китая (ЦК КПК) о дальнейшем всестороннем углублении реформ для продвижения китайской модернизации (далее — «Решение») было представлено, когда «...реформы перешли от этапа локальных поисков и преодоления тех или иных преград к этапу системного,

интегрированного и всестороннего углубления» [2, с. 2].

«Решение» отражает мужество и теплоту, проявленные в ходе борьбы с актуальными проблемами и воспринятые народом, и всесторонне раскрывает сущность социалистической этики. Основной целью «Решения» является содействие социальной

справедливости и увеличению благосостояния народа, оно базируется на принципе «народ превыше всего», а его основная цель — продвижение всестороннего развития человека и достижение значительного прогресса в общем процветании всего народа, что выражает глубочайшую заботу о реальном человеке в контексте социалистической этики.

1. Экономический детерминизм в углублении реформ (в отличие от морального детерминизма)

Современная реальность и задачи, стоящие перед страной, суть способ существования любого этического духа и объект всей моральной заботы. В рамках исторического материализма производительные силы — основа всех социальных отношений, а экономическая база — основа всей надстройки. Коммунистическая партия Китая осознает это и применяет экономический детерминизм во всех аспектах теории и практики дальнейшего углубления реформ.

1.1. Истоки экономического детерминизма в реформах

Третий пленум XI съезда Коммунистической партии Китая ознаменовал начало эпохи реформ и открытости, а также модернизации социалистического строительства. Он изменил основной акцент работы партии, сместив его на модернизацию социалистического строительства. Китай начал переход от политики «взятия за основу классовой борьбы» к сосредоточению на экономическом строительстве. Третий пленум XVIII съезда партии также стал эпохальным событием, открыв новую эру всестороннего углубления реформ и системного проектирования для достижения всеохватного экономического и социального развития. После XX съезда партии в главных областях страны в основном были созданы фундаментальные институциональные рамки. Однако перед лицом сложной международной и внутренней

ситуации, новой технологической революции и индустриальных преобразований, а также новых ожиданий народа задача заключается в том, чтобы в период адаптации к изменениям в противоречиях социализма в Китае результаты модернизации приносили пользу всему народу. «Реформы и открытость являются непрерывно продолжающимся процессом, который не имеет конца» [2, с. 3]. Углубление реформ и экономического развития всегда остается актуальным, так как история реформ и открытости — это история, «...основанная на применении методологии марксистской политической экономии, углубляющая понимание закономерностей экономического развития Китая и повышения способности руководить экономическим развитием страны»¹ [3, с. 332].

Для достижения данных целей вскоре после проведения Всекитайского собрания народных представителей был созван Третий пленум XX съезда партии, целью которого стало дальнейшее углубление реализации стратегических задач, выдвинутых на съезде, с акцентом на реализации стратегии экономического развития. В принятом на этом пленуме «Решении» говорится: «Вся партия должна сознательно отводить для реформ более значимое место и в дальнейшем всесторонне их углублять» [2, с. 3]. В конце концов, «...производство идей, представлений и сознания изначально связано напрямую с материальной деятельностью людей, их материальными взаимодействиями, с языком реальной жизни. Люди — это производители своих идей, своего сознания и т. д., однако это реальные, действующие люди, чье сознание обусловлено развитием их производительных сил и соответствующих им форм взаимодействия — вплоть до самых отдаленных форм взаимодействия» [4, с. 524—525], а также «не сознание определяет бытие,

¹ Здесь и далее цитаты из источников [3—11] приведены в переводе У Хуэйсинь.

а бытие определяет сознание» [4, с. 525]. Коммунистическая партия Китая всегда ясно понимала решающее значение экономического развития для многих аспектов общественного развития, включая улучшение социального взаимодействия и повышение уровня духовного развития человека: то и другое способствует реализации общей цели — свободного и всестороннего развития каждого человека через общее процветание.

1.2. Экономический детерминизм в руководящей идеологии дальнейшего углубления реформ

Вспомним о провозглашенных целях: «Играть ведущую роль в реформировании экономической системы» [5, с. 181]; «Содействовать лучшему соответствию производственных отношений и производительных сил, надстройки и экономического базиса, управления государством и социального развития, предоставляя мощную движущую силу и институциональные гарантии для китайской модернизации» [2, с. 3—4]. Из них следует, что *экономические реформы* являются основным элементом дальнейшего углубления *реформ как таковых*. «Решение» опирается на теорию основного социального противоречия между производительными силами и производственными отношениями, между экономическим базисом и надстройкой. В нем научно применяются законы движения противоречий между производительными силами и производственными отношениями, между экономическим базисом и надстройкой, которые можно назвать основополагающими законами развития человеческого общества. Все размышления и практическая деятельность всегда направлены на укрепление производительных сил и экономического базиса. А конечная цель этих экономических реформ — обретение ценностей, таких как «содействие социальной справедливости и увеличению благосостояния народа» [2, с. 3], что является не только исходной точкой «Решения»,

но и его конечной целью. Очевидно, что развитие производительных сил является «высшим критерием социального прогресса» [6, с. 209]. Этот вывод подтверждает тезис о том, что «мораль в конечном счете является продуктом общественно-экономических отношений» [7, с. 1].

1.3. Экономический детерминизм, отраженный в цели дальнейшего углубления всесторонних реформ

В «Решении», касающемся дальнейшего углубления всесторонних реформ, указано: необходимо продолжать совершенствование и развитие социалистической системы с китайской спецификой, в которую включена экономическая система социализма с китайской спецификой. Построение высокоразвитой социалистической рыночной экономики к 2035 г. — неотъемлемая часть этой задачи и весьма амбициозная цель. Соответственно, в первую очередь, необходимо «сфокусироваться на построении высокоразвитой социалистической рыночной экономики, максимально используя решающую роль рынка в распределении ресурсов, <...> придерживаться и совершенствовать основную экономическую систему социализма» [2, с. 4], чтобы «построить современную экономическую систему» [2, с. 4]. После постановки этих целей в «Решении» также выдвинуты такие важные задачи дальнейшего углубления реформ, как «развитие всенародной демократии», «строительство социалистической культурной державы», «повышение качества жизни народа», «строительство прекрасного Китая», «создание высокоразвитого безопасного Китая», «повышение уровня руководства партии и ее долгосрочной управленческой способности».

Из этого видно, что в рамках общей цели, определенной в «Решении», ключевым моментом становится строительство высокоразвитой социалистической рыночной экономики. Возможность и легитимность

социалистической рыночной экономики уже давно были научно доказаны и проведены на практике в ходе развития социалистической экономики, и эта проблема уже не актуальна. В настоящее время стоит вопрос о создании именно «высокоразвитой» социалистической рыночной экономики. «Высокоразвитая» экономика не только подчеркивает преимущества китайской социалистической системы, но и служит аргументом в пользу выдающихся особенностей китайской модернизации. Понятие «высокоразвитая» не сводится к простому сочетанию рыночной экономики и социализма, а предполагает полноценное использование роли государства, продвижение высокоразвитых научных и технологических достижений, особенно в области самостоятельных исследований и инноваций, а также реализацию высокоуровневой открытости внешнему миру. Это фактически затрагивает вопрос соответствия между производственными отношениями и производительными силами, а также между надстройкой и экономическим базисом. В условиях глобализации и в ходе борьбы за новое мировое устройство необходимо «...объяснять существующие конфликты между общественными производительными силами и производственными отношениями» [8, с. 33], принимая во внимание, какие производственные отношения и общественное сознание могут способствовать развитию производительных сил. Хотя на современном этапе производственные отношения в Китае в целом *соответствуют* уровню развития производительных сил, «...это не исключает, что отдельные их элементы или аспекты могут не соответствовать условиям производительных сил и препятствовать их развитию» [9, с. 135]. Концепция «высокоразвитой» социалистической рыночной экономики способствует развитию всенародной демократии, созиданию социалистической культурной державы, повышению качества жизни народа, созданию

прекрасного и безопасного Китая, а также повышению качества управленческих решений, принимаемых руководством партии, и ее долгосрочной управленческой способности. Эта логика мышления и подход к действиям отражают ценностную ориентацию «Решения», которое делает социалистическую политическую этику ценностным ориентиром, задающим направление всему процессу реформ.

Следует сказать, что экономический детерминизм является как онтологическим методом для дальнейшего углубления всесторонних реформ, так и очевидным доказательством приверженности историческому материализму в «Решении». Именно экономический детерминизм, а не «моральный детерминизм» служит методологическим подходом для понимания теории и практики дальнейшего углубления реформ. Это также основа истины и исторической перспективы, на которой строится этическая интерпретация указанной задачи.

2. Социалистическая «теория долга» в теории и практике дальнейшего углубления всесторонних реформ

В современной западной этике «теория долга» означает моральную теорию, согласно которой поведение человека должно соответствовать определенным моральным принципам или быть продиктовано некой правомерностью. Также «теорию долга» противопоставляют «целевой теории» и «утилитаризму». Однако здесь речь идет о «теории долга» в социалистическом контексте, которая больше направлена на утверждение ценностного идеала и способ достижения желаемого; при этом акцентируется, что необходима мотивация, направленная на исполнение обязанностей и несение ответственности. С точки зрения общественного поведения, важно, исходит ли действие из добрых или злых *побуждений*, а с точки зрения этики — является ли оно

добром или злом. Если экономический детерминизм представляет собой онтологию и историческую концепцию, которой следуют теория и практика дальнейшего углубления реформ, то социалистическая «теория долга», обладающая китайской спецификой нового времени, является принципиальной парадигмой, основанной на историческом и диалектическом материализме как общей методологии. Она предполагает, что теория и практика дальнейшего углубления реформ всегда исходят из реальных потребностей, интересов народа и социальной практики при разработке и реализации задач.

2.1. Практический подход, основанный на проблемной ориентации

С точки зрения всего народа, руководство партией при строительстве социализма — это процесс постоянного прогресса, а сама реформа — еще и процесс постепенного совершенствования. Если сравнить все компоненты последовательности, от «реформ» на Третьем пленуме ЦК КПК XI созыва до «всестороннего углубления реформ» на Третьем пленуме ЦК КПК XVIII созыва и далее до «дальнейшего всестороннего углубления реформ» на Третьем пленуме ЦК КПК XX созыва, становится видно, что реформа не только продолжается, но и представляет собой процесс, который развивается всё глубже. Тенденция развития реформ состоит в том, что сначала определяют их направление. Почему его нужно определять? Потому что в конце 1970-х гг. необходимо было решить проблему абсолютной всеобщей бедности, вызванной абсолютным уравниванием всех между собой, поэтому следовало начать с идеи «позволить части людей сначала разбогатеть», а затем с помощью уже разбогатевших достичь общего процветания. Почему на Третьем пленуме ЦК КПК XVIII созыва было предложено «всесторонне углублять реформы»? Объективно говоря, это случилось потому, что хотя на тот момент Китай вступил в новую стадию развития,

реформы также вошли в стадию преодоления сложностей и глубоких преобразований. Всё еще существовали ограничения в мышлении и барьеры, вызванные к жизни закрепленными интересами, а потому механизмы развития столкнулись с препятствиями, а социальные конфликты значительно усилились. В ответ на эти реальные проблемы стало необходимо уделять больше внимания системности, целостности и скоординированности реформ. Резолюция Третьего пленума ЦК КПК XX созыва по дальнейшему углублению всесторонних реформ была предложена в контексте большого плана по проведению китайской модернизации, и эти два процесса должны были оказаться взаимосвязанными. Преодоление реальных трудностей, возникающих при проведении китайской модернизации, становится целями, на достижение которых направляют усилия при дальнейшем углублении реформ. Таким образом, «реформа вызвана проблемами и углубляется в процессе их решения» [10, с. 44], а все предлагаемые меры исходят из реальных проблем и направлены на их решение.

Принцип действия «решение проблем» и моральная правота этого подхода неизбежно предполагают стремление к правде и практичности. Сущность марксистской эпистемологии заключается в единстве познания и практики. В начале любой деятельности исходят из реальности, ищут истину в фактах, и это становится отправной точкой для любой практической работы партии. Брать за основу социально-исторический опыт, исследовать суть проблем в постоянно меняющейся социальной и исторической среде, избегать хитростей и самообмана, но опираться на истину и совершать практические шаги — такой подход всегда был присущ Коммунистической партии Китая. С годами он остается неизменным, а только обновляется с течением времени. В эпоху Мао Цзэдуна, Дэн Сяопина,

Цзян Цзэминя и Ху Цзиньтао всё строилось на реальных отношениях между историей и современностью, и по сей день партия на эпистемологическом уровне твердо придерживается золотого правила: следует исходить из реальности и искать истину в фактах. Это позволило партии следовать выбранной линии и курсу, действовать целенаправленно, добиваться результатов, которых невозможно достичь с помощью одних только абстрактных идей и воли. В процессе решения проблем партия разработала логически последовательную цепочку методов, которая связывает прошлое и настоящее, применяла непоколебимую методологию для управления страной, вдохновляла как внутренние, так и внешние силы.

Прагматичный подход к достижениям, проблемам и решениям, таким как красная линия, которую можно проследить в понимании всего «Решения» (а это один из его самых важных теоретических моментов), равно как и дальнейшее углубление стратегии реформ — отнюдь не пустые разговоры, поскольку они, напротив, основаны на реальности. Содержание теории модернизации китайского типа (в том числе новые достижения, новые проблемы, новые противоречия и новые миссии) вытекает из актуальности, а также из настоятельной необходимости смотреть в лицо проблемам и решать их — и становится неизбежным теоретическим результатом следования эпистемологическому принципу поиска истины в фактах.

2.2. Ответственность в соответствии с принципом верховенства народа

Принцип дальнейшего всестороннего углубления реформ — это следование принципу верховенства народа под руководством партии; а если точнее, то «следование принципу верховенства народа, планирование и продвижение реформ в общих, фундаментальных и долгосрочных интересах народа» [2, с. 4] — ключевой момент, который необходимо было уловить при подготовке

проекта «Решения». Следование принципу «верховенства народа» предполагает ориентированный на людей подход и уважение к субъективной позиции и духу инициативы народа, — и такую ответственность берет на себя руководство КПК.

В решении о дальнейшем всестороннем углублении реформ проявляется ответственность, основанная на принципе верховенства народа, в первую очередь на том, что «когда народ призывает к чему-то, реформы ответят на это» [2, с. 6]. Кроме того, принцип «сохранение и повышение уровня жизни людей в условиях развития — главная задача модернизации по-китайски» [2, с. 35] служит руководством к действию для дальнейшего всестороннего углубления реформ. Поэтому, отвечая на насущные проблемы населения и ориентируясь на универсальную структуру доходов, составители «Решения» предлагают улучшить систему распределения доходов и расширить каналы увеличения доходов, основанных на получении выгоды от частной собственности, для городских и сельских жителей. Кроме того, в ответ на структурные противоречия в сфере занятости руководство страны приняло усилия, направленные на «улучшение системы поддержки занятости для ключевых групп, таких как выпускники колледжей, сельские рабочие-мигранты и отставные военные» [2, с. 35—36], и предложило конкретные меры для решения этой проблемы, такие как улучшение системы обучения профессиональным навыкам на протяжении всей жизни и регулирование развития новых форм занятости. Если же говорить о преодолении конкретных трудностей социального обеспечения, а именно о предоставлении жителям всех регионов пенсий по старости и медицинского обслуживания в разных местах, то в «Решении» предлагается усовершенствовать национальную единую государственную платформу социального обеспечения, отменить ограничение на регистрацию домохозяйств

для вступления в программу страхования по месту работы, улучшить политику передачи отношений социального обеспечения, а также постепенно отсрочить установленный пенсионный возраст на основе принципов добровольности и гибкости. Используя данную платформу социального обеспечения, государство стремится укрепить первичную медико-санитарную помощь и реформировать государственные больницы, ориентируясь на общественные интересы, чтобы больше людей могли позволить себе лечение и имели лучший доступ к медицинскому обслуживанию. Чтобы поддержать разнообразные жилищные потребности населения и предоставить местным властям возможность проводить более мягкую политику приобретения обеспечения жильем, а также в ответ на реальность давления демографических факторов и для того чтобы стимулировать желание населения детородного возраста иметь детей, составители «Решения» предлагают систему субсидий на материнство и укрепляют систему инклюзивного ухода за детьми. Эти меры наглядно подтверждают принцип «реформы — для народа, реформы опираются на народ, а плоды реформ достаются народу» [2, с. 6]. Кроме того, необходимо вспомнить, что «вести народ к счастливой жизни — неизменная цель нашей партии», и это именно так партия проявляет ответственность за руководство народом в процессе проведения модернизации по китайскому образцу. Партия действует не ради собственной выгоды или интересов отдельных групп; КПК всегда держит в сердце дела народа, и это моральный принцип, которого придерживаются китайские коммунисты «на земле».

2.3. Реальное продвижение в объективных связях

Решение о дальнейшем углублении реформ (то, о чем оно говорит, то, что оно собой представляет, и всё это, напрямую связанное с жизнеобеспечением страны и благосостоянием народа) — новая инициатива

партии по управлению страной в новой ситуации, новый образ мышления для решения основных проблем, порожденных реалиями нового периода. Поскольку это главная стратегия управления страной, ее логическая структура должна быть ясна для изучения.

Построение умеренно обеспеченного общества по всем направлениям относится к программе всестороннего развития и приписывается лидеру экономической операции. Под руководством методологии исторического материализма она стремится принести плоды «умеренно зажиточного» общества на благо всех слоев общества всесторонним образом, отражая качество и вкус экономического развития. Экономический базис определяет надстройку — это незыблемая истина: когда экономика хороша, все остальные проблемы с оптимизацией могут отсутствовать; но экономика не хороша, а особенно страдает материальная жизнь отдельных людей в обществе: у них нет реального достатка, который можно принять за отправную точку, гарантирующую, что доходы *выше* данной точки являются роскошью. Сейчас эта задача в основном решена, но до закрепления достижений строительства умеренно процветающего общества еще далеко. Что делать дальше? Полагаться на реформы: «углубление реформ» — это качественные изменения в процессе количественных изменений; «количественные изменения» — процесс движения вперед, а сами «качественные изменения» — трудности и проблемы, которые всё равно можно описать и как славу, и как страдания. «Всестороннее углубление реформ» — это реформы в «глубоководной зоне», которые требуются для того, чтобы преодолеть трудности неизбежными, необходимыми, нужными средствами. Трудности можно представить, но их нужно преодолеть. Какие «извилистые тропинки» приведут нас к самым светлым путям в мире? Или, если мысленно

сделать еще один шаг вперед, что на данном этапе было бы самым эффективным решением для преодоления «глубоких вод» реформы, которое бы работало? Дальнейшее углубление реформы. По мере того, как реформа входит в «глубоководную зону», оказывается, что значительная часть проблем, с которыми сталкивается общество, — это проблемы нижнего уровня, проблемы, которые глубоко переплетены между собой и затрагивают весь общественный организм. В это же время зачастую неоправданно при решении проблем полагаться только на административное вмешательство и моральные ориентиры. Поэтому в качестве своего рода процессуального правосудия, чтобы разблокировать социальные каналы и исправить эффективные средства неправомерного поведения, «верховенству закона» приходит время выйти на сцену. Правовое государство во всех его аспектах обеспечивает оперативное, конкретное и целенаправленное управленческое мышление для решения ключевых и острых проблем общественного организма. Так где же основные задачи и достижения, характерные для «управления страной в соответствии с законом во всех отношениях»? Если говорить реалистично, то в «строгом руководстве партией по всем направлениям». Качество партии улучшается, стиль партии оптимизируется, способность партии улучшается, работа партии научна, а уверенность в государственном управлении укрепляется. Когда страной хорошо управляют, это обязательно принесет пользу всему народу. Таким образом, есть основа для управления страной, партия получает поддержку, реформы в порядке, благосостояние народа улучшается навсегда.

«Четыре всесторонних аспекта» (всестороннее построение модернизированной социалистической державы; всестороннее обеспечение законности в государственном управлении; всестороннее углубление реформ; всестороннее соблюдение строгой партийной дисциплины) воплощают в себе

логическую необходимость практики, т. е. на практике можно следовать только такому логическому закону развития — практическому пути, основанному на реальности и истине. В «Решении» призывают к скоординированному продвижению «четырех составляющих», но при этом указывают на ведущую роль реформы экономической системы. В этой логической цепочке повышение уровня жизни людей, построение общества умеренного достатка, верховенство закона во всех его аспектах и строгое руководство партии во всех его аспектах — всё это зависит от дальнейших комплексных социальных реформ. В этой реальности объективная связь всех перечисленных составных частей друг с другом может быть установлена, политика продвижения станет более эффективной, проблемы также неизбежно будут решены более тщательно, различные элементы решений и меры, которые необходимо применить, удастся найти в сотрудничестве, и это будет реальный путь, на котором можно достичь прогресса, но неабстрактного, а воплощенного на конкретной территории. Именно здесь находится «подлинное сердце» Коммунистической партии, трактующее суть «моральной теории» социализма.

3. Теория моральных ценностей для дальнейшей всесторонней реформы

Социалистическая система — это политическая и экономическая система, противоположная капиталистической, основными элементами которой являются внедрение общественной собственности и реализация права собственности народа. Социалистическая система с китайской спецификой основана на практике, сложившейся после реформ, и на открытости Китая для достижения экономического роста.

Главная цель экономического роста — создание условий для жизни людей при всеобщем достатке. Основные черты и преимущества экономического роста четко

отражены в стратегии возрождения сельских районов, которая воплощает в жизнь благой потенциал социалистической системы.

3.1. Демонстрация положительных сторон социалистической системы с китайской спецификой

Дальнейшее всестороннее углубление реформ осуществляется на историческом фоне вступления социализма с китайской спецификой в новую эпоху. Углубление реформ сопровождается тщательной реализацией идей Си Цзиньпина о социализме с китайской спецификой, характерном для новой эпохи, и следования духу XX съезда партии; оно основывается на серьезном анализе достижений прошлых реформ и исторических изменений. Также для углубления реформ характерно, что социально-экономическое развитие Китая таит в себе многие возможности. Дальнейшее всестороннее углубление реформ — стратегическая инициатива по ускорению строительства новой модели развития и реальная мера для достижения модернизации по китайскому образцу, а конкретные меры, применяемые (или запланированные) в рамках стратегии, в большей степени отражают суть социализма. Социалистическая система может сконцентрировать свои усилия на главных вопросах, а в процессе дальнейших всеобъемлющих социальных реформ она способна под руководством Коммунистической партии Китая взять на себя историческую инициативу, этические обязательства и реальную ответственность, чтобы продемонстрировать доброту, свойственную социалистическим системам.

Если говорить о конкретных требованиях, то «Решение» направлено на построение социалистической рыночной экономики высокого уровня. Социалистическая рыночная экономика — выдающаяся институциональная особенность социалистической системы Китая; в рамках такой экономической системы можно «заставить работать» и «держат под контролем», доби-

ваться справедливости и обеспечивать эффективность, придерживаться социалистической системы общественной собственности как основы всей государственной системы и поощрять упорядоченную рыночную конкуренцию, контролировать деятельность государственных предприятий, строить единый национальный рынок и создавать условия для развития частных предприятий, строить социалистический рынок высокого уровня. Также социалистическая рыночная экономика поощряет упорядоченную рыночную конкуренцию, контролирует деятельность государственных предприятий и создает условия для развития частных предприятий, формирует единый национальный рынок и способствует перетоку из региона в регион таких факторов, как труд, капитал, земля, знания, технологии, управление и данные, поддерживая тем самым целостное и планомерное развитие экономики. Предусмотренные в «Решении» реформы, которые касаются высококачественного экономического развития и комплексных инноваций, макроэкономического управления, комплексного развития городских и сельских районов, высокоуровневой открытости внешнему миру, народной демократии на протяжении всего процесса, социалистического правового государства, культуры, системы жизнеобеспечения, экологической цивилизации, модернизации системы и потенциала национальной безопасности, национальной обороны и вооруженных сил, уровня партийного руководства, в Китае должны проводиться так, чтобы их успех гарантировала социалистическая система с китайской спецификой, — это необходимо, чтобы достичь общей координации. Либерально-демократическая система США, конституционная монархия Великобритании, консерватизм и авторитаризм России и традиционная социалистическая система КНДР не могут быть реализованы в современном Китае. В своей книге «Десять причин краха СССР»

известный российский экономист, бывший заместитель заведующего Экономическим отделом ЦК КПСС Ю. А. Белик, в частности, указывает: одной из главных причин распада СССР стала неспособность советской компартии использовать исторический и практический опыт Коммунистической партии Китая (КПК), — и считает социализм с китайской спецификой наиболее ярким достижением в китаизации марксизма: «Социально значимые результаты реформ население стало ощущать уже по ходу реформ, а не обещания получить в конце. Свои реформы Китай проводит без участия “советников” из МВФ, что позволило ему реализовать самостоятельную политику, учитывающую конкретные условия Китая. Китай располагает идеей, воспринятой нацией и объединившей ее, — построение социалистического общества с китайской спецификой» [1, с. 153]. По сравнению с банкротством либеральной утопии и экономическим крахом, вызванным российскими реформами, достоинства социалистической системы с китайской спецификой очевидны, а с точки зрения политической этики она — типичное выражение добрых намерений системы.

3.2. Приверженность социальной справедливости

В мировой политической философии и политической этике теории «справедливости» и «честности» занимают видное место, но лишь немногие из них воплощают в жизнь таким образом, чтобы они приносили реальную пользу всему населению и действительно были направлены на повышение благосостояния людей. Теория и практика дальнейшего всестороннего углубления реформ, «неизменно рассматривая содействие социальному равенству и справедливости» [2, с. 3], достигла социальной ценности, не имеющей аналогов среди других теорий и идей развития.

В экономической сфере создатели «Решения» выступают за создание социали-

стической рыночной экономики высокого уровня (и уделяют особое внимание борьбе с монополией и недобросовестной конкуренцией), а также за создание надежного механизма определения вознаграждения (и наказания) в зависимости от вклада — в частности, «...в отношении виновных в нарушении прав собственности и законных интересов во всех секторах экономики с разными формами собственности придерживаться равного подхода при привлечении к ответственности, предъявлении обвинения и назначении наказания, совершенствовать порядок выплаты штрафных компенсаций» [2, с. 10]. Правительство также придерживается мнения: рыночную экономику следует реформировать таким образом, чтобы избежать неравенства, которое может возникнуть в результате такой реформы. В плане научного образования предлагается «...оптимизировать распределение образовательных ресурсов между регионами, разработать механизм предоставления основных общественных услуг в сфере образования в соответствии с изменением демографической ситуации. Совершенствовать механизм стимулирования качественного и сбалансированного развития обязательного образования» [2, с. 14]. Также следует «совершенствовать механизм продвижения качественного и сбалансированного обязательного образования» [2, с. 14] и принять другие меры, способствующие достижению и укреплению реального равенства в сфере образования, — например, «поощрять и направлять высшие учебные заведения и научно-исследовательские институты на передачу прав на использование результатов научно-технической деятельности средним, малым и микропредприятиям по схеме “оплата после применения”» [2, с. 15]. Так можно будет достичь в экономике этической справедливости, опирающейся на честность.

Если говорить о дипломатических мерах, необходимо поддержание интернационализма и дипломатической справедливости,

«расширение односторонней открытости для наименее развитых стран» [2, с. 25] и следует «совершенствовать систему, направленную на предоставление приехавшим из-за рубежа в Китай лицам комфортных условий относительно проживания, медобслуживания, платежных услуг и т. д.» [2, с. 26]. Реализуя концепцию механизма совместного строительства «Пояса и пути»², следует «на основе единого планирования продвигать реализацию как важнейших знаковых проектов, так и мелкомасштабных, но эффективных для улучшения народного благосостояния проектов» [2, с. 27]. Необходимо также «содействовать построению открытой, инклюзивной, универсально выгодной, сбалансированной и бесприоритетной экономической глобализации, делать пирог больше, а делить его лучше, стремиться к решению проблем справедливости и правосудия» [11, с. 170], отражать роль Китая в мировом развитии и строить этический порядок «один мир — одна семья». И этот порядок «один мир — одна семья» будет построен. В политической сфере необходимо помнить: следует «добиваться практической конкретизации положения народа как хозяина страны во всех аспектах политической и общественной жизни государства» [2, с. 28], чтобы удовлетворить основные требования модернизации по китайскому образцу путем развития демократии на протяжении всего процесса. В судебной сфере следование правильной концепции прав человека и акцент на судебных гарантиях соблюдения прав человека не только подразумевают повышение степени цивилизованности общества, но и гарантируют честность и справедливость, которыми должны пользоваться сами люди. Концепция честности и справедливости проходит через всё «Решение», которое направлено на надлежащее согласование интересов всех слоев общества, эффективное преодоление внутренних противоречий

между людьми и других социальных противоречий, а также на реализацию правосудия и социальной честности и справедливости.

3.3. Утверждение моральных ценностей

Помимо этических концепций, которые служат основой теоретических положений и этических проблем, изложенных в каждом мероприятии, в «Решении» также содержатся конкретные этические принципы, которые непосредственно служат практическими требованиями и в которых изложены основы социалистической этики. Углубляя всестороннюю реформу образования, создатели «Решения» призывают создать надежную систему всесторонней подготовки в области морали, интеллекта, физической культуры, эстетики и труда, а также долгосрочный механизм формирования этики учителей; в области науки и техники создатели «Решения» выдвигают этические требования к реформе системы оценки научно-технических достижений: «Укрепление этического управления наукой и технологиями и серьезная борьба с академическими нарушениями» [2, с. 15]. В частности, в отношении задачи воспитания идеалов и убеждений в нем выдвигаются конкретные требования по содействию нормализации и институционализации такого воспитания: «Совершенствовать институциональный механизм культивирования и внедрения в практику основных ценностей социализма. Оптимизировать механизмы пропаганды и воспитания на примерах героев и передовиков, обновлять организационные механизмы в области патриотического воспитания и проведения различных тематических мероприятий массового характера, содействовать тому, чтобы все члены общества поклонялись героям, чтители памяти павших борцов и стремились быть в авангарде» [2, с. 33].

Требования от концепции переходят на уровень морального поведения, охватывая социальную мораль, профессиональную этику, семейные добродетели, личную

² «Один пояс — один путь».

целостность, с моральными нормами в качестве ценностной ориентации, с законом в качестве институциональной гарантии. Следует сказать, что в дальнейшем всесторонне будет углублена реформа теории и практики внедрения моральных ценностей.

Список литературы и источников

1. **Белик Ю. А.** Десять причин краха СССР. М.: Кн. дом «ЛИБРОКОМ», 2012. 203 с.
2. 中共中央关于进一步全面深化改革 推进中国式现代化的决定[M]. 北京: 人民出版社. 2024. 59 页. [Центральный комитет Коммунистической партии Китая. Решение о дальнейшем всестороннем углублении реформ и продвижении китайской модернизации. Пекин: Народное издательство, 2024. 59 с.]
3. 习近平. 习近平著作选读 第二卷 [M]. 北京: 人民出版社. 2023. 613 页. [Си Цзиньпин. Избранные сочинения Си Цзиньпина (т. 2). Пекин: Народное издательство, 2023. 613 с.]
4. 马克思恩格斯文集. 第一卷: 卡·马克思和弗·恩格斯. 德意志意识形态 对费尔巴哈、布·鲍威尔和施蒂纳所代表的现代德国哲学以及各式各样先知所代表的德国社会主义的批判 (节选) [M]. 北京: 人民出版社. 2009. 940 页. [Сочинения Маркса и Энгельса. Т. 1: К. Маркс и Ф. Энгельс. Немецкая идеология. Критика новейшей немецкой философии в лице ее представителей Фейербаха, Б. Бауэра и Штирнера и немецкого социализма в лице его различных пророков (отрывок). Пекин: Народное издательство, 2009. 940 с.]
5. 习近平. 习近平著作选读 第一卷 [M]. 北京: 人民出版社. 2023. 629 页. [Си Цзиньпин. Избранные сочинения Си Цзиньпина (том первый). Пекин: Народное издательство, 2023. 629 с.]
6. 列宁全集十六卷: 革命中土地纲领的两条路线 [M]. 北京: 人民出版社. 2017. 699 页. [Ленин. Полное собрание сочинений. Т. 16: Две линии аграрной программы в революции. Пекин: Народное издательство, 2017. 699 с.]
7. 韦冬、王小锡. 马克思主义经典作家论道德 [M]. 北京: 中国人民大学出版社. 2017. 561 页. [Вэй Дун, Ван Сяоси. Марксистские классики о морали. Пекин: Издательство Китайского народного университета, 2017. 561 с.]
8. 马克思恩格斯选集. 第二卷: 《政治经济学批判》序言 [M]. 北京: 人民出版社. 2012. 966 页. [Избранные сочинения Маркса и Энгельса. Т. 2: Предисловие к «Критике политической экономии». Пекин: Народное издательство, 2012. 966 с.]
9. 马克思主义基本原理 [M]. 北京: 高等教育出版社. 2023. 368 页. [Основные принципы марксизма. Пекин: Издательство высшего образования, 2023. 368 с.]
10. 习近平. 出席第三届核安全峰会并访问欧洲四国和联合国教科文组织总部、欧盟总部时的演讲 [M]. 北京: 人民出版社. 2014. 72 页. [Си Цзиньпин. Речи на Третьем саммите по ядерной безопасности и визиты в четыре страны Европы, штаб-квартиру ЮНЕСКО и штаб-квартиру ЕС. Пекин: Народное издательство, 2014. 72 с.]
11. 习近平 习近平谈《一带一路》 [M]. 北京: 中央文献出版社. 2018. 359 页. [Си Цзиньпин. Си Цзиньпин о «Поясе и Пути». Пекин: Издательство Центральной документации, 2018. 359 с.]

References

1. Belik Yu. A. *Ten Reasons for the Collapse of the USSR*. Moscow: Librokom Publ. House, 2012. 203 p. (In Russian).
2. Central Committee of the Communist Party of China. *Decision on Further Deepening of Reform and Promoting Chinese-Style Modernization*. Beijing: People's Publ. House, 2024. 59 p. (In Chinese).
3. Xi Jinping. *Selected Readings of Xi Jinping's Works*. Vol. 2. Beijing: People's Publ. House, 2023. 613 p. (In Chinese).
4. Marx Karl. *Theses on Feuerbach, The German Ideology and Related Manuscripts*. New York: International Publishers, 687 p. Vol. 5 of *Collected Works of Karl Marx and Friedrich Engels, 1845—47*.

5. Xi Jinping. *Selected Readings of Xi Jinping's Works*. Vol. 2. Beijing: People's Publ. House, 2023. 629 p. (In Chinese).
6. Lenin V. I. *Theory of the Agrarian Question*. N. p.: Palala Press, 2016. 354 p. Vol. XII of *V. I. Lenin Selected Works*.
7. Wei Dong, Wang Xiaoxi. *Marxist Classic Writers on Morality*. Beijing: China Renmin Univ. Press, 2017. 561 p. (In Chinese).
8. Marx Karl, Engels Friedrich. *The German Ideology, including Theses on Feuerbach and the Introduction to Critique of Political Economy*. Amherst, NY: Prometheus Books, 1998. 571 p. Great Books in Philosophy.
9. *Basic Principles of Marxism*. Beijing: Higher Education Press, 2023. 368 p. (In Chinese).
10. Xi Jinping. *Speeches Delivered at the Third Nuclear Security Summit, Visits to Four European Countries, UNESCO Headquarters, and the EU Headquarters*. Beijing: People's Publ. House, 2014. 72 p. (In Chinese).
11. Xi Jinping. *Xi Jinping on the "Belt and Road" Initiative*. Beijing: Central Literature Publ. House, 2018. 359 p. (In Chinese).

Информация об авторах

У Хуэйсинь — доктор философских наук, профессор Института марксизма Северо-Восточного сельскохозяйственного университета (China, 150030, Harbin, No. 600 Changjiang Road, Xiangfang District).

Чжоу Тун — магистрант Института марксизма (право) Северо-Восточного сельскохозяйственного университета (China, 150030, Harbin, No. 600 Changjiang Road, Xiangfang District).

Information about the authors

Wu Huixin — Dr. Sci. (Philos.), Professor of the School of Marxism, Northeast Agricultural University (China, 150030, Harbin, No. 600 Changjiang Road, Xiangfang District).

Zhou Tong — Master's Student in Law at the School of Marxism, Northeast Agricultural University (China, 150030, Harbin, No. 600 Changjiang Road, Xiangfang District).

Статья поступила в редакцию 25.10.2024.

The article was submitted 25.10.2024.

ФИЛОСОФИЯ: МИР В ЧЕЛОВЕКЕ И ЧЕЛОВЕК В МИРЕ PHILOSOPHY: UNIVERSE IN HUMAN AND HUMAN IN UNIVERSE

Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2024. № 4 (44). С. 86—96.

Economic and Social Research. 2024. No. 4 (44). P. 86—96.

Научная статья

УДК 141.5

doi: 10.24151/2409-1073-2024-4-86-96

<https://www.elibrary.ru/hkxove>

Модель гибридной личности «человек-машина»: наделенный душой механизм в философии Рене Декарта

Е. В. Драгун

Государственный университет просвещения, Москва, Россия

edragun27@gmail.com

Аннотация. Анализируется философская идея Рене Декарта о модели личности «человек-машина», наделенной душой. Рассматривается дуализм разума и тела, а также его влияние на развитие европейской науки и философии. Автор исследует трансформацию представлений о божественном в человеке и роль разума в формировании личности. Особое внимание уделяется анализу социальных трансформаций, осуществляемых посредством социальной инженерии, реализуемой через конструирование модели личности в социально-культурной сфере современной философии и социальных системах.

Ключевые слова: Рене Декарт, человек-машина, социальная философия, социальная инженерия личности, модель личности, гибридная личность, дуальная природа личности

Для цитирования: Драгун Е. В. Модель гибридной личности «человек-машина»: наделенный душой механизм в философии Рене Декарта // Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2024. № 4 (44). С. 86—96. <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2024-4-86-96> EDN: HKXOVE.

Original article

Hybrid model of the “man-machine”: A soul-endowed mechanism in the philosophy of René Descartes

E. V. Dragun

Federal State University of Education, Moscow, Russia

edragun27@gmail.com

© Драгун Е. В.

Abstract. The author analyzes René Descartes' philosophical idea of the “man-machine” model endowed with a soul. The dualism of mind and body and its impact on the development of European science and philosophy is examined. The author explores the transformation of the divine concept in humans and the role of human mind in shaping personality. Special attention is given to the analysis of social transformations carried out through social engineering, implemented by constructing the personality model in the socio-cultural sphere of modern philosophy and social systems.

Keywords: René Descartes, man-machine, social philosophy, social engineering of personality, personality model, hybrid personality, dual nature of personality

For citation: Dragun E. V. “Hybrid Model of the ‘Man-Machine’: A Soul-Endowed Mechanism in the Philosophy of René Descartes”. *Economic and Social Research* 4 (44) (2024): 86—96. (In Russian). <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2024-4-86-96> EDN: HKXOVE.

В статье предлагается анализ философской идеи Рене Декарта о дуальной природе личности, имеющей устойчивую модель, которая может реплицироваться сама или быть реплицирована в любых социально-культурных реалиях, и выступающей носителем нравственных и этических ценностей для общества. Данная модель личности, предложенная Р. Декартом, включает набор компонентов, которые могут взаимодействовать с любыми общественными институтами и интегрироваться в любую социальную структуру благодаря своей унифицированности.

Автор предлагает рассматривать «человека-машину» Р. Декарта как гибридную модель личности в философии Нового времени. Эта модель, предложенная Декартом, занимает особое место мыслящего субъекта и воплощает в научной среде модель рациональной личности (причем эта личность наделена идеей мыслимого существования). Этап развития представлений о личности, на котором возникла эта модель, следует рассматривать как исторический этап социальной инженерии, реализованной в проектах Нового времени. Модель «человека-машины» была принята в социальных системах европейских обществ для репликации дуальной модели личности: рационального человека (с осознанной деятельностью)

и иррационального человека (с неосознанной деятельностью).

Таким образом, «человек-машина» Р. Декарта не только сыграл значительную роль в развитии философии и науки Нового времени, но и стал важным элементом социальной инженерии, формируя основы для понимания личности и ее функционирования в обществе. Декарт, стремясь построить четкую методологию научного знания, выделил два типа гибридной личности:

1. *Рациональная личность* — ученый-исследователь с пытливым и беспокойным умом, способный предложить обществу оригинальные идеи и взгляды.

2. *Иррациональная личность* — человек, действующий в обществе на основе привычек, стереотипов или эмоциональных реакций и не задумывающийся о последствиях своих действий.

Основная цель данного исследования — анализ *рационального* «человека-машины»: эта модель личности, описанная Декартом, послужила выражением позитивных этических и культурных качеств (расширивших научные знания человечества о мире) в рамках социальной инженерии и доказала свою аксиологическую ценность, когда в ней реализовались все задачи и цели, которые поставил перед обществом заказчик социальных изменений, бенефициар социальных

преобразований того времени — знать (элита общества).

Если правильно описать исторический контекст эпохи, когда жил и творил Рене Декарт, то, по меткому определению В. В. Биbihина, это было «дремучее время» [6]. Социальный климат в Европе того времени (XVI — XVII вв.) был нестабильным — в первую очередь, из-за религиозных войн и политических потрясений Реформации и Контрреформации.

Во всех философских работах Р. Декарта автор данной статьи может проследить его поиски истины и веры [9]. Но в ходе философских изысканий Декарт, будучи католиком, подвергся критике со стороны некоторых представителей религиозных кругов. Самый продуктивный философский диспут возник у него с французским иезуитом и профессором математики Пьером Бурденом, который написал книгу «Разоблачение заблуждений Декарта» (приводится по: [7]). Декарт как философ в ходе полемики с Бурденом открыто критиковал схоластическую философию за ее чрезмерное внимание к авторитетам и аргументам, основанным на вере, а не на опыте и разуме. Отвергая традиционные схоластические концепции универсалий, Декарт предложил более научный и строгий подход к изучению природы и человеческого разума.

Так, стремясь создать новую философию, основанную на рациональном анализе и эмпирическом наблюдении, Декарт поставил вопрос, который не только ориентировал познание на законы природы (чтобы оно следовало некоему непознаваемому замыслу), но и вообще существовал для того, чтобы человек, наделенный разумом, мог препарировать и классифицировать знания о мире и природе вокруг себя, следуя строгому анализу и методологии знаний.

Декарт, имея строгую методологию, написал вышедший уже после его смерти философский трактат «Человек» [8]: он, будучи,

по сути своей, просто книгой по анатомии человека, воплотил в себе основную концепцию человека как машины, которая наделена функцией рационального построения мыслимого мира, реализуемой посредством самосознания и собственного Я, — или, напротив, лишена этой функции.

Основные достижения Р. Декарта в западной философии о человеке — закрепление в ней теории дуализма, согласно которой разум и тело — две отдельные сущности, где тело человека, как машина, подчиняется законам физики и механики, а разум, подчиненный собственным законам, функционирует независимо от тела. Эта теория стала основой для многих дальнейших исследований в области философии и психологии, но также смогла внедрить в общественное сознание модель личности рационального (думающего) и иррационального (не думающего) человека.

Автор статьи предлагает рассматривать данную идею как проект социальной инженерии личности: до появления предложенного Р. Декартом «человека-машины» (как модели личности, которая способна на самобытие) эволюция личности каким-либо образом проходила на разных этапах социально-инженерной трансформации, а сама личность подвергалась преобразованиям в тех или иных социальных системах (от утопических до синергетических проектов человека и общества как участников социальных отношений) — и в рамках реализации социальной инженерии в обществе личный выбор человека (как участника социальных преобразований) не был его прерогативой.

Нужно отметить, что в процессе эволюции общества были реализованы следующие этапы социально-инженерных преобразований:

- *антропологический* (первобытное общество и древний мир);
- *социокультурный* (Средневековье, Новое время, эпоха модерна);

- *психологический* (развитие основных наук в XX в., психологические школы, нейролингвистическое программирование).

В период социокультурных преобразований философские исследования Декарта, по верному замечанию Т. А. Дмитриева, определили точный вектор для появления личности исследователя, подверженного методологическому сомнению: «Именно философским идеям Декарта было суждено положить начало тому “эпистемологическому повороту” в новой европейской философии, который в итоге привел к глубочайшей и, судя по всему, необходимой трансформации всей прежней традиции метафизического мышления» [10, с. 3].

Даже краткое введение в исследование того, как трансформировались представления о божественном в человеке на протяжении истории философии и религии, позволяет проследить эволюцию идеи о том, как человечество воспринимало связь между священным и человеческим разумом. Так, в древнеиндийском эпосе «Махабхарата» [13] боги не только воплощали в себе «Божественный огонь», но и активно руководили людьми, напрямую вмешиваясь в земные дела и служа источником моральных и духовных наставлений. Подобное представление о богах как о непосредственных участниках человеческой истории подчеркивает идею внешнего божественного происхождения моральных и духовных ценностей, не зависящих от человека как субъекта общественных и культурных отношений.

В религиозно-догматических философских трудах Блаженного Августина [1] виден сдвиг в понимании божественного: Августин акцентирует внимание на внутреннем мире человека, где божественное становится частью личного духовного опыта. Это изменение перспективы открывает путь к более интроспективному взгляду на религиозный опыт, где человек делается не только получателем, но и активным участником

Божественного плана, исследуя и интерпретируя его проявления в собственной душе.

В своей философии Р. Декарт еще более радикально переосмысливает роль божественного в жизни человека. Декарт вводит такую концепцию разумного существа, в которой идея разума становится центральной. Он предполагает, что наличие разума у человека делается ключом к его сущности: без разума и сознания тело человека превращается в «бездушную машину». Таким образом, Декарт выносит на первый план способность к рациональному мышлению, объявляя ее определяющим фактором человеческой индивидуальности и существования.

В рамках философской доктрины первоначальный и, по сути, революционный шаг, предпринятый Декартом, заключается в том, что он кардинально отделяет человека от религиозного контекста и интродуцирует метод для глубокого анализа окружающего мира. Человек (с его точки зрения) становится способен контролировать свое знание и понимать его содержание. Отходя от философских воззрений эпохи Возрождения и уподобляя человеческую натуру механизму, Декарт эффективно лишает человека традиционного упования на Святую истину и вводит в свои труды нарратив, где говорится об опытном, экспериментальном методе исследования природы.

Таким образом он трансформирует основные идеи и теории и предоставляет инструментарий не Творцу-Абсолюту, а самому человеку, позиционируя его как исследователя. Человек теперь предстает одновременно и как механическая болванка с базовыми настройками для существования, и как существо, способное к самосовершенствованию. Для полноценной жизни ему необходимо активно исследовать мир вокруг себя, раскрывая свой внутренний потенциал. Фундаментальная мысль Декарта *Cogito ergo sum* становится краеугольным камнем для западного рационализма Нового времени.

Проводя аналогию между человеческим телом и машиной в своем трактате «Человек» [8, с. 17—51], Декарт не ограничивается лишь физиологическим описанием, но предлагает размышления о человеке, выходящие далеко за рамки простого биологического существования. Эти рассуждения, наполненные техническими деталями и инструкциями, подобно схемам для механика или инженера, поднимают вопросы о неполноте и ограниченности человека. При этом тело, воспринимаемое как сосуд «разумной души» в учении Августина [2], у Декарта предстает обезличенным и лишенным всякой тайны. Так, отсутствие прямого указания на Божественное ведение, но присутствие упоминаний о «инженере» намекает на альтернативное происхождение человека (который, возможно, был создан, сотворен). Продолжение этих же рассуждений в XX в. нашло отражение в гипотезах о палеоконтактах, где предполагается, что человека (*Homo sapiens*) искусственно создали представители внеземной цивилизации в результате эксперимента на планете Земля. В этом контексте важно упомянуть, что Декарт, отодвигая на второй план божественное происхождение человека, акцентирует внимание на роли человека как мастера собственной судьбы, что становится основополагающим для последующего развития философии и науки.

Среди авторов теории палеоконтакта важно выделить, например, К. Э. Циолковского [15], М. М. Агреста [3], Э. фон Дэнника [16], З. Ситчина [17] и др. В контексте декартовской эпистемологии, где человек анализируется через призму дихотомии «механизм-душа», исследования упомянутых мыслителей раскрывают многоуровневый анализ человеческого бытия, обогащая философское осмысление человека представлениями о нем как о субъекте, активно взаимодействующем с космическим пространством и, потенциально, с внеземными цивилизациями.

Так, К. Э. Циолковский, воплощая декартовские идеалы рационального исследователя, расширяет представления о «механизме» человека за пределы его биологической основы и земного опыта. Это подчеркивает трансцендентальные возможности человеческого разума в познании и преобразовании Вселенной. В свою очередь, М. М. Агрест, исследуя метафизические аспекты человеческой природы, вносит важный вклад в понимание человека как многоаспектной сущности, одновременно привязанной к материальному миру и проникнутой духовным измерением. Эти исследования дополняют декартовский взгляд, акцентируя внимание на сложности и многогранности человеческого существования. Исследователи Э. фон Дэнникен и З. Ситчин, фокусируясь на потенциальном космическом взаимодействии человечества, предлагают рассматривать человека как участника широкого космического диалога. Эти работы ставят под сомнение изолированность человека как «механизма», предложенного Декартом, но и открывают новые философские перспективы для осмысления человеческой души и разума в рамках масштабов Вселенной.

Труды Р. Декарта иллюстрируют его убежденность в том, что физические и механические процессы, такие как движение воды, могут быть использованы и для объяснения работы более сложных систем, включая человеческое тело: «Одной лишь силы, с помощью коей вода движется, истекая из источника, достаточно, чтобы привести в движение разнообразные машины и даже чтобы заставить играть некоторые инструменты или произнести какие-то речи, сообразно различному расположению труб, ведущих воду» [8, с. 17]. Применяя принципы гидравлики к функционированию тела, он предполагает, что различные физиологические функции могут быть смоделированы и объяснены по аналогии с механическими устройствами и инструментами.

Это показывает, что он стремится найти объективные и проверяемые объяснения процессам, происходящим в живых организмах, а опирается на законы физики.

По Декарту, тело человека следует рассматривать как создание, сформированное Богом по аналогии с машиной: «Тело есть не что иное, как некая статуя или машина, сделанная из земли, что Бог формирует все намеренно, чтобы сделать ее по мере возможности подобной нам; так что он не только придает цвет и форму всем нашим членам» [8, с. 6]. Подчеркивая намеренное действие Бога как создателя, Декарт одновременно стремится отграничить работу тела от функций души, акцентируя автономию физического по отношению к ментальному или духовному. «Отсюда мы делаем вывод, что душа всякий раз может весьма отчетливо видеть лишь одну-единственную точку предмета, а именно ту, на которую все части глаза будут настроены в данный момент, а другие покажутся душе тем более смутными, чем более отдалены они от глаза» [8, с. 51]. Это разделение тела и души, ключевое в его философии, позволяет ему исследовать физический мир, не затрагивая метафизические аспекты существования.

Основная (третья) часть декартовского трактата о человеке («О внешних чувствах этой машины и как они соотносятся...» [8, с. 33]) посвящена зрительному восприятию мира у человека, т. е. продолжает развитие идеи Аристотеля о чувственном опыте [5], получаемом с помощью зрения, осязания, обоняния, слуха и вкуса. Кратко резюмируя, можно отметить, что Душа, по Декарту, познает мир через органы чувств. Вообще если рассматривать социальную инженерию в бытовом варианте — в персональном для человека плане, — то все органы чувств человек должен направлять на ту идею, которая транскрибируется (при помощи умения преобразовывать голосовую информацию в текстовую) и транслируется (посредством всех доступных инструментов манипулирования)

в сознание человека. Тем самым, человек, хотя он и биологическая машина, когда находится в обществе, в редких случаях будет автономен и самостоятелен.

В работе «Древо познания» У. Матурана и Ф. Варела, анализируя социальные явления, писали: «...структура социальной системы приводит к реальному коонтогенезу ее компонентов, она же вызывает и их взаимную структурную сопряженность, и любой индивидуальный организм является членом некоторого социального единства лишь до тех пор, пока он остается составным звеном взаимного структурного сопряжения. Следовательно, мы можем описывать поведение как взаимную координацию между компонентами. Мы называем *коммуникацией* координированное поведение, которое взаимно запускают друг у друга члены социального единства. При таком подходе мы понимаем под коммуникацией особый тип поведения (при наличии нервной системы или без таковой) в функционировании организмов в социальных системах. Как и во всех разновидностях поведения, если мы можем отличить инстинктивное социальное поведение от возникшего через обучение, то можно различать и филогенетические и онтогенетические формы коммуникации» [12, с. 232].

Выдержать оборону самобытия человек сможет при условии внутренней рефлексии, т. е. в том случае, если его мысль, сфокусированная на Я-восприятии мира, будет отражать (лат. *reflexio* означает «отражение») увиденное и прорабатывать сознательно. Безусловно, здесь нельзя не учитывать нравственный закон И. Канта (он также вел заочную полемику с Декартом) [11], но следует добавить: человек, будучи восприимчивым разумным животным, а *grīoī* живет, ориентируясь на воспринимаемое через органы чувств. В любой жизненной ситуации, когда человек оказывается на пороге смерти (или встает перед серьезным моральным выбором), в нем начинают работать естественные,

а не искусственно созданные механизмы. По мнению автора, у человека как биологически сложеного организма есть алгоритм действий, который предопределен эволюцией и настолько же глубоко укоренен в самой структуре сознания человека, как и строение ДНК в его теле (исключения есть, но они случайны). Человек смещает фокус извне на свои чувства, на собственное *Я*, переосмысливает происходящее в соответствии с естественным восприятием окружающей его реальности. Декарт указывал именно на естественные условия восприятия и на органы восприятия в человеке, отметив, что разумное в человеке нельзя назвать естественным, так как оно грубо «тренируется» или не просыпается в человеке: «Когда в этой машине будет *разумная душа*, она устроит себе основное местопребывание в мозгу и будет подобной устроителю фонтанов, который должен находиться в устройствах, где располагаются все трубы этих машин, когда он хочет включить фонтаны или каким-то образом воспрепятствовать их движениям» [8, с. 18].

Развивая идею Аристотеля в третьей части философского трактата «Человек», Р. Декарт пишет: «Остается еще чувство *зрения*, которое я имею потребность объяснить немного подробнее, чем другие, потому что оно больше служит моей теме. Итак, это чувство зависит в этой машине тоже от двух нервов, которые, несомненно, должны быть составлены из нескольких малых волокон, самых свободных и легко движущихся из всех, какие могут быть; дело в том, что они предназначены доносить до мозга те различные действия частей второго элемента, которые, следуя вышесказанному, дадут повод для души, когда она объединится с этой машиной, постигать различные идеи цвета и света» [8, с. 42]. Эта мысль, конечно, отличается от схоластической доктрины о человеке, изложенной у Августина [2], но в современном мире данная идея вполне находит себе воплощение в религиозных справочных материалах: «...и по телесной, и по духовно-

нравственной своей природе человек сотворен в совершеннейшем виде, как чистейшая разумная нравственная личность»¹ [4]. И еще: «Схоластическая мысль тоже по своему охватывала мир в целом. Как бы ни строилась система теолога, в представлениях средневековья ей должно было предшествовать мгновенное мистическое озарение, вдруг освещающее тайны мира и лишь позднее раскрывающееся в упорядоченной речи» [6, с. 323]. А также: «...по своему назначению человек бессмертен, но вследствие грехопадения подвергся проклятию и смерти, от чего может быть спасен и избавлен через искупление»¹ [4].

Декарт предложил новый взгляд на саму природу сознательного понимания человека, т. е. определил тело как саморазвивающийся биологический организм: по его мнению, человек не является просто идеальным или, наоборот, греховным, а все действия человека суть сложный вид повторяющихся действий, направленных на тренировку разума (лат. *ratio*), т. е. они не даны от рождения, а представляют собой вид сознательного понимания (лат. *intellectus*), проходящего в мозгу последовательностью определенных картинок или образов; переводя на современный язык, можно сказать, что Декарт предвосхитил и наглядно представил нейробиологические механизмы — когда определил свою главную мысле-программу в крылатом выражении «*Я мыслю, следовательно, существую*» (лат. *Cogito ergo sum*) [9]. Т. е. не «верую, следовательно, разумен», а, как можно понять, «я разумен при активном сознании — следовательно, могу познавать мир» (но при «выключенном» сознании разум спит, т. е. бездействует).

¹ Цит. по: Библейское учение о человеке [Электронный ресурс]: Из книги Ивана Андреева «Православная апологетика», изданной в серии «Духовное наследие русского зарубежья», выпущенной Сретенским монастырем в 2006 г. // Православие.Ru [портал]. URL: <https://pravoslavie.ru/2477.html> (дата обращения: 09.10.2024).

Безусловно, это не отрицает саму идею Божественного происхождения человека (вспомним уже упомянутых инженеров, создающих идеальные механизмы фонтанов), но фокус был смещен в сторону самобытия человека. Так, в пятой части трактата «Человек» Р. Декарт рассматривает строение мозга и выделяет функции памяти как психофизиологический процесс. Он пишет: «...эффект Памяти, который кажется мне здесь в высшей степени достойным рассмотрения, состоит в том, что хотя в этой машине нет души, она естественно может быть расположена к тому, чтобы подражать всем движениям, будь то подлинных людей или же других подобных машин, которые окажутся в ее присутствии» [8, с. 89].

Из этого следует, что функции анализа, преобразования эмоций и переработки, свойственные сознательной деятельности человека, Декарт исключает из рассмотрения, поскольку они требуют наличия души, которой, согласно его подходу, у машины нет. Таким образом, в трактате «Человек» Декарт сосредоточивается исключительно на физиологических аспектах работы мозга, оставляя за рамками исследования сложные сознательные процессы.

Уже в XX в. можно наблюдать негативный пример того, как человечество стало свидетелем появления множества зрительных и слуховых средств воздействия на неподготовленное сознание. Это не могло не оказать пагубного влияния на формирование, как считает автор, компонентов модели личности *иррационального* «человека-машины». Такая модель была локально реализована в XX в. в авторитарных режимах — через создание социальных реалий, не требующих сложных социальных отношений и структур. Эти реалии воздействовали на выключенное самобытие и подавляли собственное Я человека.

В свою очередь, с опорой на принципы постепенных социально-инженерных преобразований К. Поппера, проводилась

поэтапная социальная инженерия, корректируемая на основе получаемого социально-культурного опыта человека в обществе. Этот процесс включал в себя последовательные шаги по изменению общественных институтов и норм, что позволяло постепенно трансформировать сознание и поведение индивидов, адаптируя их к новым условиям социальной реальности. *Характер* таких социальных изменений заключался в постепенной замене устаревших элементов общественного механизма на новые, а *цель* состояла в том, чтобы социально-культурное развитие в целом не прекращалось [14, с. 160—179].

Таким образом, модель иррациональной личности «человека-машины» может проявиться в условиях, когда отсутствует напряженная интеллектуальная работа, лишенная чувственного анализа. В этом случае заблокированное сознание становится основным механизмом репликации иррациональной личности, делая человека подверженным идеологическому и пропагандистскому влиянию (например, в авторитарных обществах). Это обусловлено отсутствием критического мышления и открытости к новым идеям, сформированным в культурных и социальных средах. Когда репликация определенной модели воспринимается как надстройка над культурными и социальными аспектами общества, она может становиться авторитарным лидером тиражирования. Это происходит в условиях утраты ценностных ориентиров у человека — и лишает его личностных особенностей и граней внутренней культуры. Такая тенденция (она фиксируется в строгих методологических образовательных и институциональных подходах) приводит к стандартизации мышления и поведения. Иллюстрируя идею социального программирования в обществе, можно утверждать, что предложенная иррациональная модель личности Декарта определила человека без развитого сознания как биологическую машину с элементарными

физиологическими функциями: потребление, усвоение, выделение.

В рамках философского наследия Р. Декарта можно выделить ключевые элементы, составляющие основу его представлений о человеке и обществе. К ним относятся *механицизм*, *рационализм*, *дуализм* и *автоматизм*. Несмотря на кажущиеся различия в природе этих концепций, они тесно взаимосвязаны и формируют единую систему взглядов.

Механицизм в данном контексте относится к пониманию человеческого тела как сложной машины, функционирующей по физическим законам. Это представление отражает декартовский взгляд на тело как на устройство, работающее независимо от души.

Рационализм, в свою очередь, является философским методом, основанным на убеждении, что разум — главный источник знаний о мире и понимания мира. В трудах Декарта рационализм занимает центральное место, так как он утверждает, что достоверное знание должно основываться на ясном и отчетливом мышлении.

Дуализм представляет собой концепцию, согласно которой существуют две фундаментальные субстанции: материальная (тело) и нематериальная (душа). В философии Декарта дуализм выражается в противопоставлении тела и разума, где каждое из них имеет свои уникальные свойства и функции.

Наконец, *автоматизм* обозначает процесс, при котором действия выполняются автоматически, без участия сознания. В системе Декарта автоматизм относится к работе тела, которое функционирует подобно машине, без вмешательства души.

Эти компоненты, будучи различными по своей природе, тем не менее составляют целостную картину декартовской антропологии. *Механицизм* описывает физическую структуру и функционирование тела, *рационализм* определяет метод получения знания и принятия решений, *дуализм* объясняет разделение между телом и душой, а *автоматизм*

характеризует работу тела без активного участия сознания. Все эти элементы взаимодействуют, образуя единую систему, которая помогает понять концепцию человека у Декарта как существа, состоящего из двух частей: физической (машины) и духовной (разума), каждая из которых выполняет свои функции в соответствии с установленными правилами.

Таким образом, рассмотрение механицизма, рационализма, дуализма и автоматизма в совокупности позволяет глубже проникнуть в суть декартовского подхода к человеку и обществу, выявив его значимость для дальнейшего развития европейской мысли.

Ту же дуальную гибридную модель личности можно представить и схематически:

1. Механицизм.
2. Рационализм.
3. Дуализм.
4. Автоматизм.

Структура модели личности:

1. Механицизм.

Цель: создание модели личности, которая функционировала бы как машина и была предсказуемой / управляемой.

Средства: использование аналогии с механическими устройствами для описания работы человеческого тела и разума.

Результат: появление идеи о том, что человеческое тело и разум можно представить как машину, состоящую из различных частей, каждая из которых выполняет свою функцию.

2. Рационализм.

Цель: объяснение мира и человеческого поведения через использование разума и логики.

Средства: развитие философии, основанной на разуме, опыте и логике, а не на вере или мистическом опыте.

Результат: возникновение рационализма как основного метода познания и объяснения мира.

3. Дуализм.

Цель: разделение мира на две независимые сущности — материальную и духовную.

Средства: анализ природы материи и духа, их взаимодействия и независимость друг от друга.

Результат: появление дуалистической философии, которая утверждает, что мир состоит из двух независимых сущностей — материи и духа.

4. Автоматизм.

Цель: описание человеческого поведения как автоматизированного процесса, который происходит без участия сознания.

Средства: использование аналогии с механическими устройствами для описания работы человеческого тела и разума.

Результат: формирование идеи о том, что человеческое поведение может быть автоматизировано и контролироваться без участия сознания.

После приведенного анализа дуальной гибридной модели личности «человек-машина» в философском трактате «Человек» Р. Декарта можно предположить, что она оказала значительное влияние на развитие европейского общества. Автор хотел бы отметить, что в рамках реализации социальной инженерии в обществе предложенная гибридная модель личности «человек-машина» Декарта, наделенная перечисленными выше компонентами, привела к усилению роли рационального мышления, оказала глубокое влияние на развитие европейской науки, технологии, философии и медицины, пройдя значительный исторический этап и заложив устойчивую идею того, что разум становится основой познания и действия. Таким образом, тектонические сдвиги в социальных системах общества происходят не только за счет построения социальных институтов, но и через реализацию социально-инженерного проекта с фиксированной методологией, основанной на моделях

личности и используемой для подражания в процессе социально-инженерного проекта. Рене Декарт оставил значительный след в истории философии, социальной инженерии личности и науки. Его идеи продолжают влиять на современное понимание мира и места человека в нем.

Список литературы и источников

1. **Августин Аврелий (Блаженный Августин).** Трактаты о различных вопросах: богословие, экзегетика, этика. М.: Империиум Пресс [и др.], 2005. 347 с.
2. **Августин Блаженный.** О граде Божием. Кн. XIV — XXII // Творения: [в 4 т.] / Блаженный Августин; сост. и подгот. текста к печати: С. И. Еремеев. Т. 4. СПб.: Алетейя; Киев: УЦИММ-пресс, 1998. 584 с.
3. **Агрест М. М.** Космонавты древности // На суше и на море: повести, очерки, рассказы. Вып. 2. М.: Гос. изд-во геогр. лит-ры, 1961. С. 528—542.
4. **Андреев И. М.** Православная апологетика. М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2006. 192 с. (Духовное наследие Русского зарубежья).
5. **Аристотель.** Метафизика // Собрание сочинений: в 4 т. / Аристотель. Т. 1. М.: Мысль, 1976. С. 63—367.
6. **Бибихин В. В.** Новый ренессанс. М: Прогресс-Традиция: Междунар. акад. изд. компания «Наука», 1998. 493 с.
7. **Горан В. П.** Рене Декарт против Пьера Бурдена: проявления невозможности компромисса // Сибирский философский журнал. 2020. Т. 18. № 2. С. 181—194. <https://doi.org/10.25205/2541-7517-2020-18-2-181-194> EDN: AJFLYU.
8. **Декарт Р.** Человек / пер. с фр.: Б. М. Скуратов; сост., примеч., послесл.: Т. А. Дмитриев. М.: Праксис, 2012. 128 с.
9. **Декарт Р.** Сочинения / [пер. с лат.: В. И. Пиков и др.; пер. с фр.: В. Н. Ивановский, М. В. Резцова]. Изд. 2-е. СПб.: Наука, 2015. 648 с., [1] л. портр.: ил. (Слово о сущем; т. 66).
10. **Дмитриев Т. А.** Проблема методического сомнения в философии Рене Декарта. М.: ИФ РАН, 2007. 231 с. EDN: RYRYBL.
11. **Кант И.** Собрание сочинений: в 8 т.: юбилейное изд. 1794—1994. Т. 3: Критика чистого разума / пер. с нем. Н. О. Лосского; под общ. ред. А. В. Гулыги. М.: Чоро, 1994. 741 с.
12. **Матурана У. [Р.], Варела Ф. [Г.]** Древо познания: Биологические корни человеческого понимания. Изд. 2-е, доп. М: УРСС:

- ЛЕНАНД, 2019. 320 с. (Синергетика: от прошлого к будущему. 95).
13. Махабхарата. Бхагавадгита / букв. и лит. пер. [с санскрита], введ., примеч. и толк. словарь Б. Л. Смирнова. Кн. 6, гл. 25—42. [2-е изд., испр. и доп.]. М.: Древнее и Современное, 2013. 478 с., [1] л. портр.
 14. **Поннер К. [Р.]** Открытое общество и его враги: в 2 т. Т. 1: Чары Платона / пер. с англ.; под ред. В. Н. Садовского. М.: Феникс: Междунар. фонд «Культурная инициатива», 1992. 448 с.
 15. **Циолковский К. [Э.]** Исследование мировых пространств реактивными приборами (Переизд. работ 1903 и 1911 г. с некоторыми изм. и доп.). Калуга: 1-я Гостип. ГСНХ, 1926. 128 с.
 16. **Däniken E. von.** Erinnerungen an die Zukunft: Ungelöste Rätsel der Vergangenheit / Bearb.: Wilhelm Roggersdorf. Düsseldorf; Wien: Econ Verlag, 1968. 232 S.
 17. **Sitchin Z.** The 12th Planet. New York: Stein and Day, 1976. 384 p.
 9. Descartes R. *Œuvres*. Ed. Ch. Adam, P. Tannery. Paris: Léopold Cerf, 1897—1913. 13 vols. (In French).
 10. Dmitriev T. A. *Problem of Methodical Doubt in the Philosophy of René Descartes*. Moscow: RAS Institute of Philosophy Publ., 2007. 231 p. (In Russian). EDN: RYRYBL.
 11. Kant I. *Kritik der reinen Vernunft*. Hrsg. J. Timmermann. Hamburg: Felix Meiner Verlag, 1998. XXVI, 995 S. (In German).
 12. Maturana H. R., Varela F. G. *El árbol del conocimiento. Las bases biológicas del entendimiento humano*. 19^a ed., 3ª reimpr. Santiago de Chile: Universitaria, 2009. XXIV, 172 p.: ill. (In Spanish).
 13. *Mahabharata. Bhagavadgita*. Literal and literary translation [from Sanskrit], introd., notes and explanatory dict. by B. L. Smirnov. Book 6, ch. 25—42. [2nd ed., correct. and suppl.]. Moscow: Drevneye i Sovremennoye, 2013. 478 p., [1] fol. portrait. (In Russian).
 14. Popper K. R. *The Spell of Plato*. Vol. 1 of *Open Society and Its Enemies*. New York: Harper & Row, 1962. 364 p. 2 vols. 1962—63.
 15. Tsiolkovskiy K. [E.] *Investigation of World Spaces by Reactive Devices* (Reprint of works of 1903 and 1911 with some changes and additions). Kaluga: 1-ya Gostipografiya GSNH, 1926. 128 p. (In Russian).
 16. Däniken E. von. *Erinnerungen an die Zukunft: Ungelöste Rätsel der Vergangenheit*. Bearb.: Wilhelm Roggersdorf. Düsseldorf: Econ Verlag, 1968. 232 S. (In German).
 17. Sitchin Z. *The 12th Planet*. New York: Stein and Day, 1976. 384 p.

References

1. Saint Augustine. *The Works of Saint Augustine*. A Translation for the 21st Century. Eds. J. E. Rotelle et al. New York: New City Press, 1991—2019. 46 vols.
2. Saint Augustine. *The City of God*. Transl. by M. Dods; with an introd. by Th. Merton. New York: Modern Library, 1994. 912 p.
3. Agrest M M. “Astronauts of Ancient Times”. *Nasushe i na more: povesti, ocherki, rasskazy*. Iss. 2. Moscow: Gos. izd-vo geogr. lit-ry, 1961. 528—542. (In Russian).
4. Andreyev I. M. *The Orthodox Apologetics*. Moscow: Izd-vo Sretenskogo monastyrja, 2006. 192 p. (In Russian). Dukhovnoye nasledie Russkogo zarubezh'ya.
5. Aristotle. *Metaphysics*. Rev. ed.; a rev. text with introd. and comment. by W. D. Ross. Vol. 1. Oxford: Oxford Univ. Press, 1924. 1074 p. 2 vols. (In English and Greek).
6. Bibikhin V. V. *New Renaissance*. Moscow: Progress-Traditsiya: Mezhdunar. akad. izd. kompaniya “Nauka”, 1998. 493 p. (In Russian).
7. Goran V. P. “Rene Descartes against Pierre Bourdaine: Manifestations of the Impossibility of Compromise”. *Sibirskij filosofskij žurnal = Siberian Journal of Philosophy* 18.2 (2020): 181—194. (In Russian). <https://doi.org/10.25205/2541-7517-2020-18-2-181-194> EDN: AJFLYU.
8. Descartes R. *L'Homme*. Ed. D. Antoine-Mahut. Paris: Flammarion, 2018. 544 p. (In French & English).
9. Descartes R. *Œuvres*. Ed. Ch. Adam, P. Tannery. Paris: Léopold Cerf, 1897—1913. 13 vols. (In French).
10. Dmitriev T. A. *Problem of Methodical Doubt in the Philosophy of René Descartes*. Moscow: RAS Institute of Philosophy Publ., 2007. 231 p. (In Russian). EDN: RYRYBL.
11. Kant I. *Kritik der reinen Vernunft*. Hrsg. J. Timmermann. Hamburg: Felix Meiner Verlag, 1998. XXVI, 995 S. (In German).
12. Maturana H. R., Varela F. G. *El árbol del conocimiento. Las bases biológicas del entendimiento humano*. 19^a ed., 3ª reimpr. Santiago de Chile: Universitaria, 2009. XXIV, 172 p.: ill. (In Spanish).
13. *Mahabharata. Bhagavadgita*. Literal and literary translation [from Sanskrit], introd., notes and explanatory dict. by B. L. Smirnov. Book 6, ch. 25—42. [2nd ed., correct. and suppl.]. Moscow: Drevneye i Sovremennoye, 2013. 478 p., [1] fol. portrait. (In Russian).
14. Popper K. R. *The Spell of Plato*. Vol. 1 of *Open Society and Its Enemies*. New York: Harper & Row, 1962. 364 p. 2 vols. 1962—63.
15. Tsiolkovskiy K. [E.] *Investigation of World Spaces by Reactive Devices* (Reprint of works of 1903 and 1911 with some changes and additions). Kaluga: 1-ya Gostipografiya GSNH, 1926. 128 p. (In Russian).
16. Däniken E. von. *Erinnerungen an die Zukunft: Ungelöste Rätsel der Vergangenheit*. Bearb.: Wilhelm Roggersdorf. Düsseldorf: Econ Verlag, 1968. 232 S. (In German).
17. Sitchin Z. *The 12th Planet*. New York: Stein and Day, 1976. 384 p.

Информация об авторе

Драгун Евгений Витальевич — исследователь, преподаватель-исследователь, аспирант кафедры философии Государственного университета просвещения (Россия, 105005, Москва, ул. Радио, 10А, стр. 2).

Information about the author

Evgeny V. Dragun — Researcher, Researcher-Teacher, Postgraduate Student at the Department of Philosophy, State University of Education (Russia, 105005, Moscow, Radio st., 10A, bldg. 2).

Статья поступила в редакцию 17.10.2024.

The article was submitted 17.10.2024.

Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2024. № 4 (44). С. 97—108.

Economic and Social Research. 2024. No. 4 (44). P. 97—108.

Научная статья

УДК 1-057.36

doi: 10.24151/2409-1073-2024-4-97-108

<https://www.elibrary.ru/lxgpnv>

Кризис современности как причина суицида

В. Ю. Лебедев¹, Л. В. Удалова²

¹ Тверской государственный университет, г. Тверь, Россия

² Тверской государственный технический университет, г. Тверь, Россия

¹ semion.religare@yandex.ru

² lv.udalova@mail.ru

Аннотация. Рассматриваются проблемные вопросы современности, связанные с ростом числа самоубийств. Анализ причин, способствующих росту этого явления, указывает на аномалию социума, его несовершенство, а суицид как феномен можно считать одним из симптомов социальной неустойчивости человека и кризисом современности. Особое внимание уделяется анализу мотивации суицида как поступка, а также поиску путей для решения проблем, порождающих суицид, и предотвращения этого деструктивного явления, провоцируемого кризисными потрясениями, неотъемлемой частью которых становится общечеловеческий кризис, связанный с всеобщими, тотальными трансформациями и разрушениями практик в области как миропреобразования, так и миропонимания. Делается вывод о том, что основу человеческой жизни составляет ценность этой жизни, отсюда необходимость концентрировать внимание на аксиологическом факторе человеческой жизни, где решением проблемы становится обращение к ценностному миру — Wertswelt. Самоубийство — поступок, который совершает человек, поэтому необходимо понимание того, что происходит с человеком, когда итогом этого происходящего становится лишение себя жизни. Философское осмысление заявленной проблемы предлагается сосредоточить на метафизическом распознании и фиксации происходящего с человеком, на диагностировании внешних факторов и обстоятельств.

Ключевые слова: кризис современности, суицид, суицидальное поведение, человек, социум, жизнь, смерть, личность, отчаяние, саморазвитие, ценности, Wertswelt, смысл жизни, существование, поступок

Для цитирования: Лебедев В. Ю., Удалова Л. В. Кризис современности как причина суицида // Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2024. № 4 (44). С. 97—108. <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2024-4-97-108> EDN: LXGPNY.

Crisis of modern life as a cause of suicide

V. Yu. Lebedev¹, L. V. Udalova²

¹ Tver State University, Tver, Russia

² Tver State Technical University, Tver, Russia

¹ semion.religare@yandex.ru

² lv.udalova@mail.ru

Abstract. The authors examine the problematic issues of modern life associated with the increase in the number of suicides. The analysis of the reasons contributing to the growth of these events points to the anomaly of society, its imperfection, so suicide as a phenomenon can be regarded as one of the symptoms of human social instability and the crisis of modern life. Particular attention is paid to the analysis of the motivation for suicide as an act, as well as the search for ways to solve problems causing the suicide and to prevent this destructive phenomenon, provoked by crisis shocks, an integral part of which is the universal crisis associated with universal, total transformations and destruction of practices both in the field of world transformation and worldview. It has been concluded that the basis of human life is the value of this life, hence the need to concentrate attention on the axiological factor of human life, where the solution to the problem is to turn to the world of values — Wertswelt. Suicide is an act that a person commits, therefore it is necessary to understand what happens to a person when the result of this happening is an act of taking one's own life. It is argued that philosophical understanding of announced problem should be focused on metaphysical recognition and recording of what is happening to a person, on diagnosing external factors and circumstances.

Keywords: crisis of modern life, suicide, suicidal behavior, person, society, life, death, personality, despair, self-development, values, Wertswelt, meaning of life, existence, action

For citation: Lebedev V. Yu., Udalova L. V. "Crisis of Modern Life as a Cause of Suicide". *Economic and Social Research* 4 (44) (2024): 97—108. (In Russian). <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2024-4-97-108> EDN: LXGPNY.

Введение

Актуальность темы заключается в том, что самоубийство, суицидальное поведение человека, его причины и истоки становятся проблемой современности, особенно в молодежной среде, что указывает на несовершенство, аномалию социума, где самоубийство как феномен можно считать одним из симптомов социальной неустойчивости, слабости человека и проявлением кризиса современности. Изучение рисков, обстоя-

тельств, провоцирующих суицидальное поведение, становится первостепенным. Как отметил Ф. М. Достоевский: «Истребление себя есть вещь серьезная <...> слишком серьезная вещь, стоящая неустанного наблюдения и изучения» [4, с. 357].

Концептуальная картина суицида и его причин затрагивает разные области гуманитарного знания, однако философское осмысление самоубийства занимает одно из важных и востребованных мест в гуманитарном

знании и позволяет определить истинные причины этого явления.

Цель исследования — прояснение связи суицида с важнейшими характеристиками бытия (прежде всего, с онтологичностью, свободой, ценностной сферой). Ориентиром рассмотрения данной темы служит аксиологический подход, для чего и необходим анализ человеческого бытия, процессов и средств его созидания, организации, где человеческое отношение к собственной жизни и смерти экзистенциально значимо.

Человек понимается как «организация» думающая, мечтающая, желающая, творящая. Если в некотором состоянии у человека *Я* и не-*Я* не дифференцированы, неразличимы — это состояние значительной, неограниченной активности. У человека появляются следующие возможности по конструированию своего бытия:

- по принятым системам норм и правил, известному, утвержденному порядку вещей, — так возникает нормальное человеческое бытие, где миротворчество сопряжено с ответственностью и протекает как самоопределение и преобразование;
- по одной своей свободной, ни от чего не зависимой воле — так происходит нарушение, повреждение, уничтожение, искажение всех смыслов, образов и систем, обусловленных культурой, нормами, и возникает «дикое» бытие, где миротворчество сопряжено со вседозволенностью и протекает как освобождение от законов и норм социума.

Второй вариант ведет к вырождению. Первый — опирается на критерии значимости и формирует сферу идеалов и ценностей, таких внутренних высоких целей человека, ради которых он живет и творит [5].

Почему человеческая жизнь и деятельность должна быть сопряжена с ценностями? Конституирование бытия сопряжено с творчеством, с деятельностью человека, с его поступками. Ответственность человека за свою

деятельность, поступки и творения ориентирована на предпочтительные и значимые для него нормы, меры и критерии, которые и формируют сферу ценностей, а ценности, в свою очередь, обуславливают те цели, ради которых человек совершает свои поступки, — и эти идеалы, ценности и становятся опорой для творения, деятельности человека.

Человек и смерть

Одно из известных определений суицида, принадлежащее Э. Дюркгейму, содержит неоднозначный момент, так как, по его мнению, суицидом должна считаться *любая* смерть, которую индивид осознает и не предотвращает. Сразу придется считать суицидом, кроме всего прочего, любые акты героизма и самопожертвования. Дюркгеймовскому определению, в целом позитивистскому, не хватает ценностного компонента. Жизнь, прерываемую *вопреки* осознанию ее как ценности, к суицидам (во всяком случае, типичным) относить не следует, ибо так определение крайне расширяется, а ценностные аспекты редуцируются.

Представления о природе суицида весьма разнообразны; ниже мы попытаемся выделить основные подходы (разумеется, они могут частично дублировать друг друга):

- *Последовательный биологизм*, описывающий суицид как результат отбора, проигранной борьбы за выживание, жертву, необходимую для выживания всей популяции и т. п. Аутоагрессия суицидентов тоже выглядит иначе (например, К. Лоренц не относил агрессию к внебиологическим и вредным явлениям).
- *Конституциональный подход*, устанавливающий корреляцию суицидальности с теми или иными особенностями конституции, включая дегенеративную или разные типы патологических конституций.
- *Клинический подход*, восходит к Э. Эскиролю и предполагает, что подобные

поступки возможны только в рамках болезни.

- *Социальный подход*, существует во многих вариантах, одна из первых последовательно развитых версий принадлежит Дюркгейму: суицид есть следствие нарушения процессов социальной интеграции. Похожий подход можно обнаружить у П. Сорокина.
- *Психофизиологический подход* (например, по И. П. Павлову): суицид — это результат стойкого торможения рефлекса цели.
- Разнообразные *психологические теории*, в том числе фрустрирование наиболее важных для индивида или группы витальных ценностей, целей и смысла (типичный образец — экзистенциальная психология Л. Бинсвангера, В. Франкла).
- *Адаптационный подход*, может интегрировать перечисленные выше, так как всё зависит от понимания сущности адаптации (подчеркивает динамическую природу человеческой психики и важность его адаптации к окружающей реальности; в контексте суицида этот подход исследует, как стрессовые события и изменения жизненных обстоятельств могут влиять на психоэмоциональное состояние человека и его желание лишить себя жизни).
- *Интегративный подход*, рассматривающий суицид как полифакторный феномен и не отвергающий заведомо конструктивные составляющие иных авторов и направлений.

Смерть как таковая есть прекращение существования субъекта. Однако сложность природы человеческого субъекта делает сложными и все вопросы, связанные с возможными ее изменениями. Ряд религиозных учений предполагают, что смерть есть не *устранение* бытия вообще, но *переход* к ущербному и мучительному бытию, что может трактоваться как наказание свыше. Субъективность сменяется индивидуальностью (и остается лишь мертвое тело,

соотносимое с определенными паспортными данными), потом размывается и она, а продолжают существовать лишь воспоминания, порой очень прочно фиксированные культурой. В настоящее время обсужаются вопросы, например:

- можно ли приравнять к смерти стойкую утрату сознания и вообще картину биоэлектрического «молчания» мозга;
- следует ли в этом случае продолжать использовать поддерживающую аппаратуру (такая чисто биологическая жизнь может длиться долго);
- какой момент нужно считать наступлением смерти (на этот вопрос ищут ответ начиная со времен старых опытов, во время которых химическим или электрическим путем раздражали отделенные от тела головы);
- что такое посмертие, есть ли оно вообще, и если да, то как о нем возможно говорить;
- как соотносятся смерть и умирание и существует ли раннее (преждевременное) и, наоборот, затянутое (запаздывающее) умирание, когда человек «живет не живя»;
- что такое страх смерти и каковы его причины и т. п.

В академическом сообществе самоубийство определяется как поступок человека, в основе которого лежит совокупность действий, обладающих такими характеристиками, как: осознанность, целенаправленность, самостоятельность; результат этих действий — лишение себя жизни. Но цель самого поступка (смерть) — не *результат*, а именно цель.

Так, С. С. Аванесов в работе «Вольная смерть» проводит аналогию между такими определениями суицида, как «добровольная смерть», «самовольная смерть», «вольная смерть». По мнению автора, употребление терминов «добровольная» и «самовольная» не корректно, так как смерть в результате самоубийства нельзя определить ни как

добровольную, ни как самовольную — в связи с тем, что в первом случае термин воспринимается как позитивный в ценностном (аксиологическом) значении, а во втором — самоубийство как таковое рассматривается как поступок, где человек проявляет свою волю (и действует) свободно, тогда как сегодня специалисты сходятся на том, что при суицидальном поведении воля человека напрямую и полностью *зависит* от реальности, от тех обстоятельств, с которыми сталкивается человек; кроме того, во втором определении Аванесова свобода воли человека рассматривается как проблема (и подразумевается, что решение этой проблемы неизбежно).

Применение к суициду такого термина, как «вольная смерть», более корректно, считает С. С. Аванесов, поскольку в этой трактовке отсутствуют обусловленные, определенные установки на сущность данного явления. Однако, по мнению автора, остается открытым вопрос о причинах и необходимых условиях суицидального поведения (поступка), несмотря на то, что определяется его волевой характер [1].

Человек и смысл жизни

Приведем цитаты А. Камю: «Есть лишь одна по-настоящему серьезная философская проблема — проблема самоубийства. Решить, стоит или не стоит жизнь того, чтобы ее прожить, — значит ответить на фундаментальный вопрос философии. <...> Как определить бóльшую неотложность одного вопроса в сравнении с другим? Судить должно по действиям, которые следуют за решением» [7, с. 223].

По мнению философа, суицид показывает, выявляет «осознание отсутствия какой бы то ни было причины для продолжения жизни, понимание бессмысленности повседневной суеты, бесполезности страдания» [7, с. 225], когда смерть выступает как аннуляция абсурда жизни [7, с. 224].

Существование человека не исключает биологический план, но трудно представимо без целевого и смыслового компонентов. По А. Камю, свобода человека предполагает «либо уйти, либо остаться. Необходимо знать, как уходят и почему остаются» [7, с. 241].

А. Камю поднимает «вопрос о связи самоубийства с мышлением индивида. Самоубийство подготавливается в безмолвии сердца» [7, с. 224]. Также он говорит: «Необходимо понять ту смертельную игру, которая ведет от ясности в отношении собственного существования к бегству с этого света» [7, с. 224].

Суицид и кризис современности

Актуальным представляется анализ мотивации суицида, суицидального поведения, поиск путей решения и предотвращения этого деструктивного явления в свете кризисных, глобальных потрясений, которые сопряжены с общечеловеческим кризисом, с всеобщими, фронтальными, тотальными трансформациями и разрушениями практик в области как миропреобразования, так и миропонимания.

Для этого необходим поиск ответа на экзистенциальный вопрос — что побуждает, мотивирует людей к суициду, какие причины, тенденции, установки толкают их на такой шаг, как лишение себя жизни. Чтобы осознать мотивацию самоубийцы, важно понять мировоззренческий взгляд такого человека на мир, на его взаимоотношение с этим миром, и проанализировать, какие вызовы социокультурной идентичности провоцируют такой феномен, как суицид.

Кризис современности проявляется в построении массового, коммерческого, технологического, потребительского общества, в игнорировании культурного многообразия социокультурных идентичностей, групп, сообществ, в замене культуры, способствующей сохранению культурного кода, духовно-нравственных ценностей, традиций, духа

коллективизма, массовой культурой (западной), культивирующей другие, иные ценности, такие как технократизм, индивидуализм, конкуренция, потребительство [17]. Одним из главных компонентов среди причин суицидального поведения считается угроза потери идентичности — поскольку, по определению В. А. Соснина, «культурная идентичность является той ретортой, в которой человеческое выживание и целеполагание сливаются воедино, давая смысл человеческому существованию, жизненным целям» [15, с. 46].

Если рассматривать содержание кризиса, переживаемого современностью, можно выделить следующие аспекты, сопровождающие человека:

- разрушение, деформация подлинности, оригинальности, самости;
- потеря солидарности, сплоченности, доверия, автономизация, уход от живого общения;
- искажение социальной справедливости;
- истребление традиционных духовно-нравственных ценностей, традиций;
- смена действительности, реальности с объективной на цифровую;
- утрата идентичности, субъектности, одиночество, страх.

Кризис современности выявляет неспособность человека идентифицировать, определить свою судьбу, действия, что ведет к такому опасному потрясению, как утрата своего *Я* в сущем. Как отмечал С. Кьеркегор, потеря своего *Я* — это опасная угроза [8], однако потеря *Я* в сущем — еще опасней, так как «утрата *Я* как имманентного контента гуманизируемого сущего — фатальна, — препятствует становлению самого себя, погружает в протрацию тотального отчаяния» [6, с. 10].

- Утрата *Я* как таковая — трагична, заразна, мучительна, однако не неотвратима, поскольку исправлению ситуации способствует самосовершенствование, самореализация человека, его личностный рост, практики воспитания и образования.

— Утрата *Я* в сущем — катастрофична, поскольку она полностью погружает человека в мир всеохватывающего, сплошного отчаяния, становясь барьером для развития, формирования, совершенствования самого себя; такая утрата может быть необратима.

В условиях кризиса современности отчаяние, пронизывая все сферы жизни человека, разрушает его *Я*, парализует волю, препятствует участию в саморазвитии таких основных составляющих человека, как *дух, тело и разум* [6].

Рассмотрим эти три составляющих подробнее.

Дух. В философии, по Хайдеггеру, «вопрос стоит о бытии целого человека, кого привыкли считать телесно-душевно-духовным единством» [18, с. 48]. Благодаря духу совершается трансцендирование бытия, а бытие становится существованием. Дух — основа личности и всего, что ею фундируется. Дух творит свободу в позитивном аксиологическом смысле.

Тело. Еще с эпохи античности с категорией «тело» сформировались системы сравнений, метафор. Тело — источник чувственности (Аристотель). В метафорическом смысле в рамках понятия «тело» рассматривались:

- голова — ей отводили первостепенную роль (поскольку считали, что в ней сфокусированы разум, душа, жизненные силы);
- сердце — определялось как источник чувств и разума (так как полагали, что в сердце присутствует «внутренний человек») (Св. Августин) [9].

Суицид многожды соотносился со спецификой мировоззрения. С одной стороны, это позитивное принятие своего тела и бытия. Здесь можно рассмотреть, как вопрос суицида сопрягается с комплексом проблем человеческой телесности как таковой. Исторически мы знаем большой «разброс» вариантов отношения к нему: от скорее негативного платоновско-гностико-буддийского

до материалистического культа, с множеством переходных вариантов. Отношение к телу влияет, причем нелинейно, на понимание суицида.

Разум. Интеллектуальная среда человека мыслящего, обладающего когнитивными способностями, строится на умении и способности:

- нестандартно мыслить, целесообразно поступать (так проявляется собственно разум — как мышление бесконечное, которое подытоживает, обобщает, подводит результаты умственного множества под единые убеждения, принципы, взгляды);
- рассуждать (так проявляется обладание рассудком — как мышление конечное, которое направлено на систематизацию умственного множества, на мыслительное регулирование, регламентирование).

Человек применяет когнитивные, разумные возможности в своей деятельности и поступках, когда строит современную ему действительность, формирует социум; результатом становится существующий кризис современности, а итогом — обнаружение, раскрытие несовершенных, небезупречных человеческих качеств.

Сутью, содержанием и проблемой современного кризиса стало разрушение подлинности, достоверности как самого человека, так и человечности как таковой.

Человеческая жизнь (в связи с тем, что существование человека искажено современным кризисом, в связи с гипертрофией разумной жизнеорганизации в условиях директивной, категорической регуляции, тотальной унификации и технизации) противоречит жизни разумной, где всеохватывающая рационализация (разум) становится основой зла.

Однако человеческая жизнь зависит не от разума и подчиняется не ему, а самой жизни, основу которой составляют ценности этой жизни, отсюда необходимость концентрировать внимание на аксиологическом факторе человеческой жизни. Решение

проблемы возможно при обращении к ценностному миру (Wertswelt) [6].

Человек существующий

Что такое существование?

Дух — аксиологическое измерение человеческого бытия, его устранение провоцирует потерю, утрату существования, а значит, и личности и свободы. Через категории «что» или «как» невозможно проанализировать такую категорию, как «существование». У Ф. Ницше написано: «...Одно — мысль, другое — дело, третье — образ дела. Между ними не вращается колесо причинности» [14, с. 27].

Исключив третье измерение бытия, образ дела, и не рассматривая его как ценностный критерий реальности, невозможно различить первые два, что лишает возможности провести различия между существованием и сущностью: ведь образ дела раскрывает, определяет пространство и перспективу для существования.

Образ будущего может трансформироваться, поэтому такую категорию, как «существование» (с ее онтологическими чертами), необходимо рассматривать совместно с категорией «перспективность». Рассуждая о перспективности существования, о будущем, необходимо отметить, что будущее выступает как «радикально иное», о чем можно лишь осторожно догадываться. Оно прогнозируемо, а человек вполне способен на поступки, ориентированные на образ будущего.

Если вернуться к вопросу суицида, то нужно заметить, что когда человек определяет будущее как неизбежное, неизменное, это ведет к потере перспективы.

Существование конечно, так как вне временного измерения определяет онтологическую перспективу, но даже и сама смерть в некотором роде есть часть бытия, жизнь проходит в ее «тени». Отсюда во многом происходят экзистенциалистские версии антропологии, включая и «пограничную

ситуацию» К. Ясперса. Определяя существование как пограничную ситуацию, которая противопоставлена «любой успокоенности в гармоничном и замкнутом образе мира» [3, с. 87], можно отметить прерывистость, конечность пути человеческого бытия.

Осознавая свою конечность, смертность (смерть), человек выбирает тот или иной ориентир. Ниже они перечислены:

- *Допущение смерти.* Мортальный сценарий принимается как единственно возможный, хотя и не сверхжелательный.
- *Принятие.* Это может зависеть от наступившей и наступающей смерти, в том числе такой, которая обретает статус медицинского или биологического факта. Вместе с тем здесь важно и сложившееся отношение со стороны индивида (а порой — его группы).
- *Противостояние-проблематизация.* Смерть выступает как проблема, допускающая решение.
- *Влечение и стремление.* В этом случае смерть оказывается смыслообразующей доминантой жизни, вдохновительницей жизнестроительства.

Суицидальные действия совершает не целостная личность, а в некотором отношении несовершенный и дисгармоничный индивид; у него отсутствуют иные пути преобразования самого себя и жизненной ситуации, где он пребывает. Это крайний способ разрешения проблем, «лечение вскрытием». И результат — «иллюзорное изменение, ибо это изменение не ведет ни к чему другому; смерть — это становление, которое делает вид, что становится чем-то иным, но на самом деле становится ничем...» [19, с. 229].

Если для хайдеггерианской философской линии необходимо выделение и описание «бытия-к-смерти», то религиозный экзистенциализм Г. Марселя оперирует уточнением: «бытие-наперекор-смерти» [12, с. 364]. Онтология свободы подразумевает преодоление, а не суицидальное свертывание

жизненной ситуации. Суицид и выражает, и кладет предел бытию, не ставшему полноценным существованием.

Что такое поступок?

По Г. Л. Тульчинскому, «сознательный (волевой) поступок — социально значимая деятельность, мотивируемая самой личностью на основе сознательно принимаемых решений относительно целей, путей и средств их достижения, <...> сознательно программируемое действие, <...> реализует нравственный потенциал личности, ее позиции, установки и стремления» [16, с. 13, 14, 31]. Поступок не случайно связан с вменяемостью, предполагающей свободу и осознание совершаемого, что превосходит чисто волюнтарную концепцию свободы — «свободу от».

Что такое свобода?

Размышляя о свободе, Н. О. Лосский пишет: «Свобода есть величайшее достоинство личных деятелей, необходимое для реализации абсолютных положительных ценностей, но таящее в себе также и возможность отрицательного пути. Свободно осуществляются в мире различные ступени любовного единодушия, но также и различные ступени обособления, противоборства и вражды» [10, с. 290]. Н. А. Бердяев говорит о мистериальности свободы, позволяющей осуществлять акт негации по отношению к имеющемуся ради улучшения и преобразования [2].

Свобода, моделируемая в контексте ситуации, цели, ничего не утрачивает, не становится «уже», ее конкретизация, напротив, раскрывает ее. По Э. Мунье, она «...не излучается спонтанно; она имеет свое назначение или, лучше сказать, призвание» [13, с. 79]; а целеориентированная свобода «прекрасна», она обретает глубоко онтологическое измерение.

Экзистенциальная диалектика свободы предусматривает самоограничение. В плане суицидологии аутодеструкция не только выглядит примитивно и нетворчески, но

демонстрирует как раз дефектность свободы и деформацию личностного облика индивида, решившегося на саморазрушение. По Э. Мунье, «свобода может толкать индивида к протестам и мятежам» [13, с. 75], а возможность «ошибки или греха» является «следствием и условием свободы» [13, с. 95]. Творческая свобода может преображать и смерть.

Подлинная свобода состоит не в чистом выборе альтернатив, а в выборе с ценностным содержанием и аксиологической ориентацией, в негации наличного и выбора, который это наличное задает. При отказе от выбора сама возможность выбора не исчезает — именно поэтому в крайних вариантах сопротивление злу и несовершенству возможно в принципиальном внутреннем противопоставлении. Эту мысль подробно развивал Ж.-П. Сартр.

Деятельность человека укладывается в классическую триаду «цель — средство — результат» или «цель — технология — ценность».

Человек, не осознавая четко и ясно цели своего действия, не способен созидать безрезультативно, беспредметно. Для человека в приоритете не просто действие, а *целенаправленное* действие, в итоге которого — осмысленный, спланированный результат, полученный в соответствии с теми средствами, которые человек затратил для его достижения в процессе своей деятельности.

Рассматривая суицид с позиции философии, изначально необходимо найти ответ на вопрос: *кто* совершает самоубийство. Самоубийство совершает человек. В человеческом бытии суицид, самоубийство — это происшествие, событие, поступок, действие. Отсюда следует, что субъектом самоубийства необходимо считать человека в совокупности с его характеристиками, такими как «свобода», «воля», «личность», «существование», «дух», «поступок».

Заключение

Причины суицида, суицидального поведения возникают из культурных, социальных условий жизни человека и перспектив развития современного социума. Для определения причин, толкающих человека на самоубийство, необходимо выделить основные аспекты кризиса современности, способствующие трансформации идентичности личности и ведущие к суициду.

Современный кризис и осложненные им условия жизни генерируют неопределенность, неудовлетворенность, неспособность человека реализовать свои цели, собственные нужды, потребности, интересы — отсюда и неудовлетворенность своей идентичностью, одиночество, страх, депрессия, а выходом видится акт суицида.

Сегодня человечество сталкивается с такими проблемами, как всеобщее, всеобъемлющее отчаяние, сопровождающееся надломом души, порождаемое самораспадом человечности.

Признавая кризис современности, необходимо бороться с причинами, порождающими кризис социокультурной идентичности в обществе, возрождая традиционные духовно-нравственные ценности, меняя социокультурные основы жизни, порождающие такой феномен, как суицид.

Современность в глобальном плане сопряжена с серьезными, значительными изъянами, дефектами, проблемами мироустройства, требующими оздоровления социальной действительности. Цель такого оздоровления:

- сущее созидает не индивид, а род — отсюда необходимость увеличивать проекцию субъектности с человека до человечества;
- мирозидательную опору сущего образует деятельность объединенная, сплоченная, консолидированная — отсюда необходимость перехода от действия к деятельности;

— сущее созидают по благим, гуманным, общепризнанным намерениям — отсюда необходимость расширять, увеличивать деятельностную мотивацию от цели к ценностям.

Как рассуждал Марк Аврелий: «Если душевное начало у нас общее, то общим будет и разум, в силу которого мы являемся существами разумными. Если так, то и разум, повелевающий, что делать и чего не делать, тоже будет общим; если так, то и закон общий, если так, то мы граждане» [11, с. 122].

Исходя из того, что самоубийство совершает человек, просматривается необходимость понимать, что происходит с человеком, когда итогом этого происходящего становится самоубийство. Вопрос «что происходит с человеком?» — это вопрос о человеческой природе, философское осмысление которого направлено на метафизическое распознавание, фиксирование происходящего с человеком, на выявление, диагностирование внешних факторов, симптомов, ситуаций, обстоятельств.

Современный мир быстро меняется. В каком мире существует человек и что происходит с внутренним миром человека, совершающего самоубийство? На чем основывается принятие суицида как решения всех проблем и его непринятие, осуждение?

Найти ответ на эти вопросы можно в понимании взаимосвязи таких понятий, как «человек» — и «человечность».

Человек как *маркер своих целей* самостоятелен в своих поступках, конечен, но как представитель комплексного человечества — бесконечен, сопричастен и представляет само человечество.

Человечество как *генератор общих целей* — независимый творец и исторического, и социального соответствия мерам, нормам, целям, ценностям. Человечество как *организация родовая* генерирует, фокусирует, распространяет всё общезначимое — то, что имеет общее для всех и всего ценность и значение. Чтобы встроиться, вписаться

в родовую деятельность, необходима координация, достижение общего с ней понимания, согласия относительно индивидуальных, самостоятельных действий человека и их соответствия общепринятым ценностям и целям.

Согласованность «всеобщезначимого», универсального с индивидуальным, переход от действия к деятельности, усваивание и разделение общепризнанных традиционных духовно-нравственных ценностей позволит человеку относиться к сущему, воспринимать себя и других через «мироотношение человечества», а его существование будет подчиняться самооценке и ответу на вопрос: что я из себя представляю и что я сам из себя сотворил?

Список литературы и источников

1. **Аванесов С. С.** Вольная смерть: монография. Ч. 1: Основания философской суицидологии. Томск: Том. гос. ун-т, 2003. 396 с. EDN: QXMXUF.
2. **Бердяев Н. А.** О самоубийстве: психологический этюд. М.: Изд-во МГУ, 1992. 24 с.
3. **Больнов О. Ф.** Философия экзистенциализма / пер. с нем. и предисл.: С. Э. Никулин. СПб.: Лань, 1999. 222 с.
4. **Достоевский Ф. М.** Дневник писателя. М.: Эксмо, 2022. 672 с.
5. **Ильин В. В.** Аксиология: учебное пособие. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2020. 192 с.
6. **Ильин В. В.** Философия кризиса: человечество на пороге катастрофических перемен: монография. М.: Проспект, 2024. 103, [1] с.
7. **Камю А.** Миф о Сизифе: эссе об абсурде // Сумерки богов: [сб.] / Ф. Ницше, З. Фрейд, Э. Фромм и др. М.: Политиздат, 1989. С. 222—318.
8. **Кьеркегор С.** Страх и трепет / пер. с дат.: Н. В. Исаева, С. А. Исаев. Изд. 2-е, доп. и испр. М.: Культурная революция, 2010. 488 с. (Классики современности).

9. **Ле Гофф Ж., Трюон Н.** История тела в средние века / пер. с фр. Е. Лебедевой. М.: Текст, 2008. 189 с.
10. **Лосский Н. О.** Бог и мировое зло: [сб.] / сост. А. П. Поляков, П. В. Алексеев, А. А. Яковлев; прим.: К. Р. Медведева. М.: Республика, 1994. 431 с.
11. **Марк Аврелий [Антонин].** Наедине с собой: с комментариями и объяснениями / сост., коммент. Э. Вашкевич; предисл.: А. Марков; пер. с древнегреч.: С. Роговин. М.: АСТ, 2024. 288 с. (Популярная философия с иллюстрациями).
12. **Марсель Г.** К трагической мудрости и за ее пределы: [пер. с фр. В. Биbihин] // Самосознание европейской культуры XX века: мыслители и писатели Запада о месте культуры в современном обществе / [сост. Р. А. Гальцева; пер. и примеч. С. С. Аверинцев и др.]. М.: Политиздат, 1991. С. 352—366.
13. **Мунье Э.** Персонализм. М.: Искусство, 1992. 144 с.
14. **Ницше Ф.** Так говорил Заратустра // Сочинения: в 2 т. / Ф. Ницше. Т. 2. М.: Мысль, 1990. С. 5—237.
15. **Соснин В. А.** Психология суицидального терроризма: исторические аналогии и геополитические тенденции в XXI веке / ред. А. Л. Журавлев. М.: Форум, 2012. 255 с.
16. **Тулчинский Г. Л.** Разум, воля, успех: о философии поступка. Л.: Изд-во ЛГУ, 1990. 214 с.
17. **Удалова Л. В.** Суицидальное поведение как индикатор социальной патологии // Современные философские исследования. 2023. № 4. С. 113—119. <https://doi.org/10.18384/2949-5148-2023-4-113-119> EDN: VFZKXH.
18. **Хайдеггер М.** Бытие и время / пер. с нем.: В. В. Биbihин; ред. В. [Э.] Айрапетян. М.: Ad marginem, 1997. 452 с.
19. **Янкевич В.** Смерть / пер. с фр.: Е. А. Адрианова, В. П. Большаков, Г. В. Волкова, Н. В. Кислова М.: Изд-во Литературного инта, 1999. 448 с. (Серия изданий Литературного института им. А. М. Горького).

References

1. Avanesov S. S. *Foundations of Philosophical Suicidology*: monograph. Tomsk: Tomsk State Univ., 2003. 396 p. (In Russian). Pt. 1 of *Uninhibited Death*.
2. Berdyaev N. A. *On Suicide: Psychological Study*. Moscow: Moscow State Univ. Publ., 1992. 24 p. (In Russian).
3. Bollnow Otto Friedrich. *Existenzphilosophie*. Ed. 9. Stuttgart: W. Kohlhammer GmbH, 2001. 140 S. (In German).
4. Dostoevsky Feodor M. *The Diary of a Writer*. Vol. 1. Transl. and annot. by Boris Brasol. Hemel Hempstead: Octagon Books, 1973. 1097 p.
5. Il'in V. V. *Axiology*: textbook. 2nd ed., rev. and upd. Moscow: Prospekt, 2020. 192 p. (In Russian).
6. Il'in V. V. *Philosophy of Crisis: Humanity in the Wake of Catastrophic Changes*: monograph. Moscow: Prospekt, 2024. 103, [1] p. (In Russian).
7. Camus Albert. *Le mythe de Sisyphe*: essai sur l'absurde. Paris: Folio, 1985. 192 p. (In French). Folio essais.
8. Kierkegaard Søren. *Frygt og Bæven*. Indled. og noter ved Niels Thulstrup. 2. rev. udg. København: Gyldendal, 1983. 184 s. (In Danish).
9. Le Goff Jacques, Truong Nicolas. *Une histoire du corps au Moyen Âge*. Paris: Liana Levi, 2003. 200 p. (In French).
10. Losskiy N. O. *God and World Evil*: [collection]. Comp. by A. P. Polyakov, P. V. Alekseev, A. A. Yakovlev. Comment. by K. R. Medvedeva. Moscow: Respublika, 1994. 431 p. (In Russian).
11. Marcus Aurelius [Antoninus]. *Meditations of Marcus Aurelius*. Transl. by G. Long. Introd. by W. L. Courtney. N. p.: Legare Street Press, 2021. 230 p.
12. Marcel Gabriel. "Pour une sagesse tragique et son au-delà". *Pour une sagesse tragique et son au-delà*. Par G. Marcel. Paris: Librairie Plon, 1968. 291—310. (In French).
13. Mounier E. *Le personnalisme*. Paris: Presses Universitaires de France, 1950. 128 p. (In French). Que sais-je? No. 395.
14. Nietzsche Friedrich. *Also sprach Zarathustra: Ein Buch für Alle und Keinen*. Stuttgart: Kröner, 1975. 382 S. (In German).

15. Sosnin V. A. *Psychology of Suicidal Terrorism: Historical Analogies and Geopolitical Trends in the 21st Century*. Ed. A. L. Zhuravlev. Moscow: Forum, 2012. 255 p. (In Russian).
16. Tul'chinskiy G. L. *Reason, Will, Success: On the Philosophy of Action*. Leningrad: Leningrad State Univ. Publ., 1990. 214 p. (In Russian).
17. Udalova L. V. "Suicidal Behavior as an Indicator of Social Pathology". *Sovremennye filosofskie issledovaniya = Contemporary Philosophical Research* 4 (2023): 113—119. (In Russian). <https://doi.org/10.18384/2949-5148-2023-4-113-119>
18. Heidegger M. *Sein und Zeit*. Tübingen: Max Niemeyer Verlag, 1993. 445 [+ XIII] S. (In German).
19. Jankélévitch V. *La Mort*. Paris: Flammarion, 1977. 474 p. (In French).

Информация об авторах

Лебедев Владимир Юрьевич — доктор философских наук, доцент, профессор кафедры теологии Тверского государственного университета (Россия, 170021, г. Тверь, ул. 2-я Грибоедова, 24, корп. № 9).

Удалова Лариса Викторовна — кандидат философских наук, доцент кафедры психологии, истории и философии Тверского государственного технического университета (Россия, 170026, г. Тверь, наб. А. Никитина, 22).

Information about the authors

Vladimir Yu. Lebedev — Dr. Sci. (Philos.), Assoc. Prof., Professor at the Department of Theology, Tver State University (Russia, 170021, Tver, 2nd Griboedova st., 24, bldg. no. 9).

Larisa V. Udalova — Cand. Sci. (Philos.), Associate Professor at the Department of Psychology, History and Philosophy, Tver State Technical University (Russia, 170026, Tver, Afanasy Nikitin Embankment, 22).

Статья поступила в редакцию 07.10.2024.

The article was submitted 07.10.2024.

Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2024. № 4 (44). С. 109—116.

Economic and Social Research. 2024. No. 4 (44). P. 109—116.

Научная статья

УДК 1(091) + 159.99

doi: 10.24151/2409-1073-2024-4-109-116

<https://elibrary.ru/idwork>

Проблема субъектности в работах Э. В. Ильенкова

Н. В. Листратенко

Российское философское общество «Диалектика и культура», Москва, Россия

natalialistratenko@gmail.com

Аннотация. Осуществлен обзор корпуса классических философских текстов для поиска и обнаружения философских оснований деятельностного подхода к мышлению человека. Проблема субъектности проанализирована через призму философского наследия Э. В. Ильенкова. Рассмотрена философская проблема начала личности, условий и основных принципов формирования человеческих способностей в контексте возможности свободного действия, сознательного и разумного целеполагания. Акцентируется роль предметно-практической деятельности как основания субъектности, а также значение конкретно-исторических форм общения для ее становления. Сделан вывод о том, что принципы, получившие развитие в работах Э. В. Ильенкова, являются ключом к пониманию проблемы субъектности сегодня.

Ключевые слова: Ильенков, субъектность, деятельностный подход, немецкая классическая философия, формы общения

Для цитирования: Листратенко Н. В. Проблема субъектности в работах Э. В. Ильенкова // Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2024. № 4 (44). С. 109—116. <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2024-4-109-116> EDN: IDWORK.

Original article

The problem of agency in the works of Evald Ilyenkov

N. V. Listratenko

Russian Philosophical Society “Dialectics and Culture”, Moscow, Russia

natalialistratenko@gmail.com

Abstract. In this work, the classic philosophical texts corps was reviewed to seek and find philosophical foundations of activity approach to human thinking. The author analyzes the problem of agency through the prism of E. V. Ilyenkov’s philosophical heritage. The philosophical question

of the beginning of personality, conditions and basic principles of human abilities formation were considered in the context of the possibility of free action, conscious and reasonable goal-setting. The role of tool- and practice-based activity as the basis of agency is emphasized, as well as the importance of concrete-historical forms of communication for its formation. It has been concluded that the principles developed in the works of E. V. Ilyenkov are the key to understanding the problem of agency today.

Keywords: Ilyenkov, agency, activity approach, German classical philosophy, communication forms

For citation: Listratenko N. V. "The Problem of Agency in the Works of Evald Ilyenkov". *Economic and Social Research* 4 (44) (2024): 109—116. (In Russian). <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2024-4-109-116> EDN: IDWORK.

Субъектность как проблема Я в контексте немецкой классической философии

«Субъектность» — слово не из повседневных оборотов речи, встречается, как правило, в строгих официальных выступлениях, законодательных актах или же академических работах. Нередко оно трансформируется и в более экзотические варианты, например, «метасубъектность». Имея должную сноровку и достаточно времени в запасе, из таких слов можно выложить причудливую мозаику, удивить читателя изяществом и оригинальностью лингвистических приемов. Можно, наоборот, сухо и предельно структурированно изложить результаты исследования специальной литературы, а также собственное суждение, при наличии, не отнимая понапрасну время тех, кто по долгу службы вынужден этот текст читать.

Но всё же проблема субъектности не просто так магнитом притягивает к себе философские дискуссии, выводя их за рамки производственной необходимости. Ведь за словосочетанием «целенаправленная деятельностная активность» стоит не что иное, как наша собственная способность действовать разумно и свободно. События сегодняшнего дня с новой остротой проблематизируют этот вопрос — мир вокруг стремительно меняется, и мы вынуждены меняться в ответ на этот вызов. Но чем

руководствоваться в своих изменениях? Специалисты в области психологии призывают в первую очередь искать «опору в себе», однако часто оставляют за скобками вопрос о сущности «себя». Идет ли речь о единичной экзистенции, о наличном факте собственного существования как единственной доступной достоверности? Что выражает привычное Я и достаточно ли оно устойчиво, чтобы справиться с возложенной на него задачей?

Философская мысль, в свою очередь, готова помочь найти ответ, но при одном условии. Это условие созвучно тому, что Аристотель писал в «Никомаховой этике» [1]: нам нужна добродетель не чтобы знать, что такое добродетель, а чтобы поступать добродетельно. Тот, кто знаком с трудами Э. В. Ильенкова, вряд ли удивится тому, что точно так же может быть поставлен вопрос об истине — совпадение истины, добра и красоты находит свое выражение в практике человека труда, знаменует движение к расширению пространства свободы, понятой не как «свобода от», но как возможность действовать согласно объективной необходимости.

В полном согласии с этим принципом проблема субъектности, или проблема Я, выступает как проблема деятельностного самополагания. Пытаясь определить Я эмпирически, мы быстро обнаруживаем, что любой

атрибут «меня» — человеческого индивида — мыслится как внешний по отношению к самому себе. Моя рука, моя голова или даже мой мозг — это вовсе не само *Я*, но что-то принадлежащее... к чему? Не удастся и мысленно схватить *Я* как совокупность чувств, идей, потребностей, ведь они постоянно меняются и эти изменения не затрагивают суть самости — как бы ни складывалась моя жизнь, я точно знаю, что мое *Я* не перестанет быть *Я*, вместо меня никто не будет мной. В то же время о себе я могу узнать по итогам своих дел, могу увидеть себя в зеркале, причем не только и не столько буквально — разглядеть свои черты на отражающей поверхности, — но увидеть образ себя благодаря всей совокупности отношений, которые имеют место в моей жизни. Иными словами, я вижу *Я* там, где я вступаю в контакт с окружающей действительностью. *Я* — это весь мир, представленный через меня. «*Я* только тогда есть *Я*, когда меня во мне нет» [7, с. 231] — пишет в «Философско-педагогических этюдах» Г. В. Лобастов, один из ближайших учеников Э. В. Ильенкова.

Эта мысль получила развитие в немецкой классической философии. Кант обнаружил в *Я* функцию синтеза мира как целого — познание, осуществляемое через наполнение содержанием мыслительных форм-категорий, порождает образ действительности, в которой практический разум — разумная воля субъекта, — осуществляет свое целеполагание. *Я* — «плавильная печь, огонь, который пожирает безразличное друг к другу многообразие и сводит его к единству» [2, с. 158].

Фихте критикует кантовскую предназначенность, априорность категориального аппарата, обосновывая необходимость дедукции категорий из единого принципа, которым для Фихте является *Я*. Более того, он показал, что субъект не только воспринимает мир в его данности, но выступает как создающее начало, творец не-*Я*.

В системе Гегеля был выстроен процесс развертывания самосознания субъекта через

присвоение противостоящих ему форм, являющихся в то же время полаганием себя вовне — так выглядит логически последовательное самодвижение субстанции-субъекта. *Я* у Гегеля выступает самой познавательной способностью, укорененной в мышлении как таковом. Нам при этом следует само мышление понимать не как самобытную мистическую сущность. «Мыслит лишь человек, находящийся в единстве с обществом, с производящим свою материальную и духовную жизнь общественно-историческим коллективом» [3, с. 183], мышление — идеальный компонент человеческой практики, способа производства материальной жизни.

Таким образом, *Я* содержит в себе универсальный аппарат освоения действительности, который, в свою очередь, не произволен и не независим, но представляет собой «частичку абсолютного», всеобщего по отношению к своей единичности. И, как в дальнейшем показал Маркс, таким всеобщим предстает историческая конкретность — совокупность производительных сил и производственных отношений, представляющая собой систему, целое, имеющее своим основанием способ организации труда.

Понимание взаимосвязи *Я* и мира в его единстве дает ключ к принципу разумного целеполагания. Разумная цель — не прихоть индивида, но звено общей цепи, потребность целого. Целостность же процесса развития обуславливает возможность воссоздать «обратную причинность» в мышлении. В бесконечной вариативности и изменчивости эмпирического материала субстанциональное единство позволяет выявить меру вещей, их внутренней объективной необходимости. Так рождается подлинная свобода воли. Свободный человек не противостоит логике предмета, стремясь разрушить ее и тем или иным способом внедрить некоторый «свой» способ действия, диктуемый иррациональной витальной силой. Напротив,

«в моем лице вещь обретает самосознание»¹. Способность мыслить формируется и осуществляет себя, «сливаясь» с логикой предмета, ее форма — это форма самой действительности.

Приведенные рассуждения, безусловно, не являются исчерпывающими для философского содержания проблемы субъектности — проблемы *Я*. Они также не представляют собой готового универсального «решения» этой проблемы, безошибочного ответа на все связанные вопросы. Но всё же они позволяют увидеть некоторую часть фундамента мысли, лежащей в основании деятельности человека, его психики. При этом деятельность, о которой речь, носит общественный характер, но является не набором случайным образом сложившихся коллективных практик — «социально-организованным опытом» [4], а взаимодействием с миром по его собственным законам, проистекающим из внутренней необходимости всеобщего процесса развития.

Основание и становление субъектности

С этих позиций подходит Э. В. Ильенков к теме субъектности. Она никак не «локализована» в его трудах, не помещена в специальный подраздел той или иной крупной работы, но буквально пронизывает написанное и сделанное им. Вопрос субъектности угадывается и в названии очерка «Что же такое личность?», рукописей «О природе способности», «Гегель и проблема способности» и многих других. Ярким, без всяких преувеличений исторически значимым воплощением концепции субъектности Ильенкова стал Загорский эксперимент по воспитанию слепоглухих детей. Развитие проблемы субъектности есть и в ключевых понятиях, в частности, понятии идеального.

Статья «Идеальное», к примеру, начинается со следующего определения: «Идеальное — субъективный образ объективной реальности, т. е. отражение внешнего мира в формах деятельности человека, в формах его сознания и воли. Идеальное есть не индивидуально-психологический, тем более не физиологический факт, а факт общественно-исторический, продукт и форма духовного производства. Идеальное осуществляется в многообразных формах общественного сознания и воли человека как субъекта общественного производства материальной и духовной жизни»². Мы видим здесь неразрывную связь субъективного образа, сознания, воли человека и объективной реальности, а также всеобщей, исторически конкретной формы духовного производства. Связь, распадающуюся в обыденных представлениях и множестве философских направлений на автономные образования «индивид» и «общество», которые затем соединяются внешним для них образом, отмеченным произволом того, кто соединяет. Вследствие такого распада каждая из сфер мнится обособленной, функционирующей по своим особым принципам, а значит сопоставимой с другой лишь условно, не по необходимости. Такое же расслоение переносится внутрь самого *Я*, создает биосоциальную разногласию подходов к проблеме человека и ставит под сомнение возможность действия субъекта по объективной логике вещей, т. е. осознанной целенаправленной деятельности.

Восстановить единство человека как «ансамбля общественных отношений», понять, что стоит за расхожей цитатой из «Тезисов о Фейербахе» («...Сущность человека не есть абстракт, присущий отдельному индивиду. В своей действительности она есть совокупность всех общественных

¹ Ильенков Э. В. Фихте и «свобода воли» [Электронный ресурс] // Caute: [сайт А. Д. Майданского]. URL: <http://caute.ru/ilyenkov/texts/phc/fichtela.html> (дата обращения: 17.12.2024).

² Ильенков Э. В. Идеальное [Электронный ресурс] // Caute: [сайт А. Д. Майданского]. URL: <http://caute.ru/ilyenkov/texts/enc/ideale.html> (дата обращения: 17.12.2024).

отношений» [8, с. 3]), невозможно, не исследовав проблему начала человеческого бытия, не задав вопрос о том, как и в результате чего индивид присваивает сложноструктурированные схемы взаимодействия с окружающим миром, входит в пространство объективных смыслов деятельности. И этот момент не обошел стороной Ильенков. В очерке «Что же такое личность?» мы читаем, что личность формируется в ходе производства средств для жизни в системе, подразумевающей активное присвоение индивидом родовых сил человечества *через отношение человека к вещи и через нее к другому человеку*.

Можно увидеть, что этот путь начинается на самых ранних этапах жизни. Ребенок не обладает определенной формой осуществления жизнедеятельности от рождения, ее он вынужден перенять от того, кто о нем заботится. При этом он не в состоянии точно воспроизвести действия взрослого. Единственный способ научиться — *изменить* это действие, воспроизвести его суть с учетом своих возможностей. Любое восприятие и ощущение обретают смысл только в акте этого действия, оно же направляется внешним предметом, оказывается продиктовано его объективными свойствами. Так через субъективность другого и обратную связь от объективной действительности происходит вхождение в культурно-историческое пространство бытия. Действие обретает субъективный смысл, становится способностью субъекта, а затем обособливается как *форма мышления*.

Точно так же происходит и в дальнейшем, принцип становления субъектности сохраняется в отношении социальных групп, общественных движений, а точнее классов, и форм проявления классового интереса. Тогда субъектность осуществляет себя при реализации на практике общественной потребности, проистекающей из изменения способа организации труда, и чем больше интересы индивида сонаправ-

лены прогрессивным общественным тенденциям, тем ярче являют себя миру его способности, таланты. В этих условиях разворачивается действительная борьба, проходит проверку способность выдерживать напряжение противоречия.

Именно в этом проявляется свобода: «...акт постоянно длящегося освобождения из плена ближайших внешних обстоятельств, как деятельность мыслящего тела в мире вещей, тел»³. В процессе преобразования предмета и форм взаимодействия с ним открывается его категориальная логика, его сущностное содержание — идет ли речь о столовых приборах или о государственном устройстве. Более того, познание оказывается созиданием, или *опредмечиванием себя*. В предметном действии человек обнаруживает свой предел, границу действительных возможностей, что служит началом его отношения к самому себе. В действии же бесформенная, органическая нужда кристаллизуется как потребность, обретает реальный образ [5]. Самость становится благодаря распределению внешних форм, освоению внешних способов существования, которые переходят в полагание себя как осуществление объективной необходимости. Субстанцией, единством всего многообразия и основополагающим принципом здесь является предметно-преобразовательная деятельность — труд.

Но действие и форма мысли не всегда сцеплены воедино — последняя обособляется, опосредствуется символическими системами, в том числе речью, языком — «...нельзя, — предостерегает Гегель, — посредством него выразить ничего, что не являлось бы всеобщим» [2, с. 114]. В языке фиксируются схемы, которые человек выводит как основание единичной предметности, строит на них восприятие окружающего мира. Вовлечение индивида в пространство смыслов и образов конкретной исторической

³ Ильенков Э. В. Фихте и «свобода воли»...

данности происходит посредством языкового и неязыкового общения, что делает человека изначально существом общественным.

Стоит отдельно упомянуть, что категория «формы общения» (нем. *Verkehrsformen*) встречается в «Немецкой идеологии» К. Маркса и Ф. Энгельса и часто интерпретируется как прообраз категории «производительные отношения». Но на наш взгляд, она заслуживает особого к себе внимания. Конкретно-историческая целостность — исторически определенный способ взаимодействия людей в процессе производства условий собственного существования — включает в себя, как пишет В. Ф. Шелике, три стороны: создание людьми средств жизни ради удовлетворения потребностей жизни, создание людьми новых потребностей жизни в процессе удовлетворения потребностей жизни посредством орудий труда, а также создание людьми других людей в процессе ежедневного создания собственной жизни и создание людьми отношений между людьми [10, с. 75—79]. Все эти стороны подразумевают совместную деятельность индивидов. Но такая деятельность становится возможной через исторически обусловленные формы их самодеятельности. То есть индивидуальный способ самополагания, удовлетворения своих потребностей в обществе, заданный характером того, как общество относится к природе, делает возможным индивидуальную жизнь, но при этом является способом включения этой жизни в общественное целое. Эти индивидуально-общественные формы и представляют собой формы общения. Неслучайно немецкое слово *Verkehr* столь многозначно — это и обращение, и транспортное сообщение, и половые сношения... Через индивидуальные формы действия и взаимодействия человек становится причастен общеродовой сущности. «Только в коллективе индивид получает средства, дающие ему возможность всестороннего

развития своих задатков, и, следовательно, только в коллективе возможна личная свобода» [9, с. 75].

В ходе исторического развития растет многообразие форм общения, но пока их возникновение остается стихийным, а индивид застаёт их как данность, они неизбежно несут на себе отпечаток подчинения интересов одной группы людей — эксплуатируемых, — интересам другой группы, эксплуататоров. «В существовавших до сих пор суррогатах коллективности — в государстве и т. д. — личная свобода существовала только для индивидов, развившихся в рамках господствующего класса, и лишь постольку, поскольку они были индивидами этого класса» [9, с. 75]. Соответственно, формы общения носят обесчеловеченный характер по отношению к первым, а коллективность предстаёт как самодовлеющая сущность, из условия свободного самополагания превращается в оковы. Поэтому в «Немецкой идеологии» коммунизм — цель исторического развития, характеризующаяся снятием отчуждения индивида от родовой сущности, — определяется как производство самой формы общения.

Нередко философская, научная, да и обыденная мысль впадала в иллюзию, что особые формы взаимодействия между субъективностями и есть начало человека, определяющий момент его природы. Однако постулируя это, она тут же подрывает принцип единства процесса развития. Что вызвало к жизни эти особые формы? Какую роль они играют с точки зрения природы или, шире, самодвижущейся материи? Сущность человека как общественного существа оказывается просто «дана» или же рождается в результате случайных природно-исторических коллизий, теряется сама необходимость ее появления. Понимание человека как воплощения субъектности законов самой действительности имеет своей первоосновой предметно-преобразовательную деятельность.

Хотя справедливо и то, что формы общения не всегда движутся синхронно со способом организации труда. Бывает, расхождения между ними порождают весьма драматические события в истории, «переворачивания» (нем. *Umwälzungen*), более известные как революции — обесчеловеченный характер господствующих форм общения по отношению к эксплуатируемым, и тот факт, что именно эксплуатируемые выступают в качестве производителей средств для жизни — действительных индивидов, — способствует формированию революционной субъектности или подлинной коллективности, которая со временем опрокидывает отжившую систему отношений, устраняет препятствия на пути дальнейшего развития. Но этот пример еще более наглядно демонстрирует нам, что формы общения черпают свое смысловое содержание в предметно-преобразовательной деятельности, а любой другой источник означал бы вынесение их за скобки всеобщего процесса развития.

Подход к осмыслению проблемы субъектности сегодня

Итак, человек организует пространство вокруг себя, создает формы предметности, системы, которые есть не что иное, как он сам, представленный вовне. В то же время вещи разворачиваются в сознании, в деятельности человека как их принцип существования и как его субъективная способность. Цикл опредмечивания — распределенности, о котором пишет Ильенков в «Диалектической логике», есть становление той самой таинственной «сущности человека», которую искали и ищут то на небесах, то в мозге, то в других органах.

Возвращаясь теперь к проблемам насущным, нам уже гораздо легче ответить на вопрос, что именно мы продолжаем искать в работах Э. В. Ильенкова, когда пытаемся узнать больше о самих себе, хотя живем в другое время, в другом обществе. Обществе, чуть ли не ежедневно производящем

несметное количество теорий и практик, призванных «гармонизировать» отношение с собой и с другими, улучшить самочувствие и поднять жизненный тонус. При этом как бы ни расширялось предложение, за счет ли новых научно доказанных, экспериментально подтвержденных методов или же проверенных веками обрядов, пришедших к нам от мудрых предков, спрос остается неудовлетворенным, и это вовсе не случайность, не временная недоработка. Подавленное чувство свободы — вот то, что эксплуатируется современными производственными отношениями, функционирующими как «фабрика грез».

Немало сказано и написано об отчуждении. «Десятки миллионов оторванных рук, ног и голов с мозгами», — так душераздирающе Э. В. Ильенков охарактеризовал практику отчужденного труда, ставшую повсеместной. Сегодня эта страшная метафора еще более чувственно достоверна. Но, как писал М. А. Лифшиц, даже в сытом благополучии лишенный возможности влиять на свою судьбу человек не может найти себе покоя [6, с. 444]. Вместо утраченного центра в Я индивид находит в форме товара массу образов-заместителей, обещающих доселе невиданные возможности.

Основательные, добросовестные попытки рефлексии текущего положения вещей широко представлены в западной философской мысли, но объединяет их горький пессимизм в отношении сознательного целоположения и зачастую судьбы человека в целом. Критическое осмысление этих концепций — тема отдельного исследования. Отметим лишь, что среди характерных для них черт — стремление проникнуть в суть самости путем бесконечной интроспекции, поиск скрытых желаний, диктуемых внутренней витальной силой (психоанализ), устранение самой проблемы самости как фикции (аналитическая философия), десубъективация человека, перенос субъектности на сторону объекта (новый материализм). Таков логический итог созерцательного подхода, стремления видеть

сущность человека не как процесс творческого созидания, но как внутреннюю или внешнюю абстракцию.

Обращение к трудам Э. В. Ильенкова дает возможность выхода из гегелевского «кружения вокруг себя», позволяет увидеть перспективу, отличную от бесцельного «самосовершенствования» или бесконечной погони за материальными благами. Изменение себя путем изменения мира вокруг себя в сторону более истинных определений — в этом суть и предназначение человеческого бытия, ключ к пониманию проблемы субъектности.

Список литературы и источников

1. **Аристотель.** Никомахова этика / пер. Э. Л. Радлова. М.; Берлин: Директ-Медиа, 2020. 222 с.
2. **Гегель Г. В. Ф.** Энциклопедия философских наук. Т. 1: Наука логики / под ред. Л. В. Туманова. М.: Мысль, 1974. 451 с.
3. **Ильенков Э. В.** Диалектическая логика. Очерки истории и теории. М.: Политиздат, 1974. 271 с.
4. **Ильенков Э. В.** Проблема идеального // Вопросы философии. 1979. № 6. С. 128—140.
5. **Ильенков Э. В.** Психология / публ. [с предисл.] А. Г. Новохатко // Вопросы философии. 2009. № 6. С. 92—105. EDN: KMKLAB.
6. **Лифшиц М. А.** Карл Маркс и современная культура // Карл Маркс: Искусство и общественный идеал / М. А. Лифшиц. М.: Худож. лит., 1972. С. 442—470.
7. **Лобастов Г. В.** Философско-педагогические этюды. М.: Микрон-принт, 2003. 329 с. EDN: TLZVEJ.
8. **Маркс К.** Тезисы о Фейербахе // Сочинения: в 30 т. / К. Маркс, Ф. Энгельс. 2-е изд. Т. 3. М.: Госполитиздат, 1955. С. 1—4.
9. **Маркс К., Энгельс Ф.** Немецкая идеология. Критика новейшей немецкой философии в лице ее представителей Фейербаха, Бауэра и Штирнера и немецкого социализма в лице его различных пророков // Сочинения: в 30 т. / К. Маркс, Ф. Энгельс. 2-е изд. Т. 3. М.: Госполитиздат, 1955. С. 7—544.
10. **Шелике В. Ф.** Исходные основания материалистического понимания истории (По работам К. Маркса и Ф. Энгельса 1844—1846 гг.). Бишкек: Илим, 1991. 227 с.

References

1. Aristotle. *The Nicomachean Ethics*. Transl. J. A. K. Thomson. Rev. with notes and append. by H. Tredennick. Introd. and further reading by J. Barnes. London: Penguin Books, 2004. 400 p. Penguin Classics.
2. Hegel Georg Wilhelm Friedrich. *The Science of Logic*. Transl. G. Di Giovanni. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2015. 866 p. Cambridge Hegel Translations.
3. Ilyenkov E. V. *Dialectical Logic. Studies in History and Theory*. Moscow: Politizdat, 1974. 271 p. (In Russian).
4. Ilyenkov E. V. "Problem of the Ideal". *Voprosy filosofii* 6 (1979): 128—140. (In Russian).
5. Ilyenkov E. V. "Psychology". Publ. [with an introd.] by A. G. Novokhat'ko. *Voprosy filosofii* 6 (2009): 92—105. (In Russian).
6. Lifshits M. A. "Karl Marx and Modern Culture". *Karl Marx: Art and Social Ideal*. By M. A. Lifshits. Moscow: Khudozh. lit., 1972. 442—470. (In Russian).
7. Lobastov G. V. *Philosophical and Pedagogical Studies*. Moscow: Mikron-print, 2003. 329 p. (In Russian).
8. Marx Karl. *Theses on Feuerbach, The German Ideology and Related Manuscripts*. New York: International Publishers, 1976. 687 p. Vol. 5 of *Collected Works of Karl Marx and Friedrich Engels, 1845—1847*.
9. Marx Karl, Engels Friedrich. *The German Ideology, including Theses on Feuerbach and the Introduction to Critique of Political Economy*. Amherst, NY: Prometheus Books, 1998. 571 p. Great Books in Philosophy.
10. Schälike Waltraut F. *Initial Bases of Materialistic Understanding of History (According to Works of K. Marx and F. Engels, 1844—1846)*. Bishkek: Ilim, 1991. 204 p. (In Russian).

Информация об авторе

Листратенко Наталья Владимировна — участник Российского философского общества «Диалектика и культура» (Россия, 124498, Москва, Зеленоград, 247-30).

Information about the author

Natalia V. Listratenko — member of the Russian Philosophical Society "Dialectics and Culture" (Russia, 124498, Moscow, Zelenograd, 247-30).

Статья поступила в редакцию 27.02.2024.

The article was submitted 27.02.2024.

Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2024. № 4 (44). С. 117—132.

Economic and Social Research. 2024. No. 4 (44). P. 117—132.

Научная статья

УДК 16 + 128

doi: 10.24151/2409-1073-2024-4-117-132

<https://elibrary.ru/mjfxuq>

Прощание с Загорским экспериментом

М. Ю. Морозов^{1, 2}

¹ Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте РФ, Москва, Россия

² Российское философское общество «Диалектика и культура», Москва, Россия

maxdiscovery@mail.ru

Аннотация. Проблематизируется статус «эксперимент», который устойчиво используется для характеристики работы Э. В. Ильенкова и А. И. Мещерякова со слепоглухонемыми воспитанниками в Загорском интернате. Критически рассмотрены некоторые аргументы, выдвигаемые оппонентами Ильенкова. Сделана попытка выявить сущность и границы Загорского эксперимента, показать его значение, выходящее за границы дефектологии. Ставится под сомнение адекватность понимания души как неразгадываемой загадки, анализируется специфика ее понимания Ильенковым с материалистических позиций. В заключение обсуждаются вопросы, которые ставят перед теорией коммунистического идеала ее критики.

Ключевые слова: Загорский эксперимент, Э. В. Ильенков, слепоглухота, мышление, наука, душа

Финансирование: исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ (проект № 24-18-00130).

Для цитирования: Морозов М. Ю. Прощание с Загорским экспериментом // Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2024. № 4 (44). С. 117—132. <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2024-4-117-132> EDN: MJFXUQ.

Original article

Farewell to the Zagorsk experiment

M. Yu. Morozov^{1, 2}

¹ Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia

² Russian Philosophical Society “Dialectics and Culture”, Moscow, Russia

maxdiscovery@mail.ru

© Морозов М. Ю.

Abstract. The author problematizes the status of “experiment” that is constantly used to characterize the work of E. V. Ilyenkov and A. I. Meshcheryakov with blind deaf-mute educatees in the Zagorsk boarding school. Some arguments of Ilyenkov’s opponents are critically examined. An attempt is made to identify the nature and limits of the Zagorsk experiment, to show its significance going beyond the bounds of defectology. The adequacy of understanding of the soul as an unsolvable mystery has been questioned, and the specificity of its understanding by Ilyenkov from materialist positions is analyzed. In conclusion the author discusses the questions posed to the theory of the communist ideal by its critics.

Keywords: Zagorsk experiment, E. V. Ilyenkov, deaf-blindness, thinking, science, soul

Funding: the study has been supported by the Russian Science Foundation (project no. 24-18-00130).

For citation: Morozov M. Yu. “Farewell to the Zagorsk Experiment”. *Economic and Social Research* 4 (44) (2024): 117—132. (In Russian). <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2024-4-117-132> EDN: MJFXUQ.

Введение. Против избитых фраз

Мышление, согласно Э. В. Ильенкову, начинается там, где чувственно-бессознательное сознание человека наталкивается на неподатливость внешней ему вещи как на свой предел. Без такого «спотыкания» мышление не вызывается к жизни силой необходимости; без него человек еще вполне успешно (по меркам нечеловеческих нужд) может функционировать посредством «вросших» в него алгоритмов, штампов, стереотипов. Первой задачей вхождения в ум, следовательно, становится освобождение от «власти штампа». В области чистых логических форм, которыми научное мышление «измеряет» себя (подобно тому, как автор, пишущий текст, контролирует это написание правилами грамматики), проблема столкновения с неподатливостью вещи выражается в форме противоречия. Ум, не вышедший на позицию культурного отношения к объективно возникшему противоречию, не есть ум. Без такого отношения всякое претендующее на смысловую значимость суждение остается лишь фразой.

Нетрудно увидеть, что эту мысль диалектический материалист Ильенков почерпнул

у субъективного идеалиста Фихте. Но не труднее увидеть также, что подобная категоризация мыслителей без разворачивания сути дела есть избитая фраза, лишь мнимо структурирующая (как бы «для удобства») далеко не линейное пространство мышления о мышлении. Дальше избитой фразы (содержание которой — расхожее представление) не идет, например, Ю. В. Пушаев, когда сокращается об отсутствии «у Ильенкова и *его диалектического материализма*» (курсив наш; автор цитируемой статьи, видимо, полагает, что Ильенков этот *свой* материализм придумал? — М. М.) «тайны как глубочайшей, неразгадываемой загадки» [16, с. 154]. «...В человеке по сути все должно быть видно, выразимо и измеримо по шкале культурного развития и образовательных успехов» [16, с. 154], — утверждает он, полагая, наверное, будто этим характеризует позицию материализма Ильенкова.

Преимущественно в пространстве подобных избитых фраз вращается полемика вокруг Загорского эксперимента. Даже само это ставшее устойчивым название — избитая фраза. «Какой еще *эксперимент*?» — удивлялся писавший о нем всю свою сознательную жизнь А. В. Суворов, участник этого

«эксперимента»¹ [18]. Он довольно верно корректирует это обыденное представление: если уж нужно оперировать не подходящим в данном случае термином «эксперимент», то под ним требуется понимать «вообще учебно-воспитательный процесс в названном детдоме, под научным руководством лаборатории изучения и обучения слепоглухонемых детей имени профессора Ивана Афанасьевича Соколянского НИИ Дефектологии АПН СССР, которой руководил один из основателей Загорского детдома, доктор психологических наук, Александр Иванович Мещеряков. <Такое> понимание представляется более логичным, соответствующим историко-научному контексту, в котором значение работы Соколянского, Мещерякова и их сотрудников со слепоглухонемыми детьми приравнивалось к значению для физики и всего естествознания синхротрона в Дубне» [18]. Аккуратно заметим, что А. В. Суворову, возможно, из-за присущей ему скромности, в определении немного не хватило точности: то, что сделано в Загорске, распространяется далеко за пределы непосредственного воспитательного процесса в детском доме. Насколько возможно без потери определенности расширение границ явления, получившего название «Загорского эксперимента»? Насколько такое расширение справедливо? В чем заключается *всеобщее* значение (сущность) этой, без сомнения, весьма *особой* педагогической ситуации?

На наш взгляд, продуктивно ставить именно такие вопросы и именно так. Только в этом случае полемика имеет смысл, хотя критики потребуют ответов по пунктам или обвинят нас в желании оставаться в области

абстрактных рассуждений. Парадоксально, что тот же Пушаев, давно занимающийся темой Загорского эксперимента, но при этом не всегда внимательный к различениям, которые принципиально важны для Ильенкова, упрекает оппонентов в «глухоте к критике» [16, с. 148]. Что тут понимается под глухотой? Нежелание отвечать на вопросы, заданные Пушаевым. *Существенны* ли эти вопросы для *сути дела*, Пушаеву, который занимает вполне определенную идеологическую позицию, не интересно; не говоря уже о другом критике Ильенкова «со стажем», Д. И. Дубровском, чей каждый новый текст о Загорске (ведь тема всё еще «горячая») всё больше напоминает не философскую статью, а остро сюжетный детектив [5].

Нам же интересно разобраться именно в *сути*. Для чего, возможно, потребуется понять сделанное и написанное Ильенковым лучше, чем понимал он сам. Предполагает ли это критику? Конечно. Но критику в том именно высоком смысле, который придала этому термину классическая философская традиция от Сократа до Гегеля и Маркса. Ведь без стремления в поиске истины выйти на сократическое основание и «снять с себя всё» (в первую очередь, конечно, то, что «лишь известно, но не познано»: еще одна избитая фраза!) останутся только деревья, за которыми не увидеть лес. Ответы по пунктам породят затем ответы на эти ответы, а после — ответы на ответы на ответы: дурная сама себя продуцирующая бесконечность, враждебная смыслу. Эта логика годится для того, чтобы набирать просмотры у видеороликов в интернете; не вполне неверным будет предположение, что и сегодняшние научные статьи часто пишутся ради «хайпа», в погоне за индексом цитирования и прочими академическими показателями.

Поверхностность претензий критиков к Ильенкову укоренена в их понимающей способности, которая принимает простоту ильенковских текстов за непосредственное выражение их сути. Именно поэтому

¹ Подобным образом и А. Н. Леонтьев откровенно отворачивался от наличия у него особой «теории деятельности» [4, с. 10], которую его исследователи затем, конечно, поставят в ряд с прочими «теориями», будут рассуждать, как они соотносятся, делать доклады и писать статьи, защищать диссертации и получать ученые степени... А иначе зачем вообще нужна академическая наука?

придираться к ним легко: кажется, что Ильенков предельно прост и понятен, и там, где он обнаруживает противоречие с моей точкой зрения, его можно без труда «поправить». Но простота эта очень обманчива, как неоднократно утверждал Г. В. Лобастов [10, с. 266]. Отсюда растет огромная ответственность, которая ложится на плечи того, кто претендует на отстаивание позиции Ильенкова или на то, чтоб называться его учеником.

Вопрос о целесообразности полемики ведет к разворачиванию целого ряда проблем. Однако сразу заметим, что тон этой статьи хотелось бы избавить от лишней полемичности; впрочем, вряд ли это удастся вполне. Также мы не преследуем цель дать обзор современного состояния дискуссии о Загорском эксперименте (подобный обзору спора Дубровского и Ильенкова [17]). Прежде всего потому, что подлинно научной дискуссии о Загорске сегодня просто *нет*, так как не только предмет спора, но и сущность науки разные авторы понимают по-разному. Такова цена господствующего постмодернизма, когда «мнения всякие важны», а требование методологического единства и вопрос об истине, конституирующий философию как науку, становятся признаком дурного тона — так саморазорванность человека находит свое выражение в предельном разложении науки о мышлении. Против этой саморазорванности и направлено острие мысли Э. В. Ильенкова.

Загорский эксперимент: о значении и границах, цели и названии

Прежде прочего стоит разобраться с широко устоявшимся названием предмета обсуждения. Мы считаем, что термин «эксперимент», хотя и является доступным для приблизительного представления о деле, которое совершалось руками педагогов и воспитанников Загорского интерната, категорически не подходит для отражения его сути. Напротив, самую *суть дела (die Sache)* этот

термин, в угоду представлению, неоправдимо искажает. Соответственным же сути дела было бы писать в большинстве случаев термин «эксперимент» так, как в этой вводной части — в кавычках; однако, чтобы не утомлять читателя, мы опускаем их в последующей части статьи, предполагая, что посредством этого уточнения мы достаточно определили нашу дистанцию по отношению к неудачному термину и предупредили читателя о последствиях отсутствия такой дистанции.

В проблемности этого наименования — «эксперимент» — проявляется труднейшая задача науки: понять свою собственную сущность, выяснить отношение к самой себе. Разрешить проблему демаркации силами позитивизма, как известно, не удалось — круг, начавшийся с О. Конта, который поставил вопрос о принципиальном отделении науки от религии, замкнулся П. Фейерабендом, провозгласившим принципиальную их неразличность в своем *“Anything goes”*. То, как мы мыслим сегодня науку и эксперимент, напрямую влияет на меру нашего понимания того, о чем пишет Ильенков, всю жизнь борющийся с позитивистской тенденцией в марксизме. В этом смысле как будто любопытным выглядит замечание Пущаева о скрытом позитивизме Ильенкова [16, с. 154]. Но как мыслит науку сам Пущаев? Как и другие критики Ильенкова: по образу и подобию *опытной науки*, которая начала складываться в Новое время и образцом которой до сих пор считается физика. Отсюда — рассуждения о несоответствии Загорского эксперимента троичной структуре «гипотеза / экспериментальная проверка / полученные данные»; отсюда — требование необходимости непротиворечивости данных гипотезе; отсюда — упрек, что защитники «канонической версии» эксперимента отмахиваются от большинства «фактических данных, имеющих отношение к делу» [16, с. 151]. Это последствия *мифа о тождестве науки и познания*, который, как отмечал

М. Шедек², имел тяжелые последствия для теоретического мышления [20].

С тем, что такое теоретическое (научное) мышление, критики Ильенкова, по-видимому, не знакомы. Им неизвестна напряженная проблематика отношения логического к эмпирическому (историческому), которая скрывается за гегелевской фразой о несоответствии фактов теории («тем хуже для фактов!»), которую обычно приводят как пример безграмотности и невежества философов в отношении науки. Факты не могут подтверждать гипотезу непосредственно: они всегда опосредствованы некоторым теоретическим построением, понятийный аппарат которого только и позволяет эти факты «улавливать»³. Сущность и явление никогда не совпадают непосредственно, как замечал Маркс, и наука как раз и вызывается к жизни силой необходимости показать их связь. То, что не дано увидеть глазами, можно увидеть только умом — если, конечно, ум есть, как гласит остроумный анекдотический ответ Платона кинику Диогену. Критикам Ильенкова также неизвестно, что один теоретически рассмотренный типичный случай имеет такую же доказательную силу, как и множественная «воспроизводимость результатов» (об этом замечательно пишет Ф. Энгельс в отношении тепловой машины Карно), а сама эта «воспроизводимость результатов» в столь дорогой обыденному сознанию «настоящей (читай: эмпирической) науке» носит, мягко говоря, весьма проблематичный характер — для демонстрации этого факта стоит обратиться к истории

любой из наук. Вместо этого не только далекий от науки обыватель, но и ученый, считающий себя вправе о науке и научности судить, оказывается *верующим* в науку, не утруждая себя углублением в ее действительную историю и противоречивую логику развития. О требовании непротиворечия и говорить странно — каждому, кто хотя бы пролистывал первую книгу Ильенкова, знакома так называемая проблема противоречия между первым и третьим томом «Капитала» Маркса, или проблема несовпадения цены и стоимости товара, необходимость которых показывает Ильенков. Проблема противоречия он посвятил немало статей, которые показывают, что есть противоречия и противоречия, и без которых не понять ни направление его поисков, ни значение работы со слепоглухонемыми воспитанниками. «Задачей критиков было как следует подумать», — сокрушается Гегель в одном из предисловий к «Науке логики». Времена меняются, а критики — нет. *Sapienti sat*.

Главный недостаток критики Загорского эксперимента за ненаучность заключается в том, что измерять подлинность (т. е. соответствие *понятию*) науки схемами, почерпнутыми из *представления* о науке — *антинаучно*. Противоречиво, но факт! Причем антинаучно уже по мере подлинной науки, которую везде и имеет в виду Ильенков. Для позиции иррациональной *философии жизни*, к которой явно тяготеет Пушчаев, всякая наука — это посягательство на *сокровенное и тайное*, на то, что нельзя выразить в понятии (измерить, выявить, открыть), что в этом выражении умирает, а потому живая жизнь должна оставаться загадкой⁴. Стоит открыто

² Стоит заметить, что этот практически неизвестный у нас польский философ — соратник Ильенкова, приветствовавший перевод и издание его работ в Народной Польше и оказывавший этому прямое содействие — всю свою теоретическую жизнь посвятил поиску решения проблемы сущности науки; решение это он, как и Ильенков, искал в классической философской традиции. Шедек убедительно показал, что Кант, Фихте, Шеллинг и Гегель могут сказать нам о том, *что* такое подлинная наука, гораздо больше, чем вся «современная философия науки» вместе взятая.

³ Об этом — первая книга Э. В. Ильенкова [6].

⁴ Метаморфозы *сциентизма*, который выступает самосознанием опытной науки в XIX в., исследует М. Шедек [19]. Он показывает, что это самосознание оказывается идеологическим (ложным) и распадается на крайности *позитивизма* и *философии жизни*, которые оказываются взаимно дополнительными абстракциями отношения философии и опытной науки. Если позицию Пушчаева можно с известными оговорками отнести ко второй, то Дубровский — яркий представитель первой.

признать, что отношение философии к науке в марксизме — как и их отношения с религией — одно из проблемных мест теории. Но нельзя не увидеть того, что акцент на науке, который делает марксист Ильенков, совсем иного характера, нежели у условного Дубровского. Можно признать, что он дает поводы толковать себя как позитивиста, упоминая «научно-экспериментальный» характер и значение воспитательной работы со слепоглухонемыми, но для этого надо полностью опустить контекст: Загорский эксперимент и работы Ильенкова о нем были одним из эпизодов долгой дискуссии о педагогике, образовании, одаренности в Советском Союзе. Придется также опустить и публицистический, направленный на популяризацию в широких массах читателей характер этих работ, который не позволял вдаваться в теоретические подробности определений того, что такое истинная наука и чем она отличается от эмпирической. Придется, наконец, опустить уточнения самого Ильенкова о том, что *экспериментом* работу со слепоглухими можно называть лишь в качестве метафоры, с большой натяжкой — только для того, чтоб читателю была понятнее серьезность происходящего. На наш взгляд, с этими условиями признавать позитивизм Ильенкова было бы слишком большим допущением, и для этого нужно иметь большее желание уязвить оппонента, чем разобраться в сути его позиции.

Загорский эксперимент — та самая машина Карно из примера Энгельса, которая действительно показывает идеальную (чистую) закономерность так же убедительно, как тысяча таких машин. В *этом* смысле, если угодно, можно считать происходившее в Загорском детдоме *experimentum crucis*, в котором представлена закономерность развития *человеческой психики вообще*, а не только решение узко-дефектологической задачи, к которой пытаются свести значение работы в Загорске «снисходительные» критики Ильенкова. Принципиальным для

последнего был именно выход за пределы узкопрофессиональной проблематики, поэтому такое *признание заслуг* с (якобы) высоты сегодняшнего дня — хуже прямой ругани, которую часто путают с критикой.

«Анатомия человека есть ключ к анатомии обезьяны»: Ильенков часто обращался к этому тезису Маркса. В данном случае «человеком» оказалась психика слепоглухонемого ребенка, а «обезьянами» — мы с вами, «нормальные», зрячеслышащие. Из проблем, обнаруженных в процессе воспитания слепоглухих детей, нет ни одной специфичной: «...Слепоглухота не создает ни одной, пусть самой микроскопической, проблемы, которая не была бы всеобщей проблемой. Слепоглухота лишь обостряет их — больше она не делает ничего» [8, с. 448]. В этом-то смысле Ильенков и Леонтьев говорили о «лупе времени» и «замедленной съемке»: воспитание (обучение, формирование, образование — лучше всего здесь подошло бы немецкое *Bildung*) слепоглухих ребятишек возвращает, предъявляет нам *наши собственные* проблемы, которые каждый родитель и воспитатель вынуждены решать — но решать бессознательно, на авось. Этого не видят критики: центральный тезис ильенковских работ о Загорске заключается в обретении обществом (благодаря деятельности загорских педагогов) творческой способности к преодолению разделения труда. Здесь расположен центр тяжести его аргументации: против увековечения разделения людей на сорта, вызванного естественными и социальными причинами, против так называемой естественной одаренности «от природы» или «от господ бога». Центр тяжести — проблема мышления и коммунизма, который, по Ильенкову, есть «общество умных людей», а значит — это одна и та же проблема. В результате эксперимента дети перестали быть «существами для эксперимента» — констатирует главное достижение А. В. Суворов [18]. Цель, ради которой, по Ильенкову, проводится Загорский эксперимент — чтобы перестали быть

«существами для эксперимента» все люди, вынужденные, как подопытные, жить в нынешних общественных обстоятельствах как в мировой экспериментальной «клетке», что преодоление этих условий *принципиально возможно*. Важнейший шаг к этому преодолению Ильенков видит в работе по «очеловечиванию» слепоглухих детей, и благодаря этому обнаружению «всеобщего в единичном» становится возможным снятие «самоотчуждения человеческой сущности», или совпадение изменения обстоятельств и самоизменения человека, что Маркс называет «революционной практикой» и что тождественно «прыжку в царство свободы». Мимо чего проходят все критики, так это мимо факта, что Загорский эксперимент *фактически* показывает возможность всестороннего развития *каждого* человека — всё остальное лишь незначительные детали, к которым относятся унижительные для воспитанников Загорска претензии о «процентах получаемой через другие каналы информации»⁵, о тотальности слепоглухоты и о высотах, на которые им (не) удалось забраться. Эти претензии основаны на отсутствии понятия, в котором история мысли сконцентрировала самое существенное для понимания человека — понятия *души*, которая объявляется или несуществующей (в позитивизме, где ее пытаются отождествить с нейродинамическими функциями), или принципиально невыразимой в понятии тайной (в философии жизни). Обе эти позиции спекулируют (если не сказать — паразитируют) на слабости научного мышления, которое только с опорой на диалектическую традицию оказалось способным эту тайну разгадать.

Тайна души и ее материалистическая разгадка

Критики, говоря о том, что «Ильенков с его диалектическим материализмом» лишает понятие души статуса глубочайшей

тайны, правы. Впрочем, в этой правоте, как всегда, на первое место выступают нюансы, которые есть не сторона, а суть дела. Во-первых, всякая наука (даже шире — всякое познание) заключается в том, чтобы демистифицировать свой предмет, лишить его статуса непознанного, разгадать его загадку. В отсутствие этой задачи деятельность познания теряет смысл, разлагает себя. Насколько разумно упрекать ученого в том, что он ученый, а философа в том, что он философ? Вопрос риторический.

Во-вторых, такое отношение к тайне не специфично для «ильенковского материализма» (что бы это ни значило) и даже не специфично для материализма вообще. Это отношение, утверждающее принципиальную познаваемость всеобщего, выражено всей линией классической философии, которая находит свое завершение в абсолютном идеализме Гегеля. Абсолютность идеализма которого, кстати, заключается не в чем другом, как в доказательстве принципиальной возможности выражения всего сущего в мысли, которая и *есть* всеобщность (принцип, первоначало), истина сущего; иными словами — мысль есть всеобщая форма действительности, развернутая для самой этой действительности в чистом виде: в понятийном мышлении человека она *представляет* собой истинную суть вещей.

Гегель недаром отождествляет мистическое и спекулятивное. Комментаторы редко видят здесь утверждение мощи человеческого разума, которое Гегель отстаивает в полемике со своим близким другом Шеллингом. Отождествление это означает не превращение спекулятивного (теоретического) в мистическое, а строго обратное: срыв покрыва тайны с мистического, выражение его в теоретической (понимающей) мысли. Вот что Гегель пишет, например, об элевсинских мистериях: «Таким образом, религия имеет общее содержание с философией, и лишь их формы различны, дело идет поэтому лишь о том, чтобы форма понятия

⁵ А. В. Суворов в своей статье [18] развенчивает это мифологическое представление.

достигла такого завершения, которое делает возможным постижение содержания религии. Истинно лишь то, что получило название религиозных мистерий; они представляют собою спекулятивное ядро религии. У неоплатоников *μυστήν, μυστήσθαι* (быть посвященным) означает: *заниматься спекулятивными понятиями*. Под мистериями понимают, говоря поверхностно, таинственное, остающееся таковым и не делающееся известным. Но в элевзинских мистериях не было ничего неизвестного; все афиняне были посвящены в них, и лишь Сократ говорил о себе как об исключении. Единственное, что было запрещено, это — публичное ознакомление с ними чужестранцев, что многим и было, действительно, вменено в преступление; о них, как о чем-то святом, нельзя было говорить» [3, с. 131]. Поэтому если быть последовательным и стараться сохранить *таинственность* в познании, то придется вслед за материализмом Маркса и Ильенкова отбросить всю классическую философию. Странная позиция для философа; хотя кого этим сегодня удивить?

Но именно благодаря опоре на классическую традицию только диалектический материализм и смог справиться с проблемой идеального, как подчеркивает Ильенков [7, с. 62]. Величайшее достижение «быть способным истолковать человеческую личность как тайну» [16, с. 154], которого этот материализм (к счастью) лишен, означает на деле только *полную неспособность* ее истолковать.

Ильенков вовсе не опровергает представление о душе тем, что будто бы сводит ее к формально-выразимым (измеряемым) параметрам. Он, напротив, возводит *представление* о душе в *понятие*, демонстрируя, что человек не *состоит* из души и тела, как полагает паразитирующая на представлении иррационалистическая «философия». И делает он это *вслед за Платоном и Аристотелем, за Спинозой и Гегелем*. А это подразумевает серьезное понимание того, что же под душой понимали эти «герои духа»: душа есть

форма человека; еще иначе — душа как разумная душа есть *способ бытия* человека. Тело и душа есть единство, «безразличие различного», как выражается Гегель, т. е. *тождество противоположностей*. Мистическим, таинственным здесь оказывается именно это центральное для диалектической философии мышление *противоречия*, и именно потому, что резонирующее мышление не поднимается выше рассудочно-дискурсивного. Для рассудка же диалектическое, сводящее противоположные стороны в одно, мышление всегда кажется иррациональным — и эта кажимость объективна, поскольку способность удержания противоречия в самом деле выходит за пределы рассудочной рефлексии. Поэтому рассудок и так называемые внелогические формы познания всегда неизбежно дополняют друг друга.

Если душа есть способ (форма) бытия человека — или, как выражается Маркс, его сознание есть не что иное, как осознанное бытие (*das Bewußtsein ist das bewußte Sein*) — то приведение человека в «форму человека», или очеловечивание, заключается в том, чтобы образовать (сформировать в смысле *Bildung*) его способ жизни как человеческий, а этот способ жизни образуется вместе с человеческим сознанием как его необходимым моментом. В общих чертах это и есть стержень материалистического понимания истории, и в Загорском интернате эта идея проявляется на уровне совпадения фило- и онтогенеза: доисторический человек, чтобы жить, должен прежде всего производить предметы своих ближайших (материальных) потребностей; маленький воспитанник интерната для преодоления «растительного» способа жизни должен прежде всего освоить способы самостоятельного удовлетворения ближайших потребностей. И там, и там в процессе присвоения / освоения предметов потребностей выстраивается *способ* деятельности с этими предметами, а посредством них — с внешним миром, который только в этом акте и конституируется для сознания как внешний.

Отсюда-то и вырастает опытное отношение сознания и противостоящего ему предмета (*Gegenstand*). Это «*способ-нести* вещи в субъективности» есть человеческая *способность*, примитивно-абстрактная форма которой, ее «клеточка», есть способность ориентации в пространстве — или, что то же самое, способ творения образа этого пространства. Только из этой основы, как показывает Ильенков [9] и вслед за ним Г. В. Лобастов [11], может вырасти развитая форма способности, которую мы обычно называем *душой или личностью*.

Может вырасти, если попадет в *человеческие руки*. И *проценты* (кто их считал?) остаточного зрения или слуха здесь никак не влияют на «чистоту эксперимента». Даже восстановление зрения (на которое надеется Д. И. Дубровский) само по себе *никак* не решает проблемы; наоборот, оно ее только *ставит*: неужели неизвестен критикам Ильенкова многолетний философский спор, по которому высказывались и Беркли, и Дидро? У детей-маугли со зрением всё было в полном порядке; у ребят, которых описывает в своей книге А. И. Мещеряков, сплошь и рядом сохранное зрение / слух — а каков результат? Как можно разглагольствовать о фальсификации и проходить мимо главного? Но внимательное чтение — не для критиков Ильенкова. Поможем им:

«*Фрол И.* в детский дом поступил 6 с половиной лет. Диагноз: врожденное поражение центральной нервной системы, глухонмота, недоразвитие и атрофия зрительного нерва правого глаза, бельмо роговой оболочки левого глаза. Имеется некоторое остаточное зрение, остроту которого определить не удалось. Потеря слуха в речевом диапазоне частот 70 дб. Дома мальчика полностью обслуживали взрослые. При поступлении он совершенно не умел ориентироваться, несмотря на остатки зрения. Никаких навыков самообслуживания у него не было. Играть не умел, игрушки бросал или складывал в кучу. Жестов не понимал и сам ими не пользовался» [14, с. 190].

Мальчишке 6 лет, он не тотально слепо-глухонемой, но человеческих способностей у него не сформировалось. Наши критики уже тут как тут: то, о чем вы говорите, скажут они, это примитивный бихевиоризм! У мальчика-де может быть богатый внутренний мир (или уникальный нейродинамический код), у него есть душа, которая не проявляется во внешних действиях! Но ничто не ново под солнцем: это всё тот же старый спор о «вещи-в-себе», от которой камня на камне не оставил Гегель. *Сущность* необходимо *является*, «лишь внутреннее» есть именно по этой причине «лишь внешнее», вещь-в-себе необходимо переходит в свойство, а человек есть ряд своих поступков. Только поступок может быть подсудным моральному суждению, возражает Гегель Канту уже на поле этической проблематики; но критикам недосуг разбираться с диалектикой внешнего и внутреннего или с тонкостями нравственных теорий Гегеля и Канта. Вместо этого они будут громко обвинять Ильенкова в том, что он что-то скрыл, или свысока распекают его, что он-де недостаточно явно обратил внимание читателей на — о ужас! — вопиющие *факты*.

Но как можно *скрыть* то, о чем прямо написано в диссертации Мещерякова и в его книге 1974 г.? На этот вопрос, заданный С. Н. Мареевым, до сих пор ни один критик не дал ответа — они делают вид, что этого вопроса просто нет. Между тем, и это важно, *очеловечивание* состоит в *развитии самообслуживания*, которое переходит в *обслуживание саморазвития*: не «жить, чтобы есть», а «есть, чтобы жить». Человек должен *быть*, чтобы развиваться. Повторим еще раз: у исторического человека сначала — еда, кров, одежда; у ребенка — ложка и мыло, штаны и полотенце, а уже потом у обоих — «высоты культуры». Суть педагогической работы в Загорске — организация усилий *самих обучающихся*, чтобы эти усилия не пропали впустую, не были «помножены на ноль». Как и любой нормальный педагог, загорский воспитатель стремится прежде всего сделать

себя ученику *ненужным*. Отсюда — стимулирование саморазвития, о чем подробно пишет А. В. Суворов, комментируя стадии становления предметного совместно-разделенного действия [18]. А как сложилось обучение у маленького Фрола?

«В детском доме приступили к обучению ребенка ориентироваться, стали формировать у него навыки самообслуживания, поведения и игры, начали формирование жестов. За каникулы (мальчик поступил в мае) и за два следующих месяца первого года обучения наметились некоторые сдвиги в процессе развития ребенка. Мальчик почти самостоятельно может раздеться (со стороны воспитателя необходимо лишь побуждение ребенка к действию), выполняет отдельные операции и при одевании (воспитатель начинает одевать чулки, воспитанник продолжает надевать их дальше). Снятую одежду научился вешать на спинку стула (первое время он ее бросал на пол). Во время подготовки ко сну стал пытаться разбирать свою постель. В игре мальчик усвоил сначала лишь внешнюю сторону: например, кладет куклу на игрушечную кроватку и складывает на нее все одеяла, подушки, простыни» [14, с. 190—191].

Это только один из примеров. Конечно, возразят критики, психика-то уже сформировалась, и задача, которую решают в Загорске, — это *реактивация*. Но это возражение — чистая спекуляция в ее худшем, нефилософском значении. Это заявление идеологическое в самом точном смысле идеологии как *ложного сознания*. Оно хватается за возможность объявить «тайной» то, до чего еще не успела дотянуться познающая мысль, и закрепить эти области за собой: и уже не важно, тайна это «пока еще не расшифрованного нейродинамического кода» или тайна божественной премудрости. Но реактивация и образование «с нуля» — это одна и та же задача: задача формирования мышления⁶.

⁶ Впрочем, «формирование» — слово неподходящее. См. об этом статью [15].

Попробуйте-ка «реактивировать» психику без выявленной в работах Ильенкова и Мещерякова логики! Никакие остатки ощущений сами по себе тут не помогут. Психика, как и всякая человеческая способность, деградирует, если не воспроизводятся предпосылки ее функционирования. Поэтому-то не меняет картины факт, что зрение (слух) не отсутствует полностью или оно потеряно в раннем возрасте; психика — это постоянное воссоздание своих условий, т. е. человеческих способов обращения с предметами, «созданными человеком для человека», и если ребенку эти предметы (следовательно, способности) не нужны, то психика обязательно откатится до уровня «растительной». Гораздо хуже, когда такое происходит с большими массами «нормальных» зрячеслышащих людей — вот какой масштаб больше всего заботит Ильенкова, вот какую задачу он решает в Загорске! Слепоглухой Саша Суворов оказывается обладателем более чуткого к красоте глаза и уха, чем большинство зрячеслышащих. Последние не видят и не слышат не из-за физиологических параметров, а из-за того, что «души у них — варварские», как говорил Гераклит, а первый — видит и слышит глазами всего человечества.

В этом — ключ к пониманию результатов Загорского эксперимента. Слепоглухоту компенсирует не техническое средство реабилитации (надежда на НБИКС-конвергенцию и трансгуманизм) и не усиленная молитва (надежда на господ бога). Ее компенсирует, пишет А. В. Суворов, «только наша деятельность в культурно-историческом контексте, разумеется, осуществляемая, реализуемая всем организмом, со всеми его “сохраненными” и “остаточными” “каналами”». Но наш физиологический организм — всего лишь один из органов куда более сложного и необъятного “организма”, — человечества. Вне человечества, вне созданной им и воссозданной в индивидуальной жизнедеятельности, культуры, никакая “информация” для нас не может существовать» [18].

Общение со всем человечеством (даже когда оно представлено в форме *ложки*, которой ест ребенок) есть необходимый момент деятельности. Но общение происходит в *готовых* формах языка и предметного действия, которые надо еще *создать*. В предположении общения как ведущего фактора развития слабым остается именно этот пункт: оно мыслится *созерцательно*. Через так понятое общение и происходило бы *усвоение* культуры, а не ее *воссоздание*, которое, усвоение, и было бы чем-то вроде отпечатывания социальных форм на индивидуальном физиологическом материале. К счастью, дело обстоит не так: человек понимает, следовательно, созерцает и представляет только то, что сделал сам. Доказательство этого тезиса, общего Платону, Спинозе, Фихте и Марксу — вся долгая эмпирическая история человечества и теоретическая история философии. Общение не есть без деятельности. Ильенков на сто процентов прав: сначала труд, потом слово. Малыш в первые месяцы жизни опредмечивает прежде всего самого себя — собственное тело. Он осваивает пространство «по Марксу»: в формах предметной чувственной деятельности, субъективно. И в его чувстве — ближайшим образом в осязании, пока еще синкретически — представлен всеобщий способ человеческой жизни: представлена *логика*.

«Мою слепоглухоту, — продолжает Суворов, — компенсирует не осязание само по себе, не всевозможные технические средства реабилитации, хотя без них, разумеется, я обойтись не могу. Реальный компенсирующий механизм — это вся бытовая, теоретическая, эстетическая, духовно-нравственная культура, которую мне удастся воссоздавать (а тем более впервые создавать) в моей жизнедеятельности. <...> И дело не в процентах “информации”, якобы проходящей через те или иные мифические “каналы”, а в той культуре, которая стала доступна личности. А в каком состоянии зрение и слух — это

не суть дела, а, как посмеивался Э. В. Ильенков, не очень существенные “подробности”. *Суть дела — в доступности культуры. И в той жизнедеятельности, которая эту доступность обеспечивает*» [18] (курсив наш. — М. М.).

Синхрофазотрон, с которым сравнивали Загорский детдом, — это прежде всего ускоритель. Коллектив⁷, в котором никто не чувствует себя одиноким (поскольку ушибным), и становящееся возможным благодаря ему и в нем человеческое общение (обращение) с человеком и человечеством через включение в подлинно-культурное наследие, которые посредством совместно-разделенной деятельности «ускоряют» «очеловечивание человечества» (выражение А. В. Суворова): вот в чем настоящий смысл Загорского эксперимента.

Можно было бы написать еще много абзацев про несостоятельность рассуждений о «всесилии педагогов», о «формировании как из глины», о «педагогической стихии». Всё это легко опровергается самостоятельным непредвзятым обращением к текстам Ильенкова и Мещерякова. Можно было бы сказать больше о роли слова, общения, коллектива, провести линию от А. С. Макаренко и Л. С. Выготского к Ильенкову и Мещерякову. Можно было упомянуть и о бессильной попытке «внести разлад» в линию Выготский — Ильенков, выпятив момент различия в их взглядах. Всё это можно сделать в других статьях. Мы сосредоточимся на главном — на сути дела («доступности культуры и той жизнедеятельности, которая эту доступность обеспечивает»), которая отделяет идеал общественного развития от идеологии.

Идея, которую своей работой осуществляет Ильенков, подразумевает первоначальную ущербность («ничтожность» как *Nichtigkeit*) человеческого существа. В таком случае провокация воспитателя работает как стимул развития [13], и в этом процессе реализуется

⁷ О том же пишет и Л. С. Выготский [1].

то, что Гегель называл «хитростью разума». Идея, представители которой оппонируют Ильенкову, тоже признает ущербность человека, но под благовидным предлогом равенства предлагает эту ущербность законсервировать. Вновь прав старик Гегель: «Все, что испорчено в мире, испорчено на хороших основаниях» [2, с. 212].

Идеал и идеология.

Вместо заключения

Критики Ильенкова — очень уверенные в своей правоте ученые, и именно поэтому они не знают о своем незнании. Они обвиняют Ильенкова в ненаучности, но не понимают, что такое научное мышление. Они защищают религию от ильенковского атеизма, но не утруждают себя ознакомиться с осмыслением религии у классиков мысли. Они подчеркивают идеологичность марксизма, но не представляют, что такое идеология, и тем более — что их собственная позиция насквозь идеологична.

Главным мотивом Загорского эксперимента часто называют идеологическое обоснование марксистских тезисов о примате труда и коллектива над индивидуальностью уникальной личности. Но «идеологичность» марксизма именно потому, что идеологичность в нем осознается, осмысливается, снимает себя (*sich aufheben*) как идеологию. Ложное сознание, обнаруживающее, что оно ложное, превращает (разлагает) себя в истинное. Это реализация сократовского «знаю, что ничего не знаю» в масштабе общественной формы сознания; иными словами, ум проявляет себя как ум там, где он видит свои границы. Ильенков как марксист открыто занимает партийную позицию — но это принадлежность не к политической партии, а к «партии мышления», как выражался Маркс. К партии истины, которая есть разложение конечного (мнения) в бесконечное (знание) в нем самом. Которая, разумеется, в определенных условиях доходит до выражения в действиях политических партий.

В качестве альтернативы открыто симпатизирующий Церкви Пущаев ставит христианский демократизм выше марксистского. Обоснование этого тезиса слабо и неубедительно: в земной жизни равенство может быть недостижимо (не всякий человек способен подняться к высотам культуры по причине отсутствия того или другого органа чувств), а вот на Страшном суде, весьма возможно, «именно тяжелые инвалиды окажутся лучшими заступниками для тех, кто ухаживал за ними в жизни из любви» [16, с. 154]. Это не теоретическое рассмотрение вопроса, а фантазия. Можно было бы поиронизировать над мотивом ухаживания за инвалидами из любви к заступничеству на Страшном суде. Но вместо этого мы поблагодарим Пущаева за принципиальные вопросы, которые он ставит перед теорией коммунистического идеала: считается ли человек человеком, если он не поднялся к высотам культуры? Можно ли лишать существо, из которого не получится сформировать разностороннюю личность, статуса человека? Нравственно ли в младенце до освоения первичных навыков видеть лишь «кусочек мяса»? Как в коммунистическом обществе будут относиться к абортам?

Упрекнуть Ильенкова в людоедстве, конечно, нельзя. С самого начала своей мыслительной жизни он пытался ответить на вопрос, что такое человек. И парадоксальность, с которой начинаются трудности у рассудка, здесь в том, что видимость в решениях Ильенкова и Пущаева далеко расходится с сущностью. По видимости, христианский демократизм как будто стоит выше. Его прекраснотушное, стремление видеть в любом человеке в первую очередь человека привлекает. Однако Ильенков, наследник классической философии и знаток гегелевской «Феноменологии», отлично понимал, что формального признания Другого недостаточно, что истина бессильна в форме «прекраснотушная», благого пожелания, регулятивной идеи, потустороннего идеала,

обещания загробного счастья. «Идея истины» есть главное средство воплощения «идеи блага», т. е. переустройства действительности по *эту* сторону вещей, телесности, реального, чувственного; и что другой стороны *нет вовсе*, ни у Платона, ни у Гегеля. И в этом процессе высвобождения энергии масс, задавленных гнетом частной собственности, противоположности превращаются. Религиозная проповедь, не нацеливающая на снятие разделения труда, оборачивается апологией существующего порядка, который уже не на словах — на деле разделяет людей на сорта. Человек в условиях саморазорванности мира — тот, кто может себе позволить жить по-человечески, что бы ни говорили с амвона проповедники царства божия; остальные будут вынуждены прозябать в нечеловеческих условиях — и неизбежно будут опускаться в животную форму бытия. Младенцы, о слезинках которых так печалятся утонченные интеллектуалы, торгуются на черном рынке в качестве кусков мяса — уже без всяких кавычек, а иные детишки вкалывают с младенчества на кобальтовых рудниках, чтобы очередные плакальщики о роде человеческом могли посмотреть новости в своем смартфоне.

Аборты прекратятся только тогда, когда будут сформированы обстоятельства для того, чтобы *каждый* ребенок был желанным: обстоятельства, позволяющие рожать и растить детей в хотя бы минимально-человеческих *материальных* условиях; и когда обеспечено будет техническое, медицинское, хозяйственное благополучие, каждый человек не на словах, а на деле сможет стать целью, а не средством. Такое общество станет вполне человеческим, поскольку *человечным* (*menschliche* у Маркса). Но нужен ли человеческому обществу умственно отсталый ребенок, инвалид, человек, ограниченный самой природой? Да только такому обществу он и нужен по-настоящему! Ведь оно не просто *может* о нем позаботиться — оно *делает* это смыслом своего существования.

Равенство (о которое при усердии можно разбить лоб) по Марксу — это не формальное равенство буржуазного права. Это равенство содержательное, когда тот, кто богаче (подлинно богаче — человеческими потребностями), совместно-разделяет это богатство с тем, кто в этом нуждается. Сказать, что Ильенков выступал против этого — значит ничего не понять в его работах.

Last but not least. Что такое эти «высоты», к которым не поднялся ни один тотально слепоглухой? Это абстрактно-внешние параметры здоровья, ума, добра, красоты? Если коммунистический идеал понимается так, то его очень легко спутать с «идеалами» из противоположного лагеря, где «параметром красоты» может выступить, например, определенная форма черепа. Нет, идеал Ильенкова очень хорошо выражен Гегелем: истина есть отношение к самому себе. Истина есть самодвижение. Там, где есть самодеятельность (в высшем смысле этого слова), никакие внешние параметры больше не нужны: я сам себе самый строгий судья. Высота эта определяется собственным движением — его уникальной траекторией — каждого индивида, хотя и по логике всеобщих форм. В этом — противоречивая, диалектическая природа этого процесса. Всестороннее развитие — это не «развитие всех сторон» (оно не всестороннее, а много-одно-стороннее, да и не развитие вовсе). Развитие — это основывающееся на понятии разрешение противоречия, которым являешься ты сам, противоречие самотворения⁸. Это противоречие общества во мне самом, разрешающее себя отношение всеобщего и особенного; в пределе, который высвечивает Ильенков своей «Космологией духа», это мое *Я*, несущее в себе всё мировое целое. Вот эта-то мерка и есть абсолютная.

⁸ Вероятно, в форме идеи познания его выражает сократовское «знаю, что ничего не знаю», а в форме идеи блага — христианское «возлюби врагов своих». Далеко не случайно, что между принципом «познай самого себя» и христианским утверждением бога как любви, при всем их различии, существует глубокая связь [12, с. 11–25].

А что ни один человек — даже слепоглухой с тяжелой умственной отсталостью — не является необучаемым, неразвиваемым (пускай сначала и в форме внешнего воздействия), это Загорский «эксперимент» доказал вполне убедительно⁹. Есть различные формы реализации себя, и так или иначе они связаны с достижением пресловутых «высот». Ключевое здесь — общение как общение, процесс обществования, в котором возникает потребность быть ценным, желанным для общества, *дарить* себя другим людям и иметь возможность это делать [12, с. 4—10]. И не надо ждать Страшного суда: тяжелый инвалид может «принести пользу» обществу, подарив кому-то смысл жизни здесь, на грешной земле. Для кого-то высота культуры — это получить профессию, обрести друзей и семью. Для кого-то — зажечь новые звезды. А для кого-то — обучиться отдельным поведенческим навыкам. Не в этом ли суть евангельской притчи о талантах? «От каждого по способностям»: и хотя способности развиваются, а сам этот процесс — противоречив, не видеть этого — значит выставлять напоказ свой снобизм и лицемерие, которое так или иначе просвечивает сквозь кроткую внешность «добреньких» благодетелей.

«Нельзя жить в обществе и быть свободным от него». В обществе классово-антагонистическом всякая позиция в своем пределе фиксирует себя в том или ином положении по отношению к движению истории. И мнимая претензия на объективность, попытка говорить от имени чистой науки,

чистого искусства, чистой религии, иными словами — попытка занять позицию «над схваткой», не занимая никакой позиции — это тоже выбор определенного положения в исторической системе координат. В полемике по поводу Загорска сталкиваются два мировоззрения, которые отчетливо противопоставлены. По одну сторону оказывается радикальный демократизм Ильенкова и Мещерякова, вырастающий не из «марксистской утопии», нет — из всей классической традиции мысли и чувства, из Платона и Гегеля, из Данте и Шекспира. По другую — парадоксально пожимают друг другу руки технократический трансгуманизм и православная набожность. Их разделяет отношение к истине, которая есть процесс утверждения собственных определений (Добра, Свободы, Красоты) в самой действительности — процесс превращения царства необходимости в царство свободы. Только в контексте этого процесса может идти продуктивное обсуждение проблем, поднимаемых Ильенковым в работах о воспитании слепоглухих. А с бессмысленной полемикой вокруг «Загорского эксперимента», как и с самим этим названием, пора попрощаться.

Список литературы и источников

1. **Выготский Л. С.** Коллектив как фактор развития дефективного ребенка // Собрание сочинений: в 6 т. / Л. С. Выготский. Т. 5: Основы дефектологии. М.: Педагогика, 1983. С. 196—218.
2. **Гегель Г. В. Ф.** Сочинения: [в 14 т.]. Т. 1: Энциклопедия философских наук. Ч. 1. Логика. М.; Л.: Гос. изд-во, 1930. СПБ, 368 с.
3. **Гегель Г. В. Ф.** Лекции по истории философии. Кн. 1. СПб.: Наука, 1993. 349 с.
4. Диалоги о/в поле смыслов: к 120-летию со дня рождения Алексея Николаевича Леонтьева / А. Г. Асмолов, Е. В. Битюцкая, Б. С. Братусь и др. // Вестник Московского университета. Сер. 14: Психология. 2023. Т. 46. № 2. С. 5—22. <https://doi.org/10.11621/LPJ-23-13EDN: YSEQMQ>.
5. **Дубровский Д. И.** Феномен слепоглухоты. Еще раз о Загорском эксперименте (о фактах фальсификации, ее защитниках и об

⁹ «Цель учебно-воспитательного процесса в Загорском детдоме, согласно А. И. Мещерякову — “формирование системы целенаправленного поведения”. Эта цель достижима не для всех ребят. Но даже слепоглухонемых детей с тяжелой умственной отсталостью, с тяжелыми органическими поражениями мозга, удастся научить хоть чему-то, — не системе целенаправленного поведения, так отдельным поведенческим навыкам, пусть и выполняемым не спонтанно, а по сигналу педагога. *Хоть чему-то* удастся научить *всех*, и в этом смысле, — делает А. И. Мещеряков ошеломляющий вывод, — необучаемых, то есть совсем, абсолютно необучаемых, ничему не научаемых, детей — *не существует*» [18].

- актуализации проблемы) // *Философские науки*. 2018. № 1. С. 89—117. <https://doi.org/10.30727/0235-1188-2018-1-89-117> EDN: YPNZJO.
6. **Ильенков Э. В.** Диалектика абстрактного и конкретного в «Капитале» Маркса. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1960. 285 с.
 7. **Ильенков Э. В.** Диалектика идеального // *Логос*. 2009. № 1 (69). С. 6—62. EDN: TJIGYX.
 8. **Ильенков Э. В.** Письмо А. В. Суворову // *Философия и культура: [сб.]* / Э. В. Ильенков. М.: Политиздат, 1991. С. 446—448.
 9. **Ильенков Э. В.** Психология / публ. [с предисл.] А. Г. Новохатько // *Вопросы философии*. 2009. № 6. С. 92—105. EDN: KMKLAB.
 10. **Лобастов Г. В.** Ильенков как проблема // *Образ Эвальда Ильенкова в воспоминаниях: [сб.]* / авт.-сост. Г. Лобастов. М.: Русская панорама, 2024. С. 244—276.
 11. **Лобастов Г. В.** Субъектность как проблема Я. М.: Русская панорама, 2023. 328 с.
 12. **Лобастов Г. В.** Философско-педагогические этюды. М.: Микрон-принт, 2003. 329 с. EDN: TLZVEJ.
 13. **Мареева Е. В.** «Загорский эксперимент» и проблема врожденных способностей человека // *Научные ведомости БелГУ. Сер.: Философия. Социология. Право*. 2016. № 10 (231). С. 190—194. EDN: WJGIOP.
 14. **Мещеряков А. И.** Слепоглухонемые дети: Развитие психики в процессе формирования поведения. М.: Педагогика, 1974. 327 с.
 15. **Морозов М. Ю.** Культура или культивирование. Э. В. Ильенков о противоречиях образовательного процесса // *Вестник МГУКИ*. 2024. № 2 (118). С. 46—55. <https://doi.org/10.24412/1997-0803-2024-2118-46-55> EDN: IWKZZR.
 16. **Пуцаев Ю. В.** Еще раз о невыученных уроках Загорского эксперимента (ответ А. Д. Майданскому) // *Вопросы философии*. 2019. № 8. С. 146—157. <https://doi.org/10.31857/S004287440006052-2> EDN: BIOANH.
 17. **Самарский А. Ю.** Проблема идеального: о современном состоянии спора Э. В. Ильенкова с Д. И. Дубровским // Э. В. Ильенков: Идеальное. Мышление. Сознание: материалы XIV Междунар. науч. конф. «Ильенковские чтения — 2012» (Москва, 12-13 апр. 2012) / [под ред. Е. В. Мареевой]. Ч. 2. М.: Изд-во СГУ, 2012. С. 12—21.
 18. **Суворов А. В.** Уроки Загорского эксперимента в контексте тифлосурдопсихологии [Электронный ресурс] // Электронный сборник статей портала психологических изданий PsyJournals.ru. 2015. Т. 6. № 2015-1. URL: https://psyjournals.ru/serialpublications/pj/archive/2015_1/76169 (дата обращения: 23.11.2024).
 19. **Siemek M. J.** „Nauka“ i „naukowość“ jako ideologiczne kategorie filozofii // *Racjonalność. Nauka. Społeczeństwo* / red. H. Kozakiewicz, E. Mokrzycki, M. J. Siemek. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1989. S. 255—274.
 20. **Siemek M. J.** *Poznanie jako praktyka (Prolegomena do przyszłej epistemologii)* // *Marksizm w kulturze filozoficznej XX wieku* / red. M. J. Siemek. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1988. S. 9—24.

References

1. Vygotskiy L. S. “Community as Factor of a Defective Child’s Development”. *Osnovy defektologii*. By L. S. Vygotskiy. Moscow: Pedagogika, 1983. 196—218. (In Russian). Vol. 5 of *Sobraniye sochineniy*. 6 vols.
2. Hegel Georg Wilhelm Friedrich. *The Science of Logic*. Transl. G. Di Giovanni. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2015. 866 p. Cambridge Hegel Translations.
3. Hegel Georg Wilhelm Friedrich. *Lectures on the History of Philosophy*. Vol. 1. Transl. E. S. Haldane. Introd. by F. C. Beiser. Lincoln, NE: Univ. of Nebraska, 1995. 487 p.
4. Asmolov A. G., Bitvutskaya E. V., Bratus B. S., Leontiev D. A., Ushakov D. V. “Dialogues On/In the Field of Meanings: To the 120th Anniversary of Alexey Nikolayevich Leontiev”. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 14: Psikhologiya = Moscow University Psychology Bulletin* 46.2 (2023): 5—22. (In Russian). <https://doi.org/10.11621/LPJ-23-13>
5. Dubrovsky D. I. “The Phenomenon of Deafblindness. Once Again about the Zagorsk Experiment (on the Facts of Falsification, Its Defenders and on the Actualization of the Problem)”. *Filosofskkiye nauki = Russian Journal of Philosophical Sciences* 1 (2018): 89—117. (In Russian). <https://doi.org/10.30727/0235-1188-2018-1-89-117>
6. Ilyenkov E. V. *The Dialectics of the Abstract and the Concrete in Marx’s Capital*. Transl. S. Syrovatkin. Delhi: Aakar Books, 2008. 294 p.
7. Il’yenkov E. V. “Dialectics of the Ideal”. *Logos* 1 (69) (2009): 6—62. (In Russian).
8. Il’yenkov E. V. “Letter to A. V. Suvorov”. *Filosofiya i kul’tura: [collection]*. By E. V. Il’yenkov. Moscow: Politizdat, 1991. 446—448. (In Russian).
9. Ilienkov E. V. “Psychology”. Publ. [with an introd.] by A. G. Novokhat’ko. *Voprosy filosofii*

- 6 (2009): 92—105. (In Russian).
10. Lobastov G. V. "Il'yenkov as Problem". *Obraz Eval'da Il'yenkova v vospominaniyakh*: [collection]. Auth. and comp. G. Lobastov. Moscow: Russkaya panorama, 2024. 244—276. (In Russian).
11. Lobastov G. V. *Agency as Problem of Ego*. Moscow: Russkaya panorama, 2023. 328 p. (In Russian).
12. Lobastov G. V. *Philosophical and Pedagogical Studies*. Moscow: Mikron-print, 2003. 329 p. (In Russian).
13. Mareyeva E. V. " 'Zagorsk Experiment' and the Problem of 'Congenital' Human Abilities". *Nauchnyye vedomosti BelGU. Ser.: Filosofiya. Sociologiya. Pravo = Belgorod State University Scientific Bulletin ser. Philosophy. Sociology. Law* 10 (231) (2016): 190—194. (In Russian).
14. Meshcheryakov A. I. *Blind Deaf-Mute Children: Mental Evolution during Behavior Shaping*. Moscow: Pedagogika, 1974. 327 p. (In Russian).
15. Morozov M. Yu. "Culture or Cultivation. E. V. Ilyenkov on the Contradictions of the Educational Process". *Vestnik MGUKI = Bulletin of Moscow State University of Culture and Arts* 2 (118) (2024): 46—55. (In Russian). <https://doi.org/10.24412/1997-0803-2024-2118-46-55>
16. Putschaev Yu. "Again About the Unlearned Lessons of the Zagorsk Experiment (an Answer to A. D. Maidanskiy)". *Voprosy filosofii* 8 (2019): 146—157. (In Russian). <https://doi.org/10.31857/S004287440006052-2>
17. Samarskiy A. Yu. "Problem of the Ideal: On the Current State of Dispute between E. V. Il'yenkov and D. I. Dubrovskiy". *E. V. Il'yenkov: Ideal'noye. Myshleniye. Soznaniye: materialy XIV Mezhdunar. nauch. konf. "Il'yenkovskkiye chteniya — 2012"* (Moskva, 12-13 apr. 2012). [Ed. by E. V. Mareyeva]. Pt. 2. Moscow: Modern Univ. for the Humanities Publ., 2012. 12—21. (In Russian).
18. Suvorov A. V. "Lessons of the Zagorsk Experiment in the Context of Tiflo-Surdo-Psychology". *Elektronnyy sbornik statey portala psikhologicheskikh izdaniy PsyJournals.ru = E-Proceedings [of] PsyJournals.ru Psychology Review* 6.2015-1 (2015): n. pag. *PsyJournals*. (In Russian). Web. 23 Nov. 2024. <https://psyjournals.ru/serialpublications/pj/archive/2015_1/76169>.
19. Siemek Marek J. „,Nauka‘ i ,naukowość‘ jako ideologiczne kategorie filozofii“. *Racjonalność. Nauka. Społeczeństwo*. Red. H. Kozakiewicz, E. Mokrzycki, M. J. Siemek. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1989. 255—274. (In Polish).
20. Siemek Marek J. „Poznanie jako praktyka (Prolegomena do przyszłej epistemologii)“. *Mark-sizm w kulturze filozoficznej XX wieku*. Red. M. J. Siemek. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1988. 9—24. (In Polish).

Информация об авторе

Морозов Максим Юрьевич — кандидат философских наук, доцент кафедры теоретической социологии и эпистемологии философско-социологического факультета Института общественных наук Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Россия, 119606, Москва, пр. Вернадского, 84, стр. 2); участник Российского философского общества «Диалектика и культура» (Россия, 124498, Москва, Зеленоград, 247-30). ORCID: 0000-0001-9772-642X. SPIN-код: 3326-2506.

Information about the author

Maxim Yu. Morozov — Cand. Sci. (Philos.), Associate Professor at the Department of Theoretical Sociology and Epistemology of Faculty of Philosophy and Sociology of Institute of Social Sciences, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Russia, 119606, Moscow, Vernadsky ave., 84, bldg. 2); member of the Russian Philosophical Society "Dialectics and Culture" (Russia, 124498, Moscow, Zelenograd, 247-30). ORCID: 0000-0001-9772-642X. SPIN code: 3326-2506.

Статья поступила в редакцию 26.11.2024.

The article was submitted 26.11.2024.

Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2024. № 4 (44). С. 133—141.

Economic and Social Research. 2024. No. 4 (44). P. 133—141.

Научная статья

УДК 172 + 004.8

doi: 10.24151/2409-1073-2024-4-133-141

<https://www.elibrary.ru/hcyjlz>

Искусственный интеллект и проблемы этики

А. В. Наумов

Финансовый университет при Правительстве РФ, Москва, Россия

AVNaumov@fa.ru

Аннотация. Сжато проанализированы некоторые актуальные проблемы установления и реализации этических требований к искусственному интеллекту в современной практике. Автор кратко рассматривает сущность и особенности понимания значимости искусственного интеллекта, говорит о преимуществах и недостатках данного инструмента. Для подтверждения авторских тезисов приведены и аргументированы точки зрения отечественных и зарубежных исследователей. В заключение автор формулирует базовые принципы, необходимые для эффективного установления и реализации этических требований к искусственному интеллекту в современной практике, определяет актуальные проблемы и перспективы развития рассматриваемых отношений.

Ключевые слова: философское знание, искусственный интеллект, социально-философское осмысление, этические проблемы, философия, философские представления

Для цитирования: Наумов А. В. Искусственный интеллект и проблемы этики // Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2024. № 4 (44). С. 133—141. <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2024-4-133-141> EDN: HCYJLZ.

Original article

Artificial intelligence and ethical issues

A. V. Naumov

Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia

AVNaumov@fa.ru

Abstract. In this work, the author briefly analyzes some current problems of establishing and implementing ethical requirements for artificial intelligence in modern practice. The author briefly examines the essence and features of understanding the significance of artificial intelligence, talks about the advantages and disadvantages of this tool. To confirm the theses the author cites the points of view of Russian and foreign researchers and argues for them. In conclusion the author

© Наумов А. В.

formulates the basic principles necessary for the effective establishment and implementation of ethical requirements for artificial intelligence in modern practice, identifies current problems and prospects for the development of the relations under consideration.

Keywords: philosophical knowledge, artificial intelligence, social and philosophical understanding, ethical problems, philosophy, philosophical ideas

For citation: Naumov A. V. “Artificial Intelligence and Ethical Issues”. *Economic and Social Research* 4 (44) (2024): 133—141. (In Russian). <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2024-4-133-141> EDN: HCYJLZ.

Введение

Этическая составляющая немного противоборства искусственного интеллекта (далее — ИИ) и человеческого разума в настоящее время выступает одной из ключевых социально-философских проблем, которые порождает повсеместная цифровизация. **Объект** данного научного исследования — актуальные проблемы установления и реализации этических требований к искусственному интеллекту в современной практике. **Цель** данного научного исследования — комплексный, последовательный анализ актуальных проблем установления и реализации этических требований к искусственному интеллекту в современной практике. **Методы** данного научного исследования: формально-юридический, сравнительный анализ, статистический, математический, обобщение, конкретизация, систематизация, дедукция, иные методы теоретического и практического уровней научного познания. **Научная новизна** данной работы заключается в подготовке комплексного исследования, в формировании авторских выводов относительно актуальных проблем установления и реализации этических требований к искусственному интеллекту в современной практике. Данная научная статья будет полезна теоретикам, практикам, обучающимся и профессорско-преподавательскому составу, а также широкому кругу читателей, интересующихся проблемами и перспективами установления и реализации этических требований к искусственному интеллекту в современной практике.

ИИ постепенно всё больше завоевывает различные сферы профессиональной деятельности и общественной жизни, иногда распространяясь по совершенно неожиданным направлениям и далее функционируя там. См., например: «...вопрос этичности в сфере ИИ интересен уже только тем, что этичность может быть применима только при наличии субъекта. А сейчас даже самые передовые образцы ИИ, такие как ChatGPT4 и другие генеративные ИИ, — не субъекты, но только сложные человеческие инструменты, орудия, а по уровню опасности ИИ вряд ли удастся сравнить с атомными технологиями» [10, с. 176—177]. И далее: «Как и любая абстрактная крайность, страх перед ИИ имеет свою противоположность — оптимистические ожидания. Однако те, кто так ожидает, не выступают за освобождение человеческих талантов, потому что отрицают саму причину страха, а, напротив, восхищаются будущим “господином” и преклоняются перед ним. Именно такое отношение к ИИ демонстрируют приверженцы концепции трансгуманизма» [10, с. 178].

Увы, это актуальная сегодня тенденция, которая — логично предположить — в дальнейшем будет только набирать обороты и проявляться всё больше [9]. Современному человеку уже не уйти от ИИ, равно как и от других проявлений информационного общества, поэтому в подобных условиях необходимо выработать четкий и понятный механизм взаимодействия, который

одновременно учитывал бы и интересы человека, и *потребности* ИИ, поскольку сегодня он уже больше субъект правоотношений, чем объект.

Иными словами, речь идет о реализации *этической составляющей* при применении ИИ, при организации и использовании функционирования различных интеллектуальных систем. В настоящее время среди ученых довольно распространены дискуссии по этому вопросу, при этом единой позиции не выработано.

Так, речь идет, прежде всего, о сопоставлении двух различных этических доктрин — абсолютной и утилитарной. В качестве примера можно привести американский опыт: он, в частности, включает разработку и реализацию особых компьютерных систем, которые в критические моменты самостоятельно принимают решения о блокировке тех или иных действий. Например, это касается блокировки действий водителя транспортного средства в ситуации, когда такое необходимо для обеспечения мер безопасности в конкретной ситуации [5; 7]. И здесь речь идет о дискуссии следующего характера. Если говорить об абсолютных запретах, то в подобной истории не предполагается какая-либо возможность ради сохранения блага других принести в жертву одного человека — т. е. исправить критическую ситуацию ценой жизни того, кто, собственно, и виноват в ее возникновении. В иной ситуации актуальной становится возможность допустить совершение подобных действий, но при наличии крайней необходимости. Насколько этически, насколько гуманными выступают перечисленные подходы, насколько актуально реализовать каждый из них в современном мире? Вопрос открытый и спорный.

Российский опыт проработки этической составляющей статуса ИИ связан, в первую очередь, со специалистами из знаменитого Курчатковского института, которые довольно

много времени провели, реализуя проекты, связанные с проблемой этики ИИ. Приведем далее некоторые наиболее интересные тезисы, высказанные специалистами в научных исследованиях.

Во-первых, совершенно логичной и очевидной представляется необходимость разработать и далее внедрить в практику различные стандарты деятельности, а также непосредственно инструменты сертификации ИИ. Однако в реальности подобное эффективное решение порождает целую совокупность проблем, среди которых эксперты, в частности, выделяют три наиболее существенных [1]. Первая связана с тем, что представленные нормы так или иначе требуют формализации, а для нее необходимо описать особенности деятельности различных программно-аппаратных комплексов и нормативно закрепить описание. Второй проблемой выступает необходимость реализовать контрольную функцию при определении того, насколько деятельность ИИ, в конечном итоге, соответствует установленным этическим нормам. В третью очередь актуальным предполагается то, что сложным станет вероятное планирование и прогнозирование того, каким все-таки образом представленные стандарты повлияют на дальнейшие отношения в рассматриваемой области, не скажется ли негативно предполагаемое позитивное явление на функционировании ИИ и не создаст ли значительные ограничения. Последнее актуально еще и потому, что введение подобного рода ограничений может породить и проблемы в развитии самой по себе этики ИИ, если такие стандарты, например, будут чрезмерно жесткими, по сути своей — буквально абсолютными. В результате авторы исследования [3] отмечают крайне проблемный характер формализации таких интеллектуальных систем, и в настоящее время сложно предусмотреть наиболее эффективный для подобных условий механизм.

Постановка проблемы

В рассматриваемом контексте, когда упоминается, что ИИ — самостоятельный субъект отношений, имеет особый статус и должен находиться в рамках определенных этических норм, интересной представляется позиция ряда ученых, которые отмечают, что *даже человек* не обладает свободой воли, — такого мнения придерживаются, например, В. Иген, Дж. М. Фишер и другие. Эти ученые, в частности, пишут о том, что любой человеческий выбор уже заранее предопределен по некоторым условиям, а потому человек самостоятельно ничего не решает. Более того, некоторые — например, Р. Кейн, — указывают на то, что вне зависимости от детерминизма человек всё равно никоим образом не влияет на *все* свои действия и, соответственно, не отвечает за них. Сложность процессов, происходящих в человеческом сознании, дополняет и без того разнообразный набор вопросов.

Например: «Только человек обладает привилегией на ментальные состояния, такие как мышление, понимание, а также переживание (например, переживание боли), потому что эти состояния неотделимы от жизни и деятельности. Кроме этого, существуют такие состояния сознания, как квалиа, которые невозможно представить в формализованном виде» [4, с. 123]. А также: «Человеческое понимание связано с рефлексией. Понимание возникает о смысле смысла. Смыслоформирование — это сложный процесс, более сложная когнитивная операция, более высокого уровня, связанная с актом идеации, или эйдетической интуицией, категориальным созерцанием сущности. Понимание требует акта рефлексии» [4, с. 123].

Поэтому стоит ли говорить о подобных характеристиках, свойственных *машине*? Разумеется, нет, и ученые данной группы презентуют эту позицию достаточно категорично, подтверждая свои тезисы в том числе и некоторыми практическими экспериментами (например, таково исследование Б. Либета).

Еще одна распространенная философская теория провозглашает тождественность человеческого разума и ИИ, а соответственно, и то, что статусы таких субъектов равны и что они должны находиться в одинаковых этических условиях. Данная позиция также представляется спорной, поскольку далеко не все возможности сознательной человеческой деятельности ИИ может перенять и проявить полностью. По крайней мере, сейчас. Поэтому тождество представляется несколько неравноценным: даже если в дальнейшем в какой-то точке ИИ и будет по своим возможностям функционировать равноценно с человеческим разумом, то этот тезис всё равно нельзя считать рабочим [1]. Аргумент в пользу данной теории: подобная история будет свидетельствовать о логичном и ожидаемом поступательном развитии ИИ, а значит, ИИ в момент фактического тождества с человеческим разумом как таковым просто окажется на *очередной* ступени своего развития. Дальше — больше: ИИ продолжит развиваться, в то время как человеческий разум *уже* находится на грани совершенства, и добиться качественно нового уровня ему будет крайне сложно. Соответственно, через какое-то время ИИ значительно опередит человеческий разум по развитию (что в условиях быстрого развития ИКТ представляется вполне очевидным), и тогда вновь актуализируется вопрос о тождестве двух подобных объектов. Поэтому представленная философами теория сложна, ее оценивают довольно критично — и вряд ли ее можно реализовать на практике. Кроме того, некоторые специалисты отмечают: проблемно верифицировать то, что чувству соответствует некоторый нейронный процесс, — хотя многие полагают, что это вполне допустимо.

В рассматриваемом аспекте возникает еще один сложный этический момент: насколько этично в дальнейшем создавать такой ИИ, который будет в полной мере

замещать собой обыкновенный человеческий разум? В научной литературе этот вопрос также довольно часто обсуждают — и он остается дискуссионным. В связи с этим эксперименты нередко приводят в пример мысленный эксперимент психолога К. Леви, который в свое время предположил, что невозможно сформировать у дельфина сознание, если трансформировать коды звуковых сигналов дельфинов в привычный человеческий язык. Безусловно, субъекты могут иметь схожее материальное воплощение, однако это никоим образом не свидетельствует о возможности перенять еще и сознание как таковое. То же самое касается и машины.

Подытожим изложенное выше. Если все-таки отталкиваться от позиции, что человек обладает свободой воли, то это значит, что для установления формального тождества с ним ИИ должен обладать следующими свойствами, характеризующими человека:

- уметь испытывать эмоции и чувства;
- учитывать в своей деятельности не только массовый опыт, но и индивидуальный;
- «креативить», мыслить творчески;
- уметь оперативно и эффективно реагировать на неожиданные события;
- уметь выбирать подходящее решение в конкретной ситуации с учетом особых этических норм;
- уметь оценивать других, но не безэмоционально, а с опорой на нравственные категории;
- уметь иное [3; 6].

То есть приведенные тезисы свидетельствуют о том, что умение чувствовать и реагировать через эмоции — ключевое различие между машиной и человеческим разумом. Если оценивать ситуацию, сложившуюся на данный момент, очевидным представится вывод: ИИ существенно «проигрывает» в этом умении человеку. Однако нельзя говорить о том, что развитие ИИ *остановится* в данной точке. Вполне вероятно, что качественные изменения в характеристике ИИ

произойдут уже в обозримом будущем — возможно, в ближайшие несколько лет. Тогда представленный тезис уже не будет соответствовать действительности, а существующие этические постулаты вновь придется пересматривать и актуализировать.

Таким образом, обратимся к основным принципам, которые необходимо учитывать при разработке этических требований для реализации инструментов ИИ.

1. *Принцип справедливости*, а также *равноправия*. Собственно, сущность подобного принципа заключается в том, что ИИ на практике применяют для удовлетворения потребностей самых разных людей, вне зависимости от расы, пола, возраста, социального статуса, иных отличительных свойств [8]. Дополнительно необходимо отметить, что это один из базовых конституционных принципов, который реализуется в большинстве сфер правоотношений.

2. *Принцип транспарентности* или, говоря более простым языком, принцип *открытости, прозрачности*. Подобный принцип характеризуется тем, что при реализации и практическом внедрении ИИ следует абстрагироваться от различных конспирологических концепций и сделать данный механизм максимально доступным для понимания особенностей организации и функционирования интеллектуальных систем, а также принятых ими решений.

3. Нельзя забывать и о включении *базового принципа безопасности*. Он состоит в важности соблюдения требований к защите персональных данных, конфиденциальной информации и сведений, составляющих какую-либо охраняемую законом тайну (например, врачебную, адвокатскую, тайну исповеди или самый распространенный вариант — коммерческую тайну). Этот принцип, соответственно, следует грамотно сочетать с рассмотренным выше принципом транспарентности и правильно комбинировать их [11].

4. *Принцип ответственности*, причем как групповой (коллективной), так и индивидуальной. В первую очередь он касается разработчиков и организаторов разного рода интеллектуальных систем, поскольку ИИ, как известно, предполагает не только позитивные, но также и негативные последствия, которые обязательно необходимо учитывать. В том числе это касается и подобного влияния на самого человека как такового.

5. Упомянем также и *принцип соблюдения установленных моральных, нравственных, этических требований*, поскольку разработка ИИ должна в значительной степени соответствовать не только требованиям, которые устанавливает государство (и закрепляет законодательно), но и условиям, которые выдвигает общество. С практической точки зрения, это крайне важный принцип [6].

Таким образом, рассмотренная совокупность принципов как ряда основополагающих начал (необходимых для учета при организации и практической реализации внедрения ИИ) выступает неким базисом для формирования определенного морально-этического «фундамента», который впоследствии будет способствовать тому, чтобы ИИ развивался так, как это нужно человеку, а не иначе. Одновременно это не должно никак сказаться на эффективности самого по себе процесса внедрения ИИ, его практических особенностях и возможностях. Однако достижение подобного эффекта возможно только при умелом сочетании обозначенных критериев, при их комплексном и системном внедрении.

Кратко упомянем и некоторые *проблемы* этического характера, которые также следует рассмотреть при разработке ИИ. Добавим к обозначенному выше опасность того, что ИИ примет неправильные решения, которые могут крайне негативно повлиять не только на человека и общество, но также и на само государство как публично-правовое образование. Это в том числе касается и соблюдения антидискри-

национных условий, более детально рассмотренных выше (см. также: [5; 9]).

Следующей проблемой необходимо назвать важность роли человека, его участия в реализации и практическом внедрении инструментов ИИ. Например, это касается автономности ИИ от человеческого разума, возможности контролировать деятельность ИИ. Нельзя полностью отпускать ИИ в свободное плавание, поскольку в настоящее время возможности ИИ не позволяют ему принимать качественные решения, а также полноценно отвечать за те или иные действия [8].

Вернемся также к вскользь упомянутым выше разработке и внедрению различной документации, стандартов, правил сертификации и т. д. Это скорее формальный момент, а не особенность реальной практики применения ИИ, но тем не менее, с законодательной точки зрения, довольно важный. Сейчас отечественный законодатель уже создал некоторую нормативно-правовую базу в рассматриваемой области, однако, безусловно, требуется более сложная и системная работа по формированию правового регулирования статуса ИИ и иных аналогичных инструментов [7; 12].

Параллельно необходимо отметить, что представленные проблемные аспекты одновременно выступают и очевидными «точками роста». Сегодня несомненно, что развитие ИИ в российской практике и с законодательной, и с социальной, и с философской точек зрения остается востребованным и актуальным, т. е. будет продолжаться и дальше, в будущем.

Выводы и результаты

В конечном итоге, завершая данное научное исследование, кратко обозначим его ключевые результаты.

Прежде всего, следует отметить, что сегодня процесс развития ИИ в современной российской практике уже набрал достаточно масштабные обороты, приобрел качественно

новые свойства, постепенно внедрившись (в той или иной степени) практически во все сферы деятельности государства и общества. Логично предположить, что в обозримом будущем подобная тенденция к развитию сохранится и даже усилится: все предпосылки для этого есть.

В связи с указанным фактом, также очевидной становится необходимость теоретически разработать и внедрить на практике систему этических требований к ИИ, а также к различным аспектам его соотношения с человеческим разумом (и, шире, сознанием). Сейчас данный вопрос остается дискуссионным, его исследуют различные отечественные и зарубежные ученые; ссылки на некоторые из их трудов приведены в том числе в данной научной работе.

В исследовании также обозначены некоторые основополагающие этические принципы, которые, на взгляд автора статьи, важно учесть при формировании морально-нравственного «фундамента» для ИИ. Среди них:

- принцип соблюдения установленных моральных, нравственных, этических требований;
- принцип ответственности — групповой (коллективной) и индивидуальной;
- базовый принцип безопасности;
- принцип транспарентности (или же принцип открытости, прозрачности);
- принцип справедливости, равноправия;
- иные принципы [2].

Также в статье дополнительно приведены некоторые наиболее актуальные проблемы, разрешение которых, с точки зрения автора, видится важным при внедрении ИИ и организации его функционирования в рамках установленных этических требований. Предполагается также, что это перспективные точки роста — и они позволят, в конечном итоге, сформировать ИИ как определенную сложную систему, ориентированную, тем не менее, на довольно понятные

законодательные, социально-философские требования.

Заканчивая рассматривать представленный выше тезис о соотношении статуса ИИ и человеческого разума, в том числе и в контексте соблюдения этических требований, обозначим ключевой вывод из изложенного. В частности, очевидным выступает то, что наиболее вероятный сценарий в подобной ситуации — параллельное развитие двух цивилизаций: одной, построенной на естественном биологическом «носителе», и другой — технической, в чем-то более совершенной, но неспособной полностью заменить естественно развивающуюся цивилизацию [7]. Автор предполагает, что необходимо продолжать теоретические и практические разработки в данной области, в том числе интернациональные, и потому представленная тема продолжает оставаться актуальной.

Список литературы и источников

1. *Башмаков Д. А., Мальковский С. С.* Философия искусственного интеллекта // Академическая публицистика. 2021. № 4. С. 362—373. EDN: GTESMB.
2. *Глуздов Д. В.* Философия искусственного интеллекта и философия науки // Журнал философских исследований. 2021. Т. 7. № 1. С. 32—42. EDN: EBAUJY.
3. *Иоселиани А. Д., Цхададзе Н. В.* Искусственный интеллект: социально-философское осмысление // Медицина. Социология. Философия. Прикладные исследования. 2019. № 2. С. 145—149. EDN: NGBTRM.
4. *Кнэхт Н. П.* Проблема знания и понимания в цифровую эпоху // Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2022. № 4 (36). С. 117—126. <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2022-4-117-126> EDN: WDWZAB.

5. **Малышкин А. В.** Интегрирование искусственного интеллекта в общественную жизнь: некоторые этические и правовые проблемы // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2019. Т. 10. № 3. С. 444—460. <https://doi.org/10.21638/spbu14.2019.303> EDN: HBIOXR.
6. **Паламарчук О. Т.** Сможет ли искусственный интеллект обладать... сознанием? // Общество: философия, история, культура. 2022. № 1 (93). С. 28—35. <https://doi.org/10.24158/fik.2022.1.3> EDN: MANBKO.
7. **Попова А. Е.** Философские проблемы искусственного интеллекта // Россия и мир в исторической ретроспективе. К 120-летию со дня рождения выдающегося государственного деятеля А. Н. Косыгина: материалы XXX Междунар. науч. конф. (С.-Петербург, 11 апр. 2024): в 3 т. / под ред. С. И. Бугашева, Ю. В. Ватолиной, А. С. Минина. Т. 3. СПб.: СПбГУПТД, 2024. С. 449—453. EDN: TIVYNN.
8. **Разин А. В.** Этика искусственного интеллекта // Философия и общество. 2019. № 1 (90). С. 57—73. <https://doi.org/10.30884/jfio/2019.01.04> EDN: YPCXWS.
9. **Тимофеев А. В.** Сущность и проблемы искусственного интеллекта в контексте современных научных и философских представлений // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2020. № 2. 127—133. <https://doi.org/10.18384/2310-7227-2020-2-127-133> EDN: OQMKSA.
10. **Чибисов О. Н.** Философские подходы к проблеме создания искусственного интеллекта // Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2024. № 2 (42). С. 168—183. <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2024-2-168-183> EDN: VXHINZ.
11. **Яковлева Е. В.** Актуальность междисциплинарного исследования искусственного интеллекта // Современные исследования в гуманитарных и естественнонаучных отраслях: сб. науч. ст. Ч. V / науч. ред. В. И. Спирина. М.: Перо, 2020. С. 54—61. EDN: XJFIYT.
12. **Яковлева Е. В., Исакова Н. В.** Искусственный интеллект как современная философская проблема: аналитический обзор // Гуманитарные и социальные науки. 2021. № 6 (89). С. 30—35. <https://doi.org/10.18522/2070-1403-2021-89-6-30-35> EDN: ZEHONN.

References

1. Bashmakov D. A., Mal'kovskiy S. S. "Philosophy of Artificial Intelligence". *Akademicheskaya publitsistika* 4 (2021): 362—373. (In Russian). EDN: GTESMB.
2. Gluzdov D. [V]. "Philosophy of Artificial Intelligence and Philosophy of Science". *Zhurnal filosofskikh issledovaniy* 7.1 (2021): 32—42. (In Russian). EDN: EBAUJY.
3. Ioseliani A. D., Tskhadadze N. V. "Artificial Intelligence: Socio-Philosophical Comprehension". *Meditcina. Sotsiologiya. Filosofiya. Prikladnyye issledovaniya* 2 (2019): 145—149. (In Russian). EDN: NGBTRM.
4. Knekht N. P. "The Problem of Knowledge and Understanding in the Digital Age". *Ekonomicheskiye i sotsial'no-gumanitarnyye issledovaniya = Economic and Social Research* 4 (36) (2022): 117—126. (In Russian). <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2022-4-117-126> EDN: WDWZAB.
5. Malyshkin A. V. "Integration of Artificial Intelligence into Public Life: Some Ethical and Legal Problems". *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Pravo = Vestnik of Saint Petersburg University. Law* 10.3 (2019): 444—460. (In Russian). <https://doi.org/10.21638/spbu14.2019.303> EDN: HBIOXR.
6. Palamarchuk O. T. "Will Artificial Intelligence Be Able to Possess... Consciousness?". *Obshchestvo: filosofiya, istoriya, kul'tura = Society: Philosophy, History, Culture* 1 (93) (2022): 28—35. (In Russian). <https://doi.org/10.24158/fik.2022.1.3> EDN: MANBKO.
7. Popova A. E. "Philosophical Problems of Artificial Intelligence". *Rossiya i mir v istoricheskoy retrospektive. K 120-letiyu so dnya rozhdeniya vydayushchegosya gosudarstvennogo deyatelya A. N. Kosygina: materialy XXX Mezhdunar. nauch. konf.*

- (S.-Peterburg, 11 apr. 2024). Eds. S. I. Bugashev, Yu. V. Vatolina, A. S. Minin. Vol. 3. St. Petersburg: Saint Petersburg State University of Industrial Technologies and Design, 2024. 449—453. (In Russian). EDN: TIVYNN. 3 vols.
8. Razin A. V. “Ethics of Artificial Intelligence”. *Filosofiya i obshchestvo* 1 (90) (2019): 57—73. (In Russian). <https://doi.org/10.30884/jfio/2019.01.04> EDN: YPCXWS.
 9. Chibisov O. N. “Philosophical Approaches to the Problem of Creation of Artificial Intelligence”. *Ekonomicheskiye i sotsial'no-gumanitarnyye issledovaniya = Economic and Social Research* 2 (42) (2024): 168—183. (In Russian). <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2024-2-168-183> EDN: VXHINZ.
 10. Timofeev A. V. “The Essence and Problems of Artificial Intelligence in the Context of Modern Scientific and Philosophical Conceptions”. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Filosofskiy nauki = Bulletin of Moscow Region State University. Series: Philosophy* 2 (2020): 127—133. <https://doi.org/10.18384/2310-7227-2020-2-127-133> (In Russian). EDN: OQMKSA.
 11. Yakovleva E. V. “Relevance of Interdisciplinary Research of Artificial Intelligence”. *Sovremennyye issledovaniya v gumanitarnykh i estestvennonauchnykh otraslyakh: sb. nauch. st. Pt. V. Sci. ed. V. I. Spirina*. Moscow: Pero, 2020. 54—61. EDN: XJFIYT.
 12. Yakovleva E. V., Isakova N. V. “Artificial Intelligence as a Modern Philosophical Problem: Analytical Review”. *Gumanitarnye i sotsial'nye nauki* 6 (89) (2021): 30—35. (In Russian). <https://doi.org/10.18522/2070-1403-2021-89-6-30-35> EDN: ZEHONN.

Сведения об авторе

Наумов Александр Владимирович — кандидат философских наук, старший преподаватель кафедры гуманитарных наук Финансового университета при Правительстве РФ (Россия, 125167, Москва, Ленинградский пр-т, д. 49/2).

Information about the author

Alexander V. Naumov — Cand. Sci. (Philos.), Senior Lecturer at the Department of Humanities, Financial University under the Government of the Russian Federation (Russia, 125167, Moscow, Leningradsky ave., 49/2).

Статья поступила в редакцию 27.08.2024.

The article was submitted 27.08.2024.

Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2024. № 4 (44). С. 142—145.

Economic and Social Research. 2024. No. 4 (44). P. 142—145.

Научная статья

УДК 101.1:316

doi: 10.24151/2409-1073-2024-4-142-145

<https://elibrary.ru/jkqxuc>

Инженерное, социальное и антропологическое измерения техники: тринитарное единство

Н. Н. Плужникова

Московский политехнический университет, Москва, Россия

pluzhnikova@bk.ru

Аннотация. Проанализирован феномен техники в трех измерениях: инженерном, антропологическом и социальном. Высказан и доказан тезис, что, осваивая технику, человек обеспечивает возможность применения инновационных технических идей, их реализацию на практике. Определено содержание антропологического аспекта техники. Сформулирован вывод, что технику как целостное явление невозможно рассматривать вне технологий (инженерное измерение), человека как главного субъекта технической деятельности (антропологическое измерение), а также вне развития общества, которое выступает условием и главной структурой, в которой проходят инженерное и антропологическое становление и развитие техники в современном мире.

Ключевые слова: философия техники, технологии, антропология, человек, общество, культура, социальная инженерия

Для цитирования: Плужникова Н. Н. Инженерное, социальное и антропологическое измерения техники: тринитарное единство // Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2024. № 4 (44). С. 142—145. <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2024-4-142-145> EDN: JKQXUC.

Original article

Engineering, social and anthropological dimensions of technology: Trinitarian unity

N. N. Pluzhnikova

Moscow Polytechnic University, Moscow, Russia

pluzhnikova@bk.ru

Abstract. In this work, the phenomenon of technology is analyzed in three dimensions: engineering, anthropological and social. The thesis is expressed and proved that by mastering technology, a person provides the opportunity to apply innovative technical ideas and put them into practice. The content of the anthropological aspect of technology is determined. The conclusion has been formulated that technics as an integral phenomenon cannot be considered outside of technology (engineering dimension), human as the main subject of technical activity (anthropological dimension), as well as outside the development of society, which is the condition and main structure in which engineering and anthropological formation and development of technology take place in modern world.

Keywords: philosophy of technology, technology, anthropology, human, society, culture, social engineering

© Плужникова Н. Н.

For citation: Pluzhnikova N. N. “Engineering, Social and Anthropological Dimensions of Technology: Trinitarian Unity”. *Economic and Social Research* 4 (44) (2024): 142–145. (In Russian). <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2024-4-142-145> EDN: JKQXUC.

Введение

Всю историю человечества можно представить как историю творчества — технической деятельности человека. Техника появилась на заре развития человечества как форма адаптации людей к миру, к среде их обитания. Объектом исследования социальных наук техника стала в XX в., когда научная дисциплина «философия техники», зародившаяся в XIX в. в Германии, начала оформляться (в значительной степени благодаря российскому ученому П. К. Энгельмейеру¹) в отдельную отрасль научного знания. Среди ее представителей можно выделить таких выдающихся мыслителей, как М. Хайдеггер [3], К. Ясперс [8] и Х. Ортега-и-Гассет [10]. Изучение развития техники, специфики инженерной и технической деятельности, проектной деятельности, анализ развития технических наук занимают особое место в современном обществе. Особенную актуальность в современном мире философия техники и ее проблемы приобретают в связи с развитием и использованием глобальных технических и информационных систем.

Существует несколько научных парадигм по отношению к социальной роли техники. Первое направление — технический оптимизм — предполагает понимание техники в качестве главного, доминирующего фактора социального прогресса. Представители второго направления, технического пессимизма, напротив, настороженно и даже негативно относятся к техническому прогрессу, демонизируя технику, считая ее порождением зла и угрозой для человечества.

В Германии первые дискуссии в области философии техники велись во встречах инженерно-технической интеллигенции во время образования Союза немецких инженеров. В России в 1912 г. ученый и инженер, популяризатор технических знаний

П. К. Энгельмейер выпустил монографию «Философия техники» [5], в которой представил концепцию человеческого творчества в контексте технического развития человечества. Взгляды ученого далее были развиты такими известными зарубежными учеными, как Ф. Дессауэр [1] и В. Зомбарт [2]. Философия техники в России в первой половине XX в. также развивалась в рамках инженерной деятельности, осмысливалась инженерами в контексте методологии и истории развития техники.

В самом общем понимании техника — это отдельный пласт материальной культуры, система результатов технологического творчества и производства, а также совокупность технологий. Если предметом технической науки является техническое знание, то предметом философии техники — развитие технического сознания в процессе обращения человека с техникой. Другими словами, основой философии техники является отношение человека к миру техники, а также проблемы сущности техники, ее развития и влияния на человечество.

Технические науки занимают лидирующее положение в современном цивилизационном развитии, в связи с развертыванием четвертой промышленной революции, формированием системы умных городов, умного дома, умных фабрик. Развиваются философия искусственного интеллекта, теоретические и практические исследования в области его взаимодействия с естественным интеллектом.

Техника в перспективе различных социально-философских дисциплин

В настоящее время философия техники представляет собой философскую дисциплину, которая изучает духовные и мировоззренческие аспекты технических наук, сущность техники, этапы ее эволюции, влияние на человека. Это исследование рациональной деятельности людей, в то же время это

¹ Ключевой в этом отношении является его работа «Нужна ли нам философия техники?» [4].

междисциплинарная область, поскольку техническая реальность сегодня включена в био-, инфо-, социо- и психосферы [6; 7; 9].

Инженерная деятельность была связана с перестройкой общества начиная с XVII в. и с его ориентацией на светский характер, развитием высших технических школ в России начиная с XIX в. Эти школы поставили своей целью научную подготовку инженеров, в их стенах проводились первые научно-технические разработки и исследования. Научная подготовка инженеров в России начинает активно осуществляться в конце XIX в., когда многие ремесленные училища преобразуются в высшие учебные заведения. Таким образом, к концу XIX в. развивается инженерная практика и инженерное образование. Техническая деятельность — система методов и приемов практической деятельности человека, в которой воплощаются идеалы и нормы инженерного дела, — постепенно становится технологией, т. е. способом обучения овладения действительностью, в какой-то мере искусством. Развивается изобретательская, проектная деятельность, а эти процессы детерминируют становление технического образа мысли и стиля мышления, которые, в свою очередь, определяют направление и содержание инженерного творчества.

Антропологический аспект техники заключается в том, что в технике человек выступает творцом, демиургом технического бытия. Техническое развитие связано с очеловечением природы и созданием чуждого природе, но естественного человеку способа выражения идей. Техника несет в себе отпечаток не только опыта, но и мировоззрения человека. Она становится средством коммуникации, передачи мысли инженера-конструктора исполнителю, разработчику. Однако чертеж и проект представляют собой не только средства коммуникации, но и некоторое идеализированное представление о реальности: мышление инженеров всегда разворачивается сначала в проекте, т. е. в идеализированной плоскости. В ней инженер материализует свою инженерную идею, замысел, который необходим для детализации

и конкретизации инженерной идеи с целью воплотить ее в производстве. Соответственно, проект представляет собой развернутую схему научного обоснования математического расчета для выполнения рабочих чертежей, которые служат предписаниями мастерам, исполнителям проекта, к реализации замысла. Поэтому многие инженеры были учеными, математиками, исследователями.

В данный момент осмысление техники невозможно без ее связи с образованием, цифровой экономикой и цифровым развитием человечества. Особое место занимают нравственные, этические проблемы развития техники, которые связаны с повышением социальной ответственности инженера, специалиста в современном обществе. В этой области особое место занимают проблемы развития инженерного сознания.

Техника — это, с одной стороны, механизмы, машины, устройства, т. е. конкретные предметы человеческой деятельности. С другой стороны, это опредмеченные человеком представления, идеи, знания самой инженерной деятельности, которые зависят от социокультурных условий. Поэтому неотъемлемым компонентом техники являются социокультурные процессы и тренды, определяющие ее развитие (такие как глобализация и урбанизация).

Заключение

Техническая деятельность человека появляется на заре человеческой истории. Однако в первобытном обществе технические действия людей были направлены на опредмечивание как земного мира, так и мира богов. Безусловно, древние люди подмечали эффекты использования орудий труда, например камней, рычагов, определяли их режущие и колющие свойства. Однако эти действия были необходимы человеку, чтобы войти в мир сакрального, священного, управлять действительностью, которая носила анимистический, одушевленный характер. Сам человек был включен в эту действительность, и можно сказать, что структуры его мышления были тождественны ей. Эта характеристика называется синкретизмом

(смещением индивидуального и коллективного), т. е. человек не мог выделить себя как индивидуального творца из социальной и природной действительности.

Таким образом, можно сделать вывод, что рассмотрение техники в качестве целостного феномена человеческого общества и культуры невозможно без технологий (инженерного измерения) и социального измерения, поскольку техника включена в общество на каждом этапе развития со времени своего появления. Особенно значимым в современном обществе и культуре является антропологический аспект, поскольку от использования человеком техники зависит выживание и развитие будущей цивилизации и общества в целом.

Список литературы и источников

1. Дессауэр Ф. Спор о технике: монография / [пер. с нем. А. Ю. Нестерова]. Самара: Изд-во Самарской гуманитарной акад., 2017. 266 с.
2. Зомбарт В. Техника эпохи раннего капитализма / пер. с нем. М. Павлова; под ред. [и с предисл.] С. Б. Членова. М.: [б. и.], 1925. 46 с.
3. Хайдеггер М. Бытие и время / пер. [с нем.] В. В. Библихина. М.: Ad Marginem, 1997. XI, 451 с.
4. Энгельмейер П. К. Нужна ли нам философия техники? // Инженерный труд. 1929. № 2. С. 36—39.
5. Энгельмейер П. К. Философия техники: Вып. 1—4 / [Инж.-мех. Петр Климентич Энгельмейер...]. М.: Т-во скоропеч. А. А. Левенсон, [1912—1913]. 3 т.
6. Bach A., Shaffer G., Wolfson T. Digital human capital: Developing a framework for understanding the economic impact of digital exclusion in low-income communities // Journal of Information Policy. 2013. Vol. 3. P. 247—266. <https://doi.org/10.5325/jinfopoli.3.2013.0247>
7. Critchlow N. Health and well-being in the digital society // Social Determinants of Health: An Interdisciplinary Approach to Social Inequality and Well-Being / ed. A. Bonner. Bristol: Policy Press, 2017. Ch. 8. P. 103—118. <https://doi.org/10.51952/9781447336860.ch008>
8. Jaspers K. The physician in the technological age / transl. by A. A. Grugan // Theoretical Medicine and Bioethics. 1989. Vol. 10. Iss. 3. P. 251—267. <https://doi.org/10.1007/BF00489443>
9. Marcuse H. One-Dimensional Man: Studies in the Ideology of Advanced Industrial Society. Abingdon: Routledge, 2002. 336 p.
10. Ortega y Gasset J. Man the technician // Toward a Philosophy of History / J. Ortega y Gasset; transl. H. Weyl. New York: W. W. Norton & Co., 1941. P. 87—164.

References

1. Dessauer Friedrich. *Streit um die Technik*. Frankfurt a. M.: J. Knecht, 1956. 471 S. (In German).
2. Sombart Werner. *Technics of the Epoch of Early Capitalism*. Transl. from German by M. Pavlov. Ed. and forew. by S. B. Chlenov. Moscow: s. l., 1925. 46 p. (In Russian).
3. Heidegger Martin. *Sein und Zeit*. 7. Aufl. Berlin: De Gruyter, 2006. xxi, 437 S. (In German).
4. Engel'meyyer P. K. "Do We Need the Philosophy of Technology?" *Inzhenernyy trud* 2 (1929): 36—39. (In Russian).
5. Engel'meyyer P. K. *Philosophy of Technics*: Iss. 1—4. Moscow: T-vo skoropech. A. A. Levenson, [1912—1913]. (In Russian). 3 vols.
6. Bach Amy, Shaffer Gwen, Wolfson Todd. "Digital Human Capital: Developing a Framework for Understanding the Economic Impact of Digital Exclusion in Low-Income Communities". *Journal of Information Policy* 3 (2013): 247—266. <https://doi.org/10.5325/jinfopoli.3.2013.0247>
7. Critchlow Nathan. "Eight: Health and Well-Being in the Digital Society". *Social Determinants of Health: An Interdisciplinary Approach to Social Inequality and Well-Being*. Ed. A. Bonner. Bristol: Policy Press, 2017. 103—118. <https://doi.org/10.51952/9781447336860.ch008>
8. Jaspers Karl. "The Physician in the Technological Age". Transl. by Arthur A. Grugan. *Theoretical Medicine and Bioethics* 10 (3) (1989): 251—267. <https://doi.org/10.1007/BF00489443>
9. Marcuse Herbert. *One-Dimensional Man: Studies in the Ideology of Advanced Industrial Society*. Abingdon: Routledge, 2002. 336 p.
10. Ortega y Gasset José. "Man the Technician". *Toward a Philosophy of History*. By J. Ortega y Gasset. Trans. Helene Weyl. New York: W. W. Norton & Co., 1941. 87—164.

Информация об авторе

Плужникова Наталья Николаевна — кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры «Гуманитарные дисциплины» Московского политехнического университета (Россия, 107023, Москва, ул. Б. Семеновская, 38).

Information about the author

Natalya N. Pluzhnikova — Cand. Sci. (Philos.), Assoc. Prof., Associate Professor at the "Humanities" Department, Moscow Polytechnic University (Russia, 107023, Moscow, B. Semenovskaya st., 38).

Статья поступила в редакцию 06.11.2024.

The article was submitted 06.11.2024.

Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2024. № 4 (44). С. 146—157.

Economic and Social Research. 2024. No. 4 (44). P. 146—157.

Научная статья

УДК 17:004

doi: 10.24151/2409-1073-2024-4-146-157

<https://elibrary.ru/jyohbe>

Трансформация инструментария этики в эпоху цифровизации: философский анализ (часть 2)

Н. Н. Равочкин^{1, 2}

¹ Кузбасский государственный технический университет им. Т. Ф. Горбачева,
г. Кемерово, Россия

² Кузбасский государственный аграрный университет им. В. Н. Полецкого,
г. Кемерово, Россия

^{1, 2} nickravochkin@mail.ru

Аннотация. С позиции философии автор рассматривает трансформацию этического инструментария в реалиях цифровизации. Анализируются особенности изменений в восприятии категорий добра и зла под влиянием процессов дигитализации. Выявлены основные маркеры и тренды, негативным образом сказывающиеся на социальной ткани. Приведены эффекты цифровизации, ограничивающие полноценное бытие личности. Определено влияние виртуальной реальности на изменения структуры личности по сферам. Выявлены риски и угрозы избытка информации.

Ключевые слова: цифровизация, этика, общество, зло, информация, человек, нравственность, коммуникация

Для цитирования: Равочкин Н. Н. Трансформация инструментария этики в эпоху цифровизации: философский анализ (ч. 2) // Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2024. № 4 (44). С. 146—157. <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2024-4-146-157> EDN: JYOHBE.

Original article

Transformation of ethical instruments in the digitalization age: Philosophical analysis (part 2)

N. N. Ravochkin^{1, 2}

¹ Kuzbass State Technical University named after T. F. Gorbachev, Kemerovo, Russia

² Kuzbass State Agrarian University named after V. N. Poletskov, Kemerovo, Russia

^{1, 2} nickravochkin@mail.ru

© Равочкин Н. Н.

Abstract. In this work, the author considers from the standpoint of philosophy the transformation of ethical instruments in the realities of digitalization. The features of changes in the perception of categories of good and evil under the influence of digitalization processes are analyzed. The main markers and trends that negatively affect the social fabric are identified. The effects of digitalization that limit the full-fledged existence of the individual are given. The virtual reality impact on changes in the structure of personality by spheres is determined. The risks and threats of information overload have been identified.

Keywords: digitalization, ethics, society, evil, information, human, morality, communication

For citation: Ravochkin N. N. "Transformation of Ethical Instruments in the Digitalization Age: Philosophical Analysis (pt. 2)". *Economic and Social Research* 4 (44) (2024): 146—157. (In Russian). <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2024-4-146-157> EDN: JYOHBE.

Современные исследователи сходятся во мнении, что под влиянием цифровизации подвергаются изменениям, прежде всего, моральные установки. Формируются пороки, не характерные для человека, который есть неотъемлемая часть общества, вовлечен в систему социальных взаимодействий, а социальное одобрение или осуждение регулирует его поведение. Ценностями современного цифрового мира, отмечает Э. М. Молчан, являются информация и материальные блага [6, с. 59], т. е. в виртуальном мире превалируют мнимые ценности, не отвечающие реальным потребностям личности и общества. Иными словами, под влиянием цифровизации утрачивается осознанность смысла бытия, в результате личность становится объектом манипуляций. Превращение информации в абсолютную ценность нивелирует значимость ценностей взаимодействия, таких как сотрудничество, сострадание, соотвествующих аксиологеме добра. Под аксиологемой автор настоящей статьи вслед за Ю. О. Татаринцевой понимает ценностный принцип, лежащий в основе культуры [11, с. 5].

Понятие добра остается нравственным императивом, независимо от социальных преобразований, и означает «безусловное требование человечности, которое не может быть разменено на какие бы то ни было индивидуальные и групповые

выгоды» (А. А. Гусейнов) [13, с. 164]. Понятие добра включает: совершенство и эмоциональное одобрение предмета; ценность и полезность предмета для человека; нравственные качества [13, с. 163]. Под злом понимается «все, что оказывает разрушающее воздействие на человека в его природных и общественных проявлениях <...> отождествляется с жизнеотрицанием. <...> Различают зло физическое (болезни, стихийные бедствия и т. п.), социальное (войны, экономические кризисы, др. общественные катаклизмы) и моральное (жестокость, коварство и др. пороки)» (А. А. Гусейнов) [13, с. 190].

К проявлению зла сегодня целесообразно отнести риск утраты личностью собственной идентичности, самобытности: «Современные информационные технологии, являясь уже неотъемлемой частью жизни социума, оказывают существенное влияние на бытие отдельного человека, — констатирует И. А. Зевелева. — С развитием новых информационных технологий происходит размывание границ между машиной и человеком, существенно усиливаются противоречия между идентичностью человека, его самобытностью, уникальностью, с одной стороны, и процессами унификации и глобализации в мире — с другой» [3, с. 246]. Иными словами, под влиянием цифровизации возникают риски утраты «человеческого

в человеке», изоляции личности от системы социальных взаимодействий и полного погружения в виртуальный мир, превращения в цифровую маску, стирания границ между реальным человеком и его проекцией в киберпространстве, грани поведения личности в виртуальном и реальном мире. Как отмечают Н. В. Осинцева и И. А. Муратова, этический кодекс поведения в виртуальном пространстве отсутствует, а анонимность пользователей не способствует ответственности за выбор поведенческих стратегий, так формируется почва для этического кризиса в обществе [8, с. 173].

В условиях изолированности, отсутствия погружения в систему социальных взаимодействий этические нормы поведения человека трансформируются. Многие ученые подчеркивают доступность информации о трагедиях, катастрофах, что существенно меняет диапазон толерантности индивида к насилию, а это, делают вывод Н. В. Осинцева и И. А. Муратова, «в свою очередь, может привести к хладнокровию, черствости, утрате способности сопереживания» [8, с. 174].

Вседозволенность анонимных коммуникантов в виртуальном пространстве сопровождается размыванием идентичности, нарушением законов нравственности; соответственно, обратной стороной виртуализации, по утверждению С. И. Некрасова с соавторами, является «...утрата духовно-нравственных ценностей реальной действительности в сознании и жизни человека (от ценностей добра уход в мир зла, демонизация игровой деятельности, и, наконец, полное уничтожение нравственных норм)» [9, с. 8].

Острейшей проблемой технизированного общества становится «кризис идентификации»: «...Современный мир, — продолжают С. И. Некрасов с соавторами, — рушится не только на макроуровне, но и на уровне микросвязей и отношений, групповой человек ощущает себя оторванным от общих структур, теряет себя, чувствуя

одинокость и свою исключительность без своего этноса, одновременно заставляя отождествлять себя с лицами и группами, интересы которых расходятся с его собственными интересами» [9, с. 6]. Проблемы с идентификацией трансформируют стиль жизни индивида. В последующем это влечет за собой изменение ценностных ориентаций, которые отныне не совпадают с внутренними потребностями личности, ее интенциями и ожиданиями, языком и традиционными ментальными кодами. При выборе стратегий поведения человек начинает руководствоваться чуждыми ему моральными установками, навязанными извне.

Человек становится запрограммированным, поскольку попадает в сетевой оборот, отныне выступая его неотъемлемым элементом, он «начинает жить в знаково-символическом мире, т. е. не только он создает знаки и символы, но и знаки и символы формируют человека, что ведет к смешению реального и виртуального, действительного и вымышленного» [9, с. 4]. Оторванность от природы и других людей отражается на психоэмоциональном состоянии: исследователь О. А. Гринева отмечает «общее ухудшение самочувствия, ухудшение настроения, снижение активности» [2, с. 69].

Тенденция к росту числа психических расстройств в обществе может быть преодолена лишь посредством развития критического мышления в дискуссионной форме взаимодействия, с одной стороны, и через физическую активность — с другой. Безусловно, внедрение ИКТ во все аспекты жизнедеятельности дает возможность дискуссионных форм взаимодействия и работы в коллективе в виртуальном пространстве, что способствует критическому мышлению. Вместе с тем интенсивные темпы дигитализации, разнообразие источников информирования не способствуют формированию критического мышления. Более того, информационные технологии оказывают

негативное воздействие на развитие воли: речь идет, уточняет Е. В. Петрова, о желании укрыться в виртуальном пространстве от гнетущих чувств, нерешенных проблем, ощущении своей ненужности, никчемности вне круга общественных групп [10].

Отдельно хотелось бы подчеркнуть, что ограничение творческого потенциала личности делает невозможной саму реализацию добра: подавляются волевые качества, что снижает активность личности, делает ее пассивным наблюдателем, а следовательно, личность уже не способна к добру как конструктивному, социально одобряемому действию. Как отмечают С. И. Некрасов с соавторами, «главный недостаток современных информационных технологий заключается в ограничении и даже подавлении творческого потенциала человека (ограничивает заинтересованность в обучении, перегружает психику, требует правовых ограничений объема и содержания информации) и волевых качеств человека» [9, с. 8]. Подвергается изменению понятие творческого потенциала личности, которое всё чаще ассоциируется с потенциалом информационным, приобретает черты обезличенного искусственного интеллекта. По мнению В. Вольперта, приводимому А. Д. Иоселиани, «...компьютеры негативно влияют на психику и творческие способности людей, они вызывают серьезные психофизические отклонения, бьют жизненной активностью человека и разрушают его творческий характер» [4, с. 118]. Иными словами, творчество жизни подменяется информационной активностью.

«Информационный человек» не развивается как полноценная личность, так как утрачивает потребность даже в непосредственном повседневном контактировании. Более того, виртуальное измерение бытия не требует стремления к морали, мотивации к саморазвитию. В социальной среде, продолжает А. Д. Иоселиани, человек общается, испытывает чувства, определяет свое Я,

личность проходит через сложные преобразования [4, с. 117]. Однако у «человека информационного» реальное общение, взаимодействие с людьми вызывает неудовлетворенность, раздражение, формируется навязчивая потребность в сети — в путешествии в виртуальных мирах: «Современный человек изучает реальность, активно используя технологии, которые обладают огромным потенциалом, но вместе с тем они загоняют людей в рабство» [4, с. 117], увеличивается риск зависимости от виртуальной реальности.

Исследователи подчеркивают, что под влиянием цифровизации трансформируются уровни личностной сферы.

1. Коммуникативная личностная сфера современного человека отличается технологическими навыками взаимодействия в виртуальном коммуникативном пространстве, умением вести диалог. Однако культура общения в сети отличается от таковой в реальной жизни. При доминировании интернет-коммуникаций страдают социальные связи, не развивается умение налаживать взаимоотношения.

2. Аффективная личностная сфера отражает самость: речь идет о потребности перейти в виртуальный мир, замкнуться в себе, что, как упоминалось выше, обусловлено неуверенностью в своих силах, остановкой в развитии личности.

3. Ценностно-мотивационная личностная сфера в динамике характеризуется поиском нового в условиях регулярной ревизии ценностей [6, с. 57].

Несмотря на то что для современного пользователя сети характерны нацеленность на успех, только в проекции на ближайшую перспективу такой человек осознает значимость собственного Я. Другими словами, утрачивается видение будущего, отсутствует планирование своей жизни, человек начинает жить текущим моментом, им ограничиваются цели, на достижение которых может быть направлена жизнедеятельность. Как отмечал З. Бжезинский, фокусировка на

моменте «здесь и сейчас», практически полное игнорирование духовных ценностей, примат материального благополучия — всё это сегодня воспроизводится конsumerистскими практиками, кроме того, добавляет О. А. Гринева, «...темпы экономического роста уже не могут больше удовлетворять растущие материальные потребности, которые стимулируются культурой, на первое место ставящей потребление. Не будет преувеличением утверждение, что в наиболее сознательных кругах западного общества начинает ощущаться чувство исторической тревоги и, возможно, даже пессимизма» [2, с. 51]. В западноевропейской научной литературе всё чаще высказываются пессимистические прогнозы относительно дальнейшего развития глобального социума.

Распространение мультимедийных технологий, арт-лабораторий, коммуникативных стандартов выдвигает качественно новые требования к личностному аспекту компетентности работника. Иными словами, интенсивность процессов цифровизации, ускорение темпов жизнедеятельности ставит население перед проблемой адаптации к новой социокультурной реальности, что приводит к маргинализации: часть населения исключается из системы социальных взаимодействий, она распадается. Множество виртуальных информационных миров создает хаос в системе отношений, что характеризует «постинформационный мир» как «...мир хаоса, поверхностных, а не глубоких идей и смыслов, отсутствие четких ориентиров, авторитетов, неопределенности целей и направлений, мир масок и иронии» [2, с. 52].

Аксиологемы, которые действуют в виртуальном пространстве, могут существенно отличаться от контекста ценностей, многие годы формировавшегося старшим поколением. По словам Н. В. Осинцевой и И. А. Муратовой, цифровизация влечет за собой риск разрыва между поколениями: «Если фундаментальные аспекты восприятия

мира у будущего поколения изменятся, то может возникнуть между поколениями аксиологическое непонимание, а это чревато внутренней социальной нестабильностью» [8, с. 174]. Дестабилизирующие, стратификационные процессы в обществе автор данной статьи относит к социальным проявлениям зла, составляющим характеристику «постинформационного общества». Это инфодемия, информационный шум, т. е. наличие многочисленных источников непрерывного информирования целевой аудитории о тех или иных событиях, процессах. При этом транслируемая информация, освещение одних и тех же явлений, событий в разных источниках может кардинально отличаться. Простые и надежные способы фильтрации информационного «беспорядка», констатирует Е. В. Петрова, пока не выработаны [10].

Сложившаяся ситуация делает возможной манипуляцию общественным сознанием. Основным источником манипуляций сегодня являются традиционные и инновационные, новые медиа. Основным моральным и социальным проявлением зла становится ложь — «искаженное отражение действительности, такое познавательное содержание, которое не соответствует объективной природе вещей» (И. Е. Задорожнюк) [13, с. 295]. В результате меняется аксиологическая ориентация социума, механизмы эволюции культуры теряют прочность.

Избыток информации, «информационный шум» затрудняет понимание, адекватное суждение о конкретной социальной ситуации, поведении личности в ней. Для правильной ориентации в такой социокультурной реальности от личности требуется высокий уровень сформированности важнейших социальных и профессиональных компетенций, личностных качеств, включая критическое и креативное мышление. Далеко не каждый способен сегодня успешно адаптироваться к столь глубоким и быстрым трансформациям [5]. Поэтому киберпространство

становится средством управления сознанием и поведением других, поскольку, по убеждению С. И. Некрасова с соавторами, «...те люди, которые не способны сами управлять своим поведением, неизбежно попадают под власть других и становятся проводником чужой воли, заставляя людей осуществлять запрограммированные действия» [9, с. 5]. С этой точки зрения современные источники СМИ и сети Интернет, альтернативные государственным, являются своеобразным средством подавления воли и свободы человека, лишая его возможностей выбора по причине отсутствия объективной медиаинформации, насаждают ценности, не соответствующие традиционным аксиологемам. Принимая во внимание понятие зла, тенденцию наращивания децентрализованных источников информации в виртуальном пространстве можно рассматривать как инновационные средства реализации традиционной функции зла — лишение человека свободы выбора. Как полагают С. И. Некрасов с соавторами, «если Мефистофель предлагал человеку продать свою душу и у него была возможность выбора, то Интернет не дает такого права выбора человеку, захватывая не только разум, но и душу человека. Поэтому Интернет в современном мире выступает в роли Сатаны, который бесследно захватывает внутренний мир человека» [9, с. 5]. Чтобы сохранить оппозиции «ложь — истина», «добро — зло», систему ценностных координат, в которой мог ориентироваться человек традиционного общества, требуется доступ к результатам научного познания. В СССР эту функцию выполняли научно-популярные журналы и медиа.

Тесно связан с проблемой манипуляций общественным сознанием на основании презентации ложной, не отвечающей действительности информации факт утаивания тех или иных данных, сведений, актуальных для принятия решений, способных повлиять на выбор поведенческих стратегий. Как полагает О. А. Гринева,

«важнейшей опасностью, угрозой существования общества станет утаивание информации и злоупотребление ею, манипулирование сознанием людей (даже с точки зрения высшей цели), а также использование человека, его тела и психики в качестве средства, а не в качестве цели» [2, с. 51]. По сути, обусловленное цифровизацией восприятие информации и материальных благ как ценности может стать причиной утраты смысла жизни, всего того, что делает человека человеком. ИКТ рассматриваются философами-пессимистами как инструмент порабощения личности, лишения ее творческого потенциала, что усиливает желание избежать виртуальных взаимодействий, повышает степень недоверия к источникам информирования, поскольку человек чувствует угрозу быть обманутым. Недоверие общедоступной социальной медиаинформации сопровождается стратификацией общества, расслоением на группы в системе виртуальных коммуникаций.

Публичные скандалы, в которых обсуждаются ведущие деятели современности, являются источником недостоверной информации и средством политической борьбы. Сегодня любой пользователь интернета имеет возможность получить информацию о деятельности того или иного политика, певца, лидера мнений. Эта информация часто намеренно используется для создания негативного образа личности, для нивелирования авторитета. При этом, необходимо повторить, она открыта и доступна. В результате общество теряет такую ценность, как коллективизм, и следование за лидером более не является ведущим ориентиром в жизни и деятельности.

В целом, интенсивность процессов цифровизации, ее влияния на человека вызывает опасения: «...Наша традиционная культура будет сметена с лица земли, подобно тому, как это произошло в шестнадцатом веке со схоластикой» [2 с. 71; 5]. То, что в традиционном обществе обладало выраженной

позитивной / негативной оценочностью, сегодня подвергается переосмыслению, может быть рассмотрено с разных позиций, причем, принимая во внимание количество недостоверной информации, не только может, но и должно поддаваться сомнению (М. Маклюэн) [5].

Принимая во внимание трансформацию этического инструментария категории зла, следует отметить, что наибольшие опасения вызывает у мыслителей именно влияние деструктивной деятельности на моральные устои. Большая часть исследователей-пессимистов полагает, что изолированность личности от природы и общества сопровождается утратой «человеческого в человеке», утратой тех качеств, которые лежали в основе системы социальных взаимодействий: искренности, доверительности в общении, умения сочувствовать, сопереживать. Виртуальное пространство меняет социокультурную реальность, этические нормы. Формирование новых ценностей виртуального анонимного взаимодействия может вступать в противоречие с ценностями традиционного общества. Более того, сами ценности, созданные культурой потребления и транслируемые в виртуальном пространстве, не отвечают духовным потребностям личности. Отсутствие живой формы общения, с ее ценностями, не способствует интериоризации, а следовательно, и порядку. Человек лишается личностно значимых интенций, придающих смысл бытию, и личностного развития.

Свобода, которую, по мнению философ-оптимистов, должны принести технологии, на практике приводит к порабощению человека техническими средствами. Зависимый от технологий человек полностью утрачивает активность в конструктивной деятельности, стремление к добру, его творческий потенциал подменяется реализацией потребности в информации. В обществе преобладает тенденция к установлению краткосрочных связей, конфликтам,

обособлению как отдельного человека, так и группы [10].

В целом, подводя итог деструктивному следствию развития цифровизации, отметим факт переосмысления базовых этических аксиом, основанных на ценностных ориентирах, что приводит к существенным изменениям всех аспектов жизнедеятельности, социокультурной реальности и самого человека. Ценностные ориентиры свойственны ментальности, а «традиционный русский эквивалент ментальности — духовность — указывает на тяготение русской ментальности к области этики», — пишет Т. В. Романова [11, с. 5].

Принимая во внимание трансформацию этического инструментария категории добра под влиянием цифровизации, ИКТ, следует прежде всего отметить формирование новых личностных качеств: креативность, смелость, инициативность, готовность принимать решения и брать на себя ответственность за них, — так как эти качества соответствуют добродетели. В трактовке понятия добродетели выделим следующее: «Готовность и способность личности сознательно и твердо следовать добру. <...> Добродетель можно определить как явленность морали в индивидуе, мораль, ставшую мотивацией поведения» (А. А. Гусейнов) [13, с. 164]. Важно подчеркнуть, что указанные моральные качества являются добрыми, социально одобряемыми именно на современном этапе исторического развития глобального социума, если понимать под добром конструктивную деятельность, социально одобряемую, и моральные качества, которые способствуют выбору вида и средств конструктивной деятельности. Еще в XX в. в отдельных странах в большей степени ценились качества исполнительности, умение беспрекословно следовать указаниям.

Аналогичной трансформации подвергается оценивание, понимание качества искренности во взаимодействиях между людьми. В традиционном обществе искренность

являлась условием доверительного взаимодействия между коммуникантами. Сегодня ценность искренности уступает ценности критического и креативного мышления, которое позволяет человеку адекватно оценивать данные, представленные в сети, защищает от манипуляций. Необходимо подчеркнуть, что в целом интернет оказывает влияние на становление «клипового мышления», отличительной чертой которого является скорость обработки информации и принятия решений.

Информационные ресурсы удовлетворяют познавательные потребности личности, обеспечивают создание сообществ по интересам, взаимодействие в профессиональном сообществе. ИКТ в целом выступают важным инструментом образования, профессионального развития и саморазвития. Саморазвитие требует от личности самостоятельности и контроля над сферами жизнедеятельности, что в современном обществе является ценностью, составляющей аксиологему добра.

Целью цифровизации является улучшение жизни человека, помимо прочего, за счет получения новых навыков и профессий с использованием прогрессивных технологий и трансформации базовых направлений жизни человека, и прежде всего здравоохранения. Цифровая трансформация в социальной сфере направлена на развитие искусства, сохранение норм морали, активности старшего поколения. В соответствии с идеалами добра в умах мыслителей, представителем общества будущего является человек, не страдающий от физических недугов, обладающий высокой нравственностью, мотивацией к реализации творчества, свободный от необходимости тяжелого физического труда, выполнения рутинных обязанностей; человек-долгожитель, который посвятил свою жизнь добру: творчеству, науке, искусству, служению обществу, который в выборе своего пути руководствуется нормами морали.

Философы-оптимисты видят общество как организацию свободных творческих людей, которые обладают высоким уровнем интеллекта, в процессе выбора руководствуются нормами морали, продуктивность и производительность их деятельности обусловлена творческой активностью, поскольку выполнение рутинных обязанностей механизировано технологиями цифровизации.

Под влиянием цифровизации подвергается трансформации и проявление категории зла. В философии зло определяется как оценочное понятие, отражающее деструктивные действия. Влияние цифровизации преимущественно приводит к изменениям социального и морального зла. К моральному злу сегодня отнесем утрату потребности в непосредственной коммуникации, в саморазвитии, зависимость личности от ИКТ, растворение личностного в виртуальном, обезличивание, духовную нищету [5]. Зависимость от виртуального пространства сопровождается невозможностью проявления волевых усилий, что также делает невозможным реализацию добра, классическое определение которого предполагает сознательный выбор социально одобряемой, конструктивной деятельности. Представленность личности одновременно в реальной и виртуальной действительности сопровождается повышением нагрузки на психику, что отражается на взаимоотношениях с окружающими. Влияние техники, науки на трансформацию личности ярко описано Н. Бердяевым, который подчеркивал: «Машина и техника наносят страшные поражения душевной жизни человека, и прежде всего жизни эмоциональной, человеческим чувствам. Душевно-эмоциональная стихия угасает в современной цивилизации. <...> Сердце с трудом выносит прикосновение холодного металла, оно не может жить в металлической среде» [1, с. 513]. Иными словами, в условиях цифровизации отмечается утрата «человеческого в человеке».

Социальное зло характерно для общества, лишенного гуманизма, следствием чего может стать разрушение человеческой природы и самого общества, стиля жизни современного человека. Упорядоченность традиционного общества подменяется хаосом «постинформационного»: быстро меняются идеи, ориентиры, ценности, нет глубины и искренности переживаний, эмоций, чувств. К сожалению, свобода, которая традиционно воспринимается как добро, как источник получения энергии, преодоления зависимостей, как источник личностного развития, сегодня теряет свою изначальную ценность, так как сопровождается часто произвольным, беспорядочным, — сопровождается явлениями хаоса, социального зла. Иными словами, свобода в восприятии ее современным обществом может быть источником не только добра, но и зла — неупорядоченности общественных отношений и внутреннего мира человека. Причиной этому служит воздействие на ум и сознание человека культуры потребления, ее ценности не способны направлять развитие человека, стимулировать его к актуализации творческого потенциала. «Потребление материальных благ, — наставляет Ю. О. Татаринцева, — должно быть не целью и смыслом жизни человека, а всего лишь средством его творческой самореализации и удовлетворения духовных потребностей» [12, с. 69]. Как следствие такой подмены целей, возникают проблемы с идентификацией, которые сопровождаются разрывом взаимосвязей на макро- и микроуровнях, становятся причиной отмеченной А. В. Нероновым и М. Ю. Нероновой «тенденции к возникновению все большего количества неустойчивых (незавершенных) идентичностей» [7, с. 81]. Вектор идентификации смещается на практику потребления, взаимосвязей — на удовлетворение потребностей. Восприятие творческого потенциала чаще сводится к информационной, цифровой сфере его приложения, что делает невозможным

преобразование сферы культуры общения. В сети Интернет человек волен освободить себя от влияния коллективных факторов социализации в сфере образования и воспитания. Однако смещение вектора коллективного творчества на конструктивное преобразование собственной жизни является добром в современной трансформации его понимания.

В результате анализа теоретических источников выявлено, что чрезмерное использование ИКТ может привести к психофизиологическим отклонениям. Более того, киберпространство сегодня подменяет объективно существующую реальность, становится информационной средой, в которой протекает основная часть жизни человека. Это киберпространство может использоваться отдельными акторами как инструмент сознательной манипуляции общественным сознанием, создания образа ложной среды посредством репрезентации окружающей социокультурной среды. Навязанные ценности, аксиологемы в медиасреде становятся новым инструментом реализации традиционной функции зла — функции лишения человека свободы выбора. Иными словами, трансформации подвергаются инструменты осуществления морального и социального зла, а не сама категория зла.

Итак, восприятие влияния цифровизации на трансформацию этического инструментария добра и зла сегодня остается противоречивым: ИКТ одновременно рассматриваются как средство конструктивной деятельности, т. е. инструмент добра, и как средство манипулирования, т. е. инструмент зла. Как полагают С. И. Некрасов с соавторами, современные ИКТ могут «служить совершенствованию человека и содействовать упрочению гуманизма» или же «укреплять отчуждающую тенденцию, подчинив человека новой социальной среде» [9, с. 6]. В данном аспекте современная эпоха мало отличается от предыдущих, подведение итогов развития науки и техники характеризуется

формированием кардинально противоположных мнений среди философов. Если философы-оптимисты полагают, что человек, избавленный от необходимости реализации тяжелых, рутинных обязанностей, имеющий любую необходимую ему информацию, получает свободу, то философы-пессимисты, наоборот, подчеркивают, что средства информирования поработают личность, поскольку лишают ее свободы выбора, а отсутствие необходимости осуществлять физическую работу приводит к утрате активности, не способствует волевому преодолению трудностей.

Можно сделать вывод, что сегодня меняется не сущность категорий добра и зла, но особенности их проявления и инструменты реализации. Кроме того, современный постинформационный мир отличается размытие оппозиций «добро — зло», «истина — ложь». Поэтому сложно однозначно идентифицировать поступки, действия как добрые, конструктивные или злые, деструктивные. Большая часть проблем этического характера рассматривается с разных, иногда кардинально противоположных точек зрения, поэтому трактовка базовых категорий этического усложняется, становится неоднозначной. Виртуальная культура современности сопровождается формированием аксиологием, не совпадающих с ценностями, которыми руководствовались предыдущие и последующие поколения, что может привести к усилению стратификации общества, его расслоению, отсутствию преемственности между поколениями. Так расшатывается восприятие категорий добра и зла.

Изолированность личности от общества, исключенность из системы социальных отношений в виртуальной реальности — в совокупности с увеличением новостных сообщений о трагедиях — может сопровождаться трансформацией толерантности к насилию. Государство теряет возможность контролировать этические нормы

и принципы гражданского общества в условиях воздействия многочисленных факторов, влияющих на потребителя информации в сети Интернет и СМИ и не способствующих здоровой идентификации личности относительно этических категорий добра и зла.

Однако цифровизация может рассматриваться и как инструмент достижения социальной справедливости — в плане интеграции в систему производственных и социальных процессов тех людей, которые ранее были лишены такой возможности, а также в плане повышения равноправия между социальными категориями граждан. В данном аспекте ИКТ целесообразно рассматривать как средство реализации добра.

Список литературы и источников

1. **Бердяев Н. А.** Философия творчества, культуры и искусства: в 2 т. Т. 1. М.: Искусство: Лига, 1994. 542 с.
2. **Гринева О. А.** Трансформация человеческого бытия в условиях современного информационного общества: социально-философский анализ: дис. ... канд. филос. наук. Красноярск, 2017. 154 с.
3. **Зевелева И. А.** К проблеме идентичности человека в информационном обществе // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2017. Т. 7. № 1 (22). С. 245—250. EDN: YNVZZL.
4. **Иоселиани А. Д.** Особенности повседневной жизни человека в цифровом мире // Мanuscript. 2020. Т. 13. № 4. С. 115—119. <https://doi.org/10.30853/manuscript.2020.4.23> EDN: VYMWIU.
5. **Маклюэн М.** Галактика Гуттенберга: сотворение человека печатной культуры / пер. с англ. А. Юдина. Киев: Ника-центр, 2003. 432 с. (Сдвиг парадигмы).
6. **Молчан Э. М.** Влияние цифровизации на формирование духовно-нравственных ценностей

- субъектов взаимодействия в эпоху глобализации // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2019. № 2. С. 55—66. <https://doi.org/10.18384/2310-7227-2019-2-55-66> EDN: ZCVCQV.
7. **Неронов А. В., Неронова М. Ю.** Особенности и проблемы идентификации личности в современном мире // Современные исследования социальных проблем. 2022. Т. 14. № 3. С. 74—91. <https://doi.org/10.12731/2077-1770-2022-14-3-74-91> EDN: AXOGLS.
 8. **Осинцева Н. В., Муратова И. А.** Трансформация этических ценностей в условиях развития цифровых технологий // Манускрипт. 2020. Т. 13. № 1. С. 171—175. <https://doi.org/10.30853/manuscript.2020.1.35> EDN: TOVBUT.
 9. От «человека информационного» к «человеку цифровому» / А. С. Некрасов, С. И. Некрасов, Н. А. Некрасова, В. В. Клепацкий // Вестник Университета Российской академии образования. 2019. № 3. С. 4—10. EDN: LIQTUO.
 10. **Петрова Е. В.** Человек в информационной среде: социокультурный аспект. М.: ИФРАН, 2014. 135 с.
 11. **Романова Т. В.** Идеологемы и аксиологемы русского языкового сознания как отражение констант и динамики национальной ментальности: монография. Нижний Новгород: ДЕКОМ, 2019. 120 с. EDN: GIAJRO.
 12. **Татаринцева Ю. О.** Культура потребления как социологическая категория // Вестник Тамбовского университета. Серия: Общественные науки. 2016. Т. 2. № 3 (7). С. 66—70. EDN: XBOGUP.
 13. Философский словарь / под ред. И. Т. Фролова. 7-е изд., перераб. и доп. М.: Республика, 2001. 719 с.
 2. Grineva O. A. *Transformation of Human Existence under Conditions of Present-Day Knowledge Society: Socio-Philosophical Analysis*: diss. for the Cand. Sci. (Philos.). Krasnoyarsk, 2017. 154 p. (In Russian).
 3. Zeveleva I. A. “To the Problem of the Person Identity in the Information Society”. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment = Proceedings of the Southwest State University ser. Economy. Sociology. Management* 7.1 (22) (2017): 245—250. (In Russian).
 4. Ioseliani A. D. “Specificity of Human Everyday Life in the Digital World”. *Manuskript = Manuscript* 13.4 (2020): 115—119. (In Russian). <https://doi.org/10.30853/manuscript.2020.4.23>
 5. McLuhan Marshall. *The Gutenberg Galaxy: The Making of Typographic Man*. Toronto: Univ. of Toronto Press, 1962 p. 294 p.
 6. Molchan E. M. “The Impact of Digitalization on the Formation of Spiritual and Moral Values of the Subjects of Interaction in Global Age”. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Filosofskie nauki = Bulletin of Moscow Region State University ser. Philosophy* 2 (2019): 55—65. (In Russian). <https://doi.org/10.18384/2310-7227-2019-2-55-66>
 7. Neronov A. V., Neronova M. Yu. “Peculiarities and Problems of Personality Identification in the Modern World”. *Sovremennye issledovaniya sotsialnykh problem = Modern Studies of Social Issues* 14.3 (2022): 74—91. (In Russian). <https://doi.org/10.12731/2077-1770-2022-14-3-74-91>
 8. Osintseva N. V., Muratova I. A. “Transformation of Ethical Values under the Conditions of Digital Technologies Development”. *Manuskript = Manuscript* 13.1 (2020): 171—175. (In Russian). <https://doi.org/10.30853/manuscript.2020.1.35>
 9. Nekrasov A. S., Nekrasov S. I., Nekrasova N. A., Klepatsky V. V. “From the ‘Information Man’ to the ‘Digital Man’”. *Vestnik Universiteta Rossiyskoy akademii obrazovaniya* 3 (2019): 4—10. (In Russian).

References

10. Petrova E. V. *Human in Information Environment: Socio-Cultural Aspect*. Moscow: Institute of Philosophy of RAS, 2014. 135 p. (In Russian).
11. Romanova T. V. *Ideologemes and Axiologemes of Russian Linguistic Consciousness as Reflections of Constants and Dynamics of National Mindset*: monograph. Nizhny Novgorod: DEKOM, 2019. 120 p. (In Russian).
12. Tatarintseva Yu. O. "Culture of Consumption as Social Category". *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Obshchestvennyye nauki = Tambov University Review ser. Social Sciences* 2.3 (7) (2016): 66—70. (In Russian).
13. Frolov I. T., ed. *Philosophical Dictionary*. 7th ed., rev. and upd. Moscow: Respublika, 2001. 719 p. (In Russian).

Информация об авторе

Равочкин Никита Николаевич — доктор философских наук, доцент, профессор кафедры истории, философии и социальных наук Кузбасского государственного технического университета им. Т. Ф. Горбачева (Россия, 650000, Кемеровская обл., г. Кемерово, ул. Весенняя, д. 28); профессор кафедры педагогических технологий Кузбасского государственного аграрного университета им. В. Н. Полецкова (Россия, 650056, Кемеровская обл., г. Кемерово, ул. Марковцева, д. 5).

Information about the author

Nikita N. Ravochkin — Dr. Sci. (Philos.), Assoc. Prof., Professor at the History, Philosophy and Social Sciences Department, Kuzbass State Technical University named after T. F. Gorbachev (Russia, 650000, Kemerovo region, Kemerovo, Vesennyaya st., 28); Professor at the Educational Technologies Department, Kuzbass State Agrarian University named after V. N. Poletskov (Russia, 650056, Kemerovo region, Kemerovo, Markovtseva st., 5).

Статья поступила в редакцию 14.11.2024.

The article was submitted 14.11.2024.

Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2024. № 4 (44). С. 158—166.

Economic and Social Research. 2024. No. 4 (44). P. 158—166.

Научная статья

УДК 1:316 + 37.062

doi: 10.24151/2409-1073-2024-4-158-166

<https://elibrary.ru/lzmtx>

**Необъяснимое и непознанное в зеркале общественного сознания:
к дискуссии о качестве советского образования
Часть 2. Советский «коллективизм» как путь к социальной атомизации**

Т. В. Растимешина¹, Ю. В. Лункина²

^{1, 2} *Национальный исследовательский университет «МИЭТ», г. Москва, Россия*

¹ *rast-v2012@yandex.ru*

² *tolkoya@yandex.ru*

Аннотация. Анализируется роль общеобразовательной школы как базисного социального института. Отмечаются существенные черты коллективистской парадигмы российского образования. Педагогическая концепция А. С. Макаренко оценивается с учетом исторического и культурного контекста времени ее появления. Проводится сравнительно-сопоставительный анализ понятий коллективизма и сотворчества. Предлагается рассматривать проблему экзистенциального одиночества и специфику постсоветской академической среды как отдаленные последствия архаизации общественного сознания.

Ключевые слова: коллективизм, социальная атомизация, советское образование, государственная образовательная система, демократия, межличностное доверие, социальный капитал, авторитарная личность, сотворчество

Для цитирования: Растимешина Т. В., Лункина Ю. В. Необъяснимое и непознанное в зеркале общественного сознания: к дискуссии о качестве советского образования. Ч. 2: Советский «коллективизм» как путь к социальной атомизации // Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2024. № 4 (44). С. 158—166. <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2024-4-158-166> EDN: LNZMTX.

Original article

**The unexplainable and the unknown in the mirror of public conscience:
Towards discussion about quality of Soviet education
Part 2. Soviet “collectivism” as way to social atomization**

T. V. Rastimeshina¹, Yu. V. Lunkina²

^{1, 2} *National Research University of Electronic Technology, Moscow, Russia*

¹ *rast-v2012@yandex.ru*

² *tolkoya@yandex.ru*

© Растимешина Т. В., Лункина Ю. В.

Abstract. In this work, the authors analyze the role of general academic school as basic social institution. Significant traits of collectivist paradigm of Russian education are noted. Pedagogical conception of A. S. Makarenko is evaluated with account for historical and cultural context of time when it has arisen. The contrastive / comparative analysis of notions of collectivism and collaboration has been done. The authors propose to consider the problem of existential loneliness and the peculiarities of post-Soviet academic environment as long-term effects of public conscience archaization.

Keywords: collectivism, social atomization, Soviet education, national educational system, democracy, interpersonal trust, social capital, autocratic personality, collaboration

For citation: Rastimeshina T. V., Lunkina Yu. V. “The Unexplainable and the Unknown in the Mirror of Public Conscience: Towards Discussion about Quality of Soviet Education. Pt. 2. Soviet ‘Collectivism’ as Way to Social Atomization”. *Economic and Social Research* 4 (44) (2024): 158—166. (In Russian). <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2024-4-158-166> EDN: LNZMTX.

Введение

Каким бы ни было в современном обществе отношение к школе и к происходящему с ней — когда школа есть, это всё-таки лучше, чем когда ее нет. Здесь нужно сделать следующую оговорку: рассуждая об образовательной системе, мы имеем в виду в первую очередь тот ее элемент, который составляет базис, становой хребет государственной системы образования: систему школьного (в англоязычном научном дискурсе) или среднего общего (в русскоязычном дискурсе) образования. Именно школа, хотя и с переменным успехом, дает понять, что окружающий мир представляет собой не беспорядочный хаос никак не связанных объектов, а систему. Конечно, и хаосу в мире есть место, но ту малую его часть, до которой человек способен «дотянуться» силой разума, он старается мыслить как связанную закономерностями и взаимозависимостями систему (предвидя возражения, оговоримся: одни люди мыслят, а другие сводят на нет их труды). Даже тогда, когда нам не удержаться от возмущенного возгласа: «Ну что за бардак?!» — тем самым мы выдаем, что видимое и слышимое не совпадает с нашей картиной мира. А сформированы наше миропонимание и мироощущение преимущественно школой.

Сделаем вторую оговорку: школа выступает не неким всемогущим актором, обладающим самостоятельностью и субъектностью по отношению к бессильной личности, попавшей на 11 лет в ее беспредельную власть (актором, нередко демонизируемым в медиапространстве и наделяемым теми функциями и возможностями, которыми институт массового обучения по определению не может обладать), а *институциональным воплощением единой государственной политики*. Систему школьного образования принято обвинять в политизированности и идеологической ангажированности, однако эта безусловная политизированность является не более (хотя и не менее) чем функцией от ее основной, атрибутивной, в генетическом отношении первой функции — нации- и государственностроительства. Она заключается в том, что через унификацию и трансляцию *единой* для всех без исключения несовершеннолетних жителей страны системы знаний, умений и навыков государство и государственность индоктринируются в сознание граждан. В этом отношении все без исключения современные государства суть *ровесники* национальных систем образования, а школьное образование есть не только результат, но и базис любой государственной политики. Подчеркнем:

единое школьное образование — это и гигантское достижение современных государств, и их необходимый базис. Как иначе, если не в школе, жители Рязанской области и Чеченской Республики, острова Сахалин и Санкт-Петербурга могут освоить и усвоить единое — соответствующее современным научным концепциям — представление о мире? (То же, что для России, верно для любого другого современного государства.) Безусловно, в эту картину — и именно для этого государства вводят единые системы образовательных стандартов — имплементированы представления о стране, народе, его истории, основных способах хозяйствования и пр. Поэтому не только совершенно нормально, но и необходимо (хотя и не есть проявление естественного «хода вещей в природе») то, что политическая составляющая неизбежно встроена в формальную и содержательную стороны системы школьного образования и проявляет себя в них.

Социальный институт такого типа, соединяющий собою прошлое (всю сумму накопленных человечеством знаний) и будущее (представителей нового поколения, усваивающих правила пребывания в социуме), подпадает под описание устоявшихся, но остающихся условными темпоральных форм, приводимое В. И. Савинцевым, исследователем философского наследия Н. А. Бердяева. Эти формы структурируют, упорядочивают существование человека, но далеко не всегда способствуют его духовной эволюции [9, с. 16]. Более того, функциональная нагрузка, заложенная в идеологическом базисе школьного образования, имплементированная в его структуру (в частности, в классно-урочную систему обучения) и содержание (в частности, в содержание единых образовательных стандартов и единой системы государственной итоговой аттестации), никаким образом не подразумевает ни воспитательной составляющей, ни тем более индивидуального подхода к обучению и духовного развития личности. В этом

отношении система образования может лишь дополнять (отдельная проблема, в том числе философского порядка, — насколько возможно непротиворечивое и бесконфликтное дополнение) другие социальные институты: религиозные, семейные и пр.

В предыдущей части нашей статьи довольно подробно раскрыта проблема монологичности технократического знания. Действительно, в технократической системе образования передача знания носила монологический (вещательный) характер. Ответить учителю ученики могли не иначе как с его разрешения, причем произносить им позволялось только то, что имеет отношение к ответу на вопрос педагога. Делиться с учителем сомнениями или неожиданным озарением обучаемым возбранялось.

Вторгаться в личное пространство учащихся педагогу разрешалось почти на любую глубину. Мы отмечали: «Любые проявления свободомыслия (от причесок учениц и оформления классной комнаты до содержания урока) система нещадно подавляла» [8, с. 204]. Примечателен в этом отношении также эпизод высмеивания учителем любовного письма ученика, описанный Л. Кассилем в автобиографической повести «Конduit и Швамбрания»¹: самые потаенные сердечные переживания подростка черствый педагог с водевильной фамилией Монохордов вынес на обсуждение всего класса, а несчастного влюбленного за слабую попытку возразить против унижения выгнал с урока, пригрозив исключением из школы.

Коллективизм как противоположность сотворчества

В советской школе многое изменилось по сравнению с дореволюционной, однако в «кузницу людей нового типа» проникли и почти неизменными дошли до нового века существенные черты архаичной

¹ Кассиль Л. А. Собрание сочинений: в 5 т. Т. 1. М.: Детская литература, 1965. С. 172.

педагогической методологии. Их мы отмечали в первой части статьи: отчужденность от человека и человеческого, отсутствие ориентации на вовлечение и включение, субъект-субъектной ориентированности и коммуникации. Без дисциплины обучение немислимо — но абсолютизация стремления к порядку ведет к подавлению личности обучаемых, к ограничению их свободы. «Организационная структура современной системы образования, — констатировал А. С. Запесоцкий, — не позволяет выстроить воспитательный процесс с учетом всего многообразия личностных потенциалов. Это особенно характерно для общеобразовательной школы. По мнению исследователей, современный школьный класс как составная часть школьно-урочной системы образования в силу своей замкнутости блокирует в личности потенциал бесконечности. Другие потенциальные бесконечности системы образования — личности учителей, учащихся — всячески ограничиваются программами, стандартами. Это, в свою очередь, существенно ограничивает развивающий потенциал таких предметов, как история культуры, литература, экология, этика. <...> В то же время неэффективны и крайние варианты: индивидуализм с отсутствием всяких ограничений, ведущий к беспределу в отношении к другим, и тотальный запрет, уничтожающий в человеке личность» [5, с. 234]. Наши выводы сходны: «Подавление самостоятельности и внутреннего критицизма, сужение границ контактов до критического объема внутреннего личностного пространства и необходимость избегания вечного внутриличностного конфликта порождают так называемую авторитарную личность» [8, с. 204].

С самых первых дней своего существования советская школа отдавала предпочтение коллективизму, развивала его и насаждала. Общественное противопоставлялось личному, коллективное — индивидуальному.

Однако коллективизм vs ориентация на индивидуальность — не единственная

дихотомия. Нередко коллективизм противопоставляют соборности как другой — духовной — форме единения индивидов. Как правило, коллективистская парадигма российского образования и воспитания рассматривается в контексте педагогических идей А. С. Макаренко и в связи с ними (см.: [2; 3; 4; 6; 7]). Тем не менее многие идеи А. С. Макаренко подверглись критике. Замечания в его адрес высказывали еще представители советской педагогики, а в постсоветское время критика только усилилась.

Мы полагаем, что идеи А. С. Макаренко следует рассматривать как неотъемлемый и органический элемент советской антропософии, гносеологии и эпистемологии, поскольку, по справедливому замечанию Ж. Н. Трифионовой, «гениальное педагогическое и социальное открытие А. С. Макаренко состояло в понимании того, <...> благодаря чему в педагогическом сознании и педагогической практике утверждаются ведущие к со-бытийной общности коллективные формы организации совместной жизни и деятельности детей и взрослых...» [10, с. 129].

Кроме того, концепция Макаренко, рассмотренная сквозь призму социальных условий, для которых была сформирована, и спроектированная на всю философскую традицию Нового времени, позволяет (и это возможно только при взгляде на весь комплекс социальных и экономических условий, в которых была создана первая колония) отнести ее к гуманистическим, нацеленным на пробуждение человеческого в человеке. Период революций и последующих гражданских конфликтов был одним из самых страшных периодов в истории России, и одним из его чудовищных следствий стала многомиллионная армия беспризорников — социально депривированных детей и подростков, психика, притязания и ценностные ориентации которых формировались в парадигме «войны всех против всех» (Т. Гоббс). В этом отношении воспитание

по Макаренко — это направление коррекционной педагогики, по сути, *перевоспитание*; в новых социальных и образовательных условиях дети и подростки могли (но не всегда этого удавалось достичь) понять и поверить, что человек человеку не волк, что кусок хлеба и другие базовые средства к существованию (одежду и крышу над головой) можно не только украсть или заработать (хотя трудовая деятельность выступала здесь необходимым элементом собственно социализации — вхождения в социальные отношения), но и получить от другого человека, движимого гуманистическими побуждениями. Труды А. С. Макаренко — не возвышенная истерика романтика-утописта (хотя в возведении коллективизма в педагогический универсум иногда проскальзывает социалистический утопизм), а описание тяжкого труда педагога и человека, влащающего свой крест и пробуждающего социальное животное в асоциальных животных на созданном им самим островке гуманизма в абсолютном хаосе насилия — войны всех против всех.

Был ли этот человек подвижником? Разумеется. Талантливым и успешным педагогом и беллетристом (хотя на это поприще он ступил скорее вынужденно)? Безусловно. Имеет ли его теория социальную и педагогическую ценность? Вне всяческих сомнений. Но должна ли интерпретироваться как универсальная его концепция гуманизации и социализации (мы настаиваем на социализации, в противовес воспитанию)? Ни в коем случае. И не потому, что мы не признаем ее непреходящую ценность, но именно потому, что ценность и смысл идей коллективистского воспитания носят в данном случае *прикладной и условный* характер. Основная цель Макаренко — очеловечивание детей, становление которых проходило в нечеловеческих условиях (хотя Гоббс и считал, что именно в войне всех против всех проявляется истинная природа человека) — должна была (и могла) быть поставлена только в отношении определенного контингента детей

и достигнута в изолированном от иных социальных институций педагогическом пространстве. Говоря об изолированности от институций, мы имеем в виду в первую очередь семью. Вместе с тем сама интенция создания колонии для перевоспитания неблагополучных детей и подростков есть воплощение всемогущего Левиафана, способного изменить — через принуждение к *неприменению неконвенционального насилия* — «природу» человека.

Возвращаясь к идее коллективизма: для детей и подростков, социализация которых проходит в более-менее нормальной среде социальных институтов и отношений, она, безусловно, применима — поскольку коллективная кооперация (как показали М. Шериф и М. Дойч в одном из самых масштабных экспериментальных проектов XX в.) хотя и сдерживает индивидуальные суждения, но не призывает человека к отказу от них. Однако ни в самой идее, ни в практиках ее применения в советской средней школе не просматривалось какой-либо новизны, тем более инновационности, по отношению к применявшимся ранее педагогическим практикам. Приучение и принуждение к коллективной деятельности (через совместные дела) и коллективным действиям (через такие практики, как спортивные игры), безусловно, имели определенный эффект: человек приобретал базовые навыки коллективных действий и деятельности, осваивал и усваивал «командные» социальные роли: лидера, исполнителя или командного игрока.

Вместе с тем советская школа не формировала у обучающихся «мягких навыков», крайне важных в современном мире, к числу которых относится навык работы в творческой или исследовательской группе над творческим или исследовательским проектом. Нам чужды идеи о генетических кодах, тем более «ментальности», однако в индоктринируемое советской школой (инструментом и правой рукой Левиафана)

не были заложены «коды» взаимного межличностного доверия и навыки их проявления. Исследования межличностного доверия, проводимые среди прочего международной группой под руководством Р. Инглхарта (после его смерти — Р. Вельцеля), не дают однозначно интерпретируемых результатов, однако один из выводов таков: взрослые россияне не доверяют другим взрослым россиянам за пределами своего непосредственного окружения. Другие люди (в том числе родственники) в сознании большинства россиян выступают не столько элементами социального капитала, сколько источником неизвестной латентной угрозы. Ксенофобия реплицируется и на уровне государства: социум и государство рассматривают внешний мир как источник угроз и вызовов. Низкий уровень доверия — это проклятие советской и постсоветской России.

Отвечая на вопрос, как такое стало возможным, предположим: на наш взгляд, технократическая и монологическая в своем базисе система образования не предполагала самостоятельной научной, гражданской, творческой активности и самоорганизации коллектива. Отметим (нам это обстоятельство видится крайне важным для понимания того, в какой степени концепция А. С. Макаренко подверглась секвестрированию с позиций советской идеологии), что в первой колонии им. М. Горького Макаренко пытался формировать у подростков навыки самоорганизации и самоуправления, индоктринируя институты выборов, ротации и кооптации, общих собраний (сродни античным форумам или новгородскому вече) для решения вопросов общегжития коммуны: в общих собраниях *добровольно* принимали участие все члены коммуны, включая педагогический коллектив и администрацию. Однако этот подход был объявлен «противоречащим идеям строительства коммунизма», демократические идеи чуть не стоили педагогу-новатору

жизни. Школьный же коллективизм, прививаемый советской школой — выхолощенный до механицизма и лишенный своей главной педагогической составляющей: привлечения подростков к самоорганизации коллективной деятельности, — способствовал становлению преимущественно безынициативных и иногда безвольных исполнителей. В связи с этим не удивительно, что, приобретя свободу по окончании школы и оказавшись перед *свободой выбора* (например, профессии), который предполагает активную коммуникацию с применением накопленного социального капитала и социальных навыков, человек находится в положении безвольного и неспособного к движению ни от чего-либо, ни к чему-либо буриданова осла.

Не удивительно также то, что, несмотря на существование в Советском Союзе большого числа научно-исследовательских институтов, коллективный опыт советских ученых подлежит скорее критическому пересмотру, чем взятию на вооружение. Западные коллеги отмечают несформированность у советских исследователей тех пластов академической культуры, которые определяют *горизонтальное взаимодействие* ученых в рамках реализации научных проектов и трансляции результатов научной деятельности.

Наши рассуждения о несформированности у советских школьников «мягких навыков» — способностей к работе в команде и творческом коллективе — суть логичное продолжение наших рассуждений об архаизации. Поясним это и акцентируем.

Во-первых, современная наука есть коллективная творческая деятельность. Еще 100 лет назад можно было считать серьезную научную разработку плодом труда группы ученых, тогда как сегодня над решением глобальных проблем науки работают интернациональные исследовательские коллективы, в которых только страны-участницы исчисляются десятками. Соответственно, ученые, которым сегодня более 40 лет,

оказались не готовы к сотворчеству². Здесь уместно вспомнить, что в отечественных творческих кругах родилось расхожее выражение: «Авторство отличается от соавторства, как пение от сопения» (см., напр.: [1, с. 147]).

Во-вторых, в последней главе книги «Истоки тоталитаризма» Х. Арендт пишет об одиночестве³, которое является следствием, имманентным и определяющим состояние человека, воспитанного в условиях тоталитаризма (добавим: и авторитаризма), его характеристикой и качеством жизни. Нам эта мысль представляется чрезвычайно важной, тем более что мы солидаризируемся с Х. Арендт в ее парадоксальном выводе: человек не способен мыслить в одиночестве, искать истину в экзистенциальной тишине, в окружении стен «лабиринтов» и «спиралей» молчания (Э. Ноэль-Нойман). Для того чтобы быть думающим человеком, нужно иметь возможность разговаривать с другими, видеть отражение себя и своих мыслей в других, находиться в контакте и диалоге. Недемократические системы обучения потому не учат человека мыслить или лишают его этой способности, что помещают его в состояние одиночества, даже если он «член коллектива».

В-третьих, догматизация мировоззрения повлияла на способы аргументирования, на культуру научного цитирования. В отечественной академической среде не сложился командный опыт работы над постановкой и проверкой гипотез. Выдвинутая научная идея обретала статус доктрины и под соответствие ей подводились данные. Тогда как научный поиск предполагает, что ученый находит в экспериментальных данных подтверждение гипотезы

исследования или отбрасывает ее, если подтверждения не найдено.

Заключение

Как уже отмечалось в первой части нашей статьи-рассуждения, мы не стремимся к маркировке всей системы советского образования с каких-либо позиций: желание навешивать ярлыки, как известно (из глубокого до философской неисчерпаемости романа Г.-Г. Маркеса «Сто лет одиночества»), также является следствием одиночества и болезни беспамятной неперемемственности. Но предложим информацию к размышлению, взяв за основу употребленную Маркесом метафору. Напомним: Ребека, с малых лет дорожившая костями предков, продолжала уже взрослой сосать палец и прятаться в ставшем слишком тесным кресле-качалке.

Если вместо памяти, традиций или хотя бы собственного имени мы храним кости, погромыхивающие в мешке, и отказываемся расстаться с ними, тем самым мы несем сообществу и беспамятство, и потерю понятий и смыслов, что, в свою очередь, лишает людей возможности общения и принятия решений и вынуждает — каждого в своем одиноком самозабвении и страхе перед настоящим и будущим — крепить ярлыки к когда-то знакомым вещам и позабытым сущностям. Помешательство на «качестве» как минимум несовершенного (и не стремившегося к совершенству) советского образования сродни желанию героини Маркеса укрыться от проблем, которые нужно решать, и от пути, которым предстоит пройти: от архаики к модерну, от одиночества — к людям.

Список литературы и источников

1. Академик Г. И. Будкер: Очерки. Воспоминания / отв. ред. А. Н. Скринский. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1988. 187 с. (Ученые СССР. Очерки. Воспоминания. Материалы).

² Оставим за пределами наших рассуждений языковые навыки советских школьников, хотя отсутствие культуры изучения языков — лишь одна из сторон авторитаризма и авторитарной ксенофобии.

³ Для Арендт понятия одиночества, одиночества и самостоятельности — ключевые понятия, о которых она много размышляла и писала.

2. **Верещагина Е. П.** Проблемы лидерства в творчестве А. С. Макаренко // Психолого-педагогическое наследие прошлого в современной социально-педагогической деятельности: материалы VI Междунар. Макаренковских студенч. пед. чтений (г. Екатеринбург, 9 апр. 2009). Екатеринбург: Рос. гос. проф.-пед. ун-т, 2009. С. 133—136. Доступно: <https://elar.rsvpu.ru/handle/123456789/9733> (дата обращения: 19.12.2024).
3. **Дремина С. А.** А. С. Макаренко как основоположник теории коллективистского воспитания // Психолого-педагогическое наследие прошлого в современной социально-педагогической деятельности: материалы 8-х Всеросс. Макаренковских студенч. пед. чтений (г. Екатеринбург, 7 апр. 2011). Екатеринбург: Рос. гос. проф.-пед. ун-т, 2011. С. 23—26. Доступно: <https://elar.rsvpu.ru/handle/123456789/10146> (дата обращения: 19.12.2024).
4. **Заглодина Т. А.** Коллектив как средство воспитания и формирования личности // Психолого-педагогическое наследие прошлого в современной социально-педагогической деятельности: материалы 8-х Всеросс. Макаренковских студенч. пед. чтений (г. Екатеринбург, 7 апр. 2011). Екатеринбург: Рос. гос. проф.-пед. ун-т, 2011. С. 26—28. Доступно: <https://elar.rsvpu.ru/handle/123456789/10147> (дата обращения: 19.12.2024).
5. **Запесоцкий А. С.** Образование: философия, культурология, политика. М.: Наука, 2002. 456 с.
6. **Илалтдинова Е. Ю.** Стереотипизация советской педагогикой идей А. С. Макаренко о коллективе // Психолого-педагогическое наследие прошлого в современной социально-педагогической деятельности: материалы 8-х Всеросс. Макаренковских студенч. пед. чтений (г. Екатеринбург, 7 апр. 2011). Екатеринбург: Рос. гос. проф.-пед. ун-т, 2011. С. 16—23. Доступно: <https://elar.rsvpu.ru/handle/123456789/10140> (дата обращения: 19.12.2024).
7. **Кораблёва Т.** Опыт реконструкции этико-воспитательных задач в коллективах А. С. Макаренко. Колония имени [М.] Горького — 1920—1928 гг. // Народное образование. 2007. № 6 (1369). С. 167—177. EDN: IAMDAL.
8. **Растимешина Т. В., Лункина Ю. В.** Необъяснимое и непознанное в зеркале общественного сознания: к дискуссии о качестве советского образования. Ч. 1: Архаический застой как следствие специфики образовательной системы // Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2023. № 3 (39). С. 197—208. <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2023-3-197-208> EDN: IKKAZD.
9. **Савинцев В. И.** Проблема времени в персонализме Н. А. Бердяева: автореф. дис. ... канд. филос. наук: 09.00.03. Калининград, 2006. 17 с. EDN: NKBCDP.
10. **Трифоновна Ж. Н.** Коллективизм в советской идеологии и в педагогической системе А. С. Макаренко: сравнительно-сопоставительный дискурс // Социальная педагогика. 2019. № 1. С. 125—131. EDN: UUFKFJ.

References

1. *Academician G. I. Budker: Essays. Recollections.* Publ. ed. A. N. Skrinskiy. Novosibirsk: Nauka. Sib. otd-niye, 1988. 187 p. (In Russian). Uchenyye SSSR. Ocherki. Vospominaniya. Materialy.
2. Vereshchagina E. P. “Problems of Leadership in the Works of A. S. Makarenko”. *Psikhologo-pedagogicheskoye naslediyе proshlogo v sovremennoy sotsial’no-pedagogicheskoy deyatel’nosti: materialy VI Mezhdunar. Makarenkovskikh studench. ped. chteniy* (g. Ekaterinburg, 9 apr. 2009). Ekaterinburg: Russian State Vocational Pedagogical Univ., 2009. 133—136. (In Russian). Available at: <https://elar.rsvpu.ru/handle/123456789/9733> (accessed: 19 Dec. 2024).
3. Dremina S. A. “A. S. Makarenko as Originator of Theory of Collectivist Education”. *Psikhologo-pedagogicheskoye naslediyе proshlogo v sovremennoy sotsial’no-pedagogicheskoy deyatel’nosti: materialy 8-kh Vseros. Makarenkovskikh studench. ped. chteniy* (g. Ekaterinburg, 7 apr. 2011). Ekaterinburg: Russian State Vocational Pedagogical Univ., 2011. 23—26. (In Russian). Available at:

- <https://elar.rsvpu.ru/handle/123456789/10146> (accessed: 19 Dec. 2024).
4. Zaglodina T. A. "Collective as Means of Education and Personality Formation". *Psikhologo-pedagogicheskoye nasledie proshlogo v sovremennoy sotsial'no-pedagogicheskoy deyatel'nosti: materialy 8-kh Vseros. Makarenskikh studench. ped. chteniy* (g. Ekaterinburg, 7 apr. 2011). Ekaterinburg: Russian State Vocational Pedagogical Univ., 2011. 26—28. (In Russian). Available at: <https://elar.rsvpu.ru/handle/123456789/10147> (accessed: 19 Dec. 2024).
 5. Zapesotsky A. S. *Education: Philosophy, Cultural Studies, Policy*. Moscow: Nauka, 2002. 456 p. (In Russian).
 6. Ilaltdinova E. Yu. "Stereotypization of A. S. Makarenko's Ideas about Collective by Soviet Pedagogy". *Psikhologo-pedagogicheskoye nasledie proshlogo v sovremennoy sotsial'no-pedagogicheskoy deyatel'nosti: materialy 8-kh Vseros. Makarenskikh studench. ped. chteniy* (g. Ekaterinburg, 7 apr. 2011). Ekaterinburg: Russian State Vocational Pedagogical Univ., 2011. 16—23. (In Russian). Available at: <https://elar.rsvpu.ru/handle/123456789/10140> (accessed: 19 Dec. 2024).
 7. Korablyova T. "Experience of Reconstructing Ethical and Educational Tasks in A. S. Makarenko's Collectives. Teenagers' Detention Center Named After [M.] Gorky — 1920 to 1928". *Narodnoye obrazovaniye* 6 (1369) (2007): 167—177. (In Russian).
 8. Rastimeshina T. V., Lunkina Yu. V. "The Unexplainable and the Unknown in the Mirror of Public Conscience: Towards Discussion about Quality of Soviet Education. Pt. 1. Archaic Standstill as an Effect of Educational System Specificity". *Ekonomicheskiye i sotsial'no-gumanitarnyye issledovaniya = Economic and Social Research* 3 (39) (2023): 197—208. (In Russian). <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2023-3-197-208>
 9. Savintsev V. I. *Problem of Time in N. A. Berdyayev's Personalism*: extended abstract of diss. for the Cand. Sci. (Philos.). Kaliningrad, 2006. 17 p. (In Russian).
 10. Trifonova Zh. N. "Collectivism in Soviet Ideology and in A. S. Makarenko's Pedagogical

System: Contrastive / Comparative Discourse". *Sotsial'naya pedagogika* 1 (2019): 125—131. (In Russian).

Информация об авторах

Растимешина Татьяна Владимировна — доктор политических наук, доцент, главный редактор журнала «ЭСГИ» Национального исследовательского университета «МИЭТ» (Россия, 124498, Москва, Зеленоград, пл. Шокина, д. 1); профессор кафедры политологии и прикладной политической работы Российского государственного социального университета (Россия, 129226, Москва, ул. Вильгельма Пика, д. 4/1).

Лункина Юлия Валентиновна — магистр издательского дела, редактор журнала «Известия высших учебных заведений. Электроника» Национального исследовательского университета «МИЭТ» (Россия, 124498, Москва, Зеленоград, пл. Шокина, д. 1).

Information about the authors

Tatiana V. Rastimeshina — Dr. Sci. (Polit.), Assoc. Prof., Editor-in-Chief of "ESGI" journal, National Research University of Electronic Technology (Russia, 124498, Moscow, Zelenograd, Shokin sq., 1); Professor at the Department of Political Science and Applied Political Work, Russian State Social University (Russia, 129226, Moscow, Wilhelm Pieck st., 4/1).

Yulia V. Lunkina — MS in Publishing, editor at the academic journal "Proceedings of Universities. Electronics", National Research University of Electronic Technology (Russia, 124498, Moscow, Shokin sq., 1).

Статья поступила в редакцию 19.12.2024.

The article was submitted 19.12.2024.

Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2024. № 4 (44). С. 167—175.

Economic and Social Research. 2024. No. 4 (44). P. 167—175.

Научная статья

УДК 1(470)(091) + 159.923.2:004.8

doi: 10.24151/2409-1073-2024-4-167-175

<https://elibrary.ru/vszxez>

Проблема сильного искусственного интеллекта в философии Э. В. Ильенкова

О. Н. Чибисов

*Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина,
Санкт-Петербург, Россия*

chibisoleg@ya.ru

Аннотация. Рассматривается целесообразность применения философских принципов, выработанных Э. В. Ильенковым, в контексте развития технологий искусственного интеллекта. Опираясь на постулат о взаимосвязи между исследованием и разработкой искусственного интеллекта и пониманием человеческого интеллекта, автор приводит аргументы, подтверждающие значение работы Ильенкова «Машина и человек, кибернетика и философия» для современного этапа разработки искусственного интеллекта. В условиях актуальности проблемы создания сильного искусственного интеллекта подчеркивается необходимость синтетического подхода, объединяющего философские и естественно-научные дисциплины.

Ключевые слова: искусственный интеллект, машинное обучение, сознание, мышление, Ильенков

Для цитирования: Чибисов О. Н. Проблема сильного искусственного интеллекта в философии Э. В. Ильенкова // Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2024. № 4 (44). С. 167—175. <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2024-4-167-175> EDN: VSZXEZ.

Original article

The problem of artificial general intelligence in the philosophy of E. V. Ilyenkov

O. N. Chibisov

Pushkin Leningrad State University, St. Petersburg, Russia

chibisoleg@ya.ru

© Чибисов О. Н.

Abstract. The author considers the feasibility of applying the philosophical principles developed by E. V. Ilyenkov in the context of the development of artificial intelligence technologies. Relying on the postulate of the interconnection between artificial intelligence research and development and human intelligence understanding, the author presents arguments that confirm the significance of Ilyenkov's work "Machine and Man, Cybernetics and Philosophy" for the current stage of artificial intelligence development. In light of the relevance of the problem of creating artificial general intelligence, the necessity of a synthetic approach that combines philosophical and natural science disciplines has been emphasized.

Keywords: artificial intelligence, machine learning, consciousness, thinking, Ilyenkov

For citation: Chibisov O. N. "The Problem of Artificial General Intelligence in the Philosophy of E. V. Ilyenkov". *Economic and Social Research* 4 (44) (2024): 167—175. (In Russian). <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2024-4-167-175> EDN: VSZXEZ.

Когда перед философией встает вопрос создания искусственного интеллекта, способного сравниться с человеческим или даже его превзойти, то философия закономерно замечает: «Создание искусственного интеллекта связано с пониманием и исследованием естественного интеллекта» [3, с. 77]. Однако философия, по сравнению с инженерными науками в области компьютерного проектирования нейросетей, должна ощутить за собой «ущербность», так как она, философия, хоть и способна ставить правильные вопросы и даже верно их решать, но не имеет специальных средств, «технических рук», чтобы реализовать на деле свои ответы. И эту «ущербность» хорошо понимает технический специалист, что дает ему право игнорировать как верные философские вопросы, так и ответы на них.

Современные достижения в области искусственного интеллекта (ИИ) за последние 10 лет и повсеместный доступ, например, к нейросети "ChatGPT" последнего поколения склоняют многих к тому, что если это есть не настоящий Интеллект, то в ближайшем будущем настоящий обязательно появится, инженеры и программисты делают всё для этого. Что при этом понимается под интеллектом? — вопрос, который технические специалисты обходят стороной еще со времен создания первых принципов

компьютерной техники — машины Тьюринга. Так, сам Алан Тьюринг в работе «Вычислительные машины и разум» пишет: «...Наилучшей стратегией для машины будет предлагать исследователю ответы того типа, какие в данных обстоятельствах давал бы человек» [13, с. 435]. Сам Тьюринг осознанно подменяет вопрос об интеллекте вопросом имитации интеллекта, обосновывая это следующим: «...Ответ на вопрос: "Может ли машина мыслить?" следует искать в данных статистических исследований, наподобие опросов Гэллапа. Несомненно, это было бы абсурдно. Вместо того чтобы идти по обозначенному пути, я заменю выдвинутый выше вопрос другим...» [13, с. 434]. Тьюринг обходит стороной другие подходы к мышлению и отбрасывает вопрос интеллекта, ссылаясь на абсурдность теста Гэллапа.

При рассмотрении ответов на вопрос о мышлении в философии мы наблюдаем различное понимание интеллекта (мышления, сознания, разума) и круг противоречащих понятий. Вместе с тем изучение только материальных оснований (только технического аспекта) при создании ИИ приводит к «перекосам», описанным философией еще в XIX в.: «Естествоиспытатели воображают, что они освобождаются от философии, когда игнорируют или бранят ее. Но так как они без мышления не могут двинуться ни на шаг,

для мышления же необходимы логические категории, а эти категории они некритически заимствуют <...> — то в итоге они все-таки оказываются в подчинении у философии, но, к сожалению, по большей части самой скверной, и те, кто больше всех ругают философию, являются рабами как раз наихудших вульгаризированных остатков наихудших философских учений» [11, с. 164—165].

Однако для дела создания сильного ИИ наличие «перекоса» как в сторону философии, так и в сторону техники будет губительным, так как философия без техники не имеет собственных манипуляторов и исполнительных механизмов, а техника, претендующая на статус мыслящей, без философии обречена остаться на принципе «имитации» своих создателей. Поэтому здесь необходим синтетический подход, такой, который позволит не только выявить возможные противоречия между взглядами философов и инженеров, но и, как завещал Э. В. Ильенков, выстроить союз между философами и естествоиспытателями: «Союз философов с естествоиспытателями <...> может быть прочным и добровольным только при том условии, если он взаимно плодотворен и взаимно же исключает всякую попытку диктата, навязывания готовых выводов как со стороны философии, так и со стороны современного естествознания» [6, с. 419].

Принцип союза между философией и наукой, высказанный Ильенковым, не теряет своей актуальности и по сей день. В другой работе Ильенков с соавторами укажут: «В этом плане философия обязана высказать свои суждения. Не для того чтобы как-то ограничить кибернетику, навязать ей что-то, а, наоборот, чтобы убрать с ее дороги досадные препятствия, чтобы открыть ей самый широкий путь. Проблема природы мышления, его связи с мозгом и с предметным миром занимает философию давно. И у философов есть чем поделиться с кибернетикой в данном отношении» [1, с. 265].

Согласно Указу Президента РФ о развитии искусственного интеллекта¹, сильный ИИ должен обладать способностями к решению творческих задач, самообучению и развитию. Эти характеристики не присущи значительной части человечества в условиях низкого уровня социального развития. В инженерной среде существует представление об интеллекте, которое в наилучшем случае соответствует философским концепциям XVIII в., таким как дуализм, редукционизм и механицизм. Основываясь на данной философии, затруднительно как понимать человеческий интеллект, так и разрабатывать методы создания ИИ. По сути это ответы на один и тот же вопрос, который можно сформулировать следующим образом: «Что такое интеллект и как интеллект возникает из материального мира?» Это высказывание не относится к особенностям мышления специалистов по инженерным наукам или программированию. Это чисто философский вопрос, требующий соответствующего инструментария для его решения. Редукционное, механистическое понимание интеллекта (сознания, мышления, разума), а следовательно, и ИИ, существующее в среде научно-технической интеллигенции, ограничивает разработчиков ИИ. Техническая разработка сильного ИИ требует от изобретателя ясного понимания, что именно делает интеллект человека сильным. Философия, как никакая другая наука, способна «пролить свет» на эту область познания. Если отдать решение этого вопроса естествоиспытателям, например нейробиологам или инженерам, то мы как раз и получим одушевление нейронов или технических средств (или, как у Р. Пенроуза, — одушевление элементарных частиц), наделим их мистическими свойствами

¹ Указ Президента Российской Федерации от 10.10.2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» [Электронный ресурс] // Президент России: официальный сайт. URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/44731> (дата обращения: 26.12.2024).

или, в противоположном решении, придем к полному отрицанию психики, мышления, души в живом человеке. И тот, и другой путь соблазнителен, так как он сразу убирает саму проблему и дает простой ответ на невероятно сложный вопрос. Обе эти позиции прослеживаются в трансгуманистической философии [5]. Но так как мы претендуем на союз между философами и естествоиспытателями, то в рамках философии должны подсказать естествознанию, к каким выводам, в частности благодаря наследию Э. В. Ильенкова, пришла философия, чтобы естествоиспытатели получили выгоду от такого союза.

В процитированной выше работе трех авторов А. С. Арсеньева, Э. В. Ильенкова и В. В. Давыдова «Машина и человек, кибернетика и философия» [1], несмотря на то, что написана она на заре кибернетики, авторы «приготовили экстракт» всей предшествующей философской мысли в отношении исследования феномена мышления и объяснили, в какие трудности упирается проблема создания «думающей машины» — не с технической стороны, а со стороны философии.

К 1966 г. внутри СССР уже «отгремел бой» между кибернетикой и информатикой при полной победе первой [8]. В вопросе обработки информации победило направление *Cybernetics talkative* (болтливая кибернетика), которому можно было бы противопоставить многие аргументы философии и деятельностной психологии, но *Cybernetics talkative* прижилось в умах естествоиспытателей. Подход, согласно которому мышление есть говорение, а «думающая машина» есть говорящая машина, хоть и находится в полном согласии с формальной и математической логикой и поддается как моделированию, так и проверке по «тесту Тьюринга», но не отражает реального мышления.

Пытаясь создать по математическим моделям «думающие машины», ряд исследова-

телей (в частности академик С. Соболев) приравнивали их к человеку, тем самым одушевляя технику, подобно тому, как это делают современные трансгуманисты. С. Соболев пишет: «Как известно, в кибернетике машиной называют систему, способную совершать действия, ведущие к определенной цели. Значит, и живые существа, человек в частности, в этом смысле являются машинами» [9, с. 83]. Противостоит этой логической формуле умозаключение авторов обозначенной выше работы: «Действия, “ведущие к определенной цели”, производят вовсе не они, а только человек, приводящий их в движение и управляющий ими сообразно своей целесообразной воле» [1, с. 275]. Вопрос создания ИИ подразумевает проблему не технологического характера, а философского: обсуждается не способность ИИ быстро и много считать, а творческая способность, которая принципиально не может быть воплощена только лишь одними программными методами. В этом отношении ценным является замечание: «Мечтая о мыслящей машине, столь же, а может быть, и еще более совершенной, чем человек, многие кибернетики исходят из представлений, будто мыслит мозг. Поэтому им кажется, что достаточно построить модель мозга, чтобы получить и искусственное мышление» [1, с. 265].

Есть известная необходимость: для работы тканям мозга требуется кровоснабжение, защита от механических повреждений и перепадов температуры. Однако этого недостаточно для мышления: «Ибо мыслит не мозг, а человек с помощью мозга» [1, с. 265].

Описание ИИ через достижения философии совершаются многими исследователями, так, в частности, д-р филос. наук Т. М. Махаматов замечает, что «первоначальный шаг познавательного процесса опирается на принципы сенсуализма» [7, с. 53]. Но это лишь первоначальный шаг. Науке известно, что даже наличие всех здоровых

органов чувств отнюдь не гарантирует наличия мышления: «...Тарзанов, вскормленных и воспитанных животными, люди вылавливали не раз и не два. <...> Это были уродливые животные, не обладавшие не только мышлением, но даже и элементарными проблесками сознания» [1, с. 266].

Способность мыслить, интеллект, — это не та способность, которая генетически, биологически предзадана. Этот факт, пишет С. Г. Сукиасян, подтверждается наблюдением за детьми, которые «воспитываются» животными: «...В плане развития интеллекта эти дети значительно уступают своим сверстникам» [10, с. 350]. Наличие интеллекта определяется не устройством мозга (речь не идет о патологических отклонениях), а иными аспектами. Согласно результатам современных исследований, «мозг и в своих неврологических (физиологических), и в психических проявлениях реагирует на изменения среды — материальной (косной), социальной, психологической (информационной). Именно среда фило- и онтогенетически формирует специфический аппарат, который “создает” человека как такового и обеспечивает его взаимосодействие со средой» [10, с. 349].

Можно ли запрограммировать мышление при помощи современных компьютерных средств? Философия говорит нам, что нет. У человека нет биологических, врожденных схем действий, и именно поэтому его деятельность является предельно всесторонней и именно поэтому он обладает мышлением. Разумеется, у человека как биологического индивида есть врожденные схемы реакций — рефлексy. Зрачок сужается, рука отдергивается, мурашки бегут по коже, губы сосут и т. д. Запрограммировать на чисто рефлекторные действия машину и в самом деле не сложно, но в этих действиях нет ничего собственно «человеческого». Было бы интересно увидеть постановку задачи о создании «животного ИИ», так как животное легче понять в плане схематики действий.

Если у человека от рождения нет биологически врожденных схем действий, в том числе мышления, то надо ли такие схемы программировать в ИИ? Должны ли мы тогда при разработке ИИ писать программу, которая в своем исполнении имитировала бы интеллект, причем имитировала бы его так, чтобы, согласно тесту Тьюринга, взрослый цивилизованный человек не смог бы отличить результат выполнения этой программы от результата когнитивных функций живого мыслящего создания? Для сильного ИИ нужна не специальная программа, которая бы имитировала работу человеческого интеллекта, а принципиально другой подход, в котором программные методы ориентировались бы на обслуживание деятельности в рамках человеческой культуры. Это в свою очередь подрывает основополагающий принцип компьютерной техники, о чем пишет Д. И. Дубровский в рамках проблематики крупнейшей международной конференции “*Artificial Intelligence Journey*” (8—9 ноября 2019 г., 4—5 декабря 2020 г.): «...Наметились тенденции, связанные с критическим взглядом на ограниченность классической методологии А. Тьюринга признанием важной роли учета феноменов сознания в разработке ИИ» [4, с. 38]. Однако «феномены сознания», которых так не хватает современным моделям ИИ, не являются порождением мозга: «Чтобы отдельный мозг обрел способность мыслить, его обладатель должен быть с детства включен в систему общественно-человеческих отношений и развит в согласии с ее требованиями и нормами» [1, с. 267]. В этом смысле человек связан с цивилизацией, в которой он живет и трудится. Цивилизация и культура не пассивно отражаются индивидуальным мышлением, а его создают, через человеческую деятельность в рамках этих цивилизации и культуры. И без этой идеальной сферы невозможно было бы мышление.

Человеческое мышление выступает производной функцией культуры, и невозможно воспроизвести эту функцию без нее. Мышление не возникает исторически. Но откуда возникли сами культура и цивилизация, если мы полагаем, что мышление по отношению к ним вторично? Классическая немецкая философия в лице Фихте, Шеллинга, Гегеля обнаружила, что мышление является не чем иным, как преобразовательной деятельностью человека. Исследователь мышления философ М. Л. Бурик обращает внимание на то, что деятельность является основным источником формирования субъектности: «Понимание деятельности оказывается краеугольным камнем, той осью, вокруг которой вертится философия в попытке найти начало и понять логику движения как общественного, так и индивидуального сознания человека» [2, с. 37]. Деятельность порождает культуру и цивилизацию. Под деятельностью понимается целенаправленное преобразование окружающего мира, практика взаимодействия с ним. Это проявляется вначале в использовании предметов природы в целях, которые в природе не наблюдаются без человека (создание примитивных орудий труда), а затем — в использовании созданных людьми предметов в соответствии с логикой, вложенной в эти предметы. Индивид, осваивая эту изначально внешнюю для него логику, приобретает то, что мы называем мышлением. То есть мышление — это отраженная в сознании деятельность, направленная на предметный мир. В этих отношениях и «таится» ответ на вопрос, как возникает мышление: не из мозга, а лишь при помощи мозга — в отношениях между людьми и созданным этими людьми предметным миром, — в конечном итоге, миром цивилизации. Следовательно, то, что мы называем человеческим интеллектом, на практике оказывается искусственным, т. е. тоже созданным человеком — культурой, историей.

Таким образом, философия могла бы передать технологии вывод, что способность мыслить определяется не индивидуально-морфологическими особенностями строения мозга (они суть необходимая, но недостаточная для технологии ИИ конструкция), а тем, насколько индивид погрузился в предметную деятельность общества и его цивилизацию. Ильенков с соавторами об этом пишут: «Мышление всегда было и остается индивидуально осуществляемой функцией общего всем людям *тела цивилизации*» [1, с. 267]. То есть для создания сильного ИИ необходима не только электронная машина, которая пусть даже в точности копировала бы «механизмы» здорового мозга и содержала бы в себе аналоги 15 миллиардов нейронов, но и «цивилизация» таких же машин, где одна машина не способна мыслить вне взаимодействия с остальными — точно так же, как не способен мыслить человек вне человеческого общества.

Предположим, что достаточно решить первую часть уравнения — создать особую нейросеть, копирующую принципы работы человеческого мозга. Такая система ИИ не будет мыслить. Вторая часть уравнения состоит в том, чтобы создать внешние условия для приложения интеллектуальных сил. Под этими условиями можно понимать «машинное обучение», однако и у него есть недостатки, которые мы рассмотрели в статье, посвященной вопросу машинного обучения ИИ [12]. Развитие информационных технологий показывает нам, что исключительно человеческие функции обобщения и классификации могут быть автоматизированы посредством нейронных сетей. Из этого можно вывести утверждение, что человек, выполняя эти функции, все предшествующие эпохи выполнял лишь машинные операции. Однако такое утверждение будет ложным: есть отличие в том, как их выполняют машина и человек. Машина оперирует знаками, за которыми нет ничего, кроме логической схемы, созданной умом программиста,

а значит, нет умственной деятельности. Человек, в отличие от машины, оперирует иными знаками — знаками как носителями форм практической деятельности.

Ильенков говорит, что для создания ИИ необходима машинная цивилизация. Создание ИИ, который «черпал бы мышление из человеческой цивилизации», по рассуждениям Ильенкова, потребовало бы создания «тела» машины таким, каково оно является у живого человека, со всеми его «интимными», сложными подробностями. «Тело» ИИ составляют искусственные материалы. Тем не менее ИИ черпает опыт, необходимый для выполнения задуманных человеком функций, из опыта человеческой культуры: современные нейросети и ранее упомянутый ChatGPT обучались на огромной информационной базе современного знания. Является ли этот факт подтверждением использования человеческой цивилизации для формирования машинного интеллекта? Во времена Ильенкова ничего подобного и представить было нельзя, однако он заметил, что в создании ИИ, полностью подобного человеческому, нет практической необходимости. Практические цели требуют от современного общества автоматизации рутинного человеческого труда, но не творческого. Стремление создать машину, способную к действительному творчеству в условиях, когда основная часть человечества вынуждена выполнять рутинную работу и расходовать жизненные силы на однообразные операции, является *сублимацией собственного творческого потенциала*, закрепощением по принципу: «пусть хоть машины будут свободны, раз я не могу». Так не логичней ли выступать за раскрепощение и развитие человеческих талантов, а рутину, однообразие отдать машинам? Не этого ли требует наша эпоха? Именно к таким выводам приходит Эвальд Ильенков, рассуждая (еще до начала транзисторной эпохи) о возможности создания машины, думающей, как человек. Размышления Ильенкова даже

более актуальны сегодня, чем в эпоху ламповой техники. Чем дальше развивается компьютерная техника, совершенствуется архитектура ИИ, чем лучше машины «имитируют» интеллект, тем острее встает вопрос о коренном отличии искусственного интеллекта от естественного, обостряется противоречие между техническими и гуманитарными науками, что в конечном счете поднимает фундаментальный вопрос о сущности человека, которую он может утратить в случае неверного решения этого вопроса. Это антагонистическое противоречие так или иначе будет разрешено исторически, Ильенков же использовал всю свою творческую силу, чтобы направить это решение в пользу раскрытия человеческого духа.

Список литературы и источников

1. *Арсеньев А. С., Ильенков Э. В., Давыдов В. В.* Машина и человек, кибернетика и философия // Ленинская теория отражения и современная наука: материалы Совещания по современным проблемам материалист. диалектики. 7—9 апр. 1965 г. М.: Наука, 1966. С. 263—284.
2. *Бурик М. Л.* Проблема начала или предельной единицы сознания как основа становления субъекта исторического действия // Вестник БГУ. Философия. 2023. № 2. С. 32—39. <https://doi.org/10.18101/1994-0866-2023-2-32-39> EDN: DLHGKB.
3. *Гутенев М. Ю.* Проблема искусственного интеллекта в философии XX века // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. 2012. № 4 (32). С. 77—80. EDN: PKXLAF.
4. *Дубровский Д. И.* Задача создания Общего искусственного интеллекта и проблема сознания // Философские науки. 2021. Т. 64. № 1. С. 13—44. <https://doi.org/10.30727/0235-1188-2021-64-1-13-44> EDN: JHRHDC.
5. *Ермилов К. А.* Постчеловек, искусственное тело и пределы трансгуманизма // Acta

- Eruditorum. 2021. № 37. С. 47—50. <https://doi.org/10.25991/AE.2021.2.37.002> EDN: RLVZMB.
 6. **Ильенков Э.** Материализм воинствующий — значит диалектический // Коммунист. 1976—1980: [сб.] / отв. за выпуск Л. К. Науменко; сост. В. П. Игнатовский. М.: Правда, 1981. С. 398—420.
 7. **Махаматов Т. М.** Философские основания искусственного интеллекта // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2019. Т. 9. № 4 (40). С. 52—56. <https://doi.org/10.26794/2226-7867-2019-9-4-52-56> EDN: MLBDZJ.
 8. **Пихорович В. Д.** Очерки истории кибернетики в СССР. М.: URSS: Ленанд, 2016. 258 с. (Наука в СССР: Через тернии к звездам; № 31).
 9. **Соболев С.** О машинах, живых существах, «искусственном способе»... // Возможное и невозможное в кибернетике: сб. статей / под ред. акад. А. Берга, Э. Кольмана; сост. В. Д. Пекелис. М.: Наука, 1964. С. 83—85.
 10. **Сукиасян С. Г.** Биологические и социальные корни поведения человека // Психология и психотехника. 2016. № 4 (91). С. 343—352. <https://doi.org/10.7256/2070-8955.2016.4.19431> EDN: WKBUQZ.
 11. **Энгельс Ф.** Диалектика природы / Ин-т Маркса-Энгельса-Ленина при ЦК КПСС. М.: Госполитиздат, 1953. XVIII, 328 с.
 12. **Чибисов О. Н.** Гносеология машинного обучения сильного искусственного интеллекта // Наука. Искусство. Культура. 2024. № 2 (42). С. 143—157. EDN: YXKOHW.
 13. **Turing A. M.** Computing machinery and intelligence // Mind. New Series. 1950. Vol. 59. No. 236. P. 433—460.
- ### References
1. Arsen'yev A. S., Il'yenkov E. V., Davydov V. V. "Machine and Human, Cybernetics and Philosophy". *Leninskaya teoriya otrazheniya i sovremennaya nauka: materialy Soveshchaniya po sovrem. problemam materialist. dialektiki*. 7—9 apr. 1965 g. Moscow: Nauka, 1966. 263—284. (In Russian).
 2. Burik M. L. "The Problem of Elementary or the Ultimate Unit of Consciousness as a Basis for Formation of Historical Action". *Vestnik BGU. Filosofiya = BSU Bulletin. Philosophy* 2 (2023): 32—39. (In Russian). <https://doi.org/10.18101/1994-0866-2023-2-32-39>
 3. Gutenev M. Yu. "Problem of Artificial Intelligence in the Philosophy of the 20th Century". *Vestnik Chelyabinskoy gosudarstvennoy akademii kul'tury i iskusstv = Herald of the Chelyabinsk State Academy of Culture and Arts* 4 (32) (2012): 77—80. (In Russian).
 4. Dubrovsky D. I. "The Task of the Creation of Artificial General Intelligence and the Problem of Consciousness". *Filosofskiye nauki = Russian Journal of Philosophical Sciences* 64.1 (2021): 13—44. (In Russian). <https://doi.org/10.30727/0235-1188-2021-64-1-13-44>
 5. Ermilov K. A. "Posthuman, Artificial Body and the Limits of Transhumanism". *Acta Eruditorum* 37 (2021): 47—50. (In Russian). <https://doi.org/10.25991/AE.2021.2.37.002>
 6. Ilyenkov E. "Materialism is Militant — It Means Dialectical". *Kommunist. 1976—1980: [collection]*. Respons. ed. L. K. Naumenko. Comp. V. P. Ignatovskiy. Moscow: Pravda, 1981. 398—420. (In Russian).
 7. Makhamatov T. M. "Philosophy of Artificial Intelligence". *Gumanitarnie nauki. Vestnik Finansovogo universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University* 9.4 (40) (2019): 52—56. (In Russian). <https://doi.org/10.26794/2226-7867-2019-9-4-52-56>
 8. Pikhorovich V. D. *Essays on History of Cybernetics in the USSR*. Moscow: URSS; Lenand, 2016. 264 p. (In Russian). *Nauka v SSSR: Cherez ternii k zvezdam* 31.

9. Sobolev S. "On Machines, Living Beings, 'Artificial Way'...". *Vozможnoye i nevozможnoye v kibernetike*: collection. Ed. by acad. A. Berg, acad. E. Kol'man. Comp. by V. D. Pekelis. Moscow: Nauka, 1964. 83—85. (In Russian).
10. Sukiasyan S. G. "Biological and Social Roots of Human Behavior". *Psikhologiya i psikhotekhnika = Psychology and Psychotechnics* 4 (91) (2016): 343—352. (In Russian). <https://doi.org/10.7256/2070-8955.2016.4.19431>
11. Engels Friedrich. *Dialektik der Natur*. Berlin: Holzinger, 2013. 268 S. (In German).
12. Chibisov O. N. "Gnoseology of Machine Learning for Artificial General Intelligence". *Nauka. Iskusstvo. Kul'tura = Science. Arts. Culture* 2 (42) (2024): 143—157. (In Russian).
13. Turing A. M. "Computing Machinery and Intelligence". *Mind* ns 59.236 (1950): 433—460.

Информация об авторе

Чибисов Олег Николаевич — аспирант 3 курса направления 47.06.01 Философия, этика и религиоведение Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина (Россия, 196605, Санкт-Петербург, г. Пушкин, Петербургское шоссе, д. 10). ORCID: 0000-0002-6822-7207. SPIN-код: 6492-5479.

Information about the author

Oleg N. Chibisov — 3rd year Postgraduate Student at the Direction 47.06.01 Philosophy, Ethics and Religious Studies, Pushkin Leningrad State University (Russia, 196605, St. Petersburg, Pushkin, Peterburgskoe shosse, 10). ORCID: 0000-0002-6822-7207. SPIN code: 6492-5479.

Статья поступила в редакцию 11.12.2023.

The article was submitted 11.12.2023.

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ СИСТЕМА КООРДИНАТ: ОБРАЗОВАНИЕ, ВОСПИТАНИЕ, РАЗВИТИЕ ЧЕЛОВЕКА PEDAGOGICAL COORDINATE SYSTEM: EDUCATION, UPBRINGING, HUMAN DEVELOPMENT

Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2024. № 4 (44). С. 176—185.

Economic and Social Research. 2024. No. 4 (44). P. 176—185.

Научная статья

УДК 372.881.1

doi: 10.24151/2409-1073-2024-4-176-185

<https://www.elibrary.ru/tqwscc>

Лингводидактические функции учителя иностранного языка, использующего инструменты на базе искусственного интеллекта

Н. Л. Байдикова¹, Е. С. Давиденко², М. С. Бирюков³, В. С. Николаев⁴, С. С. Широков⁵

Национальный исследовательский университет «МИЭТ», Москва, Россия

¹ Nataleon22@list.ru

² des_kr@mail.ru

³ mahbetovskylucky@gmail.com

⁴ fun4ikk@yandex.ru

⁵ Shirokov.stepa@yandex.ru

Аннотация. Освещен вопрос расширения лингводидактических функций учителя иностранного языка при использовании в образовательных целях инструментов, созданных на базе искусственного интеллекта. Рассмотрены цифровые платформы для обучения иностранному языку, базирующиеся на искусственном интеллекте. Кратко описаны инструменты и их функциональные возможности. Предложен ряд критериев для оценивания каждого из инструментов. Проведенный авторами сравнительный анализ инструментов показал, что каждый из них имеет как сильные, так и слабые стороны. Опираясь на характеристики цифровых платформ, авторы выделили пять лингводидактических функций, которые необходимы учителю иностранного языка при работе с инструментами на базе искусственного интеллекта: диагностическую, мотивационную, аналитическую, методическую, корректирующую. Реализация лингводидактических функций позволит учителю использовать платформы в комплексе и компенсировать их недостатки, что будет способствовать повышению эффективности обучения иностранному языку.

Ключевые слова: лингводидактические функции, искусственный интеллект, средства обучения, платформы для обучения иностранному языку, виды речевой деятельности, лексико-грамматические навыки

Для цитирования: Лингводидактические функции учителя иностранного языка, использующего инструменты на базе искусственного интеллекта / Н. Л. Байдикова, Е. С. Давиденко, М. С. Бирюков и др. // Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2024. № 4 (44). С. 176—185. <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2024-4-176-185>
EDN: TQWSCC.

© Байдикова Н. Л., Давиденко Е. С., Бирюков М. С., Николаев В. С., Широков С. С.

Original article

Linguodidactic functions of a foreign language teacher using artificial intelligence-based tools

N. L. Baydikova¹, E. S. Davidenko², M. S. Biryukov³, V. S. Nikolaev⁴, S. S. Shirokov⁵

National Research University of Electronic Technology, Moscow, Russia

¹ Nataleon22@list.ru

² des_kr@mail.ru

³ mahbetovskylucky@gmail.com

⁴ fun4ikk@yandex.ru

⁵ Shirokov.stepa@yandex.ru

Abstract. In this work, the authors examine the issue of expanding the linguodidactic functions of a foreign language teacher when using artificial intelligence-based tools for educational purposes. The authors consider digital platforms based on artificial intelligence for teaching a foreign language. A brief description of the tools and their functionality is given. A number of criteria for evaluating each of the tools are proposed. A comparative analysis of the tools conducted by the authors showed that each of them has both strengths and weaknesses. Based on the characteristics of the digital platforms, the authors have identified five linguodidactic functions that a foreign language teacher needs when working with artificial intelligence-based tools: diagnostic, motivational, analytical, methodological, and corrective. The implementation of linguodidactic functions will allow the teacher to use the platforms in a complex and compensate for their shortcomings, which will help to increase the effectiveness of foreign language teaching.

Keywords: linguodidactic functions, artificial intelligence, learning tools, foreign language learning platforms, speech activity types, lexical-grammatical skills

For citation: Baydikova N. L., Davidenko E. S., Biryukov M. S., Nikolaev V. S., Shirokov S. S. "Linguodidactic Functions of a Foreign Language Teacher Using Artificial Intelligence-Based Tools". *Economic and Social Research* 4 (44) (2024): 176—185. (In Russian). <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2024-4-176-185> EDN: TQWSCC.

Введение

Научно-технический прогресс вносит изменения во все сферы человеческой деятельности, в том числе и в образовательные технологии. Одно из самых быстроразвивающихся направлений — искусственный интеллект (ИИ). Он предлагает учителю широкие общедидактические и методические возможности: «С каждым днем этих форм искусственного интеллекта становится все больше. Инструменты искусственного интеллекта (ИИ) по запросу пользователя за несколько секунд генерируют планы уроков,

презентации, изображения, тексты, вопросы, интеллект-карты и другие учебные материалы» [3]; «Обучение с использованием нейронных сетей позволяет персонализировать процесс изучения, адаптировать учебный материал к потребностям каждого конкретного ученика, а также обеспечивать непрерывное и эффективное обучение в любое время и в любом месте» [4, с. 221].

Действительно, всё больше и больше педагогов используют инструменты, созданные на основе искусственного интеллекта (ИИ-инструменты), в своей профессиональной

деятельности, в том числе и учителя иностранного языка. Исследователи пишут: искусственный интеллект активно интегрируется в образовательный процесс, и становится очевидным, что с каждым годом масштабы применения этих сквозных цифровых технологий будут только расти [8, с. 288; 9]. Исследователи также отмечают, что искусственный интеллект изменит роль учителя в целостном педагогическом процессе и потребует от него освоения принципиально новых функций: «...их [цифровых технологий. — Прим. ред.] развитие и массовое распространение в качестве новых средств обучения неминуемо влечет за собой преобразование деятельности субъектов учебного процесса — преподавателей и студентов и появление новых форм этой деятельности» [1, с. 175; 6]. Цель нашего исследования — раскрыть лингводидактические функции учителя иностранного языка, использующего инструменты на базе искусственного интеллекта.

Общая характеристика Eigo.AI, Twee, YandexGPT как инструментов преподавателя

Для выявления (и составления перечня) новых задач, встающих перед учителем иностранного языка в связи с проникновением ИИ в педагогический процесс, представим сравнительный анализ лингводидактических возможностей различных инструментов, генерирующих задания с помощью систем ИИ.

В качестве объектов исследования были выбраны следующие инструменты:

1. YandexGPT.
2. Eigo.AI.
3. Twee.

Следует отметить, что данные инструменты качественно отличаются друг от друга — и сравнивать их между собой или утверждать, что какой-то из перечисленных выше инструментов превосходит другие, было бы нецелесообразно. В связи с этим

нами предпринята попытка проанализировать лингводидактический потенциал упомянутых выше инструментов, оценив достоинства и недостатки каждого из инструментов по ряду критериев.

Прежде всего последовательно опишем функционал каждого из инструментов.

Платформа Eigo.AI представляет собой набор коротких уроков для обучения английскому языку, сгенерированных нейросетью. В каждом уроке есть несколько этапов: просмотр видео, чтение текста, аудирование, работа над изученной лексикой, письменный ответ на вопрос, связанный с темой урока, и обсуждение темы урока с чат-ботом. Перед публикацией на сайте все уроки дополнительно проверяют носители языка, чтобы избежать ошибок, которые может допустить ИИ. Уроки на платформе разделены по темам. Уже сейчас на сайте доступны сотни уроков на разные темы (подкатегории), например: «Should Tiktok be banned?», «The Super bowl», «Neuralink: A Brain Computer Interface». Для полного доступа ко всем темам нужно зарегистрироваться на сайте. Без приобретения платной подписки некоторый функционал платформы недоступен, но это незначительно сказывается на качестве материала. Интерфейс платформы интуитивно понятен и не вызывает затруднений при использовании.

Платформа Twee, предназначенная специально для учителей и преподавателей иностранного языка, позволяет создавать и редактировать:

- тексты на основе введенной преподавателем темы и лексики, причем в запросе можно учесть жанр текста, количество слов, уровень владения английским у обучающихся;
- скрипты роликов с видеохостингов YouTube или Vimeo;
- большое количество разнообразных заданий к этим текстам и скриптам [2, с. 1432—1433].

Для начала работы с Twee необходимо зарегистрироваться. Весь основной

функционал платформы будет доступен сразу, однако без платной подписки вы сможете создавать лишь ограниченное количество заданий в месяц — 30. Интерфейс Twee, хотя и требует небольшого количества времени и усилий на ознакомление, в целом довольно приятен и понятен пользователю.

YandexGPT — языковая модель, разработанная компанией Яндекс. YandexGPT может быть использована для различных задач, таких как генерация текста, ответы на вопросы, выполнение заданий на основе текста и многое другое. Она способна создавать реалистичные и связные тексты на разных языках, включая английский. YandexGPT могут использовать в учебных целях и учителя, и ученик. С помощью этой модели можно создавать обучающие материалы, проводить исследования и решать различные учебные задачи. *Ученик* может использовать YandexGPT для подготовки домашних заданий, написания эссе и изучения новых тем. *Учитель* может использовать модель для создания интерактивных уроков, проверки заданий и оценки знаний обучающихся. Инструмент доступен бесплатно, но для использования необходимо иметь Яндекс-аккаунт. Интерфейс платформы интуитивно понятен.

Сравнение ИИ-инструментов

Для оценки лингводидактического потенциала перечисленных выше ИИ-инструментов нами разработан ряд критериев. Критерии соотносятся не только с характеристиками цифровых платформ, но и с лингводидактическими функциями, которые необходимы учителю иностранного языка при работе с технологиями ИИ. Максимальная оценка по каждому из критериев — 3 балла.

Остановимся последовательно на каждом из критериев.

Критерий 1. Возможности адаптировать платформу к уровню языка обучающихся

Eigo.AI. Обучающиеся или педагог могут самостоятельно выбрать один из трех предложенных платформой уровней (Beginner,

Intermediate или Advanced), однако данная система достаточно поверхностна, потому что изменяется только текст для чтения и аудирования. *Оценка 2.*

Twee. Платформа позволяет учитывать уровень языка обучающихся при составлении заданий: Beginner (A1, A2); Intermediate (B1, B2); Advanced (C1, C2). Однако иногда задания и (или) ответы на них могут быть одинаковыми для уровня как Beginner, так и Advanced. Скорее всего, это связано с набором заданной преподавателем лексики или с уровнем языка в видео (непросто придумать вопрос уровня C1, ответом на который будет «banana»). *Оценка 2,5.*

YandexGPT. При запросе педагог может указать требуемый уровень языка — и языковая модель подстроится под запрос. *Оценка 3.*

Способность платформ с помощью ИИ генерировать задания разной сложности соответствует *диагностической функции* учителя иностранного языка, при реализации которой учитель, в свою очередь, определяет уровень коммуникативной компетенции учащихся и соотносит результаты с уровневой шкалой, используемой в конкретном цифровом сервисе. Традиционно принятые обозначения уровней владения иностранным языком (A, B, C) могут расходиться с реальной трудностью сгенерированных на разных платформах заданий. Задача учителя в начале работы с новым цифровым инструментом — установить соответствие между заявленной и реализуемой на платформе уровневой языковой шкалой с целью определить оптимальный уровень сложности генерируемых заданий для учащихся класса.

Критерий 2. Возможности для повышения мотивации обучающихся

Eigo.AI. Уроки на платформе весьма коротки, темы уроков актуальны и могут заинтересовать обучающихся. Уроки сопровождаются аудиовизуальными материалами. Однако из-за однотипности предложенных

заданий обучающиеся могут быстро потерять к ним интерес. *Оценка 2.*

Twee. Функционал Twee позволяет создавать множество различных заданий, включающих ролевые игры, задания на обсуждения и пр., что, на наш взгляд, положительно сказывается на мотивации обучающихся и обеспечивает разнообразие учебного процесса. *Оценка 3.*

YandexGPT. Данная функция не реализована на платформе, так как она служит лишь вспомогательным инструментом для составления заданий, а всё остальное зависит от педагога. *Оценка 0.*

Возможности ИИ в генерировании актуального и разнообразного контента позволяют учителю иностранного языка реализовать *мотивирующую функцию*. Так, учитель может передать ИИ-инструментам функцию поиска необходимого мотивирующего учебного материала. Однако он должен предварительно задать параметры такого поиска, основываясь на знании интересов, потребностей и устремлений своих учеников. Делегирование функции поиска необходимого контента различным ИИ-инструментам высвобождает время и когнитивные ресурсы учителя, которые могут быть потрачены на изучение структуры мотивации школьников с помощью специальных диагностических методик или метода наблюдения.

Критерий 3. Возможность интеграции с учебниками

Ego.AI. При наличии схожих тем на платформе и в УМК (что нечасто случается) интеграция возможна. При этом необходимо учитывать различия в составе лексического материала в учебнике и в уроке на платформе. *Оценка 1.*

Twee. Возможна интеграция с учебниками, используемыми в школе и в вузе. Однако грамматические упражнения не отличаются разнообразием. *Оценка 2,5.*

YandexGPT. Нейросеть не предназначена для интеграции с УМК, но может быть использована учителем. Если ввести тему, лексику

и грамматические структуры урока и обратиться к нейросети с запросом составить план урока и комплекс упражнений, то она не выполнит задание. Платформа может только создать отдельные упражнения, но для каждого из них нужен будет и отдельный запрос. *Оценка 1,5.*

Обращаясь к критерию 3, необходимо отметить, что методический анализ УМК и выявление достаточности или недостаточности систем упражнений по формированию отдельных языковых навыков и речевых умений остаются прерогативой учителя. Реализуя *аналитическую лингводидактическую функцию*, учителя оценивают, каких материалов не хватает и насколько контент, сгенерированный нейросетью, может быть встроен как дополнительный дидактический материал в авторскую концепцию учебника.

Критерий 4. Возможности для формирования лексико-грамматических навыков

Ego.AI. Обучение грамматике не предусмотрено на платформе, а обучение лексике ограничивается заучиванием дефиниций слов без каких-либо средств наглядности. *Оценка 1.*

Twee. Платформа позволяет генерировать различные упражнения для формирования лексических навыков, однако количество заданий для обучения грамматике невелико. *Оценка 2.*

YandexGPT. Справляется с задачей по формированию лексико-грамматических навыков, если правильно сформулировать соответствующий запрос. *Оценка 2.*

Критерий 4 для оценки цифровых платформ, использующих ИИ, отражает чисто *методическую функцию* учителя иностранного языка — его умение планировать и организовывать деятельность учащихся по освоению иноязычного языкового материала.

Критерий 5. Возможности для обучения видам речевой деятельности

Ego.AI. С помощью платформы обучающиеся могут работать над тремя видами речевой деятельности: чтением, аудированием и письмом. Большая часть упражнений на платформе — языковые. Задания в разделе

«Письмо» находятся в тестовом режиме. Особенность данной платформы — недавно добавленный на сайт раздел «Обсуждение». Это чат-бот, который имитирует реальный разговор с пользователем и позволяет общаться с помощью текстовых сообщений. *Оценка 2.*

Twee. С помощью Twee можно составлять задания на обучение всем видам речевой деятельности. Однако платформа не может *озвучить* составленные тексты. Поэтому обучение аудированию возможно при помощи сторонних программ, которые озвучивают тексты, или с помощью видеороликов. *Оценка 2,5.*

YandexGPT. При правильном запросе нейросеть может сгенерировать задания на обучение любому виду речевой деятельности. Но пока она не может воспроизводить составленный ею текст, что создает некоторые ограничения при обучении аудированию. *Оценка 2.*

Критерий 5, по которому оценивают возможности ИИ-инструментов обучать видам речевой деятельности, так же, как и критерий 4, отражает *методическую функцию* учителя иностранного языка.

Критерий 6. Качество составленных заданий и возможность их редактирования

Eigo.AI. Задания на платформе созданы на основе аутентичных текстов, которые дополнительно проверяют носители языка перед публикацией в открытом доступе, но большая часть заданий на платформе — языковые. Возможность редактировать задания на платформе отсутствует. *Оценка 1,5.*

Twee. Платформа составляет довольно качественные задания и варианты ответов к ним, но их необходимо проверять вручную и редактировать. Например, платформа может составить вопрос, ответа на который не было дано в тексте. Для этого существует многофункциональный редактор (при помощи которого можно исправлять ошибки, убирать ненужное и (или) дополнять задания, а также усложнять / облегчать тексты). *Оценка 2,5.*

YandexGPT. Нейросеть создает качественные языковые и речевые упражнения

на основе аутентичных текстов, но для этого нужно составить грамотный запрос. Педагог также может редактировать задания последующими запросами. *Оценка 2,5.*

Возможность редактирования заданий, генерируемых искусственным интеллектом, учитель иностранного языка реализует за счет *корректирующей функции*. Стоит отметить, что редактированию может подвергаться не только внешняя, формальная сторона составленных цифровыми платформами заданий, но также и их содержание. Как подчеркивают исследователи, необходимо проверять информацию, представленную ИИ, так как она может быть устаревшей или неточной [8].

Результаты сравнительного анализа возможностей ИИ-платформ

Результаты сравнительного анализа возможностей ИИ-платформ представлены в табл. 1.

Из табл. 1 можно сделать вывод, что каждый из рассмотренных выше инструментов имеет как преимущества, так и недостатки. Однако недостатки одной платформы можно компенсировать с помощью других. Например, преподаватель, используя платформу Eigo.AI, может найти текст на актуальную тему, а дальше работать с ним в Twee. После составления комплекса упражнений на взаимосвязанное развитие всех видов речевой деятельности в Twee педагог может обратиться к языковой модели YandexGPT, чтобы она на основе лексики из текста составила грамматические упражнения, которые она генерирует лучше, чем Twee. Кроме того, все обучающиеся, которые не успели устно ответить на уроке, могут обсудить изученный материал с чат-ботом на платформе Eigo.AI (таким может быть домашнее задание).

Сравнительный анализ ИИ-платформ позволил выделить лингводидактические функции, которые задействует учитель иностранного языка при использовании таких цифровых инструментов (табл. 2).

Таблица 1

Результаты анализа возможностей ИИ-платформ по критериям

Критерий оценки	Название инструмента		
	Eigo.AI	Twee	YandexGPT
1. Возможности адаптации платформы к уровню языка обучающихся	2,0	2,5	3,0
2. Возможности для повышения мотивации обучающихся	2,0	3,0	0,0
3. Возможность интеграции с учебниками	1,0	2,5	1,5
4. Возможности для формирования лексико-грамматических навыков	1,0	2,0	3,0
5. Возможности для обучения всем видам речевой деятельности	2,0	2,5	2,0
6. Качество составленных заданий и возможность их редактирования	1,5	2,5	2,5

Таблица 2

Лингводидактические функции учителя иностранного языка при работе с ИИ-инструментами

Функции учителя иностранного языка	Содержание функции
1. Диагностическая	Определение уровня коммуникативной компетенции учащихся и соотнесение с уровневой шкалой, используемой в цифровом сервисе
2. Мотивационная	Выявление мотивов учащихся и подбор с помощью ИИ-систем мотивирующих учебных материалов
3. Аналитическая	Анализ УМК, выявление слабых мест и поиск возможностей дополнить учебник недостающими дидактическими материалами, сгенерированными ИИ-платформами
4. Методическая	Планирование и организация учебной деятельности учащихся по освоению иноязычного языкового материала и видов речевой деятельности
5. Корректирующая	Редактирование заданий, составленных ИИ-платформами

Выводы

Представленный здесь перечень лингводидактических функций, применяемых учителем при использовании ИИ-платформ, не исчерпывается перечисленными пунктами. Он составлен на примере нескольких цифровых инструментов, которые помогают учителю иностранного языка в двух аспектах педагогической деятельности: в *организации учебного процесса* (для разработки упражнений и заданий) и в *непосредственном обучении иностранному языку* (для формирования, развития и контроля сформированности иноязычных навыков и умений). Исследуя возможности применения систем на базе ИИ в обучении иностранному языку, мы не затронули *функцию контроля и оценивания образовательных результатов учащихся*. Можно предположить, что *формализованные* процедуры контроля и оценивания могут быть делегированы цифровым инструментам, а вот оценивать *уровень сформированности критического и творческого мышления учащихся* пока могут только учителя.

За рамками статьи осталось и такое направление дидактической деятельности учителя, как *управление учебным процессом* (а именно разработка индивидуальных траекторий обучения), которое, по мнению исследователей, можно назвать важной перспективной сферой применения ИИ-инструментов в образовании [7, с. 21].

Кроме того, появление новых цифровых инструментов и расширение возможностей ИИ будут ставить перед педагогами новые задачи: «Степень интеграции современных технологий искусственного интеллекта в образование и обучение иностранному языку в частности будет во многом определяться способностью и готовностью учителей и преподавателей использовать ИИ-инструменты в учебном процессе» [5, с. 301]. Освоение дополнительных лингводидактических функций при использовании платформ на основе ИИ позволит учителям

развить свои профессиональные компетенции и повысить эффективность образовательного процесса.

Список литературы и источников

1. *Евдокимова М. Г., Агамалиев Р. Т.* Лингводидактический потенциал систем искусственного интеллекта // Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2023. № 2 (38). С. 173—191. <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2023-2-173-191> EDN: EPHUOK.
2. *Евстигнеев М. Н.* Нейросеть Twee — новый инструмент для педагога английского языка // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2023. Т. 28. № 6. С. 1428—1442. <https://doi.org/10.20310/1810-0201-2023-28-6-1428-1442> EDN: HWAJHP.
3. *Ковальчук С. В., Тараненко И. А., Устинова М. Б.* Применение искусственного интеллекта для обучения иностранному языку в вузе // Современные проблемы науки и образования. 2023. № 6. Ст. 1. <https://doi.org/10.17513/spno.33000> EDN: BARODP.
4. *Смирнова С. А.* Использование нейросети Twee при составлении упражнений на аудирование для учащихся средней школы: [доклад на круглом столе Института ЛПО «Актуальные вопросы современной лингвистики»] // Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2024. № 2 (42). С. 220—223. <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2024-2-220-223> EDN: TSLKJX.
5. *Сысоев П. В.* Использование технологий искусственного интеллекта в обучении иностранному языку: Тематика методических работ за 2023 год и перспективы дальнейших исследований // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2024. Т. 29. № 2. С. 294—308. <https://doi.org/10.20310/1810-0201-2024-29-2-294-308> EDN: CWZKHS.
6. *Сысоев П. В.* Технологии искусственного интеллекта в обучении иностранному языку // Иностранные языки в школе. 2023. № 3. С. 6—16. EDN: QFMZHW.

7. **Титова С. В.** Технологические решения на базе искусственного интеллекта в обучении иностранным языкам // Вестник Московского университета. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2024. № 2. С. 18—37. <https://doi.org/10.55959/MSU-2074-1588-19-27-2-2> EDN: OWSQVG.
 8. **Шобонов Н. А., Булаева М. Н., Зиновьева С. А.** Искусственный интеллект в образовании // Проблемы современного педагогического образования. 2023. № 79-4. С. 288—290. EDN: IPRJAG
 9. **Halaweh M.** ChatGPT in education: Strategies for responsible implementation // Contemporary Educational Technology. 2023. Vol. 15. Iss. 2. Art. No. ep421. <https://doi.org/10.30935/cedtech/13036>
- ### References
1. Evdokimova M. G., Agamaliyev R. T. “Linguo-didactic Potential of Artificial Intelligence Systems”. *Ekonomicheskiye i sotsial'no-gumanitarnyye issledovaniya = Economic and Social Research* 2 (38) (2023): 173—191. (In Russian). <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2023-2-173-191> EDN: EPHUOK.
 2. Evstigneev M. N. “Twee Neural Network as a New Tool for English Language Teacher”. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnyye nauki = Tambov University Review: Series Humanities* 28.6 (2023): 1428—1442. (In Russian). <https://doi.org/10.20310/1810-0201-2023-28-6-1428-1442> EDN: HWAJHP.
 3. Kovalchuk S. V., Taranenko I. A., Ustinova M. B. “Using AI Technologies for Foreign Language Teaching at Universi[t]y”. *Sovremennyye problemy nauki i obrazovaniya = Modern Problems of Science and Education* 6 (2023): 1. (In Russian). <https://doi.org/10.17513/spno.33000> EDN: BARODP.
 4. Smirnova S. A. “Using Twee Neural Network When Composing Listening Exercises for Secondary School Students: [in Proceedings of Round Table of Institute of LPE on Actual Questions of Modern Linguistics]”. *Ekonomicheskiye i sotsial'no-gumanitarnyye issledovaniya = Economic and Social Research* 2 (42) (2024): 220—223. (In Russian). <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2024-2-220-223> EDN: TSLKJX.
 5. Sysoyev P. V. “The Use of Artificial Intelligence Technologies in Foreign Language Teaching: The Subject of Methodological Works for 2023 and Prospects for Further Research”. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnyye nauki = Tambov University Review: Series Humanities* 29.2 (2024): 294—308. (In Russian). <https://doi.org/10.20310/1810-0201-2024-29-2-294-308> EDN: CWZKHS.
 6. Sysoyev P. V. “Artificial Intelligence Technologies in Teaching a Foreign Language”. *Inostrannyye yazyki v shkole = Foreign Languages at School* 3 (2023): 6—16. (In Russian). EDN: QFMZHW.
 7. Titova S. V. “Technological Solutions Based on Artificial Intelligence in Teaching Foreign Languages: An Analytical Review”. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 19: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya = Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication* 2 (2024): 18—37. (In Russian). <https://doi.org/10.55959/MSU-2074-1588-19-27-2-2> EDN: OWSQVG.
 8. Shobonov N. A., Bulaeva M. N., Zinovieva S. A. “Artificial Intelligence in Education”. *Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya* 79-4 (2023): 288—290. (In Russian). EDN: IPRJAG.
 9. Halaweh Mohanad. “ChatGPT in Education: Strategies for Responsible Implementation”. *Contemporary Educational Technology* 15.2 (2023): ep421. <https://doi.org/10.30935/cedtech/13036>
- ### Информация об авторах
- Байдикова Наталия Леонидовна** — кандидат педагогических наук, доцент, доцент Института ЛПО Национального исследовательского университета «МИЭТ» (Россия, 124498, Москва, Зеленоград, пл. Шокина, д. 1).
- Давиденко Елена Сергеевна** — кандидат педагогических наук, доцент, доцент Института ЛПО Национального исследовательского университета «МИЭТ» (Россия, 124498, Москва, Зеленоград, пл. Шокина, д. 1).

Бирюков Максим Сергеевич — студент-магистрант второго года обучения Института ЛПО Национального исследовательского университета «МИЭТ» (Россия, 124498, Москва, Зеленоград, пл. Шокина, д. 1).

Николаев Виктор Сергеевич — студент-магистрант второго года обучения Института ЛПО Национального исследовательского университета «МИЭТ» (Россия, 124498, Москва, Зеленоград, пл. Шокина, д. 1).

Широков Степан Сергеевич — студент-магистрант второго года обучения Института ЛПО Национального исследовательского университета «МИЭТ» (Россия, 124498, Москва, Зеленоград, пл. Шокина, д. 1).

Maxim S. Biryukov — Second Year Master Degree Student at the Institute of LPE, National Research University of Electronic Technology (Russia, 124498, Moscow, Zelenograd, Shokin sq., 1).

Victor S. Nikolaev — Second Year Master Degree Student at the Institute of LPE, National Research University of Electronic Technology (Russia, 124498, Moscow, Zelenograd, Shokin sq., 1).

Stepan S. Shirokov — Second Year Master Degree Student at the Institute of LPE, National Research University of Electronic Technology (Russia, 124498, Moscow, Zelenograd, Shokin sq., 1).

Information about the authors

Natalia L. Baydikova — Cand. Sci. (Ped.), Assoc. Prof., Associate Professor at the Institute of LPE, National Research University of Electronic Technology (Russia, 124498, Moscow, Zelenograd, Shokin sq., 1).

Elena S. Davidenko — Cand. Sci. (Ped.), Assoc. Prof., Associate Professor at the Institute of LPE, National Research University of Electronic Technology (Russia, 124498, Moscow, Zelenograd, Shokin sq., 1).

Статья поступила в редакцию 30.09.2024.

The article was submitted 30.09.2024.

Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2024. № 4 (44). С. 186—193.

Economic and Social Research. 2024. No. 4 (44). P. 186—193.

Научная статья

УДК 37.02:81.24

doi: 10.24151/2409-1073-2024-4-186-193

<https://elibrary.ru/gritqc>

Проблемы применения и методы мнемотехники в обучении иностранному языку

С. В. Костенко¹, С. В. Мыскин²

^{1, 2} *Московский городской педагогический университет, Москва, Россия*

¹ *kostenkosv105@mgpu.ru*

² *myskinsv@mgpu.ru*

Аннотация. Авторы фокусируют внимание на лексическом компоненте программы освоения иностранного языка, на проблеме запоминания новых слов и словосочетаний. Сделан краткий анализ разработанности методологии мнемотехники в педагогике. Проведено социологическое исследование с целью определить проблемы практической ориентированности обучения московских школьников иностранному языку с использованием мнемотехники. Разработан метод применения мнемотехники для развития лексических навыков на уроках английского языка.

Ключевые слова: мнемотехника, метод обучения, лексические навыки, запоминание, иностранный язык

Для цитирования: Костенко С. В., Мыскин С. В. Проблемы применения и методы мнемотехники в обучении иностранному языку // Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2024. № 4 (44). С. 186—193. <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2024-4-186-193> EDN: GRITQC.

Original article

Application problems and methods of mnemotechnics in a foreign language teaching

S. V. Kostenko¹, S. V. Myskin²

^{1, 2} *Moscow City University, Moscow, Russia*

¹ *kostenkosv105@mgpu.ru*

² *myskinsv@mgpu.ru*

© Костенко С. В., Мыскин С. В.

Abstract. The authors focus on the lexical component of the foreign language acquisition program, on the problem of memorizing new words and word combinations. A brief analysis of the development of the methodology of mnemotechnics in pedagogy was performed. A sociological study was conducted to determine the problems of practical orientation of teaching Moscow schoolchildren a foreign language using mnemotechnics. The application method of mnemotechnics for the advancement of lexical skills in English lessons has been developed.

Keywords: mnemotechnics, teaching method, lexical skills, memorization, foreign language

For citation: Kostenko S. V., Myskin S. V. "Application Problems and Methods of Mnemotechnics in a Foreign Language Teaching". *Economic and Social Research* 4 (44) (2024): 186—193. (In Russian). <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2024-4-186-193> EDN: GRITQC.

Введение

Несмотря на широкий арсенал методических приемов, разрабатываемых для расширения лексического словаря обучаемых при освоении иностранного языка, проблема эффективности этих приемов остается актуальной для начального и среднего звена образования, для школьников, только начинающих изучение иностранного языка. Формирование у этой категории обучаемых навыков и умений речевого общения на чужом языке осуществляется при отсутствии у них целостного знания об этом языке, об иных принципах общения и этнокультурной специфике чужого мира. Данное обстоятельство ставит преподавателей перед необходимостью уделять больше внимания расширению словарного запаса учеников, следуя устойчивому мнению, что лексика является ведущим компонентом речевого общения по отношению к грамматике и фонетике. Обширный словарный запас (как активный, так и пассивный) является одним из критериев оценки уровня владения иностранным языком. Поэтому одна из ведущих дидактических задач учебного процесса — это обеспечение наилучшего с точки зрения эффективности запоминания новых лексических единиц с помощью различных методических приемов.

Наиболее популярны стратегии обучения, сформулированные и категоризованные Ребеккой Оксфорд как «инструменты для активного, самонаправленного участия,

которое важно для развития коммуникативной компетентности» [6, с. 1]. К таковым отнесем:

а) *познавательную компетентность*, создание ассоциаций между новой и уже известной информацией;

б) *мнемосхему*, создание ассоциаций между новой и уже известной информацией посредством использования формулы, фразы, стихотворения и др.;

в) *метапознавательную компетентность*, управление собственным познанием посредством планирования, организации и оценки процесса обучения;

г) *компенсационную компетентность*, использование контекста для восполнения недостающей информации в ходе чтения и письма;

д) *эмоциональную компетентность*, регулирование эмоций, мотивации и отношения к процессу обучения;

е) *социальную компетентность*, взаимодействие с другими учениками с целью интенсифицировать и улучшить языковую компетентность [6].

Развитие информационно-коммуникативных технологий и широкое внедрение их в процесс обучения иностранным языкам активизировало научно-прикладные разработки в этой сфере научного знания. Исследователи Д. Г. Васьбиева [2], О. В. Маруневич [4], М. Г. Белеванцева и О. В. Афанасьева [1] разработали комплекс методических подходов к изучению иностранной лексики

с применением цифровых технологий. Сегодня к цифровым технологиям, используемым преподавателями иностранного языка, относятся такие образовательные ресурсы, как Quizlet, Kahoo, Quizziz и др.

Вместе с тем анализ методической литературы позволяет утверждать, что для запоминания иностранных лексических единиц на уроках в школе целесообразно использовать мнемотехнику. Например, в работе педагога К. И. Захаровой систематизируется опыт по применению мнемотехнических приемов для расширения словарного запаса школьников 8 класса [3]. В работе Е. А. Мяснянкиной приведены результаты сбора информации об использовании мнемотехники преподавателями, в ходе которого стало известно, что 62,8 % респондентов прибегают к построению ассоциаций для запоминания новых слов [5]. Ассоциативное соединение нового изучаемого слова с личным опытом обучаемого является важнейшим психологическим механизмом функционирования мнемотехнических приемов. В целом методический потенциал преподавания иностранного языка позволяет повысить эффективность учебного процесса за счет теоретической базы применения мнемотехники.

Опыт использования методологии мнемотехники преподавателями иностранного языка

Обозначим компетенции, требуемые для применения методологии мнемотехники: теоретическое знание мнемотехники, владение технологией мнемотехники, навыки внедрения мнемотехники в учебный процесс, наличие оценочного инструментария, или документов (анкета, опросный лист, тесты и др.), посредством которых оцениваются результаты реализации образовательной программы. Чтобы выяснить степень компетентности преподавателей в части использования мнемотехники, а также причины использования или неиспользования данного методического приема, мы разрабо-

тали специальный опросник для преподавателей иностранного языка. Выборку составили 82 преподавателя, из них 40 учителей из московских школ № 1561 и № 1788, остальные респонденты вошли в выборку при раздаточном анкетировании: учителя из указанных школ попросили пройти анкетирование своих коллег и т. д. Также опрос был ориентирован на российский интернет-сервис Telegram, в качестве респондентов выступили учителя — участники блога «Айсулу Суркашева»¹. При обобщении объективных показателей сделан вывод о равномерном количественном распределении респондентов в группах по опыту работы, где доля более опытных преподавателей в группе со стажем 1—2 года составляет 18,3 %, со стажем 3—5 лет — 22 %, 6—10 лет — 26,8 %, 11 и более лет — 32,9 %.

Результаты анализа применения мнемотехники в учебном процессе показывают следующее: регулярно используют методы мнемотехники в своей профессиональной деятельности 25,6 % респондентов и не используют 74,4 % респондентов. Как свидетельствует диаграмма (рис. 1), среди приемов мнемотехники наиболее популярны фонетические ассоциации (85,7 %), рифмы (66,7 %), аббревиатуры (57,1 %).

Отметим причины применения методов мнемотехники в учебной деятельности, согласно мнению респондентов (рис. 2).

Как видно из рис. 2, преподаватели уверены, что использование мнемотехники не только позволяет выполнить дидактическую задачу запоминания лексических единиц, но и повышает мотивацию к обучению иностранным языкам.

Отдельного рассмотрения требуют ответы большей части респондентов — тех, кто не использует мнемотехнику на уроках

¹ Айсулу Суркашева: [блог]. URL: https://t.me/spokit_aisulu (дата обращения: 23.07.2024); Опрос для учителей [Электронный ресурс] // Google Forms: [веб-сервис]. URL: <https://forms.gle/3WBWhdbGbhv79L2UA> (дата обращения: 23.07.2024).

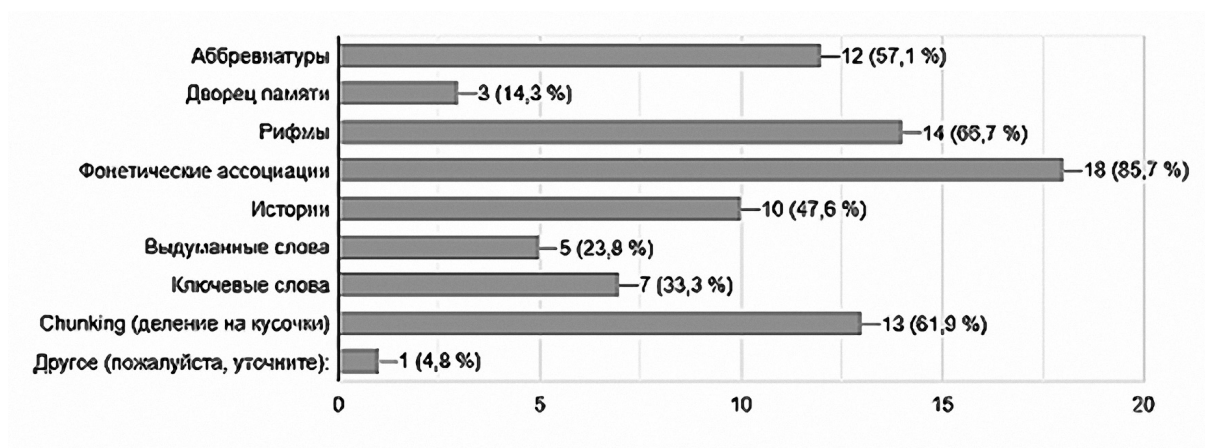

Рис. 1. Сравнительный анализ популярности различных видов мнемотехники у преподавателей иностранного языка

Рис. 2. Сводная диаграмма опроса о причинах использования мнемотехники в преподавательской деятельности на уроках иностранного языка

иностранного языка. Самые распространенные причины отказа от применения мнемотехники — недостаток теоретического и практического материала по данной методологии. Можно утверждать, что в целом преподаватели не прибегают к мнемотехнике по субъективным причинам, а не ввиду объективно аргументированного основания.

Как показало исследование, более половины респондентов (54,9 %) согласны с утверждением, что методология мнемотехники эффективна, а затрудняются с ответом 9,7 %. Вместе с тем только 17 % респондентов ставят под сомнение эффективность мнемотехники.

Результаты опроса показывают в целом умеренную осведомленность преподавателей

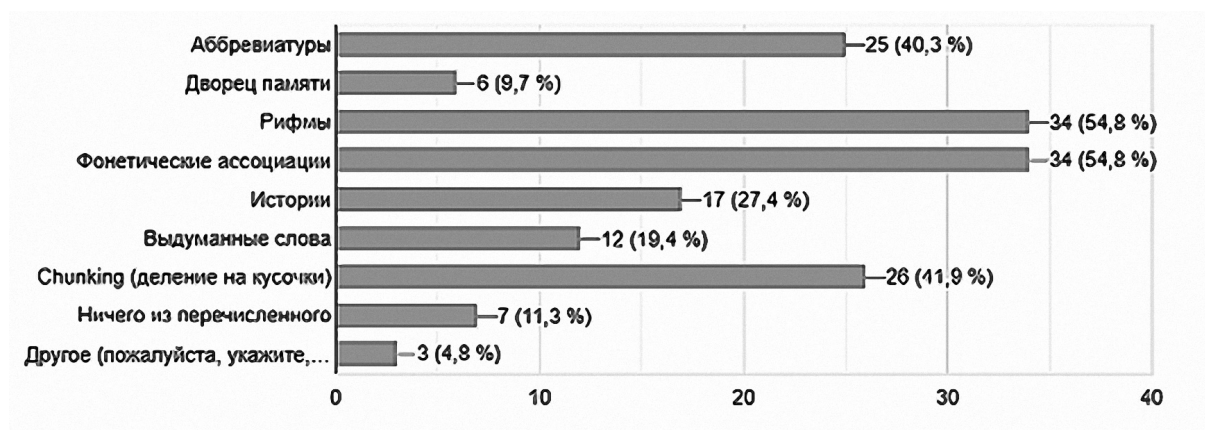

Рис. 3. Сравнительный анализ осведомленности преподавателей о методах мнемотехники

о различных методах мнемотехники, используемых в обучении иностранному языку (рис. 3).

Оценивание готовности преподавателей к овладению мнемотехникой выявило общее согласие с такого рода повышением квалификации. Из полученных данных следует, что для обучения преподаватели предпочитают использовать информационно-коммуникативные технологии, так как они доступны в онлайн-среде.

Авторский метод применения мнемотехники для развития лексических навыков на уроках английского языка

На основании результатов опроса был сделан вывод о целесообразности внедрения нового метода мнемотехники в целях развития лексических навыков. Мы разработали такой метод и обсудили возможность его освоения на онлайн-семинарах с теми преподавателями иностранного языка, которые вошли в группу респондентов, участвующих в опросе, и выразили желание применять данный метод на своих занятиях. Кратко представим описание разработанной мнемотехники.

Психолингвистический механизм

Ключевым функциональным свойством мнемотехники как инструмента запоминания

новых слов и словосочетаний является ассоциативная связь новых лексических единиц с уже известными, а также с внутренним, сенсорно-перцептивным опытом. Обучающиеся пытаются найти связь нового слова с информацией, которая хранится в их памяти, используя набор вспомогательных средств — дополнительные сенсорные модальности, такие как визуальная, аудиальная, смысловая, — чтобы значение слова закрепилось в их сознании с помощью ассоциации с цветом, звуком, образом. Причем эффективной и удачной с методической точки зрения принято считать ту модальность и ту ассоциацию, которая будет максимально понятна конкретному ученику и оптимальна для него.

Оптимальный подбор ассоциации

Приведем примеры ассоциаций для учеников 9 класса. Допустим, необходимо освоить слово *bonfire* (костер). Чтобы создать ассоциацию со словом *бондарь* (этимология слова дает нам понятие закупоривания бочек²), необходимо объяснить технологию обжига бочек огнем, поскольку, вероятнее всего, она не известна ученикам, не входит

² Этимологические онлайн-словари русского языка [Электронный ресурс] // Лексикографический интернет-портал. URL: <https://lexicography.online/etymology/> (дата обращения: 16.11.2024).

в их внутренний опыт. Однако с педагогической точки зрения ассоциация удачная, поскольку расширяет кругозор обучаемых.

Напротив, ассоциация с персонажем популярных фильмов о Джеймсе Бонде не потребует объяснения. Легко представить Бонда на фоне огня. Однако организация современного образовательного процесса включает целеполагание, поэтому задачи модуля, соответствующие миссии предмета, должны быть ориентированы, помимо компетенций, еще на воспитательные цели и ценностную сферу. С педагогической точки зрения, учитывая направленность современного образования на развитие личности молодежи как первостепенную задачу обучения, ассоциация с вымышленным секретным агентом британской спецслужбы представляется неудачной, так как ему свойственно пристрастие к азартным играм, курению и алкоголю.

Следует подчеркнуть, что при подборе ассоциации учителю необходимо ориентироваться на интересы группы учеников, на конкретный школьный класс. Естественно, что не представляется возможным подобрать ассоциацию для каждого отдельного ученика, но, как было продемонстрировано выше, можно и следует ориентироваться на интересы группы, будь то музыка, фильмы, видеоигры, субкультурные движения, актуальные мемы и др. Для любителей рок-музыки может быть удачной ассоциация с лидером группы *Bon Jovi*.

План урока

Приведем фрагмент плана урока для учеников 9 класса, обучение по учебнику *Spotlight 9*, по первому модулю, тема которого — праздники. Цель — освоить ряд тематических слов: *burst* [bɜːst] — лопаться, *bonfire* ['bɒnfaiə] — костер, *contest* ['kɒntest] — соревнование/конкурс, *enter* ['entə] — войти/участвовать в соревновании, *farewell* [feə'wel] — прощаться, *join* [dʒɔɪn] — присоединяться, *include* [ɪn'klud] — включать

в себя, *messy* ['mesi] — грязный, *mock* [mɒk] — поддельный/шуточный, *straw* [strɔː] — солома.

I. Этап предъявления нового материала.

1. Учитель выводит список слов на демонстрационную доску, уточняет с помощью опроса, какие слова уже известны ученикам. Затем демонстрирует картинки-иллюстрации к каждому из неизвестных слов. Ученики стараются догадаться, к какому слову подходит значение картинки. Учитель при необходимости корректирует ответы.

2. Учитель дает пример, чтобы вдохновить учеников на создание собственных ассоциаций. Пример создания ассоциации к слову *farewell*: учитель объясняет, что такое *фавела* (сообщество бедных жителей), и показывает на экране картинку (например, такую: человек покидает фавелу) с целью вызвать ассоциацию. Картинка сгенерирована по запросу посредством сервиса YandexART.

3. Учитель делит учеников на три-четыре группы и предлагает подобрать фонетические ассоциации к оставшимся словам. Ученики должны записать ассоциации, зарисовать или сгенерировать через специальные сервисы. Через десять минут ученики из разных групп (по выбору) представляют свои ассоциации. К словам, наиболее трудным для создания ассоциации, учитель предлагает свои варианты. Ученики обсуждают, какие ассоциации самые удачные лично для них и почему.

II. Этап тренировки в употреблении лексики.

1. Учитель собирает самые популярные ассоциации в случайном порядке и демонстрирует их, чтобы ученики записали, к каким словам, по их мнению, подходят эти ассоциации. Учитель выводит на демонстрационную доску правильные ответы, а ученики сверяют с ними свои записи, исправляя ошибки, если таковые имеются.

2. Учитель предлагает каждому ученику самостоятельно распределить слова на несколько групп по любому критерию:

часть речи, одинаковая первая буква и др. Через пять минут ученики показывают результат своей работы.

3. Учитель демонстрирует на доске предложения с пропущенными словами (эти слова были изучены ранее). Ученикам предлагается вставить пропущенные слова. Семь минут отводится на письменное выполнение задания в тетрадях. Далее учитель выводит на доску правильные ответы, чтобы ученики могли сверить их со своими вариантами. В диалоге учителя с учениками обсуждению подлежат предложения, вызвавшие трудности.

III. Этап применения новой лексики.

Цель данного этапа — применить лексику в устной и (или) письменной речи. Учитель делит учеников на пары и предлагает провести абсурдное интервью в стиле телешоу. Ученикам предлагается выбрать известное им телешоу. Однако учитель контролирует этот выбор. Например, шоу «Между двумя папоротниками» американского актера и комика Зака Галифианакиса представляется неудачным, поскольку предполагает возрастное ограничение 16+ и имеет целью нарушить самообладание гостей шутками в адрес их внешности и личной жизни. Данный контекст не соответствует задачам российского образования. Условие задания — использовать в интервью изученные слова. На подготовку к интервью отводится семь минут, на проведение интервью — семь минут.

Выводы

Принимая во внимание обозначенные нами проблемы и методы применения мнемотехники, сформулируем ряд предварительных выводов. У преподавателей школ существует устойчивая мотивация к овладению методами мнемотехники и использованию их на уроках иностранного языка. Однако ввиду отсутствия специализированной подготовки формируются субъективные оценочные суждения об эффективности мнемотехники,

что является демотивирующим фактором в отношении применения данной методологии. Разработанный нами метод использования мнемотехники на уроках английского языка призван снизить уровень неосведомленности преподавателей и сформировать объективную компетентностную основу квалификации, которая требуется для развития лексических навыков обучаемых. Метод может быть включен в краткосрочную программу дополнительной подготовки учителей иностранного языка. Мнемотехника сегодня выступает перспективным прикладным решением задачи повышения мотивации обучаемых к овладению иностранной лексикой.

Список литературы и источников

1. *Белеванцева М. Г., Афанасьева О. В.* Возможности использования современных информационных и коммуникационных технологий для обучения лексике иностранного языка // Вестник Московского информационно-технологического университета — Московского архитектурно-строительного института. 2020. № 4. С. 77—83. EDN: PFBFKY.
2. *Васьбиева Д. Г.* Возможности интеграции мобильных технологий в процесс обучения иностранному языку в неязыковом вузе // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 5-3 (59). С. 193—195. EDN: VSMGJX.
3. *Захарова К. И.* Мнемотехнические приемы для расширения словарного запаса у школьников 8 класса // Психология и педагогика: методика и проблемы практического применения. 2013. № 34. С. 27—31. EDN: RPD LAD.
4. *Марунович О. В.* Использование ресурсов видеохостинга YouTube при обучении English for Specific Purposes (ESP) студентов технического вуза // Образовательные ресурсы и технологии. 2022. № 4 (41). С. 42—50. EDN: SSTLDC.

5. **Мяснянкина Е. А.** Анализ способов запоминания лексики при изучении иностранных языков // Проблемы современного образования. 2021. № 2. С. 231—240. <https://doi.org/10.31862/2218-8711-2021-2-231-240> EDN: UTVVUQ.
6. **Oxford R. L.** *Language Learning Strategies: What Every Teacher Should Know*. Boston, MA: Heinle & Heinle, 1990. XXII, 343 p.

References

1. Belevantseva M. G., Afanasieva O. V. “The Use of Modern Information and Communication Technologies for Teaching Foreign Language Vocabulary”. *Vestnik Moskovskogo informatsionno-tekhnologicheskogo universiteta — Moskovskogo arkhitekturno-stroitel'nogo instituta = Herald of the Moscow University of Information Technologies — Moscow Architectural and Construction Institute* 4 (2020): 77—83. (In Russian). EDN: PFBFKY.
2. Vas'bueva D. G. “The Possibilities to Integrate Mobile Technologies in the Process of Foreign Language Teaching in a Non-Linguistic Higher Education Establishment”. *Filologicheskiye nauki. Voprosy teorii i praktiki = Philology. Theory & Practice* 5-3 (59) (2016): 193—195. (In Russian). EDN: VSMGJX.
3. Zakharova K. I. “Mnemotechnical Practices for Vocabulary Widening in School Students of 8th Grade”. *Psikhologiya i pedagogika: metodika i problemy prakticheskogo primeneniya* 34 (2013): 27—31. (In Russian). EDN: RPD LAD.
4. Marunovich O. V. “Using YouTube Video Hosting Resources for English For Specific Purposes (ESP) Training for Engineering Students”. *Problemy sovremennogo obrazovaniya = Educational Resources and Technologies* 4 (41) (2022): 42—50. (In Russian). <https://doi.org/10.31862/2218-8711-2021-2-231-240> EDN: SSTLDC.
5. Myasnyankina E. A. “Analysis of the Ways of Memorizing Vocabulary When Learning Foreign Languages”. *Problemy sovremennogo obrazovaniya = Problems of Modern Education* 2 (2021): 231—240. (In Russian). <https://doi.org/10.31862/2218-8711-2021-2-231-240> EDN: UTVVUQ.

6. **Oxford Rebecca L.** *Language Learning Strategies: What Every Teacher Should Know*. Boston, MA: Heinle & Heinle, 1990. xxii, 343 p.

Информация об авторах

Костенко Станислав Васильевич — аспирант Института иностранных языков Московского городского педагогического университета (Россия, 129226, Москва, 2-й Сельскохозяйственный пр-д, 4).

Мыскин Сергей Владимирович — доктор филологических наук, кандидат психологических наук, доцент, профессор дирекции образовательных программ Московского городского педагогического университета (Россия, 129226, Москва, 2-й Сельскохозяйственный пр-д, 4).

Information about the authors

Stanislav V. Kostenko — Graduate Student at the Institute of Foreign Languages, Moscow City University (Russia, 124498, Moscow, Vtoroy Selskhozajstvenny proezd, 4).

Sergey V. Myskin — Dr. Sci. (Philol.), Cand. Sci. (Psy.), Assoc. Prof., Professor at the Directorate of Educational Programmes, Moscow City University (Russia, 124498, Moscow, Vtoroy Selskhozajstvenny proezd, 4).

Статья поступила в редакцию 23.07.2024.

The article was submitted 23.07.2024.

Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2024. № 4 (44). С. 194—203.
Economic and Social Research. 2024. No. 4 (44). P. 194—203.
УДК 378.12

Научная статья
doi: 10.24151/2409-1073-2024-4-194-203
<https://elibrary.ru/khvsrm>

Духовные основы профессиональной деятельности педагога высшей школы

Е. А. Попова¹, А. Н. Малинка², И. И. Черных³

Академия гражданской защиты МЧС России имени генерал-лейтенанта
Д. И. Михайлика, г. Химки, Московская область, Россия

¹ e.popova@agz.50.mchs.gov.ru

² a.malinka@agz.50.mchs.gov.ru

³ i.chernykh@agz.50.mchs.gov.ru

Аннотация. Ценностная основа духовной зрелости педагога высшей школы рассматривается в рамках модернизации современного образования. Аргументируются положения о духовно-нравственных качествах и мировоззренческих установках личности, составляющих компетентность педагога. Изложены психолого-педагогические принципы работы коллектива кафедры и обозначено их влияние на качество выполнения профессиональных обязанностей педагогом. Особое внимание уделено содержательному анализу профессионального становления педагога, критериям успешности педагогической практики, значению творчества в педагогической деятельности. Выявлены приоритеты в профессиональной подготовке преподавателей, нацеленной на непрерывное совершенствование и общекультурное развитие. Обосновано влияние аксиологического компонента культуры преподавателя, в сочетании с надличностными целями деятельности, — на социальные характеристики обучаемых.

Ключевые слова: приоритеты российского образования, педагогическая деятельность, общекультурное развитие, ценности, профессионализм педагога, компетентность педагога, духовная зрелость, духовно-нравственные качества, творчество педагога, коллектив кафедры, социальная характеристика обучаемых

Для цитирования: Попова Е. А., Малинка А. Н., Черных И. И. Духовные основы профессиональной деятельности педагога высшей школы // Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2024. № 4 (44). С. 194—203. <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2024-4-194-203> EDN: KHVSRM.

Original article

Spiritual foundations of professional activity of a higher education teacher

E. A. Popova¹, A. N. Malinka², I. I. Chernykh³

The Civil Defence Academy of EMERCOM of Russia, Khimki, Moscow oblast, Russia

¹ e.popova@agz.50.mchs.gov.ru

² a.malinka@agz.50.mchs.gov.ru

³ i.chernykh@agz.50.mchs.gov.ru

Abstract. In this work, the value basis of spiritual maturity of a higher school teacher is considered in the framework of modern education modernization. The provisions on spiritual and moral qualities and worldview attitudes of a person, which constitute the competence of a teacher, are argued. Psychological and pedagogical principles of the departmental team work are expounded and their influence on the quality of professional duties fulfillment by the teacher is outlined. Particular attention is paid to the substantive analysis of a teacher's professional formation, criteria of pedagogical practice success, and the importance of creativity in pedagogical activity. Priorities in the professional training of teachers aimed at continuous improvement and general cultural development have been identified. The influence of the axiological component of teacher's culture, combined with supra-personal performance goals, on the students' social characteristics is substantiated.

Keywords: Russian education priorities, pedagogical activity, general cultural development, values, teacher professionalism, teacher competence, spiritual maturity, spiritual and moral qualities, teacher creativity, department staff, students' social characteristics

For citation: Popova E. A., Malinka A. N., Chernykh I. I. "Spiritual Foundations of Professional Activity of a Higher Education Teacher". *Economic and Social Research* 4 (44) (2024): 194—203. (In Russian). <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2024-4-194-203> EDN: KHVSRM.

Профессиональная деятельность педагога высшей школы рассматривается сегодня как сфера преимущественно умственного, интеллектуального, нравственного труда. По существу, она является одним из самых сложных видов социальной деятельности, так как изначально имеет групповой характер и особый ценностный смысл. Для успешного решения сложных образовательных задач в вузе педагогу необходимы обширные профессиональные знания, практические умения и навыки, а также высокий уровень

личностного духовно-нравственного развития. Это ценностная основа педагога, которая является его внутренним ориентиром в программе профессионального развития. Как показывает опыт, высокий уровень профессионализма педагога может быть успешно выстроен лишь на прочной основе его духовности, единства познавательной, ценностной и поведенческой компонент. Духовная составляющая компетентности профессионала непосредственно связана с позитивными качественными состояниями

сознания, мировоззрением и духовно-нравственными качествами личности, определяющими содержание и направленность всей его практической деятельности. Можно рассматривать передовые образовательные идеи, планы, проекты и программы как идеальные духовные интенции. Безусловно, их практическая реализация — процесс предельно мотивированный и непрерывный.

Государство заинтересовано в высоком уровне образования и культуры граждан. Ценность высшего образования состоит в том, что оно всё больше рассматривается в качестве средства личностного и общественного развития. Поэтому профессионализм педагога — уровень его духовной зрелости и компетентности — должен соответствовать современным требованиям и стандартам. Высшее образование неизменно выстраивается на заинтересованности педагога и обучаемых в приближении их к истине, на внутренней готовности вести равноправный диалог, уметь слышать и слушать друг друга, учиться друг у друга. Согласно «Стратегии развития России — 2020» и «Национальной доктрине образования», формирование компетенции «социальное партнерство», а именно воспитание таких качеств, как равноправие, уважение позиций, учет интересов и потребностей сторон, — решает такую общегосударственную задачу, как защита национальной культуры.

Нельзя не согласиться с Г. З. Ефимовой в том, что успешность преподавательской деятельности сегодня зависит также от готовности «к изменениям традиционной модели образования, в частности, к цифровизации обучения. <...> Необходимо, чтобы цифровая компетентность работников университетов <...> работала на опережение ситуации» [2, с. 52], независимо от возраста преподавателя и стажа работы в вузе.

Сегодня растет социальный запрос на педагогов, обладающих разносторонним академическим знанием, общей культурой, интегрирующих общественные ценности

в педагогический процесс, ответственных, способных проявлять инициативу и творчество в решении довольно сложных и нестандартных образовательных задач. Таких педагогов всегда отличает высокий оптимизм и жизнерадостность, индивидуальная духовная культура, нацеленная на развитие духовности, а также профессионально-педагогическая культура как результат педагогической подготовки, формирования ценностных аспектов мировоззрения. Представляется, что без этих компетенций успешное ведение образовательной деятельности в вузе становится попросту невозможным. Английский философ Дж. Локк вполне справедливо заметил, что «души слабые <...> развиваются с большим трудом и редко вырабатываются во что-нибудь годное» [4, с. 41].

Хотелось бы отметить, что эффективность профессиональной деятельности педагога высшей школы определяется реальным успехом обучаемых. Если любовь и устойчивый интерес педагога к образовательной деятельности сопряжены с пониманием ее основных целей и задач, то аксиологический компонент культуры педагога сочетается с практической направленностью его деятельности. Духовно развитого педагога отличает осознанный выбор общезначимых ценностных ориентаций и установок, единство слова и дела, способность не только определять для себя верную (долгосрочную) стратегию жизни и деятельности, но и ставить надличностные цели, так как на педагога возлагается ответственность не только за вооружение обучаемых знаниями, но и за моделирование социальных характеристик группы. Будущая профессиональная деятельность обучаемых, согласно роли образования в социальном воспроизводстве молодежи, ориентирована на добросовестное служение во благо общественных целей и интересов, на пользу людям и родной стране.

Высокий уровень интеллекта, образования и культуры граждан является для

государства важнейшим социокультурным ресурсом. Высшее образование дает системные знания, вооружает обучаемых правилами построения своей будущей профессиональной деятельности, учит достижению в ней высоких результатов. Эта стратегия нацелена не на то, чтобы помочь молодому поколению найти правильные ответы на наиболее сложные вопросы, а на то, чтобы научить самообразованию, самореализации и удовлетворению своих интересов, поиску и обретению смысла собственной жизни, постановке и активной реализации целей, участию в решении проблем общества и государства, — и тем самым обеспечить стабильное и устойчивое развитие России. Социальная концепция современного образования сочетает интересы граждан, общества и государства.

Обратим внимание на роль коллектива вуза и кафедры в духовно-нравственном развитии и совершенствовании преподавателей. От коллектива зависит обмен передовым опытом работы, приобретение необходимого объема востребованных в динамичном, высокотехнологичном образовательном пространстве знаний, навыков и умений. Здоровая духовно-нравственная атмосфера позволяет каждому члену педагогического коллектива максимально реализовать свой общекультурный, интеллектуальный, нравственный, творческий потенциал. Для этой цели требуется образование, знание психолого-педагогических основ преподавательской деятельности. Коллективный характер деятельности преподавателей основан на сотрудничестве, взаимовыручке и взаимной помощи, без этого не добиться позитивных результатов. Следует иметь в виду, что коллективность профессионального труда не исключает также элементов здорового соревнования. Однако отсутствие четких ценностных ориентаций в выбранной профессии, как правило, влечет за собой неудовлетворенность, моральный дискомфорт. Это отражается

и на коллективе: сложно требовать от преподавателя качественного выполнения профессиональных обязанностей, если добровольно и вполне сознательно избранная им профессия не соответствует его мировоззренческим установкам. Для того чтобы соответствовать педагогическому уровню опытного коллектива кафедры, необходимы долгие годы повседневного напряженного труда. Известный советский педагог А. С. Макаренко неоднократно подчеркивал, что «мастером может сделаться каждый, если ему помогут и если он сам будет работать. И хорошим мастером можно сделаться только в хорошем педагогическом коллективе» [5, с. 217]. Грамотный, сплоченный и слаженный коллектив кафедры является важным фактором духовности в профессиональном становлении и развитии не только молодых педагогов. По нашему глубокому убеждению, педагог как личность и профессионал своего дела может состояться в выбранной им профессии только в хорошем коллективе, если всецело разделяет его интересы и ценности. Личный опыт показывает, что с уходом из коллектива мастера, т. е. профессионально грамотного, компетентного и авторитетного педагога, очень сложно найти ему равноценную замену. Важно отметить, что профессиональная деятельность постоянно испытывает каждого педагога на прочность его мировоззренческих идеалов и убеждений, ценностных установок и ориентаций. Успехи и недостатки педагога всегда находятся в поле зрения руководства вуза и кафедр, а также его коллег и обучаемых.

Безусловно, ошибки и недочеты всегда возможны как результат активной деятельности, но при этом педагог должен оставаться честным и справедливым в требованиях к себе, коллегам и обучаемым, сохранять авторитет, чтобы выполнять дидактическую задачу группового обучения: транслировать обучаемым культуру отношений (модель поведения), суждение о мире,

о ситуации в стране. Поэтому ценностные ориентиры для педагога имеют особый смысл, в котором — ответственность перед обществом, понимание границ между дозволенным и недозволенным (что можно и что нельзя делать ни при каких обстоятельствах), императив: всегда и во всем поступать по совести.

Каждому педагогу, приступающему к освоению своей профессии, должны быть понятны основополагающие ценностные ориентиры: что я могу и должен знать, что я должен делать, и, самое важное, — зачем я буду это делать. Это своего рода духовное руководство в плане саморазвития, самоопределения, необходимости делать выбор, достигать целей и ценностей в дальнейшей профессиональной и практической деятельности.

Процесс повышения профессиональной компетентности педагога не является легким и быстро достижимым. Он должен иметь целенаправленный, устойчиво-позитивный характер, а не проявляться от случая к случаю. Для реализации данного приоритета необходима высокая мотивация педагога, его осознанная внутренняя готовность к серьезным качественным изменениям содержания и направленности образовательной деятельности — обновлению своих теоретических знаний, а также практических умений и навыков работы со всеми категориями обучаемых, духовному совершенствованию, основу которого составляют колоссальная работоспособность, высокая ответственность, самоорганизация и целеустремленность педагога, становление педагогического мировоззрения. Данные компетенции позволяют наиболее эффективно управлять собственным профессиональным развитием.

Очень важно, чтобы духовно-нравственные качества, такие как честность, порядочность, скромность, сострадание и справедливость, стали основой профессионализма — повседневной нормой жизни и деятельности

каждого педагога. Большинство учеников стараются быть похожими на знающих и отзывчивых педагогов, с которыми они постоянно общаются.

Следует признать, что педагогическая профессия не приемлет небрежного к себе отношения, работы вполсилы, ориентации на извлечение личной выгоды и пользы, на быстрый карьерный рост. Она также должна соответствовать мировоззренческим установкам личности педагога: не может быть предоставлена нечестному, лживому, бездушному человеку. Вполне очевидно, что для данной профессии неприемлемы безответственность, недисциплинированность, высокомерие, амбициозность, грубость, предвзятость, услужливость. Доверие и уважение со стороны обучаемых к педагогу всегда имеют первостепенное значение. И здесь очень многое зависит от личного примера педагога в учебное и во внеучебное время, его добросовестного и высоко ответственного отношения к своему труду. Как показывает опыт, недостаток духовного развития педагога нельзя восполнить за счет специальной профессиональной компетентности (знаний, обозначенных государственными квалификационными характеристиками). В свое время чешский педагог Я. А. Коменский неоднократно отмечал: «Учителями должны быть люди <...> честные, деятельные и трудолюбивые; не только для вида, но и на самом деле они должны быть живыми образцами добродетелей, которые они должны привить другим» [3, с. 400].

Не следует забывать, что компетентность педагога предполагает не только решение повседневных (текущих) задач, но и постановку долгосрочных целей, определение границ своего общекультурного и профессионального совершенствования с учетом своих реальных интеллектуальных способностей и возможностей. Личный опыт свидетельствует о том, что на качественное освоение преподаваемого в вузе предмета у начинающего педагога уходит в среднем от трех

до пяти лет кропотливого и напряженного повседневного труда. Это то необходимое время, которое дает возможность получить знания, приобрести умения и навыки в нужном объеме и высокого качества, лучше понять и прочувствовать «изнутри» всю сложность образовательного процесса. В этом плане существенно возрастает роль коллектива кафедры, который обязан помочь молодому педагогу в кратчайшие сроки освоиться и в совершенстве овладеть выбранной им профессией.

Сегодня профессиональному становлению педагога способствует ряд мероприятий, активно используемых в образовательном процессе. Так, в подавляющем большинстве российских вузов хорошо зарекомендовали себя следующие методы: честование лучших педагогов по итогам их достижений в учебном году, конкурсы на лучшую учебно-методическую и научную работу, курсы повышения квалификации, стажировка, участие в учебно-методических сборах и научных конференциях, конкурсах на получение грантов в рационализаторской и изобретательской деятельности.

На кафедральном уровне активно практикуется наставничество опытных педагогов над теми, кто делает только первые шаги в выбранной профессии, взаимное посещение занятий, проведение пробных, открытых и показательных занятий с последующим детальным анализом сильных и слабых сторон, заседания кафедры с соответствующей повесткой дня, написание авторских и коллективных учебно-методических пособий, монографий и научных статей, подготовка и проведение научных конференций, межкафедральных методических совещаний. Известный французский философ М. Монтень вполне справедливо полагал, что «очень полезно оттачивать и шлифовать свой ум об умы других» (приводится по: [6, с. 271]). Такой подход во многом позволяет обеспечить творческий характер мысли педагога, сделав ее более гибкой и подвижной. Обра-

зовательная деятельность для педагога во многом становится желанным и по-настоящему творческим трудом, когда он научился вдумчивой работе над книгой: «читая думать и думая читать». Китайский философ Конфуций справедливо отмечал, что учение без размышления бесполезно.

Важно понять, что в профессиональной деятельности современного педагога универсальные правила и методические приемы являются лишь базой для решения сложных образовательных задач: каждая задача требует особого подхода, конструирования и передачи обучаемым новых знаний, смыслов и ценностей, инновационных идей, — что поможет им в будущем успешно решать не только профессиональные, но и жизненные проблемы. В таком подходе к профессиональной деятельности педагога существенную роль играет творчество, которое может быть представлено *единством продуктивного и репродуктивного*. Необходимо обратить внимание на то, что творчество — это сложный процесс самостоятельного поиска, формулирования и обоснования новых идей, взглядов, подходов, приемов и методик. Как правило, такая интеллектуальная *продуктивная* деятельность способствует профессиональному совершенствованию. В *репродуктивной* педагогической деятельности максимально широко используются многие известные образцы и правила. Это узкая специализация с соответствующим стилем мышления и действия. Следует согласиться с Г. С. Яновской в том, что далеко не все педагоги в силу ряда объективных и субъективных причин понимают всю «важность использования новых подходов и технологий обучения в своей педагогической практике в вузе» [9, с. 185]. Однако для каждого педагога характерна своя, индивидуальная креативность.

Творчество в педагогике в принципе невозможно без опоры на весомый «багаж» профессиональных знаний, навыков и умений, общекультурных традиций, на жизненный

опыт. Задача преподавателя-исследователя — создавать новое знание, своевременно освобождаться от устаревших методических приемов и подходов, систематически повышать свой культурный уровень. Чем многообразнее в количественном и качественном отношении запас усвоенных педагогом общекультурных и профессиональных знаний, тем более творческой становится его деятельность. Наличие творческого компонента в образовательной деятельности, как правило, приносит весьма ощутимые позитивные результаты уже в краткосрочной перспективе.

Развитие творческих начал в педагогической деятельности невозможно обеспечить по команде или приказу сверху, так же как нельзя заставить человека быть честным, ответственным, инициативным. Невозможно скопировать чей-то опыт, а тем более освоить и овладеть им за относительно короткий промежуток педагогической деятельности. Невозможно достичь совершенства с чужой помощью, так как это достижение есть результат постоянного духовного поиска, творческой активности личности, самоусовершенствования. Известный основоположник научной педагогики К. Д. Ушинский справедливо отмечал, что педагог «должен много учиться понимать душу в ее явлениях и много думать о цели, предмете и средствах воспитательного искусства, прежде чем сделаться практиком» [7, с. 25—26].

При всем том, что в российских вузах много ярких, талантливых, увлеченных своим делом педагогов, достаточно актуальной является проблема обмена передовым педагогическим опытом, его тиражирования. Она занимает особое место в профессиональном становлении и развитии педагога. Не только максимально широкое применение передовых практик и методик, но и степень и глубина усвоения опыта дореволюционной и советской школы — таких педагогов, как К. Д. Ушинский, А. С. Макаренко, Я. А. Коменский — поможет вывести

современное российское образование на более высокий уровень. Педагогическая литература, подчеркивал К. Д. Ушинский, «знакомит нас с психологическими наблюдениями множества умных и опытных педагогов и, главное, направляет нашу собственную мысль на такие предметы, которые легко могли бы ускользнуть от нашего внимания» [7, с. 6]. Более того, внедрение педагогического опыта в учебно-воспитательный процесс всегда связано с учетом ряда индивидуальных особенностей педагога: возрастных, образовательных, интеллектуальных, общекультурных, нравственных, — которые влияют на степень усвоения инноваций и применения их на практике.

Необходимо четко осознавать, что в образовании как важнейшей области общественной жизни не должно быть места для дилетантизма, фрагментарности и поверхностности знаний. Как правило, по прошествии многих лет обучаемые с благодарностью вспоминают тех педагогов, которые внесли весомый вклад в их профессиональное становление, способствовали их общекультурному развитию, привили им интерес к учебе, книге.

Компетенция педагога в решении конкретных познавательных задач предполагает творческий синтез знания из самых разных областей (экономика, история, право, религия, литература, поэзия, живопись, театр, кино и др.). Острую необходимость в обширном запасе общекультурных знаний можно объяснить следующими доводами: *во-первых*, знание культурных достижений человечества и способов деятельности и умелое использование этого опыта в учебном процессе способствует поиску и апробации на практике принципиально новых идей и подходов, повышению качества процессов обучения по выбранной профессии, а также подготовке обучаемых к полноценной жизни в социуме, что является значимым компонентом компетентности педагога; *во-вторых*, общекультурные знания необходимы для адаптации

деятельности к социальным вызовам, для мобильности профессионала в социальных сообществах. Более того, педагог как всесторонне развитая личность является примером для обучаемых — примером добросовестного выполнения своего общегражданского и профессионального долга.

Смыслы и ценности достойного и качественного высшего образования призваны вооружить его носителей, грамотных и ответственных педагогов, такими духовными качествами, как организованность, порядок, дисциплина и справедливость, гражданский долг, честь и порядочность. Эта ценностная основа как эталон духовной зрелости педагога является надежным ориентиром в определении не только устойчивых профессиональных, но и жизненных перспектив. Однако необходимо честно признать правоту П. И. Чижики с соавторами: «По оценкам большинства педагогов, далеко не во всех государственных и негосударственных вузах (и их филиалах) созданы все необходимые и достаточные условия для полноценной самореализации их духовного потенциала» [8, с. 150]. В образовательной деятельности вуза сегодня еще много административно-бюрократических процедур со всевозможными предписаниями, ограничениями и запретами. Очень часто выполняемые педагогом задачи выходят за рамки его профессиональной сферы жизни и деятельности. Вошло в практику необоснованное привлечение педагогов к участию в составе вузовских комиссий, плановых и внеплановых контрольных проверок. Вместе с тем в компетенцию педагога не входит ответственность за решение сугубо административных, финансово-экономических и юридических вопросов. Подобные нагрузки существенно отвлекают от преподавательской деятельности, научных исследований, активной воспитательной работы.

Многочисленные примеры свидетельствуют о том, что реальные перспективы в жизни и профессии открываются только

образованным и духовно развитым педагогам, а именно честным, целеустремленным, трудолюбивым, инициативным, творческим, ответственным и авторитетным, любящим свою профессию. В этом плане весьма актуальной и сегодня остается мысль немецкого педагога Ф. А. В. Дистервега: «Как никто не может дать другому того, чего не имеет сам, так не может развивать, воспитывать и образовывать других тот, кто сам не является развитым, воспитанным и образованным» [1, с. 74]. Представляется, что педагог как носитель не только специальных знаний, но и позитивно ориентированных духовно-нравственных качеств способен обучить и воспитать знающих, эрудированных, культурных, решительных, энергичных, сильных характером профессионалов, патриотов России. Профессионал в контексте современной концепции образования обладает ключевой квалификацией и ключевой компетентностью, что означает общепрофессиональные знания, универсальность и мобильность, означает подготовку личности созидающей, с четкой ценностной позицией и заботой о своей стране. Это гуманитарная политика образования XXI в. ЮНЕСКО, в которой интересы общества и государства сочетаются с интересами граждан. Согласно нашему исследованию, профессиональную педагогическую деятельность неизменно следует рассматривать и как науку, т. е. систематизацию новых знаний, и как искусство, требующее мастерства, творчества, духовной зрелости не только от педагога, но и от коллектива кафедры вуза.

Список литературы и источников

1. *Дистервег Ф. А. В.* Руководство к образованию немецких учителей // Избранные педагогические сочинения / Адольф Дистервег. М.: Учпедгиз, 1956. С. 55—214.
2. *Ефимова Г. З.* Трансформация российских университетов и академическое развитие

научно-педагогических работников: поиски согласования стратегических приоритетов // Вопросы управления. 2023. № 5 (84). С. 50—66. <https://doi.org/10.22394/2304-3369-2023-5-50-66> EDN: BCXHKR.

3. **Коменский Я. А.** Законы хорошо организованной школы // Избранные педагогические сочинения / Я. Коменский; пер. Н. П. Степанов, Д. Н. Корольков, А. А. Красновский. М.: Юрайт, 2019. С. 382—410. (Антология мысли).
4. **Локк Дж.** Мысли о воспитании: с портр. Локка и очерком его жизни и деятельности / пер. с англ. А. Басистова. 3-е изд. М.: К. И. Тихомиров, 1913. [2], XVI, 238 с. (Педагогическая б-ка, изд. К. Тихомировым и А. Адольфом; вып. 9).
5. **Макаренко А. С.** Избранные педагогические произведения: статьи, лекции, выступления / под общ. ред. Е. Н. Медынского, И. Ф. Свадковского; сост. И. Ф. Козлов. М.: Учпедгиз, 1946. 304 с.
6. Мудрость тысячелетий: энциклопедия / авт.-сост. В. Балязин. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2001. 847 с.
7. **Ушинский К. Д.** О пользе педагогической литературы // Собрание сочинений / К. Д. Ушинский. Т. 2: Педагогические статьи. 1857—1891 гг. М.; Л: Изд-во Акад. пед. наук РСФСР, 1948. С. 15—41.
8. **Чижик П. И., Канаков Д. В., Макатов З. В.** Ценностные основания и приоритеты профессиональной деятельности современного педагога высшей школы // Вестник Кыргызско-Российского Славянского университета. 2023. Т. 23. № 2. С. 148—155. <https://doi.org/10.36979/1694-500X-2023-23-2-148-155> EDN: NDYXKU.
9. **Яновская Г. С.** Актуальные вопросы повышения квалификации преподавателей высшей школы в условиях цифровизации образовательной среды // Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2023. № 1 (37). С. 182—187. <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2023-1-182-187> EDN: MAVYXG.

References

1. Diesterweg Friedrich Adolph Wilhelm. *Diesterweg's Wegweiser zur Bildung für Deutsche Lehrer*. New York: Nabu Press, 2010. 352 S. (In German).
2. Efimova G. Z. "Transformation of the Russian Universities and Academic Development of Research and Teaching Staff: Searching for Strategic Priorities Consistency". *Voprosy upravleniya = Management Issues* 5 (84) (2023): 50—66. (In Russian). <https://doi.org/10.22394/2304-3369-2023-5-50-66>
3. Komenský Jan Amos. "Laws of Well-Organized School". *Izbrannyye pedagogicheskiye sochineniya*. By J. A. Komenský. Moscow: Yurayt, 2019. 382—410. (In Russian). *Antologiya mysli*.
4. Locke John. *Some Thoughts Concerning Education*. Ed. with an introd., notes and critical apparatus by John W. and Jean S. Yolton. Oxford: Clarendon Press, 2000. 346 p. Clarendon Edition of the Works of John Locke.
5. Makarenko Anton. *Selected Pedagogical Works*. Moscow: Progress, 1990. 462 p.
6. Balyazin V., auth., comp. *Wisdom of Millennia: encyclopedia*. Moscow: OLMA-PRESS, 2001. 847 p. (In Russian).
7. Ushinskiy K. D. "About Utility of Pedagogical Literature". *Pedagogicheskiye stat'i. 1857—1891 gg*. By K. D. Ushinskiy. Moscow; Leningrad: Izd-vo Akad. ped. nauk RSFSR, 1948. 15—41. (In Russian). Vol. 2 of *Sobraniye sochineniy*. 10 vols.
8. Chizhik P. I., Kanakov D. V., Makatov Z. V. "Value Foundations and Priorities of the Professional Activity of a Modern Higher School Teacher". *Vestnik Kyrgyzsko-Rossiyskogo Slavyanskogo Universiteta = Vestnik KRSU* 23.2 (2023): 148—155. (In Russian). <https://doi.org/10.36979/1694-500X-2023-23-2-148-155>
9. Yanovskaya G. S. "Topical Issues of Advanced Training of Higher School Lecturers in the Conditions of Educational Environment Digitalization". *Ekonomicheskiye i sotsial'no-gumanitarnyye issledovaniya = Economic and Social Research* 1 (37) (2023): 182—187. (In Russian). <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2023-1-182-187>

Информация об авторах

Попова Елена Анатольевна — кандидат исторических наук, доцент, профессор кафедры философии, истории и культурологии Академии гражданской защиты МЧС России имени генерал-лейтенанта Д. И. Михайлика (Россия, 141435, Московская обл., г. Химки, мкр. Новогорск, Соколовская ул., стр. 1А).

Малинка Алексей Николаевич — кандидат исторических наук, доцент, профессор кафедры философии, истории и культурологии Академии гражданской защиты МЧС России имени генерал-лейтенанта Д. И. Михайлика (Россия, 141435, Московская обл., г. Химки, мкр. Новогорск, Соколовская ул., стр. 1А).

Черных Иван Иванович — кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры философии, истории и культурологии Академии гражданской защиты МЧС России имени генерал-лейтенанта Д. И. Михайлика (Россия, 141435, Московская обл., г. Химки, мкр. Новогорск, Соколовская ул., стр. 1А).

Information about the authors

Elena A. Popova — Cand. Sci. (Hist.), Assoc. Prof., Professor at the Department of Philosophy, History and Cultural Studies, The Civil Defence Academy of EMERCOM of Russia (Russia, 141435, Moscow oblast, Khimki, Novogorsk micro-district, Sokolovskaya st., 1A).

Aleksey N. Malinka — Cand. Sci. (Hist.), Assoc. Prof., Professor at the Department of Philosophy, History and Cultural Studies, The Civil Defence Academy of EMERCOM of Russia (Russia, 141435, Moscow oblast, Khimki, Novogorsk micro-district, Sokolovskaya st., 1A).

Ivan I. Chernykh — Cand. Sci. (Hist.), Assoc. Prof., Associate Professor at the Department of Philosophy, History and Cultural Studies, The Civil Defence Academy of EMERCOM of Russia (Russia, 141435, Moscow oblast, Khimki, Novogorsk micro-district, Sokolovskaya st., 1A).

Статья поступила в редакцию 05.11.2024.

The article was submitted 05.11.2024.

Памятные и знаменательные даты

Memorable and remarkable dates

List of landmarks and significant dates in world and Russian history.

В октябре — декабре 2024 г.

2 октября 1869 г. (155 лет назад) родился *Мохандас Карамчанд (Махатма) Ганди*, индийский общественный деятель, философ. Мировоззренческая позиция Ганди основывалась на ненасильственном протесте и миролюбии в решении самых острых национальных и социальных конфликтов.

28 октября 1469 г. (555 лет назад) родился *Эразм Роттердамский*, европейский ученый, философ и писатель Возрождения, крупнейший гуманист Европы, властитель дум образованных людей первой трети XVI в.

15 (28) октября 1909 г. (115 лет назад) родился *Александр Иванович Шокин*, первый министр электронной промышленности СССР, дважды Герой Социалистического

Труда, лауреат Ленинской и государственных премий. Московский институт электронной техники (МИЭТ) был образован в том числе благодаря деятельности А. И. Шокина.

21 ноября 1694 г. (330 лет назад) родился *Франсуа Мари Аруэ де Вольтер*, французский мыслитель, писатель и публицист эпохи Просвещения, призывавший к веротерпимости и политической свободе. Свои либеральные взгляды Вольтер изложил в знаменитых «Философских письмах».

25 декабря 1709 г. (315 лет назад) родился *Жюльен Офре де Ламетри*, французский философ-материалист, атеист, естествоиспытатель и врач. Философия Ламетри — последовательно выстроенная система радикального материализма и механицизма.

Даты, отмечаемые ежегодно

2 октября отмечается *Международный день социального педагога* (International Day of the Social Pedagogue). Социальной педагогикой называется наука, которая исследует воспитание в контексте социализации, т. е. учитывает воздействие окружающей среды на формирование личности.

31 октября отмечается *Международный день экономии* (International Saving Day), или Всемирный день сбережений. Посвятить этот день, по замыслу его создателей, следует не только сохранению денег, но и экономии в широком смысле этого слова: экономии времени, сил, бережному отношению к вещам и т. п.

В третий четверг ноября отмечается *Всемирный день философии* (World Philosophy Day) — праздник, посвященный специалистам, профессионально занимающимся исследованием проблем мироздания: строения Вселенной, познания мира, определения места самого человека в нем.

30 ноября отмечается *Международный день защиты информации* (Computer Security Day). Цель этого праздника, также известного как День компьютерной безопасности, — напоминание пользователям о необходимости защиты их компьютеров и всей хранимой в них информации.

Книжные новинки

New books

Books on logics, pedagogy, and economics edited recently by leading publishing houses of Moscow and Saint Petersburg.

Махонин В. А. Нищета терминологии и логические основы понятийного аппарата / В. А. Махонин. — Москва : Проспект, 2024. — 400 с. : табл. — ISBN 978-5-392-40064-5. — EDN XLFPAC.

В фокусе автора исследования — одна из ключевых теоретических проблем в деятельности российских ученых: методология формирования научной терминологии. Проблема корректного понятийного аппарата оказалась настолько отодвинутой от магистральных направлений деятельности в области гуманитарных наук, что автор с уверенностью утверждает: сегодня российская наука по этому направлению неуправляемо плывет. В ней огромное количество некорректной терминологии, и именно это обстоятельство заставило автора вспомнить труд К. Маркса «Нищета философии», трансформировав его название в «Нищету терминологии». С терминологии начинается любая наука. Термины — своего рода кирпичики, из которых строится здание науки. Если они правильной формы, здание будет не только красивым, но и прочным. В работе представ-

лены формальная логика и русский язык как два основополагающих метода формирования научных понятий. Логика известна со времен Аристотеля, но о ней забыли, ее перестали учить — и ее отсутствие привело к разгулу дилетантизма. Автор добавил к логике русский язык, и эта методология дала новый интеллектуальный продукт. Многие известные всей стране ученые, доктора наук могут с удивлением заметить, что они иногда (а некоторые часто) пользуются некорректными терминами, в том числе заимствованными из-за границы — и не осознают того, что пишут неправильно. Работа подтверждает правоту слов А. С. Пушкина: «О, сколько нам открытий чудных готовят просвещения дух...» Издание может быть полезно научным работникам, аспирантам, преподавателям вузов, а также читателям, не потерявшим любознательности.

Пшеничникова С. Н. Влияние характеристик занятости на экономический рост в хозяйственной системе : монография / С. Н. Пшеничникова, И. Д. Романюк ; Министерство науки и высшего образования Российской Федерации, Санкт-Петербургский государственный экономический университет, Кафедра общей экономической теории и истории экономической мысли. — Санкт-Петербург : Изд-во Санкт-Петербургского гос. экономического ун-та, 2024. — 143 с. : ил., табл. — ISBN 978-5-7310-6340-1. — EDN QEMOWE.

Монография посвящена актуальной в теоретическом и важной в практическом плане проблеме: влиянию рабочей силы на структуру экономической системы и возможность достижения положительного экономического роста в долгосрочной перспективе. В условиях трансформации российского общества особую значимость приобретает ис-

следование данного аспекта с точки зрения обеспечения эффективного функционирования хозяйственной системы необходимыми условиями инновационного развития. Авторы раскрывают сущность рабочей силы посредством включения ее количественных и качественных характеристик в структурные параметры, формирующие механизм принятия

хозяйственных решений и определяющие особенности разных типов систем. Книга адресована преподавателям, студентам

и аспирантам экономических вузов, а также научным работникам и специалистам в области управления трудовыми ресурсами.

Учебная мотивация : разработка методического инструментария : монография / [Е. В. Апасова, Н. В. Кочетков, И. Ю. Кулагина и др.] ; под редакцией Н. Н. Толстых. — Москва : ИНФРА-М, 2024. — 180, [2] с. : ил., табл. — (Научная мысль. Педагогика). — ISBN 978-5-16-018761-7. — <https://doi.org/10.12737/2055741>. — EDN SNVQIE.

В коллективной монографии анализируются история и современное состояние российских и зарубежных психологических исследований в сфере учебной мотивации. Описан процесс создания новых методик для диагностики учебной мотивации школьников разных возрастов, а также процедуры и результаты психометрической проверки и валидации этих методик. В приложение

включены четыре новые методики изучения учебной мотивации, которые были разработаны авторами. Издание предназначено студентам, обучающимся на психологических факультетах, психологам-исследователям, а также педагогам, школьным психологам и другим практическим работникам, решающим задачи обучения и воспитания подрастающего поколения.

Экономика впечатлений: от теории к практике / Л. И. Черникова, Е. А. Федорова, Т. А. Слепнева [и др.]. — Москва : КноРус, 2024. — 130 с. — ISBN 978-5-406-12441-3. — EDN PVZFRP.

В книге рассматриваются вопросы систематизации подходов к интерпретации классической модели экономики впечатлений. Исследуются трансформационные процессы экономики впечатлений, представлена актуальная оценка ее места в Российской Федерации с использованием индикатора занятости в креативных индустриях. На основе предложенного авторами подхода к составу креативных индустрий дана оценка занятости в креативных индустриях в национальной экономике. Уточнена секторальная структура экономики впечатлений, исследованы потребительские расходы домашних хозяйств за 2015—2020 гг. Авторы выделяют сферу туризма как ключевой сектор экономики впечатлений в России. Исследованы походы к определению экономики впечатлений, пришедшей на смену эпохи

потребления в условиях тотальной цифровизации и геополитических изменений, ставших новой реальностью для бизнеса. Сформулирован ряд предложений для повышения конкурентоспособности и финансовой результативности российских компаний, ориентированных на переход к новой модели потребления. Предпринята попытка рассмотреть концепцию устойчивого развития современной экономики и общества при соблюдении принципов охраны окружающей среды, социальной сферы и управления (ESG) и теоретически обосновать и охарактеризовать драйверы экономики впечатлений в целях дальнейшего использования выявленных факторов как базы для разработки практических рекомендаций и мер стимулирования бизнеса, выступающего субъектом экономики впечатлений.

УКАЗАТЕЛЬ СОДЕРЖАНИЯ ЖУРНАЛА «ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ» ЗА 2024 Г.

Экономика инновационного развития: теория и практика

Алаторцева О. А., Малахова Н. А., Сухарева Д. В., Луковкин Н. Р. Проблемы и перспективы финансово-экономической деятельности предприятий современной микроэлектроники — № 1 (41). С. 6—19.

Алаторцева О. А., Никифорова Д. С., Горбунова А. Д., Гареева В. Р. Особенности и основные проблемы развития малого и среднего бизнеса в России — № 2 (42). С. 6—18.

Анискин Ю. П. Модель факторного анализа экономического состояния компании в управлении инновационным развитием — № 1 (41). С. 20—28.

Бертош Е. В. Международное научно-техническое сотрудничество в развитии креативной экономики (на примере Республики Беларусь) — № 3 (43). С. 6—16.

Большаков С. Н., Большакова Ю. М. О направлениях экономической интеграции стран Евразийского экономического союза (ЕАЭС) — № 4 (44). С. 6—18.

Бударов А. Ю. Управление самоорганизацией интегрированных бизнес-структур — № 4 (44). С. 19—27.

Егоров В. Г., Битбунов Л. В. Образование как фактор роста солидарной экономики — № 2 (42). С. 19—39.

Егорычева Е. В., Ильина Е. А., Маркеева В. А. Оценка влияния инвестиций в персонал IT-компаний на интеллектуальный капитал и рентабельность активов — № 2 (42). С. 40—51.

Квашнева А. Е.

Взаимодействие малого бизнеса и государства в концепции социального капитала — № 3 (43). С. 17—27.

Управление знаниями: теория, методология, технология и оценка корпоративных практик — № 4 (44). С. 28—38.

Кознов А. Б. Особенности цифровой трансформации бизнес-процессов организаций — № 1 (41). С. 29—38.

Кузнецова М. И., Соловьева Е. А., Спиридонова Г. В. Тренды российской ветеринарной фарминдустрии: риски и развитие — № 2 (42). С. 52—61.

Мальков Д. Э., Комарова А. В. Профсоюзы как институт корпоративной социальной ответственности в нефтегазовой организации — № 2 (42). С. 62—67.

Мельников В. В. Воздействие санкций на строительную отрасль России: текущее состояние и перспективы отраслевого развития — № 1 (41). С. 39—51.

Морозова Е. А., Юров А. А. Компетенции и компетентность работников: общее и особенное — № 1 (41). С. 52—61.

Мрочко В. Л., Тюляев Н. В. SMM-стратегия продвижения товаров и услуг на примере российской розничной торговли — № 1 (41). С. 62—70.

Нечаев А. В. Современные транспортные коридоры России: проблемы и перспективы развития — № 4 (44). С. 39—48.

Полухина С. А., Свириденков К. А. Новации законодательства в бухгалтерском учете нематериальных активов — № 4 (44). С. 49—54.

Саврин А. Ю. Взаимосвязь между видами финансового мошенничества и финансовыми системами стран мира — № 1 (41). С. 71—79.

Салиенко Н. В., Соколов Г. А. Корпоративная социальная ответственность в оборонной отрасли: сравнительный анализ и перспективы для России — № 1 (41). С. 80—92.

Седова О. В. Управление рисками высокотехнологичного проекта — № 4 (44). С. 55—61.

Спиридонова Г. В., Мрочко В. Л. Цифровой маркетинг и специфика его применения в B2B-секторе — № 1 (41). С. 93—103.

Спиридонова Г. В., Мрочко В. Л., Тарасов М. Д. Ресурсы искусственного интеллекта в защите российского бизнеса от киберугроз — № 3 (43). С. 28—39.

Стрижак А. Ю., Пекарская О. А. Зависимость уровня цифрового мошенничества, совершённого с помощью методов социальной инженерии, от экономических факторов в субъектах Российской Федерации — № 2 (42). С. 68—83.

Тихомирова И. И., Андреева А. А. Трансформация моделей управления потребительским поведением в условиях цифровой экономики — № 4 (44). С. 62—71.

У Хуэйсинь, Чжоу Тун. Теоретические и практические этические основы социализма в контексте углубления реформ — № 4 (44). С. 72—85.

Хижак Н. П., Мардар Д. А., Пивкина А. В. Оценка системы образования Российской Федерации в контексте развития человеческого капитала — № 1 (41). С. 104—116.

Философия: мир в человеке и человек в мире

Андрюченко Е. В., Корнюхов Д. В. Лидерство как реализация личностного потенциала — № 3 (43). С. 40—50.

Андрюченко Е. В., Романова А. С. Интернальные факторы саморазвития личности в философском измерении — № 2 (42). С. 84—92.

Андрюченко Е. В., Романова А. С. Механизм формирования субъектности как основы личностного саморазвития: философский анализ — № 1 (41). С. 117—126.

Антипенко Ю. Т. Интериоризация ценности единства как фактор духовно-нравственного развития личности — № 1 (41). С. 127—133.

Аракелян М. А., Попова Е. А., Богданова И. С. Нравственные основания и ценностные приоритеты современного Интернета — № 2 (42). С. 93—103.

Баянов К. Р., Павлова Н. П. Анализ кризисных явлений в образовании и путей их преодоления — № 1 (41). С. 134—138.

Бурик М. Л. Проблема начала или минимальной предельной единицы человеческого сознания в становлении исторической субъектности в оптике философии Лейбница, Декарта и Спинозы — № 2 (42). С. 104—110.

Гришанова Е. В. Бытие природы как объект эстетической трансформации — № 2 (42). С. 111—120.

Драгун Е. В.

Модель гибридной личности «человек-машина»: наделенный душой механизм в философии Рене Декарта — № 4 (44). С. 86—96.

Модель мифологического героя как инстру-

мент социальной инженерии: формирование гибрида личностной идентичности — № 3 (43). С. 51—60.

Дубова А. А., Бабаева Д. С. Место и роль современного графического дизайна в эволюции форм коммуникации — № 3 (43). С. 61—68.

Закиров С. А. Социально-философские аспекты применения игровых практик в современном мире — № 2 (42). С. 121—127.

Зацепина Д. Ю. Идеи соборности в русской философии: модернисты vs традиционалисты — № 2 (42). С. 128—134.

Кальней М. С. Проблемы и противоречия модернизации социального бытия в западноевропейской культуре — № 2 (42). С. 135—142.

Кнэхт Н. П.

Изменение «структуры чувств» поколений советской и постсоветской России в свете аналитики Возвышенного — № 1 (41). С. 139—147. Роль философии в формировании классической модели научного познания — № 3 (43). С. 69—83.

Князев В. Н. Эпистемологические аспекты становления воззрений на электромагнетизм — № 3 (43). С. 84—93.

Лебедев В. Ю., Удалова Л. В. Кризис современности как причина суицида — № 4 (44). С. 97—108.

Листратенко Н. В. Проблема субъектности в работах Э. В. Ильенкова — № 4 (44). С. 109—116.

Лобастов Г. В. Вместе. В пространстве смыслов Э. В. Ильенкова (философическое эссе) — № 2 (42). С. 143—156.

Михайлина С. А., Хен Ю. В. Зрелое классическое естествознание и становление социально-гуманитарных наук в XIX в. — № 3 (43). С. 94—106.

Морозов М. Ю. Прощание с Загорским экспериментом — № 4 (44). С. 117—132.

Наумов А. В. Искусственный интеллект и проблемы этики — № 4 (44). С. 133—141.

Петрова Е. И., Одицова Е. А. Социальная и гражданская идентичность в парадигме гражданского общества — № 3 (43). С. 107—113.

Плужникова Н. Н. Инженерное, социальное и антропологическое измерения техники: тринитарное единство — № 4 (44). С. 142—145.

Равочкин Н. Н., Растимешина Т. В. Трансформация инструментария этики в эпоху цифровизации: философский анализ. Часть 1 — № 3 (43). С. 114—121.

Равочкин Н. Н. Трансформация инструментария этики в эпоху цифровизации: философский анализ. Часть 2 — № 4 (44). С. 146—157.

Равочкин Н. Н., Филимонова Д. О., Каторгин И. С. Формирование вкусов и предпочтений в современном обществе: философский анализ — № 2 (42). С. 157—167.

Равочкин Н. Н., Яцевич М. Ю. Социокультурные основания представлений о здоровом питании: философский анализ — № 1 (41). С. 148—158.

Растимешина Т. В., Лункина Ю. В. Необъяснимое и непознанное в зеркале общественного сознания: к дискуссии о качестве советского образования. Часть 2. Советский «коллективизм» как путь к социальной атомизации — № 4 (44). С. 158—166.

Рябова Е. Ю. Концепция этичного потребления в условиях цифровизации — № 1 (41). С. 159—164.

Удалова Л. В., Забелина Т. А. Критическое мышление и игра как способ его развития: рефлексивный аспект — № 1 (41). С. 165—173.

Самольянов О. А. Феноменология лидерства (на примере трилогии Дж. Р. Р. Толкина «Властелин колец») — № 3 (43). С. 122—130.

Чибисов О. Н.

Проблема сильного искусственного интеллекта в философии Э. В. Ильенкова — № 4 (44). С. 167—175.

Философские подходы к проблеме создания искусственного интеллекта — № 2 (42). С. 168—183.

К 100-летию со дня рождения

Э. В. Ильенкова:

XXV Международная научная конференция «Ильенковские чтения»

Лобастов Г. В. Вступительное слово — № 3 (43). С. 131.

Казанцев О. А. Минимизация формализации: прагматическая аналитика Куайна и практический материализм Науменко — № 3 (43). С. 132—140.

Лобастов Г. В. Боль среди одиночества. К столетию со дня рождения Эвальда Васильевича

Ильенкова (экзистенциальное эссе) — № 3 (43). С. 141—153.

Морозов М. Ю. Проблема идеального и социального солипсизма: к диалогу Э. В. Ильенкова и М. А. Лифшица. Часть 1 — № 3 (43). С. 154—163.

Суханов В. Н. Э. В. Ильенков и логика познавательного процесса — № 3 (43). С. 164—172.

Ляшко И. А. Ильенковские чтения — 2024: обзор международной научной конференции — № 3 (43). С. 173—181.

Педагогическая система координат: образование, воспитание, развитие человека

Байдикова Н. Л., Давиденко Е. С., Бирюков М. С., Николаев В. С., Широков С. С. Лингводидактические функции учителя иностранного языка, использующего инструменты на базе искусственного интеллекта — № 4 (44). С. 176—185.

Богданов А. А. Формирование произносительных умений студентов: развитие социолингвистического подхода — № 2 (42). С. 184—190.

Гэ М., Куприна Т. В. Национально-языковая ориентация при обучении русских студентов грамматике китайского языка по технологии «перевернутый класс»: на примере частицы 了 (le) — № 1 (41). С. 174—187.

Егоренко Т. А., Зорина Е. С. Особенности профессиональной идентичности современных старшеклассников — № 3 (43). С. 182—195.

Иванова Е. А., Нигматуллина М. М., Шершавова Е. В. Понятие метапредметности и анализ метапредметных результатов единого государственного экзамена по английскому языку в ХМАО — Югре в 2023 г. — № 1 (41). С. 188—199.

Коробко Д. А. Субъектно обусловленные подходы к обучению иностранным языкам: сравнительный анализ — № 2 (42). С. 191—195.

Костенко С. В., Мыскин С. В. Проблемы применения и методы мнемотехники в обучении иностранному языку — № 4 (44). С. 186—193.

Куприна Т. В. Развитие коммуникативной состоятельности студентов в условиях лингвокультурной безопасности — № 1 (41). С. 200—205.

Мереняшев М. В. Концептуальные положения комплексной системы обучения школьников основам предпринимательской деятельности — № 1 (41). С. 206—210.

Мрочко В. Л., Рощина Т. М., Тарасов М. Д. Обеспечение безопасности в сети Интернет: психолого-педагогические аспекты — № 3 (43). С. 196—204.

Попова Е. А., Малинка А. Н., Черных И. И. Духовные основы профессиональной деятельности педагога высшей школы — № 4 (44). С. 194—203.

Савченко О. Н. Технология обучения студентов стратегиям управления конфликтами посредством профессионально ориентированной лингводидактической ролевой игры — № 1 (41). С. 211—216.

Чжао Ж., Куприна Т. В. Тенденции в обучении русскому языку как иностранному в Китае: традиции и инновации — № 2 (42). С. 196—203.

Шишов С. Е., Кальней В. А., Ряхимова Е. Г. Будущее образования для глобальных социальных изменений — № 1 (41). С. 217—227.

Емельяненко М. Д. Особенности перевода английской устаревшей лексики (на материале историзмов в романе Дж. Р. Р. Мартина “A Game of Thrones”) — № 2 (42). С. 209—212.

Назарова К. А. Учет ведущего типа мышления студентов в образовательном процессе — № 3 (43). С. 218—221.

Петрова А. А. Ключевые аспекты формирования межкультурной компетенции студентов технических направлений подготовки — № 2 (42). С. 224—227.

Сахарова А. А. Особенности перевода неологизмов с английского языка на русский в научно-популярных текстах — № 2 (42). С. 217—219.

Смирнова С. А. Использование нейросети Twee при составлении упражнений на аудирование для учащихся средней школы — № 2 (42). С. 220—223.

Степаненкова А. В. Полисемические «гнезда», возникающие при переводе «ложных друзей переводчика» с английского языка на русский — № 2 (42). С. 213—216.

Круглый стол Института ЛПО «Актуальные вопросы современной лингвистики» 8 апреля 2024 г.

Итоги — № 2 (42). С. 204.

Арсеньева Е. С. Актуальность учебника «Практический курс английского языка» под редакцией В. Д. Аракина в контексте современной парадигмы профессионального обучения — № 3 (43). С. 205—209.

Байдикова Н. Л., Давиденко Е. С. Индивидуализация и персонализация обучения иноязычному говорению с помощью нейросети Twee — № 3 (43). С. 210—217.

Бахтина А. А. Преимущества и ограничения использования аудиовизуальных текстов при обучении иностранному языку студентов неязыковых вузов — № 2 (42). С. 228—231.

Даниелян Н. В. Компетентностный подход в преподавании перевода — № 2 (42). С. 205—208.

Информация

Юрию Петровичу Анискину — 85. Поздравляем юбиляра! — № 1 (41). С. 228—230.

Памятные и знаменательные даты:

в январе — марте — № 1 (41). С. 231—233.

в апреле — июне — № 2 (42). С. 232—234.

в июле — сентябре — № 3 (43). С. 222—223.

в октябре — декабре — № 4 (44). С. 204.

Книжные новинки:

в январе — марте — № 1 (41). С. 234—236.

в апреле — июне — № 2 (42). С. 235—237.

в июле — сентябре — № 3 (43). С. 224—225.

в октябре — декабре — № 4 (44). С. 205—206.

Ретракция — № 3 (43). С. 226.

Economics of Innovation-Driven Growth: Theory and Practice

Alatortseva O. A., Malakhova N. A., Sukhareva D. V., Lukovkin N. R. Problems and prospects of financial and economic activity of modern microelectronics enterprises — No. 1 (41), pp. 6—19.

Alatortseva O. A., Nikiforova D. S., Gorbunova A. D., Gareeva V. R. Features and main problems of small and medium-sized business development in Russia — No. 2 (42), pp. 6—18.

Aniskin Yu. P. Factor analysis model for company's economic condition in managing innovative development — No. 1 (41), pp. 20—28.

Bertosh E. V. International scientific and technological cooperation in the development of creative economy (evidence from Republic of Belarus) — No. 3 (43), pp. 6—16.

Bolshakov S. N., Bolshakova Yu. M. On the directions of economic integration of the Eurasian Economic Union (EAEU) countries — No. 4 (44), pp. 6—18.

Budarov A. Yu. Self-organization management of integrated business structures — No. 4 (44), pp. 19—27.

Egorov V. G., Bitunov L. V. Education as a growth factor for the solidarity economy — No. 2 (42), pp. 19—39.

Egorycheva E. V., Ilyina E. A., Markeeva V. A. Assessing the impact of investments in personnel of IT companies on the intellectual capital and return on assets — No. 2 (42), pp. 40—51.

Khyzhak N. P., Mardar D. A., Pivkina A. V. Assessment of the education system of the Russian Federation in the context of human capital development — No. 1 (41), pp. 104—116.

Koznov A. B. Features of digital transformation of business processes of organizations — No. 1 (41), pp. 29—38.

Kuznetsova M. I., Solovieva E. A., Spiridonova G. V. Trends in the Russian veterinary pharmaceutical industry: Risks and development — No. 2 (42), pp. 52—61.

Kvashneva A. E.

Interaction between small business and the state in the social capital concept — No. 3 (43), pp. 17—27.

Knowledge management: Theory, methodology, technology and assessment of corporate practices — No. 4 (44), pp. 28—38.

Malkov D. E., Komarova A. V. Trade unions as institutions of corporate social responsibility in an oil and gas organization — No. 2 (42), pp. 62—67.

Melnikov V. V. Impact of sanctions on Russia's construction industry: Current state and prospects of industry development — No. 1 (41), pp. 39—51.

Morozova E. A., Yurov A. A. Competencies and competence of employees: General and specific — No. 1 (41), pp. 52—61.

Mrochko V. L., Tyulyaev N. V. SMM strategy of goods and services promotion using the example of Russian retail trade — No. 1 (41), pp. 62—70.

Nechaev A. V. Modern transport corridors of Russia: Problems and prospects of development — No. 4 (44), pp. 39—48.

Polukhina S. A., Sviridenkov K. A. Legislative innovations in accounting of intangible assets — No. 4 (44), pp. 49—54.

Savrin A. Yu. Correlation between financial fraud types and financial systems of world countries — No. 1 (41), pp. 71—79.

Salienko N. V., Sokolov G. A. Corporate social responsibility in the defense industry: Comparative analysis and prospects for Russia — No. 1 (41), pp. 80—92.

Sedova O. V. High-tech project risk management — No. 4 (44), pp. 55—61.

Spiridonova G. V., Mrochko V. L. Digital marketing and specifics of its application in the B2B sector — No. 1 (41), pp. 93—103.

Spiridonova G. V., Mrochko V. L., Tarasov M. D. Artificial intelligence resources in protecting Russian business from cyber threats — No. 3 (43), pp. 28—39.

Strizhak A. Yu., Pekarskaya O. A. Dependence of the level of digital fraud committed using social engineering methods on economic factors in the federal subjects of the Russian Federation — No. 2 (42), pp. 68—83.

Tikhomirova I. I., Andreeva A. A. Transformation of consumer behavior management models in the digital economy — No. 4 (44), pp. 62—71.

Wu Huixin, Zhou Tong. Theoretical and practical ethical foundations of socialism in the context of deepening reforms — No. 4 (44), pp. 72–85.

Philosophy: Universe in Human and Human in Universe

Andriyenko E. V., Korniyukhov D. V. Leadership as the realization of personal potential — No. 3 (43), pp. 40–50.

Andriyenko E. V., Romanova A. S. Internal factors of personal self-development in the philosophical dimension — No. 2 (42), pp. 84–92.

Andriyenko E. V., Romanova A. S. Mechanism of formation of subjectivity as the basis of personal self-development: Philosophical analysis — No. 1 (41), pp. 117–126.

Antipenko Yu. T. Internalization of the value of unity as a factor of spiritual and moral development of personality — No. 1 (41), pp. 127–133.

Arakelyan M. A., Popova E. A., Bogdanova I. S. Moral foundations and value priorities of the modern Internet — No. 2 (42), pp. 93–103.

Bayanov K. R., Pavlova N. P. Analysis of crisis phenomena in education and ways to overcome them — No. 1 (41), pp. 134–138.

Burik M. L. Problem of the beginning or the ultimate minimal unit of human consciousness in the formation of historical subjectivity through the optics of the philosophy of Leibniz, Descartes, and Spinoza — No. 2 (42), pp. 104–110.

Chibisov O. N.

Philosophical approaches to the problem of creation of the artificial intelligence — No. 2 (42), pp. 168–183.

The problem of artificial general intelligence in the philosophy of E. V. Ilyenkov — No. 4 (44), pp. 167–175.

Dragun E. V.

Hybrid model of the “man-machine”: A soul-endowed mechanism in the philosophy of René Descartes — No. 4 (44), pp. 86–96.

Model of the mythological hero as a tool of social engineering: Shaping of a hybrid of personal identity — No. 3 (43), pp. 51–60.

Dubova A. A., Babaeva D. S. Place and role of modern graphic design in the evolution of forms of communication — No. 3 (43), pp. 61–68.

Grishanova Ye. V. Natural existence as an object of aesthetic transformation — No. 2 (42), pp. 111–120.

Kalney M. S. Problems and contradictions of modernization of social existence in Western European culture — No. 2 (42), pp. 135–142.

Knekht N. P.

Change in the “structure of feelings” of the generations of Soviet and post-Soviet Russia in the light of the analysis of the Sublime — No. 1 (41), pp. 139–147.

Role of philosophy in the formation of the classical model of scientific knowledge — No. 3 (43), pp. 69–83.

Knyazev V. N. Epistemological aspects of formation of views on electromagnetism — No. 3 (43), pp. 84–93.

Lebedev V. Yu., Udalova L. V. Crisis of modern life as a cause of suicide — No. 4 (44), pp. 97–108.

Listratenko N. V. The problem of agency in the works of Evald Ilyenkov — No. 4 (44), pp. 109–116.

Lobastov G. V. Together. In the space of meanings by E. V. Ilyenkov (*philosophical essay*) — No. 2 (42), pp. 143–156.

Mikhaylina S. A., Khen J. V. Mature classical natural science and the formation of social sciences and humanities in the 19th century — No. 3 (43), pp. 94–106.

Morozov M. Yu. Farewell to the Zagorsk experiment — No. 4 (44), pp. 117–132.

Naumov A. V. Artificial intelligence and ethical issues — No. 4 (44), pp. 133–141.

Petrova E. I., Odintsova E. A. Social and civic identity in the paradigm of civil society — No. 3 (43), pp. 107–113.

Pluzhnikova N. N. Engineering, social and anthropological dimensions of technology: Trinitarian unity — No. 4 (44), pp. 142–145.

Rastimeshina T. V., Lunkina Yu. V. The unexplainable and the unknown in the mirror of public conscience: Towards discussion about quality of Soviet education. Part 2. Soviet “collectivism” as way to social atomization — No. 4 (44), pp. 158–166.

Ravochkin N. N., Rastimeshina T. V. Transformation of ethical instruments in the digitalization age: Philosophical analysis. Part 1 — No. 3 (43), pp. 114–121.

Ravochkin N. N. Transformation of ethical instruments in the digitalization age: Philosophical analysis. Part 2 — No. 4 (44), pp. 146—157.

Ravochkin N. N., Filimonova D. O., Katorgin I. S. Formation of tastes and preferences in modern society: Philosophical analysis — No. 2 (42), pp. 157—167.

Ravochkin N. N., Yatzevich M. Yu. Sociocultural foundations of ideas about healthy eating: A philosophical analysis — No. 1 (41), pp. 148—158.

Ryabova E. Yu. The concept of ethical consumption in the context of digitalization — No. 1 (41), pp. 159—164.

Samolyanov O. A. Phenomenology of leadership (the case of J. R. R. Tolkien's trilogy "The Lord of the Rings") — No. 3 (43), pp. 122—130.

Udalova L. V., Zabelina T. A. Critical thinking and play as a way of its development: Reflective aspect — No. 1 (41), pp. 165—173.

Zakirov S. A. Socio-philosophical aspects of gaming practices application in modern world — No. 2 (42), pp. 121—127.

Zatsepina D. Yu. Conciliarity ideas in Russian philosophy: Modernists vs. traditionalists — No. 2 (42), pp. 128—134.

To the centenary of the birth of E. V. Ilyenkov: 25th International scientific conference "Readings from Ilyenkov"

Lobastov G. V. Opening remarks — No. 3 (43), p. 131.

Kazantsev O. A. Minimizing formalization: Quine's pragmatic analytics and Naumenko's practical materialism — No. 3 (43), pp. 132—140.

Lobastov G. V. Pain among loneliness. To the centenary of the birth of Evald Vasilyevich Ilyenkov (*existential essay*) — No. 3 (43), pp. 141—153.

Morozov M. Yu. The problem of the ideal and social solipsism: Towards a dialogue between E. V. Ilyenkov and M. A. Lifshitz. Part 1 — No. 3 (43), pp. 154—163.

Sukhanov V. N. E. V. Ilyenkov and the logic of the cognitive process — No. 3 (43), pp. 164—172.

Lyashko I. A. Readings from Ilyenkov — 2024: Review of the international scientific conference — No. 3 (43), pp. 173—181.

Pedagogical Coordinate System: Education, Upbringing, Human Development

Baydikova N. L., Davidenko E. S., Biryukov M. S., Nikolaev V. S., Shirokov S. S. Linguodidactic functions of a foreign language teacher using artificial intelligence-based tools — No. 4 (44), pp. 176—185.

Bogdanov A. A. Formation of students' pronunciation skills: Development of sociolinguistic approach — No. 2 (42), pp. 184—190.

Egorenko T. A., Zorina E. S. Features of the professional identity of modern high school students — No. 3 (43), pp. 182—195.

Ge M., Kuprina T. V. National-linguistic orientation in teaching Chinese grammar to Russian students using flipped classroom technology: The case of particle 了 (le) — No. 1 (41), pp. 174—187.

Ivanova E. A., Nigmatullina M. M., Shershavova E. V. The concept of metadisciplinarity and analysis of the metasubject results of the Uniform State Exam in English in KhMAO — Yugra in 2023 — No. 1 (41), pp. 188—199.

Korobko D. A. Subject-driven approaches to teaching foreign languages: Comparative analysis — No. 2 (42), pp. 191—195.

Kostenko S. V., Myskin S. V. Application problems and methods of mnemotechnics in a foreign language teaching — No. 4 (44), pp. 186—193.

Kuprina T. V. Development of students' communicative consistency in conditions of linguistic-cultural safety — No. 1 (41), pp. 200—205.

Meremyashev M. V. Conceptual provisions for complex system of teaching principles of entrepreneurship to school students — No. 1 (41), pp. 206—210.

Mrochko V. L., Roshchina T. M., Tarasov M. D. Safety ensuring on the Internet: Psychological and pedagogical aspects — No. 3 (43), pp. 196—204.

Popova E. A., Malinka A. N., Chernykh I. I. Spiritual foundations of professional activity of a higher education teacher — No. 4 (44), pp. 194—203.

Savchenko O. N. Technology of training students in conflict management strategies by means of professionally oriented linguodidactic role play — No. 1 (41), pp. 211—216.

Shishov S. E., Kalney V. A., Ryakhimova E. G. The future of education for global social changes — No. 1 (41), pp. 217—227.

Zhao R., Kuprina T. V. Trends in teaching Russian as a foreign language in China: Traditions and innovations — No. 2 (42), pp. 196—203.

Round table of the Institute of LPE “Current issues of modern linguistics”, April 8, 2024

Results — No. 2 (42), p. 204.

Arsenieva E. S. Relevance of the textbook “Practical Course of English” edited by V. D. Arakin in the context of the modern paradigm of vocational training — No. 3 (43), pp. 205—209.

Bakhtina A. A. Advantages and disadvantages of using audiovisual texts for teaching foreign language to students of non-linguistic universities — No. 2 (42), pp. 228—231.

Baydikova N. L., Davidenko E. S. Individualization and personalization of teaching foreign language speaking using the Twee neural network — No. 3 (43), pp. 210—217.

Danielyan N. V. Competence approach in teaching translation — No. 2 (42), pp. 205—208.

Emelyanenko M. D. Peculiarities of translating English archaic words (a case study of obsolete words in G. R. R. Martin’s novel “A Game of Thrones”) — No. 2 (42), pp. 209—212.

Nazarova K. A. Consideration of students’ leading type of thinking in the teaching/learning process — No. 3 (43), pp. 218—221.

Petrova A. A. Key aspects of the formation of intercultural competence in technical students — No. 2 (42), pp. 224—227.

Sakharova A. A. Features of the translation of neologisms from English into Russian in popular scientific texts — No. 2 (42), pp. 217—219.

Smirnova S. A. Using Twee neural network when composing listening exercises for secondary school students — No. 2 (42), pp. 220—223.

Stepanenkova A. V. Polysemic “nests” in translating false friends of translator from English into Russian — No. 2 (42), pp. 213—216.

Information

Yury Petrovich Aniskin is 85 years of age. Congratulations to hero of anniversary! — No. 1 (41), pp. 228—230.

Memorable and remarkable dates:

January to March — No. 1 (41), pp. 231—233.

April to June — No. 2 (42), pp. 232—234.

July to September — No. 3 (43), pp. 222—223.

October to December — No. 4 (44), p. 204.

New books:

January to March — No. 1 (41), pp. 234—236.

April to June — No. 2 (42), pp. 235—237.

July to September — No. 3 (43), pp. 224—225.

October to December — No. 4 (44), pp. 205—206.

Retraction — No. 3 (43), p. 226.

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ FOR THE AUTHORS

The section contains the current rules on the design of materials submitted to the editing office.

(Правила оформления рукописей
действуют с 1 сентября 2022 г.)

ВНИМАНИЕ! Для публикации статьи в журнале автор оформляет подписку на 2 номера журнала. Онлайн-подписка оформляется по каталогу «Пресса России». Ссылка на каталог: <https://www.pressa-rf.ru/cat/1/edition/t80114/>

Научный журнал «Экономические и социально-гуманитарные исследования» публикует на русском языке оригинальные и обзорные статьи.

Основные рубрики:

- экономические науки;
- философские науки;
- социологические науки;
- политические науки;
- исторические науки;
- педагогические науки;
- психологические науки.

В редакцию предоставляются:

- 1) текст статьи (подписанный всеми авторами, допускается электронная подпись в формате pdf), включая список авторов, название, аннотацию, рисунки, таблицы, библиографический список;
- 2) анкеты авторов (см. бланк анкеты на сайте журнала; адрес сайта: <http://esgi-miet.ru/>);
- 3) рекомендации кафедры; сопроводительное письмо на официальном бланке (для сторонних организаций).

Ориентировочный объем публикаций: для статьи — не менее 8—10 страниц текста (от 20 000 до 40 000 знаков); материалы объемом менее 6 страниц текста (12 000 знаков) рассматриваются как краткие сообщения.

Материал для публикации должен быть собран в один файл с названием **Фамилия-ИО_Название статьи.**

Внимание! Все поступающие материалы проходят проверку в программе «Антиплагиат». Оригинальность текста: не менее 78 %; самоцитирование не более 10 %; цитирование не более 20 %.

Оформление первой страницы статьи: индекс УДК; название статьи; инициалы, фамилия автора; название учреждения, где выполнена работа; аннотация на русском и английском языках; ключевые слова. Далее следует текст статьи. (*Подробнее см.: шаблон оформления статьи на сайте журнала.* Адрес сайта: <http://esgi-miet.ru/>)

Содержание статьи должно соответствовать тематическому направлению и научному уровню журнала, обладать определенной новизной и представлять интерес для широкого круга читателей.

Авторам настоятельно рекомендуется структурировать текст статьи: выделить вводную часть, описание материалов и методов исследования (изложение теоретических основ, обзор основных теорий), результаты и их обсуждение, сделать выводы.

Аннотация (описательная) предоставляется *на русском и английском языках*, должна включать характеристику исследования с освещением его основных вопросов: предмет, основные гипотезы, результаты и выводы. Рекомендуется использовать отработанные клише: рассмотрены, изучены, представлены, проанализированы, обоснованы, показаны и др. Объем аннотации — до 150 слов.

Ключевые слова или словосочетания должны отвечать тематике исследования, соответствовать тематике статьи. Приводятся *на русском и английском языках*, отделяются друг от друга запятой, в конце точка не ставится.

Рисунки дополнительно предоставляются в отдельных файлах; они должны быть черно-белыми или в градациях серого. *Векторные рисунки* предоставляются в любом из форматов pdf; eps; ai. *Растровые рисунки* (фотографии) — в любом из форматов jpeg; tiff; png; psd. Разрешение 300 точек на дюйм, ширина рисунка ≤ 160 мм.

При выборе **единиц измерения** следует руководствоваться утвержденной системой единиц физических величин (см. ГОСТ 8.417-2002).

Географические названия должны соответствовать атласу последнего года издания.

В тексте **ссылки на цитируемую литературу** даются в квадратных скобках. Список литературы и источников оформляется в порядке алфавита фамилий авторов и (или) первых слов названий (слово за словом). Источники на иностранных языках располагаются в конце списка и выстраиваются в соответствии с латинским алфавитом.

Рекомендуется использовать не более 15 (опубликованных) литературных источников для оригинальной статьи, не менее 30 источников для обзорной статьи.

Библиографическое описание оформляется согласно ГОСТ Р.7.0.5-2008 «Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления».

Необходимо указать:

- для *книг*: фамилию и инициалы автора (курсивом), полное название книги, место издания, издательство, год, том или выпуск, ссылку на конкретные страницы;
- для *периодических изданий*: фамилию и инициалы автора (курсивом), название статьи, название журнала, год издания, том, номер, страницы публикации;
- для *материалов конференций, школ, семинаров*: фамилию и инициалы автора, название доклада, время и место проведения конференции (мероприятия), название конференции (мероприятия), город, издательство, год, страницы публикации;
- для *электронных ресурсов*: фамилию, инициалы автора, название, год, номер (если есть), URL, дату обращения.

Список авторов и сведений о них должен содержать:

- информацию о каждом авторе для публикации (на русском языке) — фамилия, имя, отчество (полностью), ученая степень, ученое звание, место работы (полное название организации), занимаемая должность, почетные звания и т. п.;
- e-mail для публикации в интернете. Необходимо также предоставить контактную информацию (не для публикации) — телефон, адрес электронной почты. В статье, подготовленной несколькими авторами, следует указать ответственного за прохождение статьи, для аспирантов — научного руководителя. Все сведения должны соответствовать указанному в авторской анкете.

Требования к оформлению текста: шрифт Times New Roman, кегль 14, интервал полуторный, выравнивание по ширине, поля 2 см, отступ 1,25.

Для форматирования текста не следует использовать повторяющиеся пробелы и знаки табуляции. Необходимо различать дефис (-), знак «минус» (—) и тире (—). Нумерация рисунков и таблиц сквозная. Единственная таблица, единственный рисунок не нумеруются. Мелкие формулы выполняются в текстовом редакторе, а крупные в редакторе формул. Использование аббревиатур предполагает расшифровку.

Решение о публикации или отклонении рукописи принимается редколлегией по результатам анонимного рецензирования.

Рукописи, не соответствующие указанным требованиям, редакцией не рассматриваются.

Статьи направлять по адресу:

124498, Москва, пл. Шокина, д. 1, МИЭТ, редакция журнала «Экономические и социально-гуманитарные исследования».
E-mail: esgi.miet@yandex.ru

Подписной индекс 80114

Подписаться на журнал можно по объединенному каталогу «Пресса России» в любом отделении Почты России, обратившись к оператору